

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 4 • 2018

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И.М., Орлов В.Н., Антонян Е.А., Зайцев О.А.,

ООО «Издательство Проспект»

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Игорь Михайлович Мащевич, президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Александр Григорьевич Звягинцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Виктор Викторович Аганин, вице-президент Российской криминологической ассоциации, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Владимирович Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Петрович Буянов, д.э.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Владимир Васильевич Гордиенко, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Андрей Павлович Клемешев, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, доктор политических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Талгат Есиналиевич Сарсенбаев, заместитель Руководителя канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан, представитель Правительства в Парламенте Республики Казахстан, д.ю.н., профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Георгий Валерьянович Абшилава, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, д.ю.н., профессор, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Серджик Сергеевич Аветисян, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, д.ю.н., профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Елена Александровна Антонян, д.ю.н., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Владимир Михайлович Баранов, профессор Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Владимирович Барков, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Николай Филиппович Болдов, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал-оглы Велиев, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Александр Яковлевич Гришко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу, д.ю.н., профессор (Россия, г. Рязань)

Омрали Шакарарулы Жалаири, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, д.ю.н., профессор, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Алексей Николаевич Ильяшенко, председатель Отделения Союза крими-

налистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КБГУ»), д.ю.н., профессор (Россия, г. Краснодар)

Николай Григорьевич Кадников, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Бронислав Брониславович Казак, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, д.ю.н., профессор (Россия, г. Псков)

Владимир Викторович Лукьянов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, начальник Главного управления по использованию и защите интеллектуальной собственности СПбГУ, к.ю.н., доцент (Россия, г. Санкт-Петербург)

Рубен Валерьевич Маркарян, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата, к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)

Алексей Владимирович Петрянин, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ, д.ю.н., доцент Нижегородской академии МВД (Россия, г. Нижний Новгород)

Алексей Иванович Рарог, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Татьяна Владимировна Редникова, к.ю.н., научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государственного права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Елена Рафаиловна Россинская, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Себила Якубовна Саламова, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н. (Россия, г. Москва)

Вячеслав Иванович Селиверстов, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.ю.н., заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Рафик Нуруллоевич Халилов, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, к.ю.н., почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Уве Хельмманн, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Светлана Викторовна Шевелева, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в г. Курск, декан юридического факультета Юго-Западного университета, д.ю.н. (Россия, г. Курск)

Андрей Викторович Шидловский, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Ирина Викторовна Шишко, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Татьяна Владимировна Редникова

Помощник выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, к.ю.н., доцент кафедры правоповедения Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева

Почта журнала

crimescience.pro@yandex.ru

Переводчики

Рудаковская Елена, Терзьян Саргис, Сторей Джессика, Штаге Диана

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. – 2018. – № 4.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2019. – 188 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 24.12.2018 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 12 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2018-4-188

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 4 • 2018

ISSN: 2310-8681

Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevich I. M., Orlov V. N., Antonjan E. A., Zaytsev O. E., Gmbh "Verlag, Prospekt"

Verleger:

GmbH "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Igor Michailowich Mazkevich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowich Owchinsky, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wladimir Ewgeniwich Eminow, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Oleg Aleksandrowich Zaytsev, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Aleksand Grigorjewich Zwjagintsev, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Wiktor Wiktorowich Astanin, Vizepräsident der Russischen Kriminologischen Vereinigung, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Wiktor Wladimirowich Blazhev, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Petrowich Buyanov, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Wladimir Wasiljewich Gordienko, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Andrej Pawlowich Klemeshev, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Talgat Esinaljewich Sarsenbaev, stellvertretender Leiter des Büros des Ministerpräsidenten der Republik Kasachstan, Regierungsvertreter in der Republik Kasachstan Parlamentarier, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Georgij Walerianowich Abshilava, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Sergik Sergeewich Awetisian, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erevan, Armenien)

Elena Aleksandrowna Antonjan, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wladimir Mikhailowich Baranov, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Aleksey Wladimirowich Barkov, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Nikolai Fillipowich Bodrov, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Isakhan Weyale-ogly Weliev, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Aleksandr Jakowlewich Grishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Omralli Shakarapuly Jalairi, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaev Akademie

für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademiemitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Uwe Hellmann, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Aleksej Nikolajewich Iljaschenko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Nikolai Grigorjewich Kadnikow, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bronislaw Bronislawowich Kazak, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskow, Russland)

Wladimir Wiktorowich Lukyanov, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Leiter der Hauptverwaltung für die Nutzung und den Schutz des geistigen Eigentums der Staatlichen Universität Sankt Petersburg, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent (Sankt Petersburg, Russland)

Ruben Walerijewich Markarjan, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Witalij Analojewich Nomokonov, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Aleksey Wladimirowich Petryanin, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhny Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhny Novgorod, Russland)

Aleksey Iwanowich Rarog, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Tatiana Wladimirowna Rednikowa, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Elena Rafailowna Rossinskaya, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Sebila Jakubowna Salamowa, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Wyacheslaw Iwanowich Seliverstov, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rafik Nurulowich Khalilov, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privolgsjy Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Swetlana Wiktorowna Shewelewa, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Dekanin der Juristische Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Andrej Wiktorowich Shidlowsky, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Irina Wiktorowna Shishko, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Tatjana Wladimirowna Rednikowa

Redakteur Assistent:

Natalya Prikhodko, Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Rechtsabteilung, Russische staatliche Agraruniversität – Moskauer Landwirtschaftsakademie, benannt nach K.A. Timiryazewa
E-mail crimscience.pro@yandex.ru

Übersetzer:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Stage Diana

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimscience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2018. – Nr. 4.

Moskau: GmbH "Verlag Prospekt", 2019. – 188 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbesccheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am 24.12.2018 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 12. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2018-4-188

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 4 • 2018

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N., Antonyan E.A., Zaytsev O.E.,
LLC "Publisher Prospekt"

Publisher:

LLC "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Igor Mikhailovich Matskevich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Oleg Aleksandrovich Zaytsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alexander Grigorievich Zvyagintsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Viktor Viktorovich Astanin, Vice-President of the Russian Criminological Association, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Viktor Vladimirovich Blazhnev, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Petrovich Buyanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Vladimir Vasilievich Gordienko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Andrey Pavlovich Klemeshev, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Talgat Esinalievich Sarsenbaev, Vice Head of the Prime Minister's Office the Republic of Kazakhstan, Government Representative in the Republic of Kazakhstan Parliament, Doctor of Law, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Georgiy Valerianovich Abshilava, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Sergik Sergeevich Avetisian, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Law, Professor (Yerevan, Armenia)

Elena Aleksandrovna Antonyan, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Mikhailovich Baranov, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Aleksey Vladimirovich Barkov, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Nikolai Fillipovich Bodrov, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Isakhan Veysale-ogly Veliev, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Aleksandr Jakovlevich Grishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia)

Omrari Shakarapuly Jalairi, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev

Eurasian Law Academy, Doctor of Law, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Uwe Hellmann, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Aleksey Nikolaevich Ilyashenko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Nikolai Grigorievich Kadnikov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bronislav Bronislavovich Kazak, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Law, Professor (Pskov, Russia)

Vladimir Viktorovich Lukyanov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Head of the Main Directorate for the Use and Protection of Intellectual Property of the Saint Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor (Sankt Petersburg, Russia)

Ruben Valerievich Markarjan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vitaly Anatolevich Nomokonov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Aleksey Vladimirovich Petryanin, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Aleksey Ivanovich Rarog, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatiana Vladimirovna Rednikova, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences. (Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Sebila Jakubovna Salamova, Senior Lecturer of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Vyacheslav Ivanovich Seliverstov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rafik Nurulovich Khalilov, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Svetlana Viktorovna Sheveleva, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Dean of the Law Faculty of the South-Western University, Doctor of Law (Kursk, Russia).

Andrei Viktorovich Shidlovsky, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Irina Victorovna Shishko, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Tatiana Vladimirovna Rednikova

Editor's assistant:

Natalia Prikhodko, PhD, associate Professor, legal Department, Russian state agrarian University – Moscow agricultural Academy named after K. A. Timiryazev
E-mail crimescience.pro@yandex.ru

Interpreters

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Stage Diana

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2018. – No. 4.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2019. – 188 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 24.12.2018. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 12. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2018-4-188

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна вуза

Кафедре криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина – 30 лет 7

Балебанова Татьяна Александровна
Виктимологические аспекты коррупционных преступлений в сфере здравоохранения (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 7

Бочкарева Елена Вадимовна
Характеристика современного состояния криминализации общества и его криминологическая оценка (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 13

Лопашенко Наталья Александровна
Уголовная политика России: как перестать беспокоиться и начать жить (воспоминания о будущем) (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 19

Лунеев Виктор Васильевич
Преступность в России и ее современные проблемы (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 32

Скиба Андрей Петрович
О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права и криминологии (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 39

Тарасова Юлия Владимировна
Финансирование научных и образовательных проектов в России и Германии: сравнительная оценка возможностей и пробелов (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)..... 47

Зарубежное представительство Союза криминалистов и криминологов

Мацкевич Игорь Михайлович, Зайцев Олег Александрович
Профессору Исахану Вейсал оглы Велиеву – 60 лет..... 57

Летняя правовая школа Потсдамского университета

Балашова Анна Юрьевна
Отсрочка отбывания наказания в российском законодательстве на примере ст. 82 УК РФ..... 60

Борукаева Лана Алиевна
Виды освобождения от уголовного наказания..... 66

Визе Сидни Луиза
Деятельное раскаяние..... 71

Докучаева Дарья Игоревна
Деятельное раскаяние..... 77

Зендер Софи
Добровольный отказ от покушения на преступление 86

Лебедева Анастасия Александровна
Административный надзор как один из способов альтернативного наказания 91

Махнева Арина Дмитриевна
Специальные виды освобождения от уголовной ответственности 96

Майзель Маркус
Посткриминальное поведение, освобождающее от уголовной ответственности: обзор материальных и процессуальных уголовно-правовых норм 103

Мюллер Роберт
Помощь при раскрытии или предотвращении тяжких преступных деяний («Правило основного свидетеля») 108

Нойхаузен Елена Анастасия
Злостное уклонение как одна из форм негативного посткриминального и постпенитенциарного поведения: понятие, формы, последствия..... 113

Соболева Екатерина Андреевна
Институт давности в уголовном праве Российской Федерации 117

Солодунин Александр Павлович
Примирение с потерпевшим 120

Сторей Джессика
Компенсация исполнитель-потерпевший и возмещение ущерба 123

Федоров Никита Ильич
Уголовно-политические основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренной уголовным кодексом РФ..... 128

Циммерманн Каи
Явка с повинной 132

Чурина Анна Алексеевна
Испытание как уголовно-правовой институт 136

Шушкина Татьяна Александровна
Правовая природа условного осуждения в России 139

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Митина Анастасия Александровна, Рыжова Валерия Витальевна
Психологическое насилие в семье 142

Сбитнев Виталий Сергеевич, Харагезов Кирилл Владимирович
Насилие в спорте..... 150

РЕЦЕНЗИЯ

Дубовик Ольга Леонидовна
Рецензия на книгу Арямова А.А., Бодаевского В.П., Селиванова А.А. «Уголовное наказание: назначение и освобождение» (под ред. А.А. Арямова. М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.)..... 156

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 158

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 160

ABOUT THE AUTHORS 162

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 164

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 166

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 178

INHALT

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT

Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität – 30 Jahre Jubiläum 7

Balebanova T.A.

Viktimologische Aspekte von korruptionsverbrechen im Gesundheitswesen 7

Bochkarewa E.W.

Merkmale des gegenwärtigen Standes der Kriminalisierung der Gesellschaft und ihrer kriminologischen Bewertung..... 13

Lopashenko N.A.

Russische Strafpolitik: wie Man aufhören sich zu sorgen und zu Leben beginnt (Erinnerungen an die Zukunft)..... 19

Luneev V.V.

Kriminalität in Russland und seine modernen Probleme 32

Skiba A.P.

Auf einigen Richtungen der Entwicklung des strafverfolgungsrechts und der Kriminologie (auf dem Jahrestag des Lehrstuhls des kriminalitäts- und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität)..... 39

Tarasova Yu.V.

Finanzierung von Forschungs- und Bildungsprojekten in Russland und Deutschland: eine vergleichende Bewertung von Chancen und Lücken..... 47

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

Matskevich I.M., Zaytsev O.A.

Professor Isahan Veysal Oğlu Veliyev – 60 Jahrestag 57

RECHTLICHE SOMMERSCHULE DER UNIVERSITÄT POTSDAM

Balashova A.Yu.

Aufschiebung der Vollstreckung einer Strafe in der russischen Gesetzgebung, ausgehend von Art. 82 des Strafgesetzbuches 60

Borukaewa L.A.

Arten der Befreiung von der Strafe 66

Wiese S.L.

Tätige Reue 71

Dokuchaeva D.I.

Tätige Reue 77

Sender S.

Rücktritt vom Versuch 86

Lebedeva A.A.

Die Auferlegung von Verwaltungsaufsicht als eine der Möglichkeiten der alternativen Bestrafung 91

Makhneva A.D.

Besondere Arten der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit..... 96

Maisel M.

Verbrechen ohne strafrechtliche Verantwortlichkeit: eine Überprüfung des materiellen und prozessualen Strafgesetzes 103

Müller R.

Hilfe zur Aufklärung oder Verhinderung von schweren Straftaten ("Kronzeugenregelung") 108

Neuhausen J.A.

Böswillige Verweigerung als Form postkriminellen und der Gefängnisstrafe folgenden, Verhaltens: Begriff, Formen, Folgen..... 113

Soboleva E.A.

Verjährung nach dem Strafgesetzbuch von Russland 117

Solodunin A.P.

Versöhnung mit dem Opfer 120

Storey J.

Täter-Opfer-Ausgleich und Schadenswiedergutmachung 123

Fedorov N.I.

Kriminal-Politische Gründe für die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung nach dem Strafgesetzbuch der Russischen Föderation..... 128

Zimmerman K.

Selbstanzeige 132

Tschurina A.A.

Die Probation als Strafrechtsinstitut 136

Shukshina T.A.

Rechtliche Natur der bedingten Verurteilung in Russland..... 139

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Mitina A.A., Ryzhova V.V.

Psychologische häusliche Gewalt..... 142

Sbitnev V.S., Kharagezov K.V.

Gewalt im Sport 150

REZENSIONEN

Dubovik O.L.

Buchbesprechung Aryamov A.A., Bodaevsky V.P., Selivanov A.A. "Strafe: Ernennung und Freilassung" (Herausgeber A.A. Aryamov. Moskau, Yurlitinform Verlag, 2017. 320 p.) 156

IFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN..... 160

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 164

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 166

CONTENTS

UNIVERSITY TRIBUNE

Department of Criminology and Criminal Executive
Law of Kutafin Moscow State Law University – 30 years
anniversary.....7

Balebanova T.A.
Victimological aspects of corruption crimes in healthcare.....7

Bochkareva E.V.
Characteristics of the current state of the criminalization
of society and its criminological assessment..... 13

Lopashenko N.A.
Russia's criminal policy: how to stop worrying and start
living (memories about the future)..... 19

Lunev V.V.
Crime in Russia and its modern problems..... 32

Skiba A.P.
On some directions of development of criminally-executive
law and criminology (for the anniversary of the Chair of
criminology and criminal-executive law of the Moscow State
Law University named after O.E. Kutafin)..... 39

Tarasova Yu.V.
Financing research and educational projects in Russia
and Germany: a comparative assessment of opportunities
and gaps..... 47

FOREIGN REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

Matskevich I.M., Zaytsev O.A.
Professor Isahan Veysal Oglu Veliyev –
60 Years Anniversary..... 57

SUMMER LAW SCHOOL AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM

Balashova A.Yu.
Postponement of serving a sentence in the Russian
legislation, using the example of Article 82
of the Criminal Code of the Russian Federation..... 60

Borukaeva L.A.
Types of exemption from criminal punishment..... 66

Wiese S.L.
Preventing the completion of an offence..... 71

Dokuchaeva D.I.
Active Repentance..... 77

Sender S.
Abandonment of an attempt..... 86

Lebedeva A.A.
The appointment of administrative supervision
as one of the ways of alternative punishment..... 91

Makhneva A.D.
Special types of exemption from criminal liability..... 96

Maisel M.

Post-criminal conduct exempting from criminal liability:
review of substantive and procedural criminal law 103

Müller R.
Assistance in the detection or prevention of serious criminal
acts ("Principal witness rule") 108

Neuhausen J.A.
The willful refusal to fulfill obligations as a form of
postcriminal and post-penitentiary behavior: definition,
kinds, consequences 113

Soboleva E.A.
Institute of prescription in criminal law
of the Russian Federation.....117

Solodunin A.P.
Reconciliation with the victim 120

Storey J.
Victim-Offender Mediation and Restitution.....123

Fedorov N.I.
The criminal and political grounds for the release from
criminal liability under the Criminal code
of the Russian Federation.....128

Zimmerman K.
Voluntary surrender 132

Churina A.A.
Probation as a Criminal Law Institute 136

Shukshina T.A.
Legal nature of suspended sentence in Russia.....139

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Mitina A.A., Ryzhova V.V.
Psychological violence in the family 142

Sbitnev V.S., Kharagezov K.V.
Violence in sport.....150

REVIEW

Dubovik O.L.
Book Review Aryamov A.A., Bodaevsky V.P., Selivanov A.A.
"Criminal punishment: appointment and release"
(Ed. by A.A. Aryamov. Moscow, Yurlitinform Publ.,
2017. 320 p.) 156

ABOUT THE AUTHORS 162

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC
ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING
IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS
AND CRIMINOLOGISTS".....164

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 178

Трибуна ВУЗА

КАФЕДРЕ КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА – 30 ЛЕТ

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Балебанова Татьяна Александровна

Цель: рассмотреть виктимное поведение лица при совершении коррупционных преступлений в сфере здравоохранения; указать подходы к определению понятия «жертва преступления», определить особый характер причиняемого вреда; раскрыть виктимологические детерминанты; привести типологию жертв.

Методология: диалектика, анализ, дедуция, метод межотраслевых юридических исследований, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Выводы. Пораженность здравоохранения коррупцией препятствует реализации целей социально-экономической политики любого государства. Предметом виктимологической коррупции в сфере здравоохранения выступает жертва коррупционного поведения – физическое или юридическое лицо, равно как и группа лиц, которому (которым) коррупционной деятельностью причинен физический, материальный, моральный либо репутационный вред или в отношении которого (которых) существует опасность причинения такого вреда. Жертвой указанных преступлений, как правило, является физическое лицо, нуждающееся в медицинской помощи и обратившейся за ней в медицинское учреждение.

Наиболее распространенные формы виктимности – виновная и невиновная, которые в большей степени проявляются в следующих составах преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ: «Злоупотребление должностными полномочиями» (статья 285); «Халатность» (статья 293); «Получение взяток» (статья 290); «Служебный подлог» (статья 292). С виновной и невиновной виктимностью связаны три типа поведения жертвы коррупционного преступления в здравоохранении: нейтральное, позитивное и негативное.

Личностные качества и их взаимосвязь с поведенческой реакцией в большей степени определяются детерминантами индивидуального виктимного поведения, такими как совокупность социально-психологических свойств личности, формирующая модель поведения жертвы в определенных жизненных ситуациях, объединяя психобиологические процессы и существующие в обществе условия, способствующие совершению коррупционного преступления.

Серьезной проблемой для виктимологического исследования жертв коррупционных преступлений в сфере здравоохранения выступает высокая степень латентности, что не дает возможности обобщить такие частные характеристики, как пол, возраст, социальный статус, социальные роли, занимаемое служебное положение, принадлежность к той или иной социальной группе.

Зависимая роль пациента предопределяет повышенную виктимность, что не позволяет окончательно укрепить в сознании жертвы желание противостоять коррупционному поведению медицинского работника, особенно лечащего врача. Таким образом, главная виктимологическая проблема коррупционных преступлений в здравоохранении – анонимный и массовый характер жертв преступлений, обладающих невиновным поведением, не способных распознать коррупционные действия медицинских работников и находящихся в прямой или опосредованной угрозе причинения вреда от актов преступной коррупции.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в подробной характеристике виктимологических аспектов коррупционных преступлений в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: виктимология, жертва преступления, коррупция, здравоохранение, детерминанты, типология жертвы, виктимность в здравоохранении, виктимизация, предмет коррупции, характер вреда.

В России проблема коррупции остается весьма актуальна, что подтверждается индексом восприятия коррупции 2017 г. (англ. *Corruption Perceptions Index, CPI*) – ежегодный рейтинг множества государств, отражающий оценку уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по 10-балльной шкале; составляется с 1995 г.). По итогам исследования, проведенного автономной некоммерческой организацией «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл» (Transparency International), в 2017 г. Россия набрала 29 баллов из 100 и заняла 135-е место из 180 возможных (*Россия в индексе восприятия коррупции-2017: посадки не помогли // Официальный международный сайт автономной некоммерческой организации «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р»*. URL: <http://www.transparency.org.ru>. (дата обращения: 02.05.2018)).

Коррупция пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и здравоохранение. Пораженность здравоохранения коррупцией препятствует реализации целей социально-экономической политики любого государства по обеспечению естественного прироста населения, высокого уровня жизни общества, равных возможностей для удовлетворения бытовых условий жизни и трудовой деятельности разных социальных слоев.

Исследование поведения и личности жертв преступлений способствует уяснению обстоятельств, предшествующих совершению акта преступного поведения и обуславливающих возможность его совершения, а также разработке эффективных средств противодействия конкретному преступлению, вследствие чего особенно востребована виктимология (от лат. *victima* – жертва и *logos* – учение, знание) как учение о жертве преступления.

Однако необходимо отметить, что в российском законодательстве определение понятия «жертва преступления» отсутствует, а в юридической науке единый подход к его трактовке не сформирован.

Д.В. Ривман выделяет две позиции относительно того, что представляет собой жертва в виктимологическом смысле. Согласно первой позиции жертва — это человек (общность людей), которому прямо или косвенно причинен вред преступлением. Данную точку зрения разделяет и А.Н. Красиков [1, с. 40–42]. В соответствии со второй позиции определяет жертвой является физическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред. С точки зрения Д.В. Ривмана, для виктимологических исследований вторая позиция представляется более приемлемой [2, с. 38].

Другие исследователи [5, с. 76; 4, с. 20] рассматривают жертву в более широком смысле, подразумевая под ней любого человека или социальную общность, которым преступлением причинен вред. Так, польский правовед И. Туган-Мирза-Барановская, американские криминологи Э. Сазерленд и Д. Кресси считают, что общество всегда является жертвой преступления, в результате которого ему наносится либо прямой вред (в случае государственной измены, хищения или уничтожения общественного имущества и проч.), либо косвенный (расходы на содержание административных органов и др.). По их мнению, жертвой преступной деятельности может быть также определенная социальная группа по причине ее расовой принадлежности либо религиозных убеждений [5, с. 135].

Сторонники широкого подхода также считают, что в определенных случаях жертвой преступных посягательств могут быть учреждения, организации, предприятия [5, с. 136].

Представляется, что жертву преступления применительно к коррупционным преступлениям в сфере здравоохранения следует рассматривать в широком смысле. Такой подход наиболее полно отражает всю общественную опасность подобных деяний: помимо человека или группы, которым причиняли прямой ущерб в результате коррупционного акта, жертвой всегда выступают общество и государство, в частности, система управления здравоохранением в целом.

Таким образом, предметом виктимологической коррупции в сфере здравоохранения является жертва коррупционного поведения — физическое или юридическое лицо, равно как

и группа лиц, которому (которым) коррупционной деятельностью причинен физический, материальный, моральный либо репутационный вред или в отношении которого (которых) существует опасность причинения такого вреда. При этом жертвой коррупционных преступлений в здравоохранении, как правило, является физическое лицо, которое нуждается в медицинской помощи и обратилось за ней в медицинское учреждение.

Отличительный признак виктимологической коррупции в сфере здравоохранения заключается в том, что жертве причиняется или может быть причинен физический вред, который не является целью совершения преступления.

Особое значение для характеристики жертвы коррупционного преступления, совершаемого в сфере здравоохранения, имеет понятие «виктимность», введенное в научный оборот Л.Ф. Франком в 1972 г. [6]. Этим термином обозначается повышенная способность человека в силу ряда духовных, физических, социальных качеств при определенных объективных обстоятельствах становиться «мишенью» для преступных посягательств [7].

В контексте коррупционных преступлений в сфере здравоохранения, особенно совершаемых на «частном» уровне «врач — пациент», в целях формирования общего виктимологического портрета представляется важным рассмотреть формы и виды виктимности.

Прежде всего следует говорить об индивидуальной виктимности как способности отдельного гражданина (пациента) в силу своих психологических, биофизических и социальных особенностей стать жертвой коррупционного преступления. Считаем возможным говорить об индивидуальной уязвимости физического лица, которая зависит как от его личностных качеств, так и от объективных обстоятельств и выражается в неспособности или нежелании этого лица противостоять коррупционному поведению.

Примером может служить пациент, пришедший на прием к терапевту, которому врач вместо того, чтобы выписать рецепт, говорит о необходимости заплатить за выдачу данного документа, поскольку лекарство является дефицитным и выдача рецептов строго ограничена. Введя пациента в заблуждение, медицинский работник умышленно создает ситуацию для получения взятки. При этом в сознании самого пациента может сформироваться некий образ врача как человека, которому нужно платить за лечение и которому все платят, а если не заплатить, то он не вылечит. Описан-

ное выше можно, по нашему мнению, трактовать как субъективные качества, которым корреспондируют в коррупционном отношении некоторые объективные обстоятельства. Таковыми, например, могут быть степень развития заболевания, комментарии врача о его серьезности и необходимости срочного приобретения лекарственного средства, сроки проведения лечения, и т.д. Субъективная установка во взаимодействии с такими обстоятельствами либо порождает нежелание противостоять коррупционному поведению (при этом пациент может осознавать, что поведение врача действительно коррупционное), либо в неспособность противостоять такому поведению в силу слабости. Даже установка на отчуждение подобных действий может, на наш взгляд, разрушиться при определенных жизненных обстоятельствах, (например, сложность понимания этиологии своего заболевания). Бывает и так, что пациент готов противостоять поведению врача, которое он сам считает коррупционным или про которое ему рассказывали, но не всегда может распознать способы, применяемые врачом для усиления смысла его действий, и наоборот. В связи с чем любой пациент если и психологически не готов, то способен стать жертвой коррупционного преступления.

С учетом обозначенной зависимой роли пациента предусматривается допустимым говорить и о групповой виктимности как возможности отдельных категорий граждан стать жертвой одного и того же преступления. Например, пациентов-льготников.

Виктимность может быть виновной, невиновной и неосторожной [7].

О виновной и невиновной формах виктимности преимущественно можно говорить применительно к таким коррупционным преступлениям, совершаемым в сфере здравоохранения, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); халатность (ст. 293 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

С виновной и невиновной виктимностью связаны три типа поведения жертвы коррупционного преступления в здравоохранении: нейтральное, позитивное и негативное. Такое разделение производится по двум основным признакам:

а) наличие или отсутствию виктимологической вины: имелась ли у жертвы возможность предвидеть и оценить криминальное развитие ситуации и сделала ли она все необходимое со своей стороны, чтобы такое предвидение осуществить;

б) объективному течению обстоятельств в создании, развитии и реализации преступного намерения: роль жертвы может быть как максимально активной, провоцирующей и подталкивающей на совершение преступного деяния, так и пассивной.

Следует также отметить, что в виктимологическом смысле жертва коррупционного преступления останется таковой, даже если ее действия являлись незаконными.

При нейтральном поведении жертва ведет себя невиновно, не способствуя своим поведением совершению коррупционного преступления. Коррупционное намерение развивается не по воле жертвы и при таких обстоятельствах, которые не дают ей возможности распознать опасность и оказать своевременное сопротивление коррупционеру. В здравоохранении подобное поведение представляется достаточно распространенным, поскольку, ввиду сложности медицинской терминологии, узкой специализации медицинских познаний, многообразия новейших медицинских технологий, рядовому пациенту трудно определить, что из сказанного врачом действительно нужно, а что нет.

При позитивном поведении жертва может исполнять свои служебные обязанности, выполнять общественные функции по защите и охране общественного порядка, вступать с коррупционером в своеобразный конфликт интересов, в результате которого против жертвы формируется преступный замысел и совершается преступный акт. В здравоохранении в качестве такого поведения можно, по нашему мнению, рассматривать обращение пациента к вышестоящим должностным лицам либо в правоохранительные органы с целью сообщения о факте взяточничества, халатности.

В случае негативного поведения жертвы преступный замысел реализуется во внеконфликтной ситуации между жертвой и причинителем вреда, действующим по настоянию жертвы, для которой этот вред так или иначе выгоден. Причинение жертве ущерба также может явиться следствием ее неосмотрительных действий или неадекватной оценки сложившейся ситуации, когда создается объективная возможность совершения преступного деяния. Например, таковыми могут быть слова пациента, обращенные к лечащему врачу: «Назначьте мне, пожалуйста, лечение, я Вас отблагодарю».

Характеризуя поведение жертвы, следует отметить, что личностные качества и их взаимосвязь с поведенческой реакцией в большей степени определяются детерминантами индивидуального виктимного поведения. Таковыми детерминантами

выступает совокупность социально-психологических свойств личности, которая формирует ту или иную модель поведения жертвы в определенных жизненных ситуациях, объединяя в одно целое психобиологические процессы и существующие в обществе условия, способствующие совершению коррупционного преступления. Таким образом, эти процессы находятся в причинной связи с совершенным в отношении конкретного лица преступлением и обуславливают формирование потенциальной повышенной виктимности граждан, нуждающихся в предоставлении медицинской помощи.

Все многообразие виктимологических детерминант можно разделить на две группы:

1) формирующие личность с повышенной виктимностью. К данным детерминантам относятся особенности воспитания жертвы, поведенческие принципы и реакции, нетипичное построение жертвой отношений в социуме, а также совершение провокационных поступков, располагающих к совершению преступления против нее. При совершении коррупционного преступления в сфере здравоохранения такими детерминантами могут выступать как положительные стороны характера жертвы (порядочность, вера в честность врачебной деятельности), так и отрицательные (моральная готовность передачи денежных средств медицинскому работнику, психологическая предрасположенность к совершению таких незаконных действий и склонение медицинского работника посредством намеков к получению взятки);

2) непосредственно предшествующие совершению преступления или формирующие виктимогенные ситуации. В данном случае имеются в виду условия, которые сформировались независимо от воли жертвы, но тем не менее оказывают влияние на ее поведение, облегчая тем самым совершение коррупционного преступления. Примером могут служить ситуации, когда искусственно создаваемые администрацией медицинского учреждения очереди к специалистам провоцируют предложение некой суммы денежных средств за визит к врачу минуя очередь, несмотря на то что прием пациентов осуществляет бесплатно.

Расширенным понятием виктимности выступает виктимизация, под которой подразумевается процесс или результат повышения уровня виктимности лица или общества [8, с. 42]. Наиболее опасная виктимологическая тенденция распространения коррупционных преступлений в сфере здравоохранения заключается в том, что хотя индивидуальная виктимизация происходит

при совершении коррупционного преступления в отношении, к примеру, конкретного пациента, в действительности однотипных виктимологических ситуаций развития одного и того же преступного коррупционного намерения врача множество, вследствие чего виктимность становится массовым явлением.

Серьезной проблемой для виктимологического исследования жертв коррупционных преступлений в сфере здравоохранения является высокая степень латентности, что не дает возможности обобщить такие их характеристики, как пол, возраст, социальный статус, социальные роли, занимаемое служебное положение, принадлежность к той или иной группе. Поэтому представляется целесообразным типологизировать жертвы:

1) по степени определенности: персонифицированные и неопределенные, или анонимные. Персонифицированных жертв можно идентифицировать путем указания на их имя, юридическое наименование (в случае с юридическими лицами). Неопределенные жертвы – это следствие массового распространения коррупции. Так, при растрате бюджетных средств на закупку того или иного лекарства жертвами коррупции становятся все больные, находящиеся на лечении и нуждающиеся в данном лекарстве. При завышении цен на лекарства данная группа граждан опять же становится неопределенной жертвой коррупции;

2) по степени официальной регистрации в статистическом учете: зарегистрированные, т.е. официально получившие процессуальный статус потерпевшего, и латентные (не признанные потерпевшими).

Следует отметить, что при увеличении темпов роста коррупционной преступности в сфере здравоохранения виктимологический портрет жертвы может видоизменяться. Однако, безоговорочная вера многих граждан врачу останется главной составляющей в поведении жертвы рассматриваемых деяний. Зависимая роль пациента предопределяет повышенную виктимность, что не позволяет окончательно укрепить в сознании жертвы желание противостоять коррупционному поведению медицинского работника.

Обобщив вышеизложенное, можно сформулировать главную виктимологическую проблему коррупционных преступлений в здравоохранении: анонимный и массовый характер жертв преступлений, не способных распознать коррупционные действия медицинских работников и находящихся в прямой или опосредованной угрозе причинения вреда от актов преступной коррупции.

Литература

1. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов: Издательство Саратовского уни-та, 1976. 120 с.
2. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
3. Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Сов. государство и право. 1976. № 4. С. 74–79.
4. Дагель П.С. Потерпевший в советском уголовном праве / Потерпевший от преступления (под ред. П.С. Дагеля). Владивосток, 1974. С. 16–37.
5. Полубинский В.И. Криминальная виктимология. М., 2008. 210 с.
6. Франк Л.Ф. Виктимология и виктимность: учеб. пособие. Душанбе, 1972. 113 с.
7. Майоров А.В. Основы виктимологии: учеб. пособие. Челябинск, 2008. 82 с.
8. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология. М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2010. 191 с.

References

1. Krasikov A.N. Sushchnost' i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugovnom prave [The essence and significance of the consent of the victim in Soviet criminal law] Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 1976. 120 p. (In Russian)
2. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya [Criminal victimology]. Sank Petersburg, Piter Publ., 2002. 304 p. (In Russian)
3. Ostroumov S.S., Frank L.V. O viktimologii i viktimnosti [On victimology and victimization]. *Sovetskoe gosudarstvo i parvo [Russian State and Law]*, 1976, no. 4, pp. 74–79. (In Russian)
4. Dageľ P.S. Poterpevsij v sovetskom ugovnom prave [Victim in Soviet criminal law]. In *Poterpevsij ot prestupleniya [The victim of the crime]* Ed. By P.S. Dageľ. Vladivostok, 1974, pp. 16–37. (In Russian)
5. Polubinskij V.I. Kriminal'naya viktimologiya [Criminal victimology] Moscow, Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij institute Publ., 2008. 210 p. (In Russian)
6. Frank L.F. Viktimologiya i viktimnost'. Uchebnoe posobie [Victimology and victimization. Textbook] Dushanbe: Tadzhijskij gosuniversitet im. V.I. Lenina Publ., 1972. 112 p. (In Russian)
7. Majorov A.V. Osnovy viktimologii [Fundamentals of victimology]. Chelyabinsk, 2008. 82 p. (In Russian)
8. Varchuk T.V., Vishneveckij K.V. Viktimologiya [Victimology]. Moscow, YUNITI: Zakon i parvo Publ., 2010. 191 p. (In Russian)

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ЕГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Бочкарева Елена Вадимовна

Цель: рассмотреть и проанализировать показатели, характеризующие современное состояние криминализации общества, дать криминологическую оценку.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, статистический метод, математические методы.

Выводы. Оценивая современное состояние криминализации общества, автор приходит к заключению о снижении уровня преступности на территории Российской Федерации за последние пять лет, в то же время повышение ее профессионализации и рецидивоопасности свидетельствует об ухудшении криминализирующей ситуации в стране.

Научная и практическая значимость. Проведенный научный анализ позволил изучить вопросы современного состояния криминализации общества, а также на основании полученных результатов разработать рекомендации по совершенствованию мер противодействия криминализации общества.

Ключевые слова: криминализация, преступность, криминологическая оценка, профессионализация преступности, рецидивоопасность преступности, самодетерминация преступности.

Изучение показателей криминализации общества и их оценка позволяют разработать эффективные способы профилактики преступности для ее дальнейшей минимизации.

О криминализации общественных отношений можно судить по количественным и качественным показателям преступности, а также по признакам ее детерминации и самодетерминации. К количественным показателям относят: состояние преступности, ее уровень, динамику и последствия. Качественные показатели преступности выражаются в структуре и характере преступности.

Так, за 2017 год на территории Российской Федерации было зарегистрировано 2 058 476 преступлений, что на 4,7% меньше по сравнению с 2016 годом (здесь и далее – статистика Министерства внутренних дел РФ). Однако за последние 10 лет количество преступлений сократилось

лишь на 0,7%, что свидетельствует о стабилизации преступности.

Уровень преступности отражает интенсивность преступности и определяется с помощью коэффициента, который рассчитывается, исходя из соотношения количества зарегистрированных преступлений (П), приходящихся на 100 тыс. человек населения (либо на 10 тыс. или 1 тыс. в зависимости от масштабов региона и численности проживающего в нем населения) и численности жителей в конкретном регионе (Н), по формуле:

$$K_{п} = \frac{П \times 100000}{Н}$$

Коэффициент преступности на территории Российской Федерации в 2016 году равен 1 781.

$$K_{п} = \frac{2160063 \times 100000}{121356000} = 1781.$$

Уровень преступности может быть показателем и криминальной активности населения. В этом случае за основу расчета коэффициента преступности следует брать общее количество лиц, совершивших преступления (Л) [2]. Так, криминальная

активность населения России в 2016 году, исходя из показателей $L = 1\,015\,875$ и $H = 121\,256\,000$, составила примерно 838 человек.

Наряду с состоянием и уровнем преступности необходимо рассмотреть и ее динамику.

Таблица 1

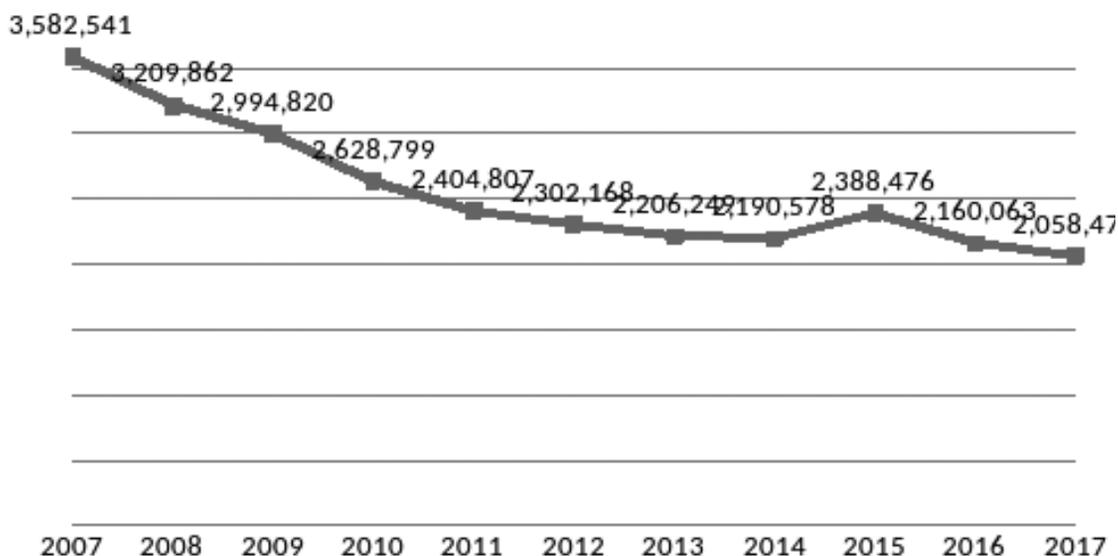
Динамика преступности в Российской Федерации за 2008–2017 гг.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Динамика, %
2008	3 209 862	– 10,4
2009	2 994 820	– 6,7
2010	2 628 799	– 12,2
2011	2 404 807	– 8,5
2012	2 302 168	– 4,3
2013	2 206 249	– 4,3
2014	2 190 578	– 0,7
2015	2 388 476	+ 8,3
2016	2 160 063	– 9,5
2017	2 058 476	– 4,7

Как следует из данных, приведенных в таблице 1, за последние 10 лет наблюдается снижение числа зарегистрированных преступлений. Так, в 2017 году было зарегистрировано 2 058 476 преступлений, что на 35,9% меньше, чем в 2008 году. Од-

нако этот процесс не был стабильным: в 2015 году по сравнению с 2014 имело место повышение числа зарегистрированных преступлений на 8,3 %.

Более наглядно динамику преступности можно отобразить в виде диаграммы (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика преступности в РФ за 2007–2017 гг.

Однако приведенные в Диаграмме данные, на наш взгляд, не в полной мере отражают реальное состояние преступности. Речь идет о латентной преступности, существенно превышающей показатели, фиксируемые статистикой, тем более

что в настоящее время практически все криминологи отмечают нарастание латентизации преступности, т.е. изменение соотношений регистрируемой и латентной преступности в пользу последней. Например, по мнению отечествен-

ного криминолога С.М. Иншакова, реальный массив совершаемых преступлений в несколько раз превосходит официальные статистические данные [3].

Масштабы латентной преступности определяются с помощью различных статистических, социологических и аналитических методик. Латентная преступность – серьезный криминогенный фактор, детерминирующий рост преступности, а также влияющий на нравственно-психологическое состояние населения, порождая новые преступления [1] (происходит самодетерминация преступности). При этом нарушается принцип неотвратимости ответственности и социальной справедливости, резко снижается общепрофилактическое воздействие уголовного закона, в результате чего возникает правовая аномия населения и происходит дальнейшая его криминализация.

Отмечается негативное влияние роста латентной преступности на отношение населения к правоохранительной системе, что порождает недоверие к сотрудникам правоохранительных органов и правосудию. Так, в ходе проведенного нами исследования было анкетировано 446 респондентов в возрасте 18–59 лет. Оно показало, что 54,46% респондентов не стали бы обращаться за помощью в правоохранительные органы по разным причи-

нам (желание решить проблему своими силами, неэффективность работы сотрудников правоохранительных органов, риск расправы и др.).

Качественные характеристики криминализации общества выражаются через ее структуру и характер, где структура – это соотношение отдельных видов преступлений к их общему количеству, а характер – это отражение внутренних характеристик преступности, таких как устойчивость, организованность и профессионализм преступников [4].

Структура преступности (СП) – относительный показатель, выраженный соответствующей долей части целого или удельным весом. Определим долю преступлений против личности в общем числе преступлений, совершенных на территории Российской Федерации за 2017 год, исходя из следующих данных: вид преступления (Вп) = 295 212 преступлений, количество преступлений (П) = 2 058 476 преступлений.

$$СП = \frac{295212 \times 100\%}{2058476} = 14,3\%.$$

Структура преступности по отдельным составам преступлений, совершенным за 2013 – 2017 гг., представлена таблице 2.

Таблица 2

Структура преступности в Российской Федерации за 2013–2017 гг. по отдельным составам преступлений

Год	Преступления против личности	Доля, %	Преступления против собственности	Доля, %	Преступления коррупционной направленности	Доля, %	Преступления террористического характера	Доля, %	Преступления экстремистской направленности	Доля, %	Преступления экологического характера	Доля, %
2013	392759	17,8	1304622	59,1	42506	1,9	661	0,03	896	0,04	24728	1,1
2014	393009	17,9	1258305	57,4	32204	1,5	1128	0,05	1034	0,05	25566	1,2
2015	409559	17,1	1397391	58,5	32455	1,4	1538	0,06	1329	0,06	24856	1,0
2016	347322	16,0	1232421	57	32924	1,5	2227	0,1	1450	0,07	23688	1,1
2017	295212	14,3	1161241	56,4	29634	1,4	1871	0,09	1521	0,07	24379	1,2

Исходя из имеющихся данных, можно говорить о снижении числа преступлений против личности (–15% за 2016–2017 гг. и –24,8% за последние пять лет), при этом их доля в общем количестве преступлений также снизилась (–19,7%); преступлений против собственности (–5,8% за 2016 – 2017 гг. и –11% за последние пять лет), доля данного вида

преступлений в общем их количестве также сократилась (–4,6%); преступлений коррупционной направленности (–10% за 2016–2017 гг. и –30,3% за последние пять лет), снизилась и их доля в общем количестве преступлений (–26,3%). При этом за последние пять лет резко повысилось число преступлений террористического характера (+183%)

и экстремистской направленности (+69,8%). При этом увеличилась и их доля в общем количестве преступлений (+200 и +75% соответственно). Несмотря на увеличение уровня экологической преступности за 2017 г., за последние пять лет он

практически не изменился (-1,4%), вместе с тем на 9,1% увеличилась доля рассматриваемых преступлений в общей структуре преступности.

Соотношение рассматриваемых групп преступлений проиллюстрировано на рис. 2.

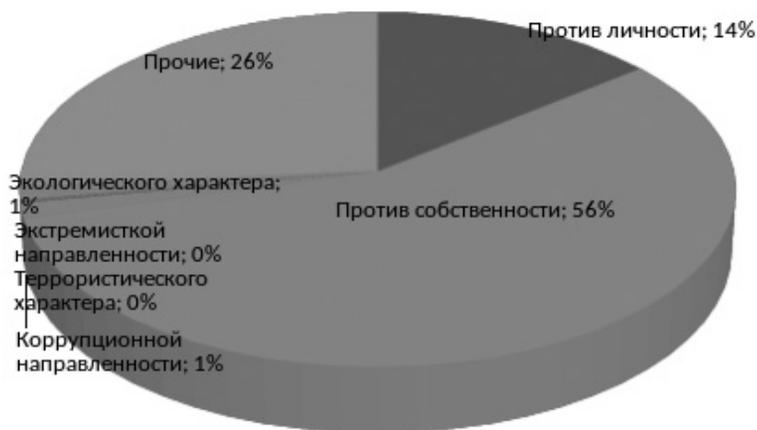

Рис. 2 Структура преступности в Российской Федерации за 2017 г.

К числу качественных показателей преступности относятся ее устойчивость, организованность и криминальный профессионализм преступников.

Устойчивость преступности проявляется в ее рецидивности. По показателю рецидивоопасности можно судить и о степени общественной опасности всей преступности. При

этом в официальной статистике учитывается только уголовно-правовой рецидив, предусмотренный статьей 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, т.е. совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление (см. таблицу 3) [2].

Таблица 3

Состояние и динамика преступлений, совершенных ранее судимыми лицами

Год	Число зарегистрированных преступлений	Динамика, %	Удельный вес от расследованных преступлений, %
2013	613 779	+ 5,2	49,6
2014	635 551	+ 3,5	53,7
2015	688 817	+ 8,4	55,1
2016	674 935	- 2	56,7
2017	650 565	- 3,6	58,2

Анализ данных, приведенных в Таблице 3, позволил выявить неутешительную тенденцию: помимо увеличения числа преступлений, совершенных ранее судимыми лицами (+6% за пять лет), повысился их удельный вес в расследованных преступлениях (+17,3%), что свидетельствует о деформации нравственных ориентиров рецидивистов, а также о формировании в их сознании антиобщественных установок.

Следует также сказать, что существует положительная корреляция между рецидивоопасностью преступности и ее профессионализмом – при росте одного показателя возрастает и другой. При многократном рецидиве повышается профессионализм преступников, приобретаются и закрепляются новые криминальные знания и навыки, облегчающие повторное совершение преступлений и сокрытие их следов.

Исходя из статистических данных, нами делается вывод о том, что количество рецидивистов с 2013 по 2017 гг. возросло на 12,2%, при этом их удельный вес в общем количестве выявленных лиц также возрос

(+17,4%) (см. таблицу 4). Это говорит о внедрении антиобщественных установок в сознание населения, тем самым вовлекая все большее количество законопослушных граждан в криминальные ряды.

Таблица 4

Динамика лиц, совершивших преступления, в Российской Федерации за 2013–2017 гг.

Год	Количество лиц, ранее совершивших преступления	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %
2013	482 520	47,7
2014	510 122	50,8
2015	556 914	52,0
2016	548 382	54,0
2017	541 541	56,0

Как справедливо отмечает В.В. Макаров, негативное влияние на население, способствующее криминализации общества, помимо рассмотренных показателей, оказывает криминальная субкультура, вследствие чего преступность получает «обоснование» и формирует собственные правила поведения. Места лишения свободы стали «университетами» для преступников, где закрепляются уже полученные и формируются новые знания о преступном поведении, профессионализм преступников повышается, деформируя их нравственно-правовые ориентиры [5]. При этом носителями криминальной субкультуры являются криминальные группы, а именно – рецидивисты. Они передают свой накопленный в тюрьмах и колониях опыт подрастающему поколению, тем самым затрагивая

не только уже вовлеченных в криминальные отношения лиц, но и законопослушных граждан. Криминальная субкультура совершенствуется с учетом социальных процессов в обществе, она не только отвечает современным тенденциям, но и создает новые (например, мода на татуировки определенного типа, новые жаргонные слова и др.). Криминальная субкультура проста и понятна, чем привлекает молодежь, склонную быть популярной в среде своих сверстников.

Еще одним показателем качественной характеристики преступности является ее организованность. Она выражается показателями удельного веса в общем количестве деяний, совершенных: 1) организованной группой; 2) преступным сообществом (преступной организацией).

Таблица 5

Динамика организованной преступности в Российской Федерации

Год	Преступления совершены организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)	Удельный вес от расследованных преступлений, %
2013	17 266	1,4
2014	13 771	1,2
2015	13 735	1,1
2016	12 581	1,1
2017	13 232	1,2

Анализ данных, приведенных в Таблице 5, позволяет констатировать снижение организованной преступности за последние пять лет на 30,5 %, при этом удельный вес групповых преступлений в общем количестве расследованных преступлений остается стабильным. Однако, на наш взгляд, данные показатели не соответствуют реальному положению дел. Организованная преступность

признана наиболее латентной за счет ее профессионализации и коррумпированных взаимоотношений с органами власти, что затрудняет выявление и предупреждение таких преступлений.

Как свидетельствуют данные статистики, за последние пять лет число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами, в целом

сократилось на 22,3 %, однако следует отметить, что в 2017 году, по сравнению с 2016 годом, их количество возросло на 6,5 %. Если в 2016 году орга-

низованными группами или преступными сообществами было совершено 12,1 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, то в 2017 году – 12,9 тыс.

Таблица 6

Динамика лиц, совершивших преступления в составе группы, в Российской Федерации за 2013–2017 гг.

Год	Количество лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации)	Удельный вес этих лиц в общем числе выявленных лиц, %
2013	8 086	5,6
2014	8 375	6,1
2015	9 664	6,4
2016	9 317	6,6
2017	9 261	7,1

Что касается данных, приведенных в таблице 6, то здесь обращает на себя внимание увеличение числа лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации) за последние пять лет (на 14,5%), повысился также удельный вес таких лиц (+26,8%). Это говорит о профессионализме организованных групп и сообществ и об активном вовлечении в их состав новых членов. Причиной объединения в организованную груп-

пу, как правило, служат невозможность совершить преступление в одиночку, общность преступных интересов, общие убеждения и т.д.

Таким образом, оценивая современное состояние криминализации общества, можно говорить, с одной стороны, о снижении уровня преступности на территории Российской Федерации за последние пять лет, с другой стороны, о повышении ее профессионализации и рецидивоопасности, т.е. криминализирующая ситуация в стране ухудшается.

Литература

1. Королева М.В. Криминологическая оценка современной рецидивной преступности в России // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 125–130.
2. Криминология: учебник для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. 368 с.
3. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1 (16). С. 107–130.
4. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
5. Макаров В.В. Самодетерминация преступности: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 144 с.

References

1. Koroleva M.V. Kriminologicheskaya otsenka sovremennoy retsidivnoy prestupnosti v Rossii [Criminological evaluation of modern recurrent crime in Russia] *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad [Russian criminological view]*, 2015, no. 1, pp. 125–130 (in Russian).
2. Matskevich I.M. (ed.) *Kriminologiya: uchebnik dlya aspirantov [Criminology: a textbook for graduate students]*. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2017. 368 p. (in Russian).
3. Inshakov S.M. Latentnaya prestupnost' kak ob"yekt issledovaniya [Latent crime as an object of research] *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: yesterday, today, tomorrow]*, 2009, no. 1 (16), pp. 107–130 (in Russian).
4. Dolgova A.I. *Prestupnost', yeye organizovannost' i kriminal'noye obshchestvo [Crime, its organization and criminal society]*. Moscow: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ., 2003. 572 p. (in Russian).
5. Makarov V.V. *Samodeterminatsiya prestupnosti: monografiya [Self-determination of crime: a monograph]*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 144 p. (in Russian).

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: КАК ПЕРЕСТАТЬ БЕСПОКОИТЬСЯ И НАЧАТЬ ЖИТЬ (ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ) (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Лопашенко Наталья Александровна

Цель: проанализировать и дать экспертную оценку тенденциям развития отечественной уголовной политики.

Методология: индукция, дедукция, анализ, синтез, социологический и исторический методы.

Выводы: Автор приходит к заключению, что обеспечение уголовно-правовых нужд практики силами науки – это, собственно, и есть самый простой ответ на вопрос об уголовной политике, однако в последнее время тезис о роли науки в законотворчестве все чаще ставится под сомнение.

Научная и практическая значимость. Подробный анализ развития отечественной уголовной политики поможет понять ошибки и наметить тенденции развития уголовного законодательства в России. Данное исследование может представлять интерес как научных, так и практических работников, а также студентов вузов, изучающих уголовное право.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, законотворчество, международное уголовное право, криминализация, декриминализация.

Н.Ф. Кузнецова когда-то писала: «У науки две основные функции: аналитическая и прогностическая» [1, с. 7]. При этом, по утверждению М.П. Клейменова, «уголовно-правовое прогнозирование – это систематическая научно-практическая деятельность. Уголовное право лишается возможности претендовать на статус «законченной науки», не уделяя внимания разработке и воплощению своей прогностической функции. Сам процесс законотворчества становится субъективным и спонтанным, правовое реагирование на социальные коллизии – запаздывающим и декларативным» [2, с. 181].

Уголовно-правовая доктрина в лице ее ярчайших представителей всегда критически оценивала уголовный закон. Практически каждый из ученых, которые упоминаются в данной статье, были, независимо от политических взглядов, государственниками, думали о том, как сделать

Россию лучше – с учетом специальности – с помощью специфических средств, направленных на обеспечение национальной безопасности: путем повышения эффективности уголовного законодательства. Критикуя закон, они шли дальше, выстраивая научные прогнозы развития уголовного права и предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

В 1996 г. было принято ныне действующее уголовное законодательство. И в науке, и в правоприменении первые годы происходило его осмысление и элементарное привыкание к нему. При этом общие оценки и уголовного закона, и уголовной политики конца 90-х – начала 2000-х гг. были, скорее, положительными. Этот период можно назвать периодом романтики в развитии уголовно-правовой науки. Он был очень короток. Но он был.

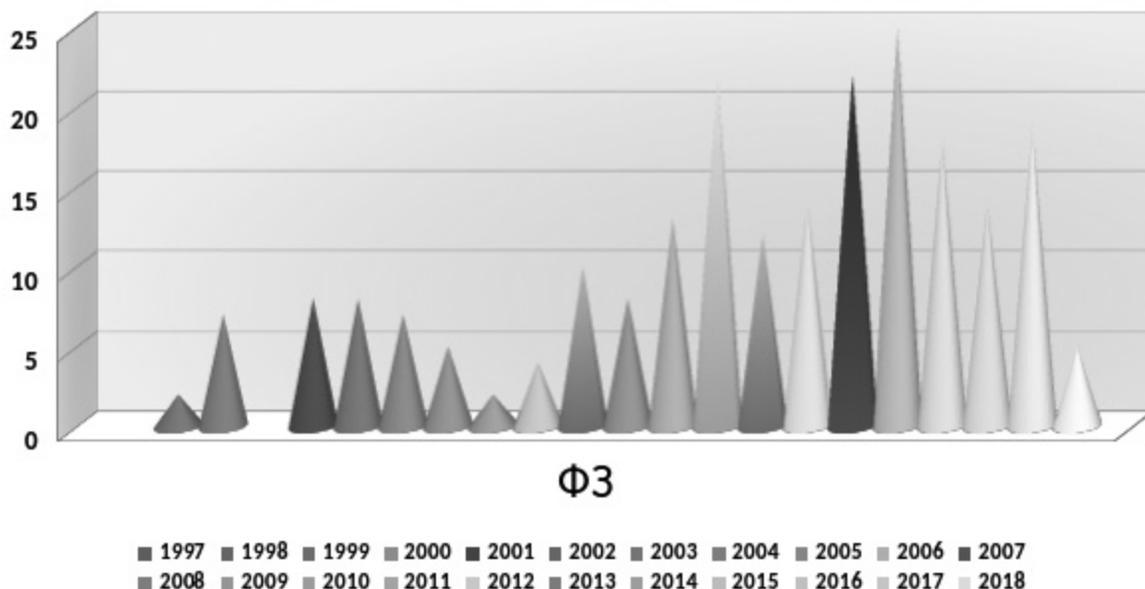
В начале 2001 г. С.В. Бородин, например, подчеркивал «существенные достоинства» действующего уголовного закона, «которые очевидны»; необходимость его доработки, впрочем, признавалась, хотя «разрабатывать проект нового УК РФ... нет необходимости» [3, с. 29]. (Высказывались, конечно, уже тогда и другие мнения. Так, Л.Д. Гаухман писал о необходимости создания и принятия нового УК РФ XXI в., в котором должны быть устранены бланкетность, декларативность и казуистичность [4, с. 57]). Год спустя В.С. Комиссаров, утверждал: «Действующий Уголовный кодекс в основном соответствует социально-экономическим и политическим условиям жизни современного общества» [5, с. 11]. А.И. Рагоз говорил о том, что уголовный закон на момент его принятия в целом отвечал принципу системности, «предполагающему внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними» [6, с. 61]. А Н.Г. Иванов, со свойственной ему экспрессией, и вовсе изъяснялся по этому поводу высоким слогом: «Ныне действующий УК РФ, который создавался в муках побед и поражений, острых дебатов и «непрезентабельных» пикировок, оказался способным, в сущности, учесть наиболее важные потребности социума в уголовно-правовом регулировании... Авторам Кодекса удалось создать большое «патетическое» полотно, благодаря которому появилась возможность в той или иной мере решить задачи, коррелирующие с общей концепцией создания УК». Правда, он отмечал, что «монументальное здание, сколь бы хорошо и совершенно оно ни было, оказалось

неустойчивым», но усматривая это в недостатках правоприменения [7, с. 25].

Представители уголовно-правовой доктрины на грани веков были полны надежд на прекрасное будущее нашего уголовного права. Посмотрим, используя их прогнозы, на то уголовное законодательство, которое мы имеем сегодня. «Ретроспективный взгляд необходим для лучшего понимания настоящего», – писал еще в начале 2005 г. Б.В. Волженкин [8, с. 85].

На Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г., Н.Ф. Кузнецова говорила о главных тенденциях развития уголовного законодательства на ближайшие десятилетия, предварив свой прогноз следующим: «Глубокий системный кризис, охвативший Россию в последнее десятилетие ушедшего столетия, будет разрешен нескоро. Во всяком случае, за ближайшие два десятилетия этого не произойдет» [1, с. 7]. Жизнь подтвердила точность ее слов. Хотя предвидеть многое из того, что будет происходить со страной, и, в том числе, украинские события и все, что за ними последовало, было невозможно.

В равной мере нельзя было тогда, в начале нового века, спрогнозировать лавинообразный процесс изменения принятого уголовного закона. Указывая на наличие ошибок в новом УК РФ и на процесс по их исправлению, Н.Ф. Кузнецова отмечала: «Не все ошибки исправлены. Однако тот факт, что их все-таки немного, позволяет прогнозировать стабильность УК в XXI веке» [1, с. 8], хотя к тому моменту, по ее данным, законодатель уже внес изменения в 36 статей кодекса. Год спустя,

на следующей майской конференции В.С. Комиссаров в своем выступлении отметит: «совершенно ясно, что вал поправочных законодательных инициатив, не имеющих большей частью объективных оснований, не прекратится» [5, с. 12]. А вот по мнению Ю.В. Грачева, высказанного им в 2004 г.: «XXI век – это время совершенствования Уголовного кодекса России» [9, с. 63].

К сегодняшнему дню принято уже 219 федеральных законов, о внесении изменений в действующий УК РФ, при этом максимально в год принималось до 25 таких актов (2014 г.).

А.В. Наумов по этому поводу как-то заметил: «У будущего историка может сложиться впечатление, что Дума была уголовно-правовой» [10, с. 11].

Нельзя при этом сетовать на озвученный выше несбывшийся научный прогноз: он был рассчитан на умного и взвешенного законодателя (но, как теперь доподлинно известно, изречение из кинофильма «Доживем до понедельника» – «после Петра I России очень не везло на...» законодателя – верно до сих пор).

Н.Ф. Кузнецова выделяла в 2001 г. шесть главных тенденций (направлений) развития российского уголовного законодательства в первые два десятилетия XXI-го века [1, с. 9 – 12].

1. *Разработка и принятие Основ уголовного законодательства Союза Республики Беларусь и Российской Федерации.* Прошло 17 лет, а они не только не приняты, но и, кажется, даже не обсуждаются с тех пор.

2. *Международное уголовное право, с особенно интенсивным развитием раздела преступлений международного характера.* Н.Ф. Кузнецова прогнозировала, что в этот раздел, кроме известных, войдут нормы об экологических преступлениях, отмывании денег, компьютерных преступлениях, международном терроризме, коррупции, торговле людьми, сексуальной эксплуатации и т.п. Об этом же говорил и А.В. Наумов, отмечавший, что наметившаяся к тому времени тенденция по сближению уголовного законодательства государств, представляющих основные правовые системы, будет продолжаться и в дальнейшем, на основе развития международного уголовного права [11, с. 18 – 23].

Во многом этот прогноз оправдался, хотя и далеко не в лучшей для уголовной политики и уголовного закона форме. Уже через три месяца после конференции, в августе 2001 г., была изменена неудачная первоначальная редакция ст. 174 УК РФ, исключившая, в частности, упоминание о незаконном характере приобретения отмываемых денег и разделившая статью на две, в зависимости

от субъекта (спорное решение). Чуть более чем через год, кодекс был дополнен ст. 205¹ «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» (начальное название), – первой из шести существующих ныне антитеррористических статей (каждый раз я думаю, что возможности изменений этих норм исчерпаны, но каждый раз, увы, ошибаюсь). В 2016 г. террористические преступления вышли за пределы раздела посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, вследствие введения самостоятельной уголовной ответственности за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). В 2003 г. была введена уголовная ответственность за торговлю людьми и рабский труд.

Через полтора года после принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228), законодатель начинал активно изменять антикоррупционные нормы, хотя в борьбе с коррупцией мы не продвинулись ни на шаг. В 2013 г. в УК РФ появилась единственная новая норма, посвященная экологическим преступлениям – ст. 258¹ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации».

К сожалению, события последних лет все чаще стали демонстрировать иногда полное расхождение в понимании и толковании международно-правовых положений. А потому процессы интеграции и имплементации в значительной степени потеряли свои темпы, а то и прекратились вовсе (по некоторым направлениям). В связи с этим нельзя не вспомнить слова О.Н. Ведерниковой: «Глубокий кризис современного международного права и его институтов, не способных противостоять международной агрессии лидеров глобального мира, требует осмыслительного отношения к идее международного права как основе уголовного законодательства. Вопрос о существовании «обще-признанных» принципов международного права ныне является весьма спорным, поскольку данные принципы, зафиксированные в Уставе ООН и развитые в Заключительном акте по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., ведущие страны мира не соблюдают, а значит, не признают». И далее: «К сожалению, в международных отношениях победила не сила права, а право сильного, когда решающую роль играют национальные интересы лидеров глобального мира,

способных навязать свою волю международным организациям и институтам» [12, с. 43].

В 2016 г. И.М. Мацкевич, выступая на юбилейном конгрессе, сказал: «Появилась новая мировая юрисдикция, которая теоретически должна была быть создана как международная уголовная юрисдикция с едиными требованиями, подходами и критериями оценки совершенных преступлений. Но она невозможна в силу не просто различных позиций государств и их лидеров, но в силу различного концептуального понимания преступности, преступников и того, как с ними надо бороться» [13, с. 163].

А.В. Наумов эмоционально призывал: «За международное право надо бороться, в том числе с его же помощью» [14, с. 478]. Да, с этим нельзя не согласиться, но не следует, пока идет явная борьба, постулировать его принципы в уголовном законе страны.

3. *Сближение законодательства стран СНГ.* В том же 2001 г. об этом, только шире и учитывая и ранее озвученное направление (по международному праву), говорил Ю.В. Голик: «...Будет интенсивно протекать процесс унификации норм уголовного

права. Он будет иметь два основных направления: первое – сближение норм уголовного права различных стран... Второе – выработка и постепенное, но повсеместное внедрение в практику норм международного уголовного права» [15, с. 124].

И если поначалу прогноз, скорее, оправдывался, то в последние вместо сближения наблюдается явное отдаление друг от друга законодательства разных стран, если не сказать – глубокое размежевание.

4. *Криминализация и декриминализация* – традиционные направления развития уголовного законодательства. При этом Н.Ф. Кузнецова отмечала две разные тенденции в этом направлении в зависимости от того, о каких преступлениях идет речь. По тяжким и особо тяжким преступлениям она полагала, что криминализация почти завершена, поскольку «трудно прогнозировать появление в ближайшие два десятилетия неизвестных ранее тяжких деяний. Более реалистичен перевод законодателем менее тяжких преступлений в тяжкие, и наоборот» [1, с. 7–12].

Посмотрим, включены ли в УК новые тяжкие – особо тяжкие преступления после прогноза. Разумеется, да, и перечень их широк (см. табл.).

Таблица

Дополнение УК РФ тяжкими и особо тяжкими составами преступлений

Раздел № с указанием года включения в УК РФ	Преступления	
	Тяжкие	Особо тяжкие
Преступления против личности	Ч. 4 ст. 110 ¹ (2017 г.), ч. 1 ст. 110 ² (2017 г.), ч. 1 и 2 ст. 127 ¹ (2003 г.) <i>(Здесь и далее учитывается та категоричность, которая действует в настоящее время),</i> ч. 3 ст. 127 ² (2003 г.)	Ч. 5 и 6 ст. 110 ¹ (2017 г.), ч. 2 ст. 110 ² (2017 г.), ч. 3 ст. 127 ¹ (2003 г.), ч. 3 ст. 127 ² (2003 г.)
ИТОГО	5	5
Преступления в сфере экономики	Ч. 6 и 7 ст. 159 (2016 г.), ч. 3 и 4 ст. 159 ¹ (2012 г.), ч. 3 и 4 ст. 159 ² (2012 г.), ч. 3 и 4 ст. 159 ³ (2012 г.), ч. 3 и 4 ст. 159 ⁵ (2012 г.), ч. 3 и 4 ст. 159 ⁶ (2012 г.), ч. 3 ст. 170 ¹ (2010 г.), ч. 2 и 4 ст. 171 ¹ (1999 г.), ч. 6 ст. 171 ¹ (2014 г.), ч. 3 ст. 171 ² (2014 г.), ч. 2 ст. 172 ² (2016 г.), ч. 4 ст. 174 ¹ (2001 г.), ч. 2 ст. 185 ³ (2009 г.), ч. 2 ст. 185 ⁶ (2010 г.), ч. 3 ст. 193 ¹ (2013 г.), ч. 2 ст. 199 ¹ (2003 г.), ч. 2 ст. 199 ² (2003 г.), ч. 2 ст. 200 ² (2014 г.), ч. 2 ст. 200 ⁴ (2018 г.), ч. 2, 3 и 5 ст. 200 ⁵ (2018 г.), ч. 1 и 2 ст. 201 ¹ (2017 г.), ч. 3 ст. 204 ¹ (2016 г.)	Ч. 3 ст. 200 ² (2014 г.), ч. 6 ст. 200 ⁵ (2018 г.)
ИТОГО	32	2
Преступления против общественной безопасности и общественного порядка	Ч. 2 ст. 205 ² (2006 г.), ч. 2 ст. 205 ⁴ (2013 г.), ч. 3 ст. 215 ² (2001 г.), ч. 2 и 3 ст. 215 ³ (2006 г.), ч. 2 ст. 217 ² (2013 г.), ч. 2 ст. 222 ¹ (2014 г.), ч. 2 ст. 223 ¹ (2014 г.), ч. 1 и 2 ст. 226 ¹ (2011 г.), ч. 1 ст. 228 ¹ (2003 г.), ч. 2 ст. 228 ⁴ (2012 г.), ч. 1 и 2 ст. 229 ¹ (2011 г.), ч. 2 и 3 ст. 234 ¹ (2015 г.), ч. 2 ст. 235 ¹ (2014 г.), ч. 2 ст. 238 ¹ (2014 г.), ч. 1 и 2 ст. 242 ¹ (2003 г.), ч. 1 ст. 242 ² (2012 г.), ч. 3 ст. 243 ² (2013 г.), ч. 2 ст. 243 ³ (2013 г.), ч. 3 ст. 258 ¹ (2013 г.), ч. 2, 3, 4 и 5 ст. 274 ¹ (2017 г.)	Ч. 1, 1.1, 2, 3 и 4 ст. 205 ¹ (2002 г.), ст. 205 ³ (2013 г.), ч. 1 ст. 205 ⁴ (2013 г.), ч. 1 и 2 ст. 205 ⁵ (2013 г.), ч. 3 ст. 222 ¹ (2014 г.), ч. 3 ст. 223 ¹ (2014 г.), ч. 3 ст. 226 ¹ (2011 г.), ч. 2, 3, 4 и 5 ст. 228 ¹ (2003 г.), ч. 3 и 4 ст. 229 ¹ (2011 г.), ч. 3 ст. 238 ¹ (2014 г.), ч. 2 ст. 242 ² (2012 г.)
ИТОГО	28	20

Окончание табл.

Раздел № с указанием года включения в УК РФ	Преступления	
	Тяжкие	Особо тяжкие
Преступления против государственной власти	Ч. 1, 1.1 и 2 ст. 282 ¹ (2002 г.), ч. 1, 1.1 и 2 ст. 282 ² (2002 г.), ч. 1 и 2 ст. 282 ³ (2014 г.), ч. 2 ст. 283 ¹ (2012 г.), ст. 284 ¹ (2015 г.), ч. 2 и 3 ст. 285 ³ (2010 г.), ч. 1 и 2 ст. 285 ⁴ (2017 г.), ч. 2, 3 и 5 ст. 291 ¹ (2011 г.), ч. 2 ст. 322 ¹ (2004 г.), ч. 3 и 4 ст. 327 ¹ (2013 г.), ч. 3 ст. 327 ² (2014 г.)	Ч. 3 ст. 282 ¹ (2002 г.), ч. 3 ст. 28. ² (2002 г.), ч. 4 ст. 291 ¹ (2011 г.), ч. 5 и 6 ст. 327 ¹ (2013 г.)
ИТОГО	21	5
Преступления против военной службы	—	—
ИТОГО	0	0
Преступления против мира и безопасности человечества	—	Ч. 1, 2 и 3 ст. 361 (2016 г.)
ИТОГО	0	3
ВСЕГО	86	35

Таким образом, с начала действия УК РФ 1996 г. в него было дополнительно включено 86 тяжких и 35 особо тяжких преступлений, всего 121 преступление (для сравнения: в момент принятия, в Особенной части Кодекса, было 256 статей. Составов, конечно, больше). Больше других тяжких и особо тяжких преступлений оказалось в разделе «Преступлений против общественной безопасности и общественного порядка» (48).

Прогноз 2001 г. не оправдался. Но зададимся вопросом: нужны ли были все из указанных составов в уголовном законе? Думается, что нет. По абсолютному большинству из них возможно было применение других, общих составов. Шла ненужная и ничем, кроме как политическими интересами не оправданная, детализация часто традиционных преступлений за счет выделения из них специальных составов. Годом позже, в 2002 г., об этом очень точно скажет В.С. Комиссаров, давая оценку пятилетнему действию УК РФ и подчеркивая нарушение оптимального соотношения между общими и специальными нормами: «На самом деле введение таких норм не только не решает, а нужно прямо сказать, что и не может решить соответствующих социальных проблем, но и создает препятствия и конкуренцию уголовно-правовых норм при квалификации преступлений практикующим работникам» [5, с. 13].

В отношении преступлений небольшой и средней тяжести Н.Ф. Кузнецова в 2001 г. указывала, что ситуация с ними другая. «В УК более трети преступлений небольшой тяжести. Определенная их часть вполне может быть декриминализована» [1, с. 7–12]. И высказывала сожаление по поводу того, что предлагаемая в проектах уголовного зако-

нодательства идея уголовного проступка не была реализована. Что касается правонарушений в сфере предпринимательства, то, по ее мнению, величина ущерба должна перестать носить характер абсолютного криминообразующего признака; ущерб должен сочетаться «с обманом, злоупотреблением служебными полномочиями, корыстью, злостью». Без такого сочетания целесообразны декриминализация нетяжкого преступления и перевод его в группу гражданских деликтов» [1, с. 7–12]. Высказывалась Н.Ф. Кузнецова и за установление преюдициальных норм. Но в этом с ней вряд ли можно согласиться. Представляется, что они, наоборот, вредны. И, возможно, сбудется, но уродливо и совсем не так, как это виделось Н.Ф. Кузнецовой, идея прекрасная по уголовному проступку.

Увеличилось и число составов нетяжких преступлений. Количество преюдиционных норм в УК РФ стало расти, и намного, если принять во внимание, что с момента введения Кодекса в действие со знаком «прим» в его Особенной части содержалось всего 105 статей, включающих от одной (очень редко) до семи частей. А количество тяжких и особо тяжких преступлений было указано выше.

Но, как указывает Я.И. Гилинский, чем «развитее, цивилизованнее общество, тем меньше должно быть запретов вообще, уголовно-правовых, в особенности» [16, с. 20].

Не будем останавливаться здесь на непродуманности и волюнтаризме при создании новых уголовно-правовых норм. Отмечая почти полное игнорирование законодателем в этом процессе теории криминализации и декриминализации, А.И. Коробеев еще в 2005 г. указывал: «Процесс

законотворчества в этой части носил почти исключительно умозрительный характер» [17, с. 55]. Но на тот момент в криминализационном плане все еще было впереди. Стало много хуже. Чего стоят, например, составы ст. 284¹ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности» (2015 г.), или ст. 322² «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» (2013 г.), или ст. 330¹ «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента» (2012 г.), или ст. 330² УК «Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве» (2014 г.)? Этот список можно сколько угодно продолжать.

По утверждению Я.И. Гилинского, УК РФ «бесконечно дополняемый все новыми составами «преступлений», превращает каждого гражданина России в уголовного преступника» [18, с. 40].

И.М. Мацкевич очень верно отметил: «Современная преступность существенно изменилась. ... При этом качественные изменения преступности до последнего времени не только не нашли адекватной реакции со стороны представителей правоохранительных органов, но, самое главное, никак не отразились на работе законодателей. ... Понять суть происходящих изменений в преступности представители правоохранительных органов не в состоянии. ... В XXI веке идет борьба с преступностью XIX века, равносильная борьбе Дон Кихота с ветряными мельницами. Представители правоохранительных органов все еще ищут драконов. ... Спонтанные законодательные решения... не только не решают проблему, но разрушают действующую модель уголовной ответственности, не предлагая (что важно) ничего другого взамен» [13, с. 161–162]. Только одна ремарка. Боюсь, что пресловутый законодатель вообще не способен ничего предложить в силу двух основных причин: 1) полная оторванность зако-

нодательного процесса от науки (В.А. Номоконов в качестве одной из проблем оптимизации уголовного законодательства называет научную необеспеченность законотворческого процесса и отсутствие внедрения научных разработок в практику в сфере борьбы с преступностью» [19, с. 19]) (неубываемый принцип в России последнего столетия: кухарка правит государством. При всем уважении к кухаркам. Если они заняты своим делом); 2) полное непонимание того, что изменения, вносимые в УК РФ, не способны решить ни одну из существующих в данной сфере проблем. Это быстрый и легкий путь, но путь к пропасти, а не к храму.

Возвращаясь к прогнозу 2001 г., следует сказать следующее. Декриминализация практически не проводилась, и в этом отношении ничего не изменилось. Уже тогда В.С. Комиссаров подчеркивал односторонность уголовной политики, ее направленность на криминализацию и пенализацию. «... Совершенно забыта другая ... сторона уголовной политики – декриминализация и депенализация» [5, с. 14].

5. *Редакционно-стилистическое уточнение текста уголовных кодексов (законодательная техника).* Выделяя это направление развития уголовного законодательства, которое видела Н.Ф. Кузнецова из далекого уже 2001 г. на ближайшие два десятилетия, она полагала, что должна продолжаться работа по сокращению числа оценочных признаков состава, прежде всего при характеристике общественно опасных последствий.

Сегодня можно констатировать, что работа по совершенствованию законодательной техники уголовного закона нашим законодательным собранием ведется постоянно. Но, честно говоря, лучше бы и не проводилась. Л.Л. Кругликов еще 15 лет назад подчеркивал, что стратегии совершенствования уголовно-правовых норм нет, а правила законодательной техники игнорируются [20, с. 35]. Указывала на основные недостатки законодательной техники автор этих строк, такие как: 1) терминологическая невывержанность и избыточность; 2) большое количество неоправданных оценочных признаков; 3) использование чрезмерно сложных и не вызываемых необходимостью законодательных конструкций; 4) нарушение логики в изложении отдельных уголовно-правовых норм и положений закона; 5) несогласованность между собой отдельных положений закона и уголовного законодательства с другими законодательными актами» [21, с. 39].

Результаты такой «работы» законодателя наглядно демонстрируют, например, породившая многие дискуссии редакция ч. 2 ст. 24 УК (о нео-

сторожных преступлениях), или неоднозначно используемые термины «штраф», «вымогательство» (по другому поводу, но очень точно об этом говорил Э.Ф. Побегайло: «...Терминология — дело далеко не безобидное. Она высвечивает концептуальный подход к той или иной проблематике» [20, с. 58]), или выделение — политически неверное — группы так называемых мелких преступлений (мелкое хищение, мелкий коммерческий подкуп и даже взяточничество — мелкое), или «дивное», иного слова и не подберешь, строение диспозиций некоторых новых составов преступлений, в принципе исключаящее не только понимание сути преступления, но даже и быстрое его обозрение. Приведем только два примера, но их, увы, гораздо больше.

«Включение неучтенных бюллетеней в число бюллетеней, использованных при голосовании, либо представление заведомо неверных сведений об избирателях, участниках референдума, либо заведомо неправильное составление списков избирателей, участников референдума, выражающееся во включении в них лиц, не обладающих активным избирательным правом, правом на участие в референдуме, или вымышленных лиц, либо фальсификация подписей избирателей, участников референдума в списках избирателей, участников референдума, либо замена действительных бюллетеней с отметками избирателей, участников референдума, либо порча бюллетеней, приводящая к невозможности определить волеизъявление избирателей, участников референдума, либо незаконное уничтожение бюллетеней, либо заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, участников референдума, либо подписание членами избирательной комиссии, комиссии референдума протокола об итогах голосования до подсчета голосов или установления итогов голосования, либо заведомо неверное (не соответствующее действительным итогам голосования) составление протокола об итогах голосования, либо незаконное внесение в протокол об итогах голосования изменений после его заполнения, либо заведомо неправильное установление итогов голосования, определение результатов выборов, референдума» (состав «Фальсификация итогов голосования», ст. 142¹ введена в УК РФ в 2003 г.).

«Умышленное искажение результатов голосования либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения на общем собрании акционеров, общем собрании участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или на заседании совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества путем внесения в протокол общего со-

брания, в выписки из него, в протокол заседания совета директоров (наблюдательного совета), а равно в иные отражающие ход и результаты голосования документы заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования, путем составления заведомо недостоверного списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании, заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, блокирования или ограничения фактического доступа акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) к голосованию, несообщения сведений о проведении общего собрания акционеров (участников) или заседания совета директоров (наблюдательного совета) либо сообщения недостоверных сведений о времени и месте проведения общего собрания, заседания совета директоров (наблюдательного совета), голосования от имени акционера (участника) хозяйственного общества или члена совета директоров (наблюдательного совета) по заведомо подложной доверенности, лица, заведомо не имеющего полномочий, совершенные в целях незаконного захвата управления в юридическом лице посредством принятия незаконного решения о внесении изменений в устав хозяйственного общества, или об одобрении крупной сделки, или об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, или об изменении состава органов управления хозяйственного общества (совета директоров, единоличного или коллегиального исполнительного органа общества), или об избрании его членов и о досрочном прекращении их полномочий, или об избрании управляющей организации либо управляющего, или об увеличении уставного капитала хозяйственного общества путем размещения дополнительных акций, или о реорганизации либо ликвидации хозяйственного общества» (состав «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества», ст. 185⁴ введена в УК РФ в 2010 г.).

Игнорирование качества уголовного закона ведет к расширению негативного усмотрения, которое Ю.В. Грачева справедливо обозначила как «предоставленные правоприменителю законом правомочия по выбору решений, основанных на несовершенстве законодательной техники, не предполагаемые законодателем в момент принятия уголовно-правовой нормы, не соответствующие «духу» закона, вносящие в правоприменительную практику дисбаланс» [9, с. 69].

6. *Легальное толкование терминов.* Н.Ф. Кузнецова считала, что в ближайшие три года (т. е. в 2002–2005 гг.) «объединенными усилиями мы могли бы дополнить УК РФ разделом XIII или в виде примечания к УК о толковании терминов» [22, с. 265]. Но, к сожалению, не случилось ни объединенных усилий, ни соответствующего дополнения уголовного закона.

Правда, следует даже похвалить законодателя за то, что он отчасти шел по пути конкретизации и легального толкования в примечаниях к статьям, в основном последствий, имеющих имущественный характер, или таких же размеров совершаемого деяния. Однако их многообразие, не оправданное, как правило, никакими соображениями, зашкаливает и трудно для запоминания даже профессору уголовного права, работающему с кодексом всю жизнь. Действующий уголовный закон содержит 23 разных по денежному значению выражений крупного размера (крупного ущерба) и 19 – особо крупного размера (ущерба). Крупный размер (крупный ущерб) варьируется в пределах от 50 тыс. руб. до 50 млн руб.; особо крупный размер (ущерб) – от 150 тыс. руб. до 250 млн руб. Какой-либо логики в выделении таких размеров ущербов обнаружить невозможно. А не круглые цифры просто обескураживают:

крупный размер (крупный ущерб): 50 тыс., 80 тыс., 100 тыс., 150 тыс., 250 тыс., 400 тыс., 500 тыс., 600 тыс., 900 тыс., 1 млн, 1,5 млн, 1,8 млн, 2 млн, 2,25 млн, 2,7 млн, 3 млн, 3,75 млн, 5 млн, 6 млн, 9 млн, 10 млн, 15 млн, 50 млн;

особо крупный размер (особо крупный ущерб): 150 тыс., 230 тыс., 250 тыс., 1 млн, 1,5 млн, 3 млн, 3,75 млн, 4,5 млн, 5 млн, 6 млн, 7,5 млн, 9 млн, 10 млн, 12 млн, 13,5 млн, 15 млн, 30 млн, 45 млн, 250 млн.

При этом в одной статье может быть несколько видов разных по денежному выражению крупных и особо крупных размеров (в ст. 171¹ УК их, например, по три).

Какие ассоциации рождаются в мыслях депутата или иного разработчика законопроектов при выделении, например, крупного размера (крупного ущерба) в денежном выражении 2 млн 250 тыс. или 3 млн 750 тыс. руб., или особо крупного – в денежном выражении 230 тыс., 4,5 млн, 13,5 млн руб., – одному Господу ведомо, хотя и у него, бедного, думается, от этих фантазий голова болит...

Примерно с середины 2003 г., после того как этап первой притирки к уголовному закону прошел и начался центробежный и все ускоряющийся законодательный процесс по его «совершенствованию», стали говорить об уголовной политике России и ее

несовершенстве, о проблемах, политической избирательности и неумной изобретательности. Сначала – робко, потом – во весь голос, затем – крича... Сначала – на примере внесения отдельных изменений УК РФ и изменений в его отдельные главы (прежде всего в гл. 22 УК). Потом – в отношении всего уголовного закона, в котором не осталось мест, запретных для реформирования (или почти не осталось). Уже в начале 2005 г. Н.Ф. Кузнецова с горечью писала: «Уголовный кодекс РФ – лучший в мире, по моему убеждению, на середину 90-х годов истекшего века – утратил свою изначальную научность...» [22, с. 265]. А специально посвященный уголовной политике в 2012 г. Российский конгресс уголовного права констатировал «качество» политики даже в названиях выступлений (достаточно назвать доклады, например, А.И. Коробеева «Уголовно-правовая политика России: от рассвета до застоя»; С.Ф. Милюкова «Российская уголовная политика: перманентная революция?»; Э.Ф. Побегайло «О серьезных перекосах в осуществлении российской уголовной политики»; Г.В. Назаренко «Уголовно-правовая политика: деструктивные тенденции и перспективы»; М. Гуневой «Уголовная политика Болгарии – проблемы без перспектив» и т.д. [23]).

Пока становится только хуже.

УК РФ действует уже 22 года. Такой срок для человека – треть или, в лучшем случае, четверть жизни. По меркам жизни уголовного закона в России – возраст тоже солидный (предыдущий кодекс «прожил» 36 лет, УК 1926 г. – 33 года (с учетом первой версии – 37 лет). А Европа нам не указ...

Таким образом, мы критикуем нашу уголовную политику и наш уголовный закон уже, по меньшей мере, лет 17 – 18. Значительную часть человеческой жизни... И подавляющее большинство делает это отнюдь не ради красного словца и не для извлечения сиюминутной выгоды – иногда просто чистой воды донкихотство...

Да и какая уж тут выгода, честно говоря... Во многих случаях как раз наоборот. Всем прекрасно известна ситуация, к счастью, вроде бы преодолевая, которая сложилась с преподаванием криминологии в вузах и с отношением к ней властей предрежащих. Еще один пример из этого же ряда: не «заточенная» на правоприменение научная позиция, тем более совмещенная с критикой закона или высокого правоприменителя, едва ли уже найдет место на страницах некоторых очень уважаемых юридических журналов. Приемлемо, допустимо и поощряемо лишь прикладное уголовное право. Оно, без сомнения, очень важно.

Но блестящая полемика 2006 г., в которой приняли участие крупнейшие научные исследователи — В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.В. Наумов, размещенная на страницах журнала «Уголовное право», продвинула теорию уголовного права едва ли не больше, чем вся остальная совокупность опубликованных там же за год материалов. Сегодня это уже не формат...

Обеспечение уголовно-правовое нужд практики силами науки — это, собственно, и есть самый простой ответ на вопрос об уголовной политике, вынесенный в название статьи: как перестать беспокоиться и начать жить. Говоря словами практиков — «работать на земле», обслуживать правоприменение, чтобы оно могло применять «кривой», но действующий уголовный закон. Еще и с учетом ограниченных возможностей специалистов в области уголовного права, о которых писал в 2007 г. А.Э. Жалинский, отмечая, что «уголовный закон в окончательном виде — это продукт целостной общественной мысли, отнюдь не только юристов, и, как иногда кажется, в последнее время меньше всего юристов» [24, с. 14].

Однако, по справедливому замечанию Н.Ф. Кузнецовой, сделанному еще в 2005 г., общеизвестна «огромная роль науки в законодательстве» [22, с. 243]. Она вспоминала в числе

других и известнейшую фразу М.Д. Шаргородского: «Юридическая наука начинается там, где она может сказать законодателю: «нет».

К сожалению, в последнее время этот тезис (о роли науки в законотворчестве) все чаще ставится под сомнение... Не малая доля вины в этом лежит на нас самих, поставленных в условия (и соглашающихся — в основном молча) коммерциализации любых отношений (с кого в их вузах не спрашивают зарабатывать денег? — Можно позавидовать таким людям), в условиях необходимости бессмысленной и абсолютно непродуктивной погони за индексами и рейтингами, не оставляющей времени и сил (с учетом все возрастающей вузовской нагрузки) на вдумчивое осмысление проблем уголовного права.

Но, решить без науки проблему, точно очерченную И.М. Мацкевичем, («...Должны приниматься нормы, регулирующие общественные отношения, которые либо еще не сложились, либо только начинают складываться» [13, с. 163]), не в состоянии никакой законодатель и никакой правоприменитель. Даже хорошие и старающиеся (увы мы такими часто обделены).

И потому —

Вода камень точит

Не отрекаются, любя...

Литература

1. Кузнецова Н.Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая—1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 7—12.
2. Клейменов М.П. Обеспечение системности в уголовном праве // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права. Москва, 31 мая—1 июня 2007 г. М.: Проспект, 2007. С. 181.
3. Бородин С.В. О теоретической модели Уголовного кодекса Российской Федерации в новых условиях (на базе действующего УК) // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая—1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 24—29.
4. Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая—1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 48—61.
5. Комиссаров В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30—31 мая 2002 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 11—17.
6. Рарог А.И. Системность уголовного законодательства и перспективы его развития // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 29—30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 61—64.
7. Иванов Н.Г. Некоторые вопросы пробельности уголовного законодательства России // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы II Международной научно-практической кон-

ференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 25–28.

8. Волженкин Б.В. О предмете науки уголовного права: уроки истории. История развития уголовного права и ее значение для современности. Материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. // М.: ЛексЭст, 2006. С. 82–87.

9. Грачева Ю.В. Одно из направлений уголовного права России в XXI веке — это исключение негативного усмотрения правоприменителя // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2004 г. М., 2004. С. 63–69.

10. Наумов А.В. Причины нестабильности уголовного законодательства (в свете отечественных правотворческих традиций) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 января 2012 г. М.: Проспект, 2012. С. 10–13.

11. Наумов А.В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 18–23.

12. Ведерникова О.Н. Уголовное право России в XXI веке: в поисках национальной стратегии развития // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2004 г. М., 2004. С. 39–44.

13. Мацкевич И.М. Новая преступность // Криминологические основы уголовного права. Материалы IX Российского конгресса уголовного права. Москва, 26–27 мая 2016 г. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 160–164.

14. Наумов А.В. Как преодолеть кризис международного права? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2015 г. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 477–479.

15. Голик Ю.В. Перспективы развития уголовного права // Уголовное право в XXI веке. Материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая–1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 124–126.

16. Гишинский Я.И. Социальные вызовы общества постмодерна и уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Москва, 26–27 января 2017 г. М.: Оригинал-Макет, 2017. С. 19–22.

17. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: проблема обоснованности запретов в УК 1996 г. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Москва, 27–28 января 2005 г. М.: Проспект, 2005. С. 53–56.

18. Гишинский Я.И. Уголовное законодательство в современной России: критические заметки // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2015 г. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 38–41.

19. Номоконов В.А. Уголовная политика — пока имитация // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 января 2015 г. М.: РГ-Пресс, 2015. С. 18–21.

20. Кругликов Л.Л. Об обеспечении системности при изменениях Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30–31 мая 2002 г. М.: ЛексЭст, 2003. С. 33–36.

21. Лопашенко Н.А. Недостатки законодательной техники уголовного кодекса России как препятствие для его эффективного применения и криминогенный фактор // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 29–30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 38–49.

22. Кузнецова Н.Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и ее значение для современности. Материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. М.: ЛексЭст, 2006. С. 243–266.

23. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. Материалы VII Российского конгресса уголовного права. Москва, 31 мая—1 июня 2012 г. М.: Проспект, 2012. 664 с.

24. Жалинский А.Э. Проблема спроса на уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Москва, 25—26 января 2007 г. М.: Проспект. 2007. С. 11—16.

References

1. Kuznetsova N.F. Glavnnyye tendentsii razvitiya rossiyskogo ugovnogo zakonodatel'stva [Main trends in the development of Russian criminal law]. In *Ugovnoye pravo v 21 veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya – 1 iyunya 2001 g. Moskva: «LeksEst» [Criminal law in the XXI century. Materials of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 31–June 1, 2001]* Moscow, Lex-Est Publ., 2002, pp. 7–12. (In Russian)

2. Kleymenov M.P. Obespecheniye sistemnosti v ugovnom prave [Ensuring the system in criminal law] In *Sistemnost' v ugovnom prave. Materialy II Rossiyskogo Kongressa ugovnogo prava, sostoyavshegosya 31 maya – 1 iyunya 2007 [Systematic in criminal law. Materials of the II Russian Congress of Criminal Law, held May 31–June 1, 2007]*. Moscow, Prospekt Publ., 2007, p. 181. (In Russian)

3. Borodin S.V. O teoreticheskoy modeli Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii v novykh usloviyakh (na baze deystvuyushchego UK) [On the theoretical model of the Criminal Code of the Russian Federation in the new conditions (based on the current Criminal Code)]. In *Ugovnoye pravo v 21 veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya – 1 iyunya 2001 g. [Criminal law in the XXI century. Materials of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 31–June 1, 2001]*, Moscow, Lex-Est Publ., 2002, pp. 24–29. (In Russian)

4. Gaukhman L.D. Problemy UK RF: blanketnost', deklarativnost', kazuistichnost' [Problems of the Criminal Code: blanchetness, declarativeness, casuistry]. In *Ugovnoye pravo v 21 veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya – 1 iyunya 2001 g. [Criminal law in the XXI century. Materials of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 31–June 1, 2001]*. Moscow, Lex-Est Publ., 2002, pp. 48–61. (In Russian)

5. Komissarov V.S. Otsenka sostoyaniya Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii i perspektivnaya kharakteristika zakonodatel'noy deyatel'nosti [Assessment of the status of the Criminal Code of the Russian Federation and a perspective characteristic of legislative activity]. In *Pyat' let deystviya UK RF: itogi i perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 30 – 31 maya 2002 g. [Five years of the Criminal Code: results and prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 30–31, 2002]*. Moscow, Lex Lex Publ., 2003, pp. 11–17. (In Russian)

6. Rarog A.I. Sistemnost' ugovnogo zakonodatel'stva i perspektivy yego razvitiya [Systematic nature of criminal legislation and prospects for its development]. In *Mezhdunarodnoye i natsional'noye ugovnoye zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoy tekhniki. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 29 – 30 maya 2003 g. [International and national criminal law: the problems of legal technology. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 29–30, 2003]*. Moscow, Leks Est Publ., 2004, pp. 61–64. (In Russian)

7. Ivanov N.G. Nekotoryye voprosy probel'nosti ugovnogo zakonodatel'stva Rossii [Some issues of the illegality of the criminal legislation of Russia]. In *Pyat' let deystviya UK RF: itogi i perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 30 – 31 maya 2002 g. [Five years of the Criminal Code: results and prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 30–31, 2002]*. Moscow, Leks Est Publ., 2003, pp. 25–28. (In Russian)

8. Volzhenkin B.V. O predmete nauki ugovnogo prava: uroki istorii [On the subject of the science of criminal law: history lessons]. In *Istoriya razvitiya ugovnogo prava i yeye znachenije dlya sovremennosti. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete*

MGU im. M.V. Lomonosova 26–27 maya 2005 g [The history of the development of criminal law and its significance for the present. Materials of the V International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 26–27, 2005]. Moscow, Leks Est Publ., 2006, pp. 82–87. (In Russian)

9. Gracheva Yu.V. Odno iz napravleniy ugolovnoogo prava Rossii v 21 veke – eto isklyucheniye negativnogo usmotreniya pravoprimenitelya [One of the directions of the criminal law of Russia in the 21st century is the elimination of the negative discretion of the law enforcer]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v KHKHÍ veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29–30 yanvarya 2004 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the International Scientific and Practical Conference January 29–30, 2004]. Moscow, MSAL Publ., 2004, pp. 63–69. (In Russian)

10. Naumov A.V. Prichiny nestabil'nosti ugolovnoogo zakonodatel'stva (v svete otechestvennykh pravotvorcheskikh traditsiy) [The reasons for the instability of criminal law (in the light of domestic law-making traditions)]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21 veke. Materialy 9 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–27 yanvarya 2012 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference January 26–27, 2012]. Moscow: Prospekt Publ., 2012, pp. 10–13. (In Russian)

11. Naumov A.V. Vliyaniye norm i printsipov mezhdunarodnogo prava na sblizheniye ugolovnoogo prava razlichnykh sistem [Influence of norms and principles of international law on rapprochement of criminal law of various systems]. In *Ugolovnoye pravo v 21 veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskom fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya – 1 iyunya 2001 g.* [Criminal law in the XXI century. Materials of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 31–June 1, 2001]. Moscow, Leks Est Publ., 2002, pp. 18–23. (In Russian)

12. Vedernikova O.N. Ugolovnoye pravo Rossii v 21 veke: v poiskakh natsional'noy strategii razvitiya [Criminal law of Russia in the 21st century: in search of a national development strategy]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29–30 yanvarya 2004 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the International Scientific and Practical Conference, January 29–30, 2004]. Moscow, MSAL Publ., 2004, pp. 39–44. (In Russian)

13. Matskevich I.M. Novaya prestupnost' [New crime]. In *Kriminologicheskiye osnovy ugolovnoogo prava. Materialy 9 Rossiyskogo kongressa ugolovnoogo prava 26–27 maya 2016 g.* [Criminological Foundations of Criminal Law. Materials of the IX Russian Congress of Criminal Law May 26–27, 2016]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016, pp. 160–164. (In Russian)

14. Naumov A.V. Kak preodolet' krizis mezhdunarodnogo prava? [How to overcome the crisis of international law?]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21 veke. Materialy 12 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29–30 yanvarya 2015 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference January 29–30, 2015]. Moscow, RG-Press Publ., 2015, pp. 477–479. (In Russian)

15. Golik Yu.V. Perspektivy razvitiya ugolovnoogo prava [Prospects for the development of criminal law]. In *Ugolovnoye pravo v 21 veke. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskom fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 31 maya–1 iyunya 2001 g.* [Criminal law in the XXI century. Materials of the International Scientific Conference at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 31–June 1, 2001]. Moscow, Lex-Est Publ., 2002, pp. 124–126. (In Russian)

16. Gilinskiy Ya.I. Ugolovnoye zakonodatel'stvo v sovremennoy Rossii: kriticheskiye zametki [Criminal legislation in modern Russia: critical notes]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v KHKHÍ veke. Materialy KHÍÍ Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29–30 yanvarya 2015 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference January 29–30, 2015]. Moscow, RG-Press Publ., 2015, pp. 38–41. (In Russian)

17. Korobeyev A.I. Ugolovno-pravovaya politika: problema obosnovannosti zapretov v UK 1996 g. [Criminal-legal policy: the problem of validity of prohibitions in the Criminal Code of 1996]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21 veke. Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf., 27–28 yanvarya 2005 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the Second International Scientific and Practical. Conf., January 27–28, 2005]. Moscow, Prospekt Publ., 2005, p. 55. (In Russian)

18. Gilinskiy Ya.I. Sotsial'nyye vyzovy obshchestva postmoderna i ugolovnoye pravo [Social challenges of the postmodern society and criminal law]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v KHKHÍ veke. Materialy KHÍV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 26–27 yanvarya 2017 g.* [Criminal law: development

strategy in the 21st century. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference January 26–27, 2017]. Moscow, 2017, pp. 19–22. (In Russian)

19. Nomokonov V.A. Ugolovnaya politika – poka imitatsiya [Criminal policy - while imitation]. In *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21 veke. Materialy 12 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 29–30 yanvarya 2015 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference January 29–30, 2015]. Moscow, RG-Press Publ., 2015, pp. 18–21. (In Russian)

20. Kruglikov L.L. Ob obespechenii sistemnosti pri izmeneniyakh Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On the provision of systemic changes in the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Pyat' let deystviya UK RF: itogi i perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 30–31 maya 2002 g.* [Five years of the Criminal Code: results and prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 30–31, 2002]. Moscow: Lex Est Publ., 2003, pp. 33–36. (In Russian)

21. Lopashenko N.A. Nedostatki zakonodatel'noy tekhniki ugolovnogo kodeksa Rossii kak prepyatstviye dlya yego effektivnogo primeneniya i kriminogennyy faktor [Disadvantages of the legislative technology of the Russian criminal code as an obstacle to its effective application and the criminal factor]. In *Mezhdunarodnoye i natsional'noye ugolovnoye zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoy tekhniki. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 29–30 maya 2003 g.* [International and national criminal law: the problems of legal technology. Materials of the III International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 29–30, 2003]. Moscow, Lex Est Publ., 2004, pp. 38–49. (In Russian)

22. Kuznetsova N.F. Nauka rossiyskogo ugolovnogo prava i zakonotvorchestvo [The science of Russian criminal law and lawmaking]. In *Istoriya razvitiya ugolovnogo prava i yeye znacheniye dlya sovremennosti. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, sostoyavsheysya na yuridicheskoy fakul'tete MGU im. M.V. Lomonosova 26–27 maya 2005 g.* [The history of the development of criminal law and its significance for the present. Materials of the V International Scientific and Practical Conference, held at the Faculty of Law of Moscow State University. M.V. Lomonosov Moscow May 26–27, 2005]. Moscow, Lex Est Publ., 2006, pp. 243–266. (In Russian)

23. Sovremennaya ugolovnaya politika: poisk optimal'noy modeli [Modern criminal policy: the search for the optimal model]. *Materialy VII Rossiyskogo kongressa ugolovnogo prava 31 maya–1 iyunya 2012 g.* [Materials of the VII Russian Congress of Criminal Law May 31–June 1, 2012]. Moscow, Prospect Publ., 2012, 664 p. (In Russian)

24. Zhalinskiy A.E. Problema sprosa na ugolovnoye pravo [The problem of demand for criminal law]. *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v 21 veke. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 25–26 yanvarya 2007 g.* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference January 25–26, 2007]. Moscow, Prospect Publ., 2007, pp. 11–16. (In Russian)

ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Лунеев Виктор Васильевич

Цель: Проанализировать недостатки социально-правовых и криминологических исследований, обозначить их значимость для развития уголовного законодательства в Российской Федерации, предложить необходимые перспективы развития реальных аналитических исследований в целях формирования эффективного законодательства.

Методология: изучение недостатков в сфере противодействия преступности на основе анализа, абстрагирования, синтеза, дедукции и индукции.

Выводы: 1) противодействие преступности требует принятия более эффективных криминологических, социальных, экономических и политических мер на национальном и на международном уровнях; 2) назрела необходимость изучения на юридических факультетах математики, философии математики и логики; 3) стране настоятельно необходима реформа управления, экономическая реформа, реформа правовой системы и правопорядка в целом, реформа аналитико-прогностической деятельности.

Научная и практическая значимость. Рекомендации, предложенные автором, могут использоваться для совершенствования социально-правовых и криминологических исследований. Также результаты проведенного исследования могут применяться в учебном процессе при изучении курса криминологии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: преступность в России, статистика, идеология, криминология, логическое мышление, догматика, прагматика, криминологическое исследование, аналитическое исследование, законодательство, справедливость, неотвратимость наказания.

Общеизвестно, что преступность в СССР, а в настоящее время в России представляет собой одну из наиболее серьезных и общественно значимых проблем. Сразу же после революций 1917 г. в стране данные о преступности были открыты, и ее изучение, начатое в Царской России, было продолжено. Во многих городах создавались криминологические кабинеты, был создан институт, изучавший криминологические проблемы. Тогда и родилась идея о том, что преступность в советской России обуславливалась пережитками прошлого в сознании людей.

В 1938 г. данные о преступности были строго засекречены, и ее научные исследования практи-

чески прекратились. Правоведы ограничивались в своих исследованиях догматикой.

С конца 1950-х гг. прошлого столетия стали проводиться криминологические исследования и публиковаться данные о преступности. Был создан Институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В свет выходили книги о преступности, ее причинах и ее предупреждении В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца и многих других криминологов. В 1986 г. автором этих строк был издан первый учебник по военной криминологии с грифом «Для служебного пользования».

В течение ряда лет наблюдался беспрецедентный количественный рост криминологических

изданий о преступности и о борьбе с ней, в том числе вышедших из-под пера автора настоящей статьи. Однако они нередко касались поверхностных причин, что не всегда воспринималось на практике и не приводило к существенному сокращению преступности.

Преступность остается одной из сложных, социально, экономически и политически важных проблем в нашей стране и в мире. А это требует принятия более эффективных криминологических, социальных, экономических и политических мер, и не только на национальном уровне, но и международном. Так родилась идея об издании книги о преступности XX века, которая трижды издавалась в России (1997, 1999, 2005 г.) и в 2013 г. была издана в Китае.

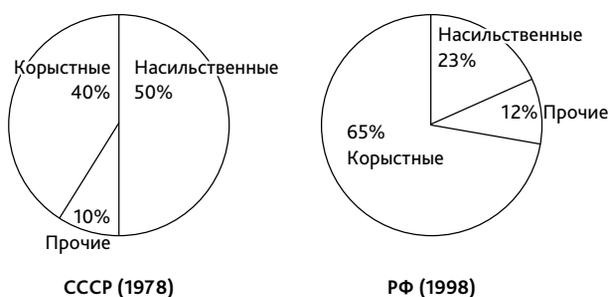
Наряду с этим возникла потребность в издании учебника по юридической статистике. В 1999–2010 гг. он публиковался в 5 авторских изданиях издательствами «Юристъ» и «Норма», «Инфра-М». Юридическая статистика после рассекречивания соответствующих данных стала широко преподаваться в юридических учебных заведениях. Потом эта тенденция пошла на убыль, хотя сведения о преступности не закрывались. Но тем или иным образом доступ к статистике о преступности ограничивался, непосредственно влияя на снижение уровня общественного интереса к этим данным. Следует заметить, что в советское время при засекреченной статистике о преступлениях и правонарушениях издавались учебники под названием «правовая статистика», что было не совсем точно, поскольку статистические сведения использовались не только в различных юридических дисциплинах.

Реальный прогноз о тенденциях преступности в новом столетии является еще более печальным, чем прежде, но я не даю его, ибо власти разных стран мира так ловко научились мошенничать со статистическими данными, что легче рассказать о них на словах, с использованием расчетных доказательств. Но они не отражаются в цифрах, а направленность кривой графической линии, отображающей тенденции преступности можно только предполагать. Каких-либо научно-исследовательских или прогностических структур в стране нет.

Причины заметных колебаний в динамике преступности имеют сложную комплексную природу, включая изменения социально-экономического, политического, демографического и правового характера. Достаточно сказать, что введение в начале 1960-х гг. товарищеских судов, передачи виновных на поруки и использование других форм освобождения от наказания «оттянуло» от

правоохранительных органов существенное число правонарушений. Затем преступность вновь начала возрастать, и этот процесс продолжается до сих пор. В 1998 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 2 млн 582 тыс. преступлений, а на территории всех стран-членов СНГ – 3 млн 500 тыс. Это невиданная прежде цифра. Да и в самой России масштабы преступности превышают худшие показатели времен СССР, хотя территория страны уменьшилась вдвое, а население сократилось до 147 млн человек.

Менялась и структура преступности. Рост корыстных преступлений стал превышать насильственные деяния, несмотря на то, что насилие росло высокими темпами.

На первый взгляд, уход от криминологического и глубоко научно обоснованного уголовно-правового противодействия преступности может показаться гуманным. Но что делать с многочисленными убитыми, изнасилованными, обворованными, ограбленными и обманутыми людьми, которые не были защищены, а виновные в этом персоны не привлечены к уголовной ответственности вследствие их неизвестности (неустановлением в ходе оперативно-розыскных и следственных мероприятий), недоказанности их вины или недоступности применения закона в отношении большого числа должностных и особо богатых правонарушителей? Их очень много. В стране на одной чаше весов – реальная нищета, на другой же – несправедно полученные невероятные богатства. По данным института экономики РАН, нищенство охватывает до 30 млн человек, в то время как всего лишь несколько процентов «избранных» россиян контролируют до 90% всего благосостояния страны.

У нас сформировалось типичное капиталистическое классовое общество, в котором объективно не может быть даже приближения к социально-экономическому равенству.

Хотя бы реальное правовое равенство, за которое человечество борется сотни лет, видимо, должно быть, а его тоже нет. Угнетают массовые

«откаты», хищения, мошенничества, коррупция, а также беспрецедентное насилие. Только судя по данным о без вести пропавших и неопознанных трупах, в России в среднем ежегодно гибнет до 100 тыс. человек, а может быть, и более; при этом виновных и осужденных по этим фактам почти нет [1, с.171–172]. Еще два-три года назад в ежегодно формируемом ГИАЦ МВД России справочном издании «Состояние преступности в России» приводились сведения о том, сколько было зарегистрировано заявлений и сообщений о преступлениях и правонарушениях (в среднем – в пределах 30 млн). На основании этих данных возбуждалось до 2,5 млн уголовных дел, выявлялось около 1 млн лиц, совершивших преступления, из которых примерно половина осуждалась. Нераскрытыми оставались до 50% возбужденных уголовных дел. К уголовной ответственности привлекалось фактически привлекались лица, виновные в совершении около 2–3% от заявленных и зарегистрированных правонарушений. Кроме этих данных, приводились статистические сведения о без вести пропавших, и о неопознанных трупах. Я исследовал эту проблему за 10 лет нового века (за 2001–2010 гг.). За это время пропали без вести тысячи людей, и найдено около 1 млн (974672) неопознанных трупов [2].

Однако начиная с 2015 г. указанные статистические сведения перестали публиковаться. Но это не означает, что огромное число граждан перестали пропадать без вести. Осмелюсь предположить, что одной из диких и страшных причин массового исчезновения граждан являлся каннибализм. Здесь в качестве примера можно привести дело семейной пары из Краснодара, раскрытое по чистой случайности в 2017 г. Было доказано убийство 30 человек, хотя в действительности таких жертв могло быть гораздо больше. По данным правоохранительных органов, и другие люди, связанные тем или иным образом с обвиняемыми, пропали без вести ([URL:https://eadaily.com/ru/news/2017/09/25/v-krasnodare-s-1999-goda-orudovala-semya-lyudoedov?utm_source=smi2](https://eadaily.com/ru/news/2017/09/25/v-krasnodare-s-1999-goda-orudovala-semya-lyudoedov?utm_source=smi2) (дата обращения: 10.09.2018)).

Социальные сети и Интернет переполнены информацией о подобного рода преступлениях, как и об иной корыстной и насильственной преступной деятельности, что вовсе не находит подтверждения в цифрах официально освещаемой «благоприятной» уголовной статистики. Не имея возможности системно и полно раскрыть криминогенную ситуацию в стране, в качестве примера приведем лишь некоторые только что выявленные деяния, каких в прежние годы не было. За последние годы

несколько государственных чиновников были задержаны по подозрению в совершении преступлений. Например, начальник отдела техобеспечения Продовольственного управления Минобороны А.В. Вакулин, в отношении которого было возбуждено дело по ч. 4 ст.159 и ч. 6 ст. 290 УК РФ ([URL:https://news.rambler.ru/articles/37998789/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink](https://news.rambler.ru/articles/37998789/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink) (дата обращения: 10.09.2018)); бывший директор ФСИН России А.А. Реймер и двое его подчиненных в августе 2017 г. Замоскворецким судом г. Москвы были признаны виновными в мошенничестве (ч. 4 ст.159 УК РФ) на сумму 1 млрд 258 млн руб. и приговорены к различным срокам тюремного заключения. В сентябре 2016 г. в Москве был задержан заместитель начальника управления «Т» Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел России (ГУЭБиПК МВД РФ) полковник Д.В. Захарченко, курировавший направление противодействия преступлениям в ТЭК, подозревавшийся в получении взяток в особо крупном размере. Во время проведенного обыска у него были изъяты денежные средства в различной валюте на общую сумму 8,5 млрд руб. В экономике и в бюджетной сфере выявлены огромнейшие потери. По словам Председателя Счетной палаты РФ Т. Голиковой, только с 2013 по 2015 гг. из России незаконно вывезено 1,2 трлн руб. ([URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/interview/28402](http://www.ach.gov.ru/press_center/interview/28402) (дата обращения: 10.09.2018)).

Самая большая наша беда – это стремление решить серьезные социально-криминологические проблемы путем изменения уголовного или другого законодательства в пользу экономических преступников. Таким образом действительно можно минимизировать некоторые проблемы. Но для отдельных представителей властной элиты криминализация общества, судя по всему, не является особо важной и актуальной проблемой. Более того, в сфере противодействия преступности принимались порочные законы. Основные проблемы в российском уголовно-правовом законодательстве связаны с тем, что оно осуществляется заинтересованными в решении собственных вопросов чиновниками, которые используют демагогические рассуждения. Среди специалистов уголовного права есть много таких, которые умеют растолковать действующие нормы законов, но практически нет аналитиков. При таких условиях между «писанной» и фактической криминальными реальностями дистанция может быть огромного размера. Образовавшийся разрыв неуклонно

расширяется, свидетельствуя о «ножницах» между нашими политическими и правовыми декларациями и практикой жизни.

Ныне в УК РФ нет «живого» (неотредактированного) места. При этом следует обратить внимание на некоторые, самые порочные из внесенных в УК РФ изменений и дополнений. Так в 2003 г. из УК РФ была исключена такая мера уголовного наказания, как конфискация имущества, наличие которой в национальном уголовном законодательстве рекомендована международными конвенциями, подписанными и ратифицированными Российской Федерацией. Позднее данный вид наказания был возвращен в УК РФ, однако теперь конфискация применяется за бытовые преступления, а за экономические – нет.

Автор этих строк с большим уважением относится к ученым, хорошо ориентированным в своих отраслях права. Это важно. И, в подавляющем большинстве, это практикующие юристы – следователи, прокуроры, судьи, адвокаты. Но кто из них изучает глубинные реалии действия отечественного права, статистические, социологические и даже экономические закономерности и тенденции в этой сфере, в результате предлагая властям законные и научно обоснованные пути выхода из криминальной трясины? Практически и системно – никто. Приведу лишь один пример. В октябре 2005 г. я принимал участие в исполнении поручения Президиума РАН, в соответствии с которым для подготовки доклада Президенту Российской Федерации «О состоянии национальной безопасности Российской Федерации в 2005 г. и мерах по ее укреплению» необходимо было предоставить информацию, освещающую проблематику борьбы с терроризмом (вопросы совершенствования нормативной базы противодействия, в том числе закрытия каналов финансирования террористической деятельности), а также с коррупцией и преступностью в целом, а также оценку эффективности борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, взрывчатых веществ, незаконной миграции. Необходимо было проанализировать характер и уровень существующего взаимодействия правоохранительных органов и координации их совместной деятельности, в том числе на международном уровне. Срок исполнения был 5 дней!!! На мой взгляд, комментарии излишни. Такая, без преувеличения, значительнейшая работа, если она действительно необходима, должна быть многолетней, постоянной, системной и статистически обоснованной. В очередной раз хотел бы привлечь внимание научной

общественности к необходимости использования объективных статистических данных при формировании научных гипотез и выводов, поскольку **любая реальная наука начинается с измерения.** По мнению ректора МГУ им. М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко, **на юридических факультетах стоило бы преподавать курс общей математики, философию математики и логику, формирующие методологические базисные знания и так необходимые аналитические навыки у специалистов с высшим образованием.** С его точки зрения необходимо задуматься о создании математической модели Уголовного кодекса, поскольку элементарное **соотношение его разных норм начисто лишено логики и здравого смысла.** Хотел бы со своей стороны отметить, что на сегодняшний день в УК РФ 1996 г. внесены сотни нередко противоречивых, сомнительных и даже порочных криминальных изменений и дополнений.

Правда, для объективного аналитического подхода у нас все-таки имеются определенные возможности. Например, ежегодно граждане сообщают о миллионах правонарушений. При этом в течение последних лет в среднем за год регистрируется до 37 млн сообщений о преступлениях и правонарушениях, плюс 4,5 млн повторных обращений, а возбуждается около 2 млн уголовных дел, только около половины которых раскрывается, а в суд направляется не более 2–3% из них. Однако, по данным ВЦИОМ, в России почти половина пострадавших (49%) не обращается за помощью в правоохранительные органы, полагая, что полиция не в состоянии им помочь.

Неравная и выборочная безнаказанность – одна из главных и важных причин преступности и нравственно-правового состояния общества. Но мы в этом плане ничего не делаем, кроме каких-то частных случаев.

На сегодняшний день характеристика размеров хищений государственных средств зачастую приводится уже не в привычных для этого единицах сумм (тысячах, миллионах, миллиардах и т.д. рублей, долларов и иных валют), а определяется тоннами дензнаков. А доминирующая при совершении хищений мотивация до примитивизма элементарна: месть, жадность, корысть, обман, удовлетворение примитивных животных потребностей, тяга к роскоши. Ныне параметры неодолимой жадности многих чиновников страны, представителей регионов, отдельных министерств и ведомств измеряются не достигаемыми для власти счетами и собственностью за рубежом. А социально правовые, социологические, статистические и криминологические науки, которые

должны быть ориентированы на раскрытие криминальных реалий и противодействие им, были исключены даже из учебных планов соответствующих вузов. Доминируют догматические правовые декларации: у нас все хорошо.

Неравенство в форме безнаказанности – самая серьезная причина преступности, значимый показатель беспомощности общества. Речь идет не о строгости наказания, а о его **неотвратимости**. Прав был Шарль Монтескье, утверждавший: **«Закон должен быть похож на смерть, которая никого не пощадит»**. У нас же, исторически, неотвратимость наказания выборочна: **«правомерная» («оправданная»)** – чиновная неприкосновенность, распространяющаяся на тысячи обладателей должностей различных уровней, в том числе и федерального, **«политическая»** – семейственность и сетевое объединение сообщников во власти и **«организационная»** – неспособность и продажность правоохранителей.

Коснемся коррупции в стране в плане возможных аналитических исследований. Еще Платон предлагал установить четырехкратный предел разрыва между бедностью и богатством. Большой разрыв социально опасен, полагал он. У нас же он доходит до неопишуемой величины. И Президент РФ неоднократно обращал на это внимание.

Можно было бы привести еще большее число аналогичных криминальных фактов, тенденций и закономерностей, а также криминогенных норм уголовного, уголовно-процессуального и административного права в нашей стране, в которых многочисленные формы безнаказанности преступников рассматриваются как «гуманистическое» направление развития современного законодательства. Но ситуационный гуманизм, как это не парадоксально, никак не сдерживает преступность. Да и насколько это гуманно для погибших от рук преступников, искалеченных, изнасилованных, ограбленных, обворованных, обманутых, обездоленных людей и их близких?

А ведь еще Цицерон обоснованно полагал: **«Величайшее поощрение преступления – его безнаказанность»** [3, с. 245]. С тех пор прошли тысячи лет, а эта мудрость, многократно повторяемая другими великими людьми, нами так и не усвоена.

В УК РФ, например, необходимо дополнительно предусмотреть фактически существующие формы и виды социально опасной и реальной коррупции, а именно: 1) коррупционный лоббизм; 2) коррупционный фаворитизм; 3) коррупционный протекционизм; 4) nepotизм (кумовство, покровительство родственникам); 5) тайные взносы на политические цели; 6) взносы на выборы с последующей расплатой государственными долж-

ностями или лоббированием интересов вносителя; 7) келейное проведение приватизации, акционирования и залоговых аукционов; 8) незаконное предоставление налоговых и таможенных льгот; 9) переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на «теплые» должности «подкормленных» ими банков и корпораций; 10) коррупция за рубежом при заключении внешнеэкономических контрактов; 11) совмещение государственной службы с коммерческой деятельностью; 12) незаконное обогащение и т. д. [4, с. 214].

Обратимся к одним из последних полностью обобщенных данных о преступности в России. Так за 2017 г. было зарегистрировано 30547566 заявлений о преступлениях и административных правонарушениях, рассмотрено 10304062 таких заявлений (сообщений). Зарегистрировано 2058476 преступлений, что на 4,7% меньше, чем в 2016 г. При этом следует отметить, что Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (СЗ РФ. № 26 (часть I). Ст. 3851) хотя и был принят, но каких-либо существенных профилактических мер организационного, социального и экономического характера на основе изучения причин преступности и их устранения в его развитие сделано не было. Криминогенная ситуация в России за прошедший, практически двухлетний период, фактически не улучшалась при наблюдающемся уже много лет статистическом снижении уровня преступности [5, с. 4].

Откуда берутся данные о снижении уровня преступности? В отсутствии специальных государственных программ по борьбе с ней трудно понять, как и почему, начиная с 2006 г., уровень преступности в России неуклонно сокращается. Представляется, что это может быть, с одной стороны, благодаря массовой декриминализации преступлений и переводу их в административные правонарушения, а, с другой, частым и массовым амнистиям. Необходимо учитывать и тот факт, что мошеническое обращение с уголовной статистикой всегда имело место.

Более того, в России при подготовке законопроектов доминирует не статистическое и социологическое исследование реальных причин и закономерностей, а догматическая логика и грамматика. Законодательные акты должны адекватно отражать, эффективно и справедливо регулировать жизненные реалии, учитывать и нейтрализовывать последствия противоправного поведения, предлагая допустимые нормы социального поведения, прогноз результатов их действия.

Здесь нужна не только грамматика и догматика, а реалии жизни и деятельности людей, а также прогнозируемая эффективность возможных норм их поведения в соответствующих ситуациях.

Поэтому главная трагедийность нашего положения ныне в том, что **мы точно не знаем реального обобщенного объема преступности и ее отдельных устоявшихся видов; не знаем ее истинных социальных и экономических последствий; не выявляем действительной эффективности борьбы с преступностью, не знаем, как дорого эта борьба обходится народу в итоге; не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в стране и в мире. Более того, мы глубинно научно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию» как к стихии.**

Логическое мышление, доминирующее в юридической науке, не может дать знания эмпирического свойства. А абстрактное философствование вне фундаментального анализа реалий сводит философию к науке слов, а не к науке познания реального права.

Что касается криминологии как науки, то, **во-первых**, она даже на уровне современных знаний пока что очень далека от совершенства. **Во-вторых**, в стране нет достаточного числа криминологов, владеющих современными методами криминологического, социологического, статистического и математического анализа и прогноза, **поскольку на них нет спроса.** **В-третьих**, мы не имеем сколько-нибудь полных, надежных и конкретных данных о мировой, национальной и даже региональной криминологической обстановке. При модернизации уголовного закона не стоит наступать на те же грабли, когда наспех без серьезных вдумчивых юридических, криминологических, социологических исследований создавался действующий УК РФ. Между реальными криминологическими данными и мошеннически регистрируемой преступностью существует **давняя системная пропасть**, обусловленная политическими, экономическими, социальными, организационными, правовыми, идеологическими и психологическими проблемами страны и ее руководителей. **Это конфликт между массовой преступной реальностью и ограниченными возможностями общества и государства, между беспощадным криминалом и осознаваемой виновностью властей, желающих слышать о гуманизме и либерализме лишь своих действий.**

Литература

1. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2014. 320 с.

Криминология и социология уголовного права практически не нужны нашей власти, хотя они **чрезвычайно нужны нашему обществу, нашему народу.** Только при научном подходе можно минимизировать преступность в нашей стране, особенно экономическую. Идеологические и логические рассуждения самого высокого уровня мало пригодны для прагматического общества. Гадания на логической кофейной гуще не только бесполезны, но и вредны. Будущее за аналитикой и прогнозом реалий.

Россия находится в сложном положении, но она выходит из кризиса, несмотря на порочные американские санкции и инсинуации, инсценированные давней идеей американского гегемонизма в мире [6, с. 247]. Доверие народа к власти растет. Президент РФ В.В. Путин принимает перспективные решения в международных отношениях и во внутренней политике, которые поддерживаются россиянами и народами многих стран мира. Он практически обновил руководство российских регионов. Страна укрепляется экономически, увеличивается российский золотой запас для своевременного ухода от преступного американского доллара. На смену готовятся молодые и подготовленные губернаторы многих регионов. Следующий этап обновления, видимо, коснется и федерального руководства. Будем надеяться, что рано или поздно идеи академика В.Н. Кудрявцева победят и научная аналитическая криминология займет достойное место, сыграв решающую роль в очищении страны от современного криминала. Есть уже и некоторые сдвиги.

Следует иметь в виду возможные серьезные перемены в стране после очередных президентских выборов в России. Власть осознает, что в обществе есть запрос на перемены, что общественное недовольство растет, в том числе персонифицированно направленное, и, судя по некоторым признакам, намерена проводить определенные преобразования. Их интенсивно готовят, часть уже подготовлена – эти изменения касаются реформы управления, экономической реформы, реформы правовой системы и правопорядка в целом, реформы аналитико-прогностической деятельности. Но мы не знаем, как эти преобразования будут осуществляться, т.е. окажутся ли они эффективными, и не очень представляем, как общество на них отреагирует.

2. Лунеев В.В. Россия должна исторгнуть приметы правовой системы Транай // Государство и право. 2017. № 3. С. 43–66.
3. Энциклопедия афоризмов. В 3 т. Т. 1. Минск, 1999. 2700 с.
4. Лунеев В.В. Необходимые перспективы развития Института государства и права РАН // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1 (14). С. 208–221.
5. Состояние преступности в России за 2017 год. Статистический сборник. М., 2017.
6. Лунеев В.В. Обвинительное заключение о международной и национальной преступности политического руководства США. М.: Институт государства и права РАН, 2017. 54 с.

References

1. *Luneev V.V. Istoki i poroki rossijskogo ugovnogo zakonotvorchestva* [The origins and defects of the Russian criminal legislation]. Moscow, Jurlitinform Publ. 2014. 320 p. (In Russian)
2. *Luneev V.V. Rossija dolzhna istorgnut' primety pravovoj sistemy Tranaj* [Russia should expel signs of the legal system of Tranai]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2017, no. 3, pp. 43–66. (In Russian)
3. *Jenciklopedija aforizmov* [Encyclopedia of aphorisms]. In 3 vol., vol. 1. Minsk, 1999. 2700 s. (In Russian)
4. *Luneev V.V. Neobhodimye perspektivy razvitija Instituta gosudarstva i prava RAN* [Necessary prospects of development Of the Institute of State and Law of RAS]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies]. 2018, no. 1 (14), pp. 208–221. (In Russian)
5. *Sostojanie prestupnosti v Rossii za 2017 god. Statisticheskij sbornik* [The state of crime in Russia in 2017. Statistical compendium]. Moscow, 2017. (In Russian)
6. *Luneev V.V. Obvinitel'noe zaključenje o mezhdunarodnoj i nacional'noj prestupnosti politicheskogo rukovodstva SshA* [The indictment on the international and national crime political leadership of the United States]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ. 2017. 54 p (In Russian)

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Скиба Андрей Петрович

Цель: определить направления развития уголовно-исполнительного права и криминологии

Методология: индукция, дедукция, синтез, метод исторического анализа, сравнительно-правовой, формально-логический методы и др.

Выводы. Обозначен ряд направлений развития уголовно-исполнительного права и криминологии в виде: анализа преступности юридических лиц; изучения преступности отдельных категорий лиц, а также особенностей отбывания ими наказания, включая их правовое положение, возможность досрочного освобождения от отбывания наказания и пр.; исследования уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, полицейского, административного и иного законодательства, регулирующего различные аспекты реализации полномочий и прохождения службы сотрудниками правоохранительных органов; продолжение криминологического анализа норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства; изучения Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов с целью устранения «белых пятен» и коллизий в законодательстве; разработки уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

Научная и практическая значимость. Определен ряд направлений комплексного развития уголовно-исполнительного права и криминологии, а также сформулированы практические рекомендации для деятельности авторских научных коллективов путем проведения соответствующих исследований.

Ключевые слова: ответственность юридических лиц, коллизии законодательства, большие лица, уголовно-исполнительное законодательство в экстремальных условиях.

В настоящее время в России проводятся различные исследования, касающиеся проблематики уголовно-исполнительного права и криминологии. Это обусловлено не только тем, что в среде ученых-исследователей становится все больше тех, кто высказывает оригинальную точку зрения относительно определенных теоретико-прикладных вопросов, но и совершенствованием правовых институтов, применявшихся ранее в законодательстве, учетом зарубежных подходов и международных стандартов в области борьбы с преступностью, исполнения уголовных наказаний и т.п.

Попутно следует отметить, что одним из «столпов» развития указанных наук является кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [1, с. 285–288].

Представляется, что наибольшая эффективность подобных исследований возможна в случае объединения современных достижений криминологии и уголовно-исполнительного права путем комплексного изучения тех или иных правовых институтов, регулируемых в уголовном, уголовно-

исполнительном и ином законодательстве, а также соответствующих лиц до и после совершения преступлений, особенно во время отбывания наказания и в постпенитенциарный период.

Выделим в этой связи несколько возможных направлений комплексного развития уголовно-исполнительного права и криминологии.

Во-первых, актуальным видится анализ преступности юридических лиц. Этот вид противоправных деяний характеризуется организованностью, наличием легальной финансовой основы для функционирования такого юридического лица и совершения преступлений, нередко коллегиальностью в принятии и исполнении соответствующих противозаконных решений и т.д.

Между тем в настоящее время в законодательстве РФ отсутствует возможность привлечения таких лиц к уголовной ответственности, не определены виды наказаний, которые можно было бы применять к таким субъектам, порядок их исполнения, включая правовой статус сотрудников учреждений и органов, их исполняющих, и т.п. Это поощряет безнаказанность, на практике ответственность нередко «перекладывается» на отдельных физических лиц, которые действуют на основе своих функциональных (служебных) обязанностей, имеющих у них в связи с работой в данном юридическом лице (в руководстве, службе безопасности, бухгалтерии, юридическом отделе и проч.).

Подобные и другие проблемы исследуются заведующим кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА, профессором И.М. Мацкевичем и другими специалистами [2, с. 126–130; 3; 4, с. 14–20; 5, с. 7–14].

Между тем в зарубежном законодательстве и в практике ряда стран уже имеются примеры борьбы с этим видом преступности, что, возможно, следовало бы учитывать и в нашей стране. При этом потребуются корректировка, помимо прочего, и уголовно-исполнительного законодательства, включая его задачи, структуру, содержание, принципы, средства исправления осужденных, правовой статус сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, возможность приостановления исполнения наказаний и др.

Во-вторых, необходимо акцентировать внимание на преступности отдельных категорий лиц [6, с. 37–41; 7, с. 95–101; 8, с. 60–71; 9, с. 284–290; 10, с. 379–383] (российских граждан из разных регионов страны, а также иностранных граждан, приехавших из различных государств Европы, Средней и Юго-Восточной Азии, Африки и др., имеющих культурные, религиозные и иные ин-

дивидуальные особенности; российских военнослужащих и сотрудников различных правоохранительных органов, находящихся как на территории РФ, так и за ее пределами; лиц, совершающих нападения на российских граждан за пределами страны (включая приграничные территории, на которых имеют место военные конфликты); лиц, совершающих преступления террористического характера и другие преступления против общественной безопасности, государственную измену, шпионаж и иные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, наемничество, реабилитацию нацизма, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, и другие преступления против мира и безопасности человечества, и т.п.), а также на особенностях отбывания наказания, включая их правовое положение, возможность досрочного освобождения от отбывания наказания и пр. Так, интересным с точки зрения уголовно-исполнительного права здесь видится исследование организации индивидуальной воспитательной работы с данными категориями осужденных, реализации ими права на свободу совести и вероисповедания, деятельности религиозных и иных организаций при осуществлении общественного воздействия, а также особенностей режима отбывания наказания ими и иных аспектов исправительного воздействия на них.

Целесообразно также лиц выделить, совершивших преступления против российских граждан в различного рода военных конфликтах, в том числе на территориях, приграничных с нашей страной. Не затрагивая проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, отметим, что законодатель, видимо, не видит необходимости конкретизировать в Уголовно-исполнительном кодексе РФ особенности исполнения и отбывания наказания данной категорией лиц, а попытки выделить в отдельных нормах похожие группы осужденных (например, в ч. 4 ст. 73 УИК РФ) не обеспечивают системный подход в этой области. Более того, указанная категория лиц тоже обладает особыми индивидуальными характеристиками, требующими учета при исправительно-профилактическом воздействии на них, которые в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве и на практике практически не принимаются во внимание.

Кроме того, наличие болезни может существенно влиять на поведение лица, в том числе правонарушающее. По этому максимально учитывать его криминологические характеристики не только при применении наказаний или иных мер

уголовно-правового характера, но и при исправительно-профилактическом воздействии в его отношении в процессе реализации мер поощрения и взыскания, изменения условий отбывания наказания, корректировки объема правоограничений, досрочного освобождения от отбывания наказания и т.п. [11; 12, с. 37–41].

Нельзя также не отметить, что преступность лиц, имеющих психические расстройства, в том числе нуждающихся в лечении от алкоголизма и наркомании, по-прежнему требует изучения [13, с. 27–30; 14, с. 246–259; 15, с. 37–41] (например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, только в 2017 г. осуждено 215949 и 7077 лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения ([URL: http://www.cdep.ru/](http://www.cdep.ru/) (дата обращения: 28.07.2018)), а сами правонарушители с психическими расстройствами – особого уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия путем учета их индивидуальных признаков, что, к сожалению, ненадлежаще отражается в законодательстве.

При этом в 2003 г. законодатель исключил из ст. 97 УК РФ возможность применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступление и признанным нуждающимся в лечении от алкоголизма или наркомании, введя соответствующее положение в ст. 18 УИК РФ. Представляется, что снижение значимости соответствующих мер воздействия к лицам, нуждающимся в лечении от алкоголизма и наркомании, с межотраслевого (включая уголовно-правовое и уголовно-процессуальное) до сугубо уголовно-исполнительного значения вряд ли будет способствовать повышению эффективности их применения.

В-третьих, необходим комплексный анализ уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, полицейского, административного и иного законодательства, регулирующего различные аспекты реализации полномочий и прохождения службы сотрудниками правоохранительных органов.

С нашей точки зрения, недостатки указанного законодательства, с одной стороны, расширяют субъективизм в принятии соответствующих решений, когда многое остается на усмотрение конкретного должностного лица, с другой – делают в этой связи сотрудников менее защищенными при постановке вопроса о привлечении к уголовной и иной ответственности. В этой связи требуется не только анализ и корректировка соответствующего законодательства, но и приня-

тие дополнительных организационных мер [16, с. 704–711; 17, с. 16–22; 18, с. 178].

В-четвертых, следует продолжить криминологический анализ норм уголовно-исполнительного законодательства, осуществляемый профессором кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА В.Н. Орловым и другими учеными [19, с. 10–14; 20, с. 376–386; 21, с. 381]. Здесь актуальным видится комплексный анализ как положений законодательных актов (УИК РФ, Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» и др.), так и подзаконных документов (Приказов Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (*Ведомости РФ. 1993. № 33. Ст. 1316*), от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (*Российская газета. 2009. 14 авг.*), от 29 декабря 2016 г. № 329 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (*СПС «Консультант Плюс»*), приказа министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680 «Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими» (*СПС «Консультант Плюс»*) и др.).

В настоящее время многие институты уголовно-исполнительного права не ориентируются на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, определенных в ч. 1 ст. 1 УИК РФ. С учетом того, что основные аспекты деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, должны быть связаны с достижением исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений, требуется изучение норм уголовно-исполнительного законодательства сквозь призму такого подхода.

Высказывания предложения по расширению предмета уголовно-исполнительного права за счет иных мер уголовно-правового характера, некоторых уголовно-процессуальных мер пресечения и т. д. [22, с. 8–13; 23, с. 8–13; 24, с. 39–43], также предполагают необходимость тщательного исследования правовой основы деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы и других государственных органов, занимающихся реализацией указанных мер.

В-пятых, злободневен анализ УК РФ, УИК РФ, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»

(*СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851*) и иных нормативных правовых актов с целью устранения «белых пятен» и коллизий законодательства, в том числе имеющих межотраслевой характер [25, с. 71–74; 26, с. 207; 27, с. 20–34]. Возможно, в этой связи актуальной представляется подготовка нормрайтеров для правотворческой работы [29, с. 16–29; 30, с. 333–502].

К таким коллизиям законодательства, в частности, можно отнести несоответствия: перечней видов исправительных учреждений в ч. 1 ст. 56 УК РФ и ст. 16, 74 и 101 УИК РФ; между ч. 1 ст. 2 УИК РФ (согласно которой уголовно-исполнительное законодательство состоит из этого Кодекса и других федеральных законов) и другими его положениями (речь идет о ссылках в ст. 5, 82 и других на подзаконные нормативные правовые акты в области исполнения наказаний, в частности, на Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений); перечней органов и должностных лиц, которые вправе посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения, в ст. 24 УИК РФ и ст. 38 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; условий, которые учитываются администрациями исправительных учреждений при привлечении осужденных к лишению свободы к труду, в ст. 103 УИК РФ и ст. 14 Закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; положением ч. 1 ст. 43 УК РФ, согласно которой наказание заключается в предусмотренных Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица, а также нормами других нормативных правовых актов в области исполнения наказаний, в которых закрепляются многочисленные ограничения прав осужденных; условий расщочки штрафа (ч. 3 ст. 46 УК РФ и ч. 2 ст. 31 УИК РФ); перечней наказаний, при исполнении которых возможно заменить оставшуюся не отбытую часть наказания более мягким видом наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ и ст. 148 УИК РФ); способов обеспечения социальной адаптации осужденных (ч. 3 ст. 24 Закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и ч. 3 ст. 121 УИК РФ).

В-шестых, ввиду наличия многих негативных обстоятельств (ухудшение военно-политической обстановки в приграничных с Россией территориях, наличие террористических угроз, деятельность незаконных вооруженных формирований, региональные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и проч.), причем не только на территории РФ, но и в сопредельных государствах, очевидна необходимость разработки уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения (они нами объединяются термином «экстремальные условия») [30, с. 333–502]. Например, артиллерийский обстрел украинской армией Горловки (Донецкая область) и, в частности, химического завода «Стирол» может привести к экологической катастрофе, к утечке «кровного яда» – моноклорбензола, радиус минимального поражения которого составляет не менее 300 километров, в связи с чем смертельному риску подвергаются жизнь и здоровье жителей Украины, Белоруссии и России [31, с. 90].

Разработка уголовно-исполнительного законодательства в экстремальных условиях отчасти может базироваться на положении ст. 331 УК РФ о том, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени.

В настоящее время в УИК РФ (ст. 85) закреплена правовая институт, который может стать некоей основой для формирования уголовно-исполнительного законодательства в экстремальных условиях; им является режим особых условий в исправительных учреждениях, основаниями введения которого являются: стихийное бедствие, введение чрезвычайного или военного положения и др. [32, с. 333–502]. Однако положения указанной статьи весьма расплывчаты, в них недостаточно учитываются особенности оснований введения режима особых условий, что требует ее законодательной конкретизации, например, в части правового положения как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, в мирное и нечрезвычайное время цели уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, будут дополняться теми, для достижения которых вводится чрезвычайное или военное положение (в соответствии со ст. 2 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении») (*СЗ РФ. 2001. № 23.*

Ст. 2277) и ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375).

При формировании уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения следует учитывать необходимость изменения многих норм, имеющих как междотраслевой, так и сугубо пенологический характер и применяемых в мирное и чрезвычайное время, в частности, относительно: исправительно-профилактического воздействия в отношении осужденных; видов досрочного освобождения от наказания; правового положения осужденных и сотрудников учреждений и органов, исполня-

ющих наказания. Кроме того, следует сформулировать надлежащую правовую основу по стимулированию привлечения осужденных к участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций и разработать новые подходы к исполнению и отбыванию наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией осужденных от общества, в экстремальных условиях.

Проведение вышеуказанных и иных научных исследований возможно путем создания межкафедральных (межвузовских) авторских коллективов (в том числе с участием сотрудников кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России) для обеспечения комплексности подобной работы.

Литература

1. Эминов В.Е., Орлов В.Н. Кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (1988–2014 гг.) // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1. С. 285–288.
2. Капинус Н.И. Об уголовной ответственности юридических лиц // Аграрное и земельное право. 2014. № 2 (110). С. 126–130.
3. Кашуба Ю.А., Карибов С.И. Доктринальные основы уголовной ответственности легальных организаций. Ростов-на-Дону: изд-во Рост. гос. экон. ун-та «РИНХ», 2008. 154 с.
4. Мацкевич И.М. Криминология уголовной ответственности юридических лиц // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1–4. С. 14–20.
5. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Союз криминалистов и криминологов. 2017. № 1–4. С. 7–14.
6. Дашков Г.В. Криминологические вопросы реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (35). С. 37–41.
7. Капинус О.С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1 (68). С. 95–101.
8. Мацкевич И.М. Воинский коллектив: негативные и позитивные аспекты взаимодействия между людьми // Философские науки. 2010. № 5. С. 60–71.
9. Мацкевич И.М. Современные методологические проблемы криминологии // Российский криминологический взгляд. 2010. № 2. С. 284–290.
10. Эминов В.Е. Преступники – представители правоохранительной системы // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 379–383.
11. Наказание и исправление преступников: пособие / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: изд-во ВНИИ МВД России, 1992. 392 с.
12. Скиба А.П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2012. 521 с.
13. Ендольцева А.В., Никитин А.М. Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. 2013. № 13. С. 27–30.
14. Мацкевич И.М. Алкоголизм и наркотизм в России // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 246–259.
15. Харабет К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в вооруженных силах Российской Федерации (социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 396 с.
16. Капинус О.С. Научно-методологические подходы к деятельности органов государственной власти по противодействию незаконной миграции на территории Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 704–711.

17. Максимов С.В. Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 16–22.
18. Мацкевич И.М., Антонян Е.А., Аминов И.И. Механизмы противодействия коррупционным рискам в учреждениях, исполняющих наказания. М.: ООО «Научный консультант», 2017. 178 с.
19. Орлов В.Н. Объективная сторона отбывания уголовного наказания // Российский криминологический взгляд. 2014. № 1 (37). С. 376–386.
20. Аминов И.И. Обеспечение прав осужденных в местах лишения свободы как основа пенитенциарной безопасности // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России «Юридическая наука и практика» / под общ. ред. Р.А. Ромашова. Самара: Самарский институт ФСИН, 2014. С. 10–14.
21. Петрянин А.В. Теоретико-прикладное исследование преступлений экстремистской направленности (уголовно-правовой и криминопенологический аспекты) / под ред. А.П. Кузнецова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 381 с.
22. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2017. 320 с.
23. Орлов В.Н. Идеи профессора Н.А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 1. С. 8–13.
24. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 39–43.
25. Борсученко С.А. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: пробелы и коллизии // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 4. С. 71–74.
26. Скиба А.П. Коллизии законодательства России (краткий научный комментарий) / под ред. А.А. Крымова. 2-е изд. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. 207 с.
27. Москалькова Т.Н. Преодоление коллизий в законодательстве как одно из направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 20–34.
28. Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6. С. 16–29.
29. Мацкевич И.М. Субъекты законотворчества: к вопросу о норморайтерах и не только // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 333–340.
30. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения / под общ. ред. А.А. Крымова; науч. ред. А.П. Скиба. Рязань: Академия ФСИН России, 2017.
31. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль–ноябрь 2014). М.: МИД России, 2014. 81 с.
32. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 759 с.

References

1. *Eminov V.E., Orlov V.N.* Kafedra kriminologii i ugovolno-ispolnitel'nogo prava Moskovskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) (1988-2014 gg.) [Department of Criminology and Criminal Executive Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA) (1988-2014)]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad [Russian criminological view]*, 2014, no. 1, pp. 285–288. (in Russian)
2. *Kapinus N.I.* On the criminal liability of legal entities [Ob ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo [Agrarian and land law]*, 2014, no. 2 (110), pp. 126–130. (in Russian)
3. *Kashuba Yu.A., Karibov S.I.* Doctrinal bases of the criminal liability of legal organizations [Doktrinal'nye osnovy ugovolnoj otvetstvennosti legal'nyh organizacij]. Rostov-on-Don, Rostov State University. Economic University «RINH» publ., 2008. pp. 154. (in Russian)
4. *Matskevich I.M.* Kriminologiya ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic [Criminology of the criminal liability of legal entities]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminologists and criminologists]*, 2017, no. 1–4, pp. 14–20. (in Russian)

5. *Fedorov A.V.* Otvetstvennost' yuridicheskikh lic: ugovolno-pravovye i ugovolno-processual'nye aspekty [Responsibility of legal entities: criminal law and criminal procedural aspects]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists], 2017, no. 1–4, pp. 7–14. (in Russian)
6. *Dashkov G.V.* Kriminologicheskie voprosy realizatsii strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federatsii [Kriminologicheskie issues of the implementation of the strategy of the state national policy of the Russian Federation]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the University named after O.E. Kutafina], 2017, no. 7 (35), pp. 37–41. (in Russian)
7. *Kapinus O.S.* Kriminologicheskoe research of the personality of the corrupt criminal [Kriminologicheskoe issledovanie lichnosti korrupcionnogo prestupnika]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2018, no. 1 (68), pp. 95–101. (in Russian)
8. *Matskevich I.M.* Voinskij kollektiv: negativnye i pozitivnye aspekty vzaimodejstviya mezhdru lyud'mi [Military collective: negative and positive aspects of interaction between people]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 2010, no. 5, pp. 60–71. (in Russian)
9. *Matskevich I.M.* Sovremennye metodologicheskie problemy kriminologii [Modern methodological problems of criminology]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological view], 2010, no. 2, pp. 284–290. (in Russian)
10. *Eminov V.E.* Prestupniki – predstaviteli pravoohranitel'noj sistemy [Criminals – representatives of the law enforcement system]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological view], 2010, no. 1, pp. 379–383. (in Russian)
11. Punishment and correction of criminals [Nakazanie i ispravlenie prestupnikov]. Ed. Yu. M. Antonian. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1992. 392 p. (in Russian)
12. *Skiba A.P.* Ispolnenie ugovolnykh nakazaniy v otnoshenii bol'nykh osuzhdennykh: teoretiko-prikladnoe issledovanie [Execution of criminal penalties in relation to sick convicts: a theoretical and applied study]. Diss ... dr. jurid. sciences. Ryazan, 2012. 521p. (in Russian)
13. *Endoltseva A.V., Nikitin A.M.* P'yanstvo, ego istoki i kriminologicheskaya sushchnost' [Drunkenness, its origins and criminological essence]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2013, no. 13, pp. 27–30. (in Russian)
14. *Matskevich I.M.* Alkoholizm i narkotizm v Rossii [Alcoholism and narcotism in Russia]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian criminological view], 2009, no. 3, pp. 246–259. (in Russian)
15. *Harabet K.V.* Protivodejstvie narkotizmu i narkoprestupnosti v vooruzhennykh silah Rossijskoj Federatsii (social'no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie) [Counteraction to narcotism and drug crime in the armed forces of the Russian Federation (social, legal and criminological research)], Moscow, 2018, 396 p. (in Russian)
16. *Kapinus O.S.* Nauchno-metodologicheskie podkhody k deyatelnosti organov gosudarstvennoi vlasti po protivodejstviyu nezakonnoi migratsii na territorii Rossiiskoi Federatsii [Scientific and methodological approaches to the activity of public authorities in counteracting illegal migration on the territory of the Russian Federation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law], 2015, no. 4, pp. 704–711 (in Russian)
17. *Maksimov S.V.* Novejshaya ugovolnaya politika rossii: opyt i uroki nepreryvnogo reformirovaniya [The Latest Criminal Policy of Russia: Experience and Lessons of Continuous Reform]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2017, no. 4, pp. 16–22 (in Russian)
18. *Matskevich I.M., Antonyan E.A., Aminov I.I.* Mekhanizmy protivodejstviya korrupcionnym riskam v uchrezhdeniyah, ispolnyayushchih nakazaniya [Mechanisms of counteraction to corruption risks in institutions executing punishment]. Moscow, Scientific consultant Publ., 2017. 178 p. (in Russian)
19. *Orlov V.N.* Ob"ektivnaya storona otbyvaniya ugovolnogo nakazaniya. [The objective side of serving criminal punishment]. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian Criminological View], 2014, no. 1, pp. 376–386 (in Russian)
20. *Aminov I.I.* Obespechenie prav osuzhdennykh v mestah lisheniya svobody kak osnova penitentsiarnoj bezopasnosti [Ensuring the rights of convicts in places of deprivation of liberty as the basis of penitentiary security]. In *Almanac of scientific works of the Samara legal institute of the Federal Penitentiary Service of Russia «Juridical science and practice»*. Ed. R.A. Romashova. Samara: Samara Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2014, pp. 10–14 (in Russian)

21. *Petryanin A.V.* Teoretiko-prikladnoe issledovanie prestuplenij ehkstremitstskoj napravlenosti (ugolovno-pravovoj i kriminopenologicheskij aspekt) [Theoretical and applied research of crimes of an extremist orientation (criminally-legal and criminological aspects)]. Nizhny Novgorod, 2013 381 p. (in Russian)
22. The general part of the new Penal Enforcement Code of the Russian Federation: the results and justification of theoretical modeling [Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya]. ed. VI Seliverstova. Moscow, 2017. (in Russian)
23. *Orlov V.N.* Idei professora N. A. Struchkova i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Ideas of Professor N. A. Struchkov and perspectives of development of the criminal-executive law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal-executive law]*, 2018, no. 1, pp. 8–13. (in Russian)
24. *Utkin V.A.* Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Criminally-executive activity and a subject of the criminally-executive law]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal-executive law]*, 2016, no. 2 (24), pp. 39–43. (in Russian)
25. *Borsuchenko S.A.* Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: probely i kollizii [Criminal-executive legislation of the Russian Federation: gaps and collisions]. *Vestnik Rossijskoj pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy]*, 2015, no. 4, pp. 71–74. (in Russian)
26. *Skiba A.P.* Conflicts of Russian legislation (short scientific commentary) [Kollizii zakonodatel'stva Rossii (kratkij nauchnyj kommentarij)] and others; Ed. A.A. Krymov. 2 nd ed. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2016. 207 p. (in Russian)
27. *Moskalkova T.N.* Preodolenie kollizij v zakonodatel'stve kak odno iz napravlenij deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii [Overcoming of collisions in the legislation as one of the directions of activity of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Engineering]*, 2017, no. 11, pp. 20–34. (in Russian)
28. *Baranov V.M.* Normoreiter as a profession [Normorajter kak professiya]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy]*, 2017, no. 6, pp. 16–29. (in Russian)
29. *Matskevich I.M.* Sub'ekty zakonotvorchestva: k voprosu o normoraiterakh i ne tol'ko. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2018, no. 2(42), pp. 333–340. (in Russian)
30. Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, chrezvychajnogo ili voennogo polozheniya: postanovka problemy [Criminally-executive legislation in the conditions of a natural disaster, the introduction of an emergency or martial law]. Ed. A.A. Krymov, A.P. Skiba. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2017. (in Russian)
31. Belaya kniga narushenij prav cheloveka i principa verhovenstva prava na Ukraine (iyul'-noyabr' 2014) [The White Book of Human Rights Violations and the Rule of Law in Ukraine (July-November 2014)]. Moscow: The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2014. 81 p. (in Russian)
32. Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation]. Ed. A.A. Krymov, A.P. Skiba. Moscow: Unity-Dana publ., 2018. 759 p. (in Russian)

ФИНАНСИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПРОБЕЛОВ (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина)

Тарасова Юлия Владимировна

Цель: сравнение моделей финансирования научно-образовательных проектов в двух странах континентальной системы права (в том числе с точки зрения потенциальных возможностей для нарушений).

Методология: исторический метод, методы сравнения (сопоставления), элементы диалектико-материалистического учения, методы ряда гуманитарных наук: социологии социальной психологии (в части описания социальных процессов в образовании, экономической теории (для анализа экономических моделей финансирования образования).

Выводы: обзор вариантов финансирования, применяемых в школах, вузах, дошкольных заведениях и в науке России и Германии в последние годы позволил выявить основные тенденции направления денежных потоков в этой сфере.

Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что на основе анализа исторических корней этих моделей обосновываются сложившиеся тенденции и спроектированы возможные вариации изменений (отмечается криминогенный потенциал и возможные негативные последствия для всей системы образования и науки в России). Кроме того, проанализированы предлагаемые в германской и в отечественной литературе меры и предложены направления их коррекции.

Ключевые слова: финансирование образования, финансирование в науке, исследования и разработки, бюджетное образование, внебюджетное финансирование, нарушение прав человека, немецкое образование, поддержка образования, инновационные исследования, научная политика.

Россия, в том числе в советский период, долгое время считалась одним из лидеров в развитии науки и технологий, прорывных технологических разработок и исследований, особенно в сфере тяжелого машиностроения, физики, математики. Отечественная система образования также не одно десятилетие служила образцом системности и фундаментальности. Безусловно, сбой в этой с виду слаженной системе произошел в результате довольно долго поддерживаемых социально-экономических условий и ошибочно принимаемых мер. Анализу характерных особенностей отечественной системы образования и науки и герман-

ской, на наш взгляд, одной из наиболее развитых систем, а также связанных с ними криминогенных условий и посвящена данная статья.

Финансирование исследований и разработок в России

Статистика бюджетного финансирования социальных сфер и проектов в России. Распределение финансовых ресурсов по государственным учебным заведениям еще с дореволюционного времени осуществлялось на основе сметы доходов и расходов на очередной финансовый год, в основу которой были положены так называе-

мые штаты работников, утверждавшиеся верховной властью и отображавшие все основные виды расходов по содержанию учебных заведений и органов управления ими за счет государственных средств [1, с. 15–16]. На основании этих штатов производилось распределение школ по округам и разрядам, а в зависимости от разряда школы учителя получали жалование: чем выше разряд, тем больше жалование. Расходы по содержанию школы включали: наем помещения, оплату коммунальных услуг», содержание библиотеки для учителей и учащихся, приобретение и доставку в школу книг и учебных пособий для учащихся, обзаведение вновь открываемых школ необходимым инвентарем и ремонт имеющегося в школах инвентаря [1, с. 15–16].

В дореволюционной России в университетах была установлена коллегиальная форма управления, в том числе и в финансовой сфере. Как отмечается в литературе, принятие решений относительно расходов на обеспечение деятельности университета относились к ведению совета университета (рассмотрение финансовой сметы университета, утверждение ежегодной сметы доходов и расходов собственных средств университета), а также правления университета или управляющего (заключение контрактов на подряды и поставки на сумму не более 5 тыс. руб.) и попечителя университета (должностное лицо в ведомстве просвещения, руководившее сетью учреждений) (назначение пособий бедным студентам, отсрочка оплаты, уменьшение ее размера; утверждение контрактов на подряды и поставки свыше 5 тыс. руб.) [1, с. 15–16]. Таким образом, основной спектр финансовых вопросов в вузах решался коллегиально руководством университета, и лишь часть из них подлежала согласованию с представителями Министерства просвещения.

Основные ресурсы университета складывались из следующих источников:

- 1) штатные суммы, выделяемые вузу на его содержание из государственных средств по смете Министерства народного просвещения;
- 2) специальные средства на содержание вуза;
- 3) суммы, ассигнованные из государственного казначейства на строительные нужды.

Поступления средств в учебные заведения делились на два потока: общие доходы (средства из государственного казначейства, доходы от предоставленных привилегий, плата за содержание пансионеров, проценты с неприкосновенных капиталов, доходы от продажи имущества, пособия) и специальные доходы (проценты с капиталов) [1, с. 21–22].

По официальным данным, в 1912 г. финансы государственных, общественных и частных вузов (в сумме 32,5 млн руб.) включали:

ассигнования из государственного казначейства (61%);

дополнительные приходные статьи – плата за обучение и содержание в интернатах и др. (39%).

При этом почти половина ежегодной стоимости обучения студента университета погашалась самими обучающимися [1, с. 15–16], т. е. основы коммерческого образования были заложены еще в дореволюционной системе образования.

В советское время финансирование учебных заведений высшего и среднего профессионально-технического образования осуществлялось на основе принципов плановой экономики:

1) в основном источником финансирования для государственных вузов служил государственный бюджет соответствующего уровня;

2) финансирование учебных заведений осуществлялось в соответствии с финансовыми планами по подготовке кадров соответствующих министерств и ведомств;

3) на каждое учебное заведение должна была составляться индивидуальная годовая приходно-расходная смета, утверждавшаяся органом по непосредственной подведомственности;

4) расходы по содержанию, строительству, оборудованию всех высших и средних профессионально-технических учебных заведений исчислялись и производились в соответствии с контингентами учащихся, ставками заработной платы преподавательского персонала, нормами материального обеспечения учащихся и объемом капитального строительства [1, с. 23–24].

В условиях государственной плановой экономики под финансированием понималось обеспечение необходимыми финансовыми ресурсами затрат на развитие народного хозяйства.

Перечень статей по сметам учреждений, состоявших на бюджете, помимо заработной платы, канцелярских и хозяйственных расходов, командировок и служебных разъездов, включал следующие расходные статьи:

- 1) научно-исследовательские работы и изобретательство;
- 2) учебные расходы и производственная практика учащихся;
- 3) приобретение книг для библиотек;
- 4) стипендия учащихся;
- 5) питание (в лечебно-санитарных учреждениях, домах инвалидов, детских домах, садах и яслях);
- 6) приобретение медикаментов и перевязочных средств;

- 7) приобретение и ремонт учебных пособий;
- 8) приобретение и ремонт оборудования и инвентаря;
- 9) капитальные вложения;
- 10) внелимитные затраты;
- 11) прочие расходы;
- 12) сельское школьное строительство [1, с. 28].

Позже вводились в действие иные классификации расходов бюджетов, без принципиальных изменений просуществовавшие вплоть до начала 1990-х гг.

Потребность в средствах на заработную плату рассчитывалась исходя из численности учащихся и нормативов учебной нагрузки на учащегося и преподавателя, а для вузов – из установленного соотношения преподавателей и студентов. Большое внимание при расчетах уделялось вопросам определения фонда оплаты труда работников, расходов на социальное обеспечение учащихся, а все остальные расходы предлагалось определять «от базы», т. е. от достигнутого уровня. Такой подход в бюджетном планировании сохранился и в настоящее время успешно применяется в рамках бюджетного процесса.

По мнению ряда исследователей-экономистов, указанный подход к планированию расходов на образование соответствовал условиям стабильной плановой экономики, в которых все изменения в функционировании образовательных учреждений можно было учесть, поскольку они также осуществлялись на плановой основе [1, с. 15–16]. Вопрос о применимости этого подхода с учетом его «тяжести» и «неповоротливости» в условиях рыночной экономики, когда организации вынуждены осуществлять на своей базе все виды разрешенной коммерческой деятельности, принимая решения крайне оперативно, пока, на наш взгляд, остается открытым.

Однако результативность ныне применяемого подхода тоже вызывает некоторые опасения: по оценкам НИУ ВШЭ, сегодня объем затрат на науку составляет всего примерно 90,4% от уровня 1991 г. [2, с. 2]. Хотя в натуральных цифрах величина внутренних затрат России на исследовательские разработки в 2015 г. и достигла 914,7 млрд руб.

Доля расходов на науку в ВВП России значительно ниже, чем во многих других странах (близка к 1%), что обычно «свойственно экономикам с низким научно-технологическим потенциалом, которые и не пытаются конкурировать в глобальном научно-технологическом пространстве» [2, с. 2].

В отечественной модели финансирования науки 60–70% расходов на исследовательские раз-

работки обеспечивается за счет государственных средств [2, с. 3], а это противоречит тенденциям развития научных исследований во всем мире и изменению структуры источников финансирования науки в пользу внебюджетных средств, на что нацелена, в частности, Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.).

В то же время не вызывает сомнений, что в России крайне низок спрос на инновационные разработки в реальном секторе экономики, что во многом обусловлено низким спросом на инновации со стороны компаний реального сектора. Очевидно, по этой причине государственный бюджет остается в значительной степени основным источником финансирования исследовательских разработок, а сами разработки осуществляются, главным образом, в сфере обеспечения государственной безопасности и в военной сфере.

При этом государственные средства, выделяемые на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в большинстве секторов экономики расходуются недостаточно эффективно [2, с. 3]. Это свидетельствует о том, что российские компании из сферы крупного и среднего бизнеса (а именно им бы должно быть выгодно финансирование научных разработок) еще не почувствовали для себя их полезность и необходимость для дальнейшего своего развития, не успевают и не очень горят желанием в условиях очевидной ежедневной экономической нестабильности внедрять дорогостоящие технологические разработки.

Вместе с тем объем иностранных вливаний в отечественную науку за 2000–2015 гг. сократился с 33 до 26%, а это также говорит о том, что иностранным фирмам это перестает быть выгодным и интересным настолько, чтобы преодолевать все возникающие организационные и иного формата преграды. По данным исследователей НИУ ВШЭ, из всего объема средств, которые тратятся на технологические инновации, «на исследовательские разработки идет менее четверти финансирования, на покупку машин и оборудования – почти половина, а на приобретение новых технологий – 1,6%». В развитых странах Европы, напротив, инвестиции в науку в четыре – пять раз превосходят средства, идущие на закупку машин и оборудования [2, с. 4–5].

По сопоставляемым данным объем ассигнований в 2015 г. в сравнении с 1991 г. снизился на 35,4% (в постоянных ценах). В то же время

в большинстве развитых стран средства организаций предпринимательского сектора являются ключевым источником поддержки исследовательских разработок. В среднем по странам – членам Организации экономического сотрудничества и развития соответствующая доля составляет почти 61%, а по странам – членам Евросоюза – чуть менее 55%.

Пожалуй, трудно не согласиться с мнением о том, что основной причиной незаинтересованности российского бизнеса в поддержке исследований и разработок (в разных формах) связана в первую очередь со слабой инновационной активностью бизнеса, отсутствием стратегического видения, ориентацией на внутренний, а не на глобальный рынок [2, с. 2]. Не комментируя эту ситуацию, подчеркнем лишь, что отечественный бизнес в целом развивается не в самом благоприятном инвестиционном климате, при невысокой доле вложений частного бизнеса в науку, в условиях еще совсем «юного» и неразвитого менеджмента в сфере науки, технологий и инноваций, что также требует внедрения управленческих навыков в повседневную жизнь отечественных компаний.

Предпринятые меры по поддержке вузовской науки в России привели к тому, что сегодня в 3/4 всех вузов ведутся научно-исследовательские разработки, но качество таких разработок пока еще далеко не совершенно.

В секторе высшего образования основным источником финансирования также остаются средства государства (на них приходится около 60%). Однако если система государственного распределения выпускников почти сошла на нет, то в части научных разработок все еще наблюдается относительно тесная связь между финансовыми вложениями и получателем результатов. Крупнейшим источником финансирования исследовательских разработок являются средства государства: их доля в общем объеме затрат составляет 68,2%; более половины из них – средства федерального бюджета.

Для сложившейся в России модели финансовой поддержки науки характерна слабая в целом активность предпринимательского сектора, что заметно отличает ее от других развитых экономик. Объем внутренних затрат, осуществленных за счет средств предпринимательского сектора, в 2016 г. составил 28,1% всех затрат на науку, при этом за период 2000–2016 гг. доля бизнеса как источника финансирования науки сократилась с 32,9 до 28,1% [3]. В большинстве развитых и быстроразвивающихся зарубежных государств

данный источник, напротив, является ключевым. Так, в США на него приходится 64,2% внутренних затрат на исследовательские разработки, в Германии – 65,6%, в Республике Корея – 74,5%, в Китае – 74,7%, в Японии – 78% [4].

О внебюджетном финансировании научно-образовательных проектов в России. Важным источником финансирования деятельности образовательных учреждений с момента их создания являлись так называемые специальные средства, которые представляли собой доходы от различных видов деятельности, осуществляемой образовательными учреждениями.

В Российской империи наряду с ассигнованиями государственного казначейства (бюджетные средства) образовательные учреждения получали проценты с капиталов, принадлежавших учебным заведениям, переданных или пожертвованных им, а также плату за обучение и содержание учащихся (воспитанников), доходы от «привилегий», предоставленных учебным заведениям (воспитательным домам), доходы от специально созданных предприятий, от продажи имущества (имений) учебных заведений.

Например, оборот Мануфактуры Воспитательного дома с 1801 г. составляла по 1803 г. имела более 1,1 млн руб. Воспитательному дому с 1765 г. было предоставлено право клеймления игральные карты и получения всех доходов от их продажи на территории Империи. В итоге с клеймления карт он получил около 25 тыс. руб. дохода (вместо 27 тыс. руб. в год в связи со злоупотреблениями по торговле неклеяемыми картами или картами с фальшивым клеймом, что в итоге позволило создать Воспитательному дому свой капитал) [1, с. 33]. Это, пожалуй, одно из первых свидетельств финансовых нарушений в сфере образования, зафиксированных в России.

Специальными средствами были названы суммы, образующиеся из тех доходов учреждений, состоявших на государственном бюджете, которые на основании особых постановлений законодательных органов могли расходоваться учреждениями на специальные цели без проведения их по доходной и расходной части единого государственного бюджета СССР. Это были, например, доходы, получаемые учреждениями, состоящими на государственном бюджете, от сдачи в наем находящихся в их ведении заведений и помещений или от их эксплуатации иным способом [1, с. 34].

В целом имел место разрешительный принцип осуществления приносящей доходы деятельности. Несмотря на то, что специальные средства не зачислялись в бюджет, по ним, как и по бюджетным

средствам, составлялись сводные сметы по народным комиссариатам и ведомствам, а их планирование также осуществлялось централизованно, практически в том же порядке, что и планирование бюджетных средств. Доходная часть сметы по специальным средствам составлялась с полным учетом всех ожидаемых к поступлению доходов и остатков специальных средств. Распорядителями специальных средств являлись руководители учебных заведений. Выдача этих средств со счетов, на которых они хранились, осуществлялась банками в пределах утвержденной сметы при представлении руководителем бюджетного учреждения справки об утверждении соответствующим органом управления такой сметы [1, с. 36]. Важно, что подобный порядок с незначительными изменениями действовал еще и в начале 1990-х гг., когда банки требовали от образовательных учреждений утвержденную министерством смету расходов специальных средств

Предусматривалась возможность направления директором вуза средств, сэкономленных в ходе выполнения плана научно-исследовательских работ (по сути дела – неизрасходованных средств) на укрепление материальной базы вуза. Необходимым условием их использования являлось выполнение плана научно-исследовательских работ в полном объеме. Поскольку неиспользованные средства при его невыполнении должны были перечисляться в доход бюджета.

В литературе отмечается, что «при поступлении доходов в размерах, превышающих смету, их расходование допускалось после утверждения дополнительной сметы, т.е. сметы на дополнительные доходы» [1, с. 37]. Длительные процедуры утверждения и согласования всех необходимых шагов в получении имеют место и сегодня, усложняя процесс не только расходования имеющихся средств, но и привлечения доходов, а также усложняя предпринимательскую деятельность.

Начиная с 1966 г. ректорам вузов было предоставлено право использовать 75% суммы превышения доходов над расходами по научно-исследовательским работам, выполняемым на основе хозяйственных договоров, на расширение и укрепление материально-технической базы учебных заведений, сверх ассигнований по планам капитальных вложений. Тем самым ставилась задача изначально закладывать в плановую себестоимость научно-исследовательских работ прибыль.

Платность обучения, существовавшая в дореволюционной России, была отменена после 1917 г., но в дальнейшем ее элементы вновь постепенно возродились в форме взаиморасчетов образова-

тельных организаций с различными бюджетными (до 1992 г.) организациями. Следует отметить, что уже в 1930-е гг. допускались расчеты между учреждениями, предприятиями и организациями за подготовку кадров в высших и средних профессионально-технических учебных заведениях, содержащихся за счет внебюджетных средств (средств отраслей), т.е. функционировавших на принципах хозрасчета. По существу, речь шла об оплате обучения, проводимого по заказам хозрасчетных организаций. В 1940 г. была введена плата за обучение, которая должна была вноситься равными долями два раза в год: к 1 сентября и к 1 февраля. Контроль за внесением платы был очень строгим, вплоть до отчисления из учебного заведения.

Претерпевая незначительные изменения, почти все эти подходы в части формирования специальных средств сохранялись до конца 1980-х гг.

Введение в 1989 г. новых условий хозяйствования в сфере образования устранило разницу между бюджетными и внебюджетными (специальными) средствами – они были объединены в единый источник финансирования. Но в связи с не до конца просчитанным переходом экономики к рыночным механизмам новые условия хозяйствования развития не получили, а их элементы в части единых счетов и формирования фондов внутри образовательных учреждений свое существование, по существу, прекратили к 1995 г. Серьезные изменения в сферу экономики образования были привнесены с принятием Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» и других законодательных и нормативных актов. Это послужило стимулом к развитию в сфере образования приносящей доходы деятельности. Следует отметить сохранение бюджетного финансирования, объемы которого не ставились в зависимость от получаемых доходов из внебюджетных источников. Одновременно был существенно расширен диапазон видов деятельности, которую могли осуществлять образовательные учреждения для получения доходов (оказание платных дополнительных образовательных и посреднических услуг, продажа и сдача в аренду основных фондов и имущества самого учреждения, купля-продажа товаров, долевое участие в деятельности других учреждений, предприятий и организаций). Таким образом, законодатель предоставил почти полную свободу руководству образовательных учреждений ради цели получения организациями прибыли для последующего обеспечения их нужд.

В этот период резкого реформирования системы образования и науки бывшие ректоры

и директора образовательных учреждений стали де-факто почти полноправными единоличными руководителями (хозяевами) своих учебных заведений, поэтому вопрос налаживания предпринимательских начал в организации для большей их части во многом вопросом личного обогащения.

Статистика бюджетного финансирования социальных сфер и проектов в Германии

Система финансирования высшего образования в Германии. В соответствии с Основным законом ФРГ ответственность за систему высшего образования лежит на региональных земельных правительствах. Главным принципом является автономность вузов. Образовательная политика координируется Постоянной конференцией министров образования и культурных дел земель.

Развитие высшего образования после Второй мировой войны привело к расширению финансовых потребностей вузов, выходящих за рамки возможностей отдельных земель. В связи с этим Федеральное правительство Германии стало все больше вовлекаться в финансирование деятельности вузов. В 1969 г. университетские клиники и финансирование научных исследований были отнесены к системе высшего образования и законодательно инкорпорированы в Основной закон. В дальнейшем Федеральному правительству было поручено пересмотреть законодательные рамки и общие принципы высшего образования. В 1976 г. был подписан Акт основ высшего образования. После объединения в 1989 г. ФРГ и ГДР бывшая централизованная академическая система Восточной Германии была инкорпорирована в западную модель в соответствии с рекомендациями Совета по науке. Законодательно вузы как в области финансирования, так и непосредственно в управлении опираются на земельные акты по высшему образованию. На начало 2000-х гг. в Германии насчитывалось почти 350 вузов (университеты, колледжи искусств и музыки; университеты прикладных наук).

В Германии в отличие от США и ряда западных стран частные вузы не играют существенной роли в высшем образовании. Например, в начале 2000-х гг. все абитуриенты поступали в государственные профессиональные вузы. Полностью частных учреждений даже в среднем профессиональном образовании в Германии практически нет. Целью правительственной политики в области высшего образования было достижение числа поступивших в высшие учебные заведения не менее 40% общей численности обучающихся.

В землях университеты инкорпорированы в государственную администрацию как общественные ассоциации по линии бюджета, экономики и персонала, а в области преподавания и научных исследований они имеют право на самоуправление. Годовой бюджет университетов формируется за счет бюджетов земель и включает текущие расходы, заработную плату, материалы, расходы на обучение и научные исследования. Крупные капиталовложения и дорогое научное оборудование субсидируется в равных долях Федеральным правительством и землями ([URL: https://scicenter.online/munitsipalnyie-finansyigosudarstvennyie-scicenter/sistema-finansirovaniyavyishego-obrazovaniya-133530.html](https://scicenter.online/munitsipalnyie-finansyigosudarstvennyie-scicenter/sistema-finansirovaniyavyishego-obrazovaniya-133530.html). (дата обращения: 30.09.2018.)).

Основным источником субсидирования академических научных исследований в университетах является Центральное немецкое общество содействия научным исследованиям с бюджетом (по данным на 2001 г. – 1205 млн евро, из которых 700 млн было субсидировано Федеральным правительством, 500 млн – землями и 5 млн – другими организациями).

Студенты в Германии не платят за обучение, если период их пребывания в вузе не превышает обычных сроков, за исключением тех немногих, кто поступил в полугосударственные вузы. Без создания адекватной системы компенсации семьям студентов дебаты по поводу введения платы за обучение пока развития не получают. Существующая система помощи осуществляется на основании федерального закона о помощи образованию. Средства поступают как от Федерального правительства (65%), так и земель (35%). Финансовая помощь предоставляется в зависимости от размера дохода семьи студента и может быть получена в виде гранта либо ссуды [5].

В Германии имеется огромное количество фондов, готовых финансово поддерживать процесс получения образования, в том числе иностранными студентами. Для оплаты проживания в период обучения в Германии у студентов стало весьма популярным использование банковских кредитов. Немецкая банковская система предлагает множество удобных вариантов кредитования обучения и проживания, поскольку учиться и одновременно работать в немецких вузах не принято. Так называемый «BaFöG» – кредит, предоставляемый наполовину из денег государства и наполовину – из беспроцентного кредита. Размер стипендий рассчитывается и основывается на принципе: размер ежемесячной выплаты дол-

жен покрывать расходы на проживание в стране, не более того.

Стипендии от политических партий Германии стали также популярными, многие партии ввели собственные стипендиальные программы, для оказания поддержки особо талантливых студентов с активной жизненной позицией и желанием применить полученные знания на благо страны, из которой они родом. Поддержку студенчеству оказывает и католическое сообщество либо общество евангелистов (имеются практически при каждом вузе), а также многочисленные студенческие службы.

В 2009 г. Федеральное правительство вложило в сферу образования более 70 млрд евро (5,3% ВВП). Таким образом, расходы на образование в Германии пока еще ниже среднего показателя для экономически развитых стран, составляющего там около 6,2%, но все же существенно выше, чем в России. Отметим, что качество обучения (субъективно) и качество образования в целом (объективно) в Германии в последние годы довольно сильно страдает, впрочем, отражая общемировые тенденции.

По некоторым данным, около 20% школьников в Германии остаются в школе на второй год. Около 6% всех молодых людей покидают школы без какого-либо повода. Каждый пятый немецкий гражданин, согласно исследованию, проведенному в Евросоюзе, являясь функционально неграмотным, не умеет читать и писать на уровне, достаточном для того, чтобы справляться с этими функциями в повседневной жизни.

В Германии дети из малообеспеченных семей и дети иммигрантов в избытке представлены в основной школе и недостаточно представлены в средней. При этом в последние годы слишком много детей из семей мигрантов, лишены полноценного доступа к системе образования в силу ряда социально-экономических причин.

Численность университетов в различных регионах Германии зависит от распределения богатства страны. В Баварии и Баден-Вюртемберге существует множество университетов, в земле Мекленбург-Передняя Померания их сравнительно немного. Однако наличие университетов в депрессивных районах было бы полезно для экономического и социального развития.

В последние годы число студентов в Германии резко возросло. В настоящее время в университетах обучается 2,5 млн человек. Расходы на высшее образование также сильно возросли. В результате в большинстве вузов только часть студентов может продолжить обучение. В системе высшего об-

разования контроль за качеством обучения пока, к сожалению, очень низок, и велико число отчисленных: в зависимости от учебного заведения их количество может составлять от 25 до 50%.

Авторы одного из исследований обращают внимание на то, что в системе немецкого образования стабильно имеют место такие явления, как второгодничество (5–6%); окончание школы без получения свидетельства об обучении (8,2% среди немецких учащихся и 19,5% – среди детей иностранных граждан). Количество претензий вузов к снижению уровня подготовки абитуриентов и рост отсева студентов-первокурсников как свидетельство заниженных требований к качественному полному среднему образованию, получение которого учащимися в последние годы резко возросло. Имеется насущная необходимость в расширении доли оказываемых образовательных услуг за счет семьи (репетиторство) и государства (со стороны учителей школ: организаций «продленок», внеклассных и внешкольных дополнительных занятий) [6].

О современной научной политике Германии. Финансирование научных исследований в этой стране осуществляется не только за счет государственного бюджета. В среднем около 2/3 средств предоставляют промышленные корпорации, а 1/3 – система высшего образования, государственный и некоммерческий сектор [7, с. 27].

Основным финансовым источником для научных исследований в Германии, как и в других западноевропейских странах является частный бизнес. В 2000-е гг. на частные компании в Германии приходилось 2/3 всех расходов на НИОКР [7, с. 27]. Сегодня на финансирование внешних заказов на НИОКР приходится более 14% соответствующих расходов фирм.

Среди направлений научной политики Германии в 2009 – 2012 гг., пожалуй, можно выделить в качестве наиболее значимых:

1) Программу «Exzellenzinitiative» по поддержке крупных научных исследований в рамках университетов [7, с. 27];

2) Пакт об исследованиях и инновациях, способствующий развитию крупных научно-исследовательских организаций;

3) Пакт о высшем образовании – 2020, направленный на создание дополнительных учебных мест и расширение научных исследований в вузах;

4) Закон «О свободе науки», предусматривающий создание новых возможностей для научно-исследовательских институтов в вопросах их автономии, свободы и собственной ответственно-

сти и устранения бюрократических препятствий [7, с. 28].

Цель Программы – дальнейшее укрепление положения университетов как центров научных исследований, их способности функционировать в качестве места обучения молодых ученых и их привлекательности для выдающихся немецких и иностранных учащихся.

Кроме того, появились новые модели сотрудничества между университетами и научно-исследовательскими учреждениями и промышленным сектором. По мнению исследователей, Программа внесла значительный вклад в повышение авторитета немецких университетов [7, с. 28].

В соответствии с Пактом о высшем образовании 2020 Федеральное правительство выделило 565 млн евро на создание дополнительных программ обучения. Благодаря этому за 2005 – 2010 гг. в вузы было дополнительно принято более 90 тыс. студентов, был остановлен спад поступления в вузы первокурсников. Кроме того, было введено финансирование пакетов программ в ННИС и университеты получили больше свободы и стабильную поддержку в проведении крупных и перспективных исследований.

Пакт об исследованиях и инновациях поддерживает совместно финансируемые Федеральным правительством и правительствами земель все крупномасштабные научно-исследовательские организации Германии [7, с. 29]. А те, в свою очередь, обязались повысить качество, эффективность и результативность исследований. Кроме того, предполагается более узкое профилирование институтов, расширение сотрудничества с промышленным сектором, поиск и развитие новых направлений исследований, поощрение молодых ученых и дальнейшее продвижение женщин на руководящие должности.

С 2009 г. из средств федерального бюджета выделяется больше средств научно-исследовательским учреждениям, распоряжаться которыми они могут самостоятельно. Чтобы привлечь иностранных ученых к проведению исследований в Германии и вопреки сильной международной конкуренции сохранить их в стране, в федеральном бюджете на 2009 год были заложены средства на предоставление ряду научных обществ некоторых налоговых льгот: право передавать до 5% собственных финансовых средств юридическому лицу, в котором они участвуют или которому они принадлежат, для целей сотрудничества науки и экономики.

Партийные фонды при крупных политических партиях реализуют в числе прочих задач поддерж-

ку общественно активной студенческой и научной молодежи по всему миру.

Академии наук в Германии объединены в Союз немецких академий наук, главными задачами которого являются забота о развитии науки, координация и поддержка долгосрочных исследовательских проектов, развитие и поддержка междисциплинарного и межотраслевого научного сотрудничества. Академии оказывают консультативные услуги по общим и специальным научным вопросам, а также по новейшим вопросам науки.

Федеральное правительство финансирует 38 исследовательских институтов, за которые отвечают федеральные министерства. Проводимые в них исследования всегда ориентируются на задачи определенного министерства [7, с. 32].

Другим важным немецким институтом является Фонд «Наука и политика», в состав которого входит и в его составе Германский институт международной политики и безопасности – независимое научное учреждение, с 1962 г. консультирующее Бундестаг и Федеральное правительство по всем вопросам внешней политики и политики безопасности на основании собственных практических исследований в данной области. Этот фонд – самый крупный в данной области «мозговой центр» страны.

Немецкие предприятия относятся к самым инновационным в Европе. Доля инвестиций в научные исследования, финансируемые промышленностью, одна из самых высоких в мире и составляет 70%.

Около 20 тыс. научных сотрудников из других стран ежегодно получают поддержку немецких фондов, большое число ученых финансирует свое пребывание в Германии из других источников. На привлечение иностранных ученых направлен и ряд государственных программ (программа «Исследуй в Германии – земле идей» реализуется с 2009 г.) В Германии существует множество стипендиальных видов учебной и академической деятельности: для обучения в немецком вузе, для написания квалификационной или выпускной работы (бакалаврской, магистерской или кандидатской), для осуществления научно-исследовательского проекта, для установления профессиональных контактов. Условиями получения стипендии являются хорошая успеваемость в вузе, высокие результаты выпускных экзаменов в школе, тщательно продуманное мотивационное письмо, хорошие характеристики от преподавателей вуза или работодателей, знание иностранного языка.

Финансированием научно-исследовательских проектов и предоставлением грантов на обучение и научные исследования занимаются различные фонды, исследовательские институты и научные организации. Особой формой финансовой поддержки молодых ученых выступают самостоятельно работающие научно-исследовательские группы Общества Макса Планка, которых насчитывается несколько десятков. В рамках данных программ молодые иностранные ученые, уже проявившие свой талант в одной из областей науки, могут получить опыт и квалификацию руководителя исследовательского коллектива.

В рамках службы академических обменов реализуется более 250 программ поддержки науки и образования и ежегодно предоставляется около 100 тыс. стипендий (включая 33 тыс. Erasmus-стипендий), из них почти половина – иностранцам. Решение о выделении стипендий принимается независимыми отборочными комиссиями. Главными критериями отбора проектов являются научная квалификация соискателя и качество представленного проекта или плана научной работы.

Другими направлениями деятельности этой службы являются: поддержка германистики и немецкого языка, повышение интереса к немецкому языку и культуре Германии в мировом культурном обмене; сотрудничество в области образования с развитыми и развивающимися странами; программа Sokrates/ERASMUS по обмену студентами между странами-членами Европейского Союза; учебные и консультационные проекты по поручению ЕС (см. *подробнее эл. ресурс: URL: <http://studieren.ru/studium-in-deutschland-finanziieren/>* (дата обращения: 28.09.2018)).

Такая научная политика приносит свои плоды: Германия стала лидером среди стран-членов Ев-

росоюза по расходам на НИОКР, а также по количеству и качеству новых разработок. В среднем по Евросоюзу на поддержку науки выделяется 1,8% ВВП, а в Германии – 2,5%, цель в ближайшее время – 3% от ВВП. Кроме того, Германия – одна из самых привлекательных для иностранных студентов стран (по некоторым данным, из 2 млн студентов в стране – 240 тыс. иностранцы) [7, с. 32].

Резюмируя изложенное выше, следует сказать, что анализ характерных особенностей отечественной и германской систем образования и науки позволил оценить потенциальные криминогенные условия, действительно угрожающие сегодня не только отечественной науке и образованию, но и дальнейшему развитию экономики в целом. Учитывая, что на системно выстроенном образовании в современном мире зиждется слаженная и инновационно оснащенная экономика и производство, остро необходима разработка комплекса мер по финансовой поддержке научно-образовательных процессов. В непростых финансово-экономических условиях нашей страны первоочередной задачей видится также налаживание механизмов функциональной оценки внедряемых нововведений и экономической оценки эффективности и целесообразности осуществляемых вливаний. Без грамотного менеджмента в науке и образовании в ближайшее время будет не обойтись, а для этого необходимы грамотные управленцы в сфере науки и образования, не только владеющие системными знаниями, но и обладающие соответствующими управленческими навыками, готовые взять на себя ответственность за дальнейшее развитие организаций (в том числе и за расход бюджетных и собственных средств предприятий) и налаживание их эффективной работы с учетом (для начала) и требований зарубежных и международных рейтингов эффективности.

Литература

1. Модели финансирования вузов: анализ и оценка / под ред. С.А. Беякова. М.: Технопечать, 2005. 274 с.
2. Финансирование исследований и разработок в России: динамические и структурные показатели информационно-аналитический материал (Подготовлен в рамках Соглашения о субсидии 14.602.21.0014 от 5.08.2016 г. «Проведение исследований состояния сферы науки и технологий, направлений и инструментов ее государственного регулирования; разработка информационно-аналитических материалов по итогам проведения исследований»).
3. Индикаторы науки: 2018: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 320 с.
4. Ратай Т.В. Источники финансирования науки. Наука. Технологии. Инновации. НИУ «ВШЭ». М., 2017. 80 с.
5. Абанкина И.В., Рудник Б.Л. Государственное финансирование высшего профессионального образования / под ред. И.В. Абанкиной, Б.Л. Рудника, М., 2008. 353 с.

6. Писарева Л.И. Проблемы качества немецкого школьного образования // Проблемы современного образования. 2015. № 5. С. 70–84.
7. Водяницкая Е.А. Научная политика ФРГ на современном этапе // Право и управление. XXI век. 2013. № 4 (29). С. 26–37.

References

1. Modeli finansirovaniya vuzov: analiz i otsenka [Models of financing universities: analysis and evaluation]. Ed. S.A. Belyakov. Moscow, Technoprint publ., 2005. 274 p.
2. Finansirovanie issledovaniy i razrabotok v Rossii: dinamicheskie i strukturnye pokazateli informatsionno-analiticheskii material [Financing of research and development in Russia: dynamic and structural indicators information and analytical material] (Prepared under the Subsidy Agreement 14.602.21.0014 of August 5, 2016 “Conducting research on the state of science and technology, directions and tools for its state regulation; development information and analytical materials on the results of research”) [Finansirovanie issledovaniy i razrabotok v Rossii: dinamicheskie i strukturnye pokazateli informatsionno-analiticheskii material]
3. Gorodnikova N.V., Gokhberg L.M., Ditkovsky K.A. et al. Indikatory nauki: 2018: statisticheskii sbornik [Indicators of science: 2018: statistical compilation] Moscow, HSE Publ., 2018. 320 p.
4. Ratay T.V. Istochniki finansirovaniya nauki [Sources of financing science]. *Science. Technologies. Innovation*. Moscow, HSE Publ., 2017.
5. Abankina I.V., Mine B.L. Gosudarstvennoe finansirovanie vysshego professional'nogo obrazovaniya [State funding of higher vocational education]. Ed. I.V. Abankina, B.L. Mine, Moscow, 2008.
6. Pisareva L.I. Problemy kachestva nemetskogo shkol'nogo obrazovaniya [Problems of quality of German school education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*, 2015, no. 5, pp. 70–84.
7. Vodyanitskaya E.A. Nauchnaya politika FRG na sovremennom etape [The scientific policy of Germany at the present stage]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and administration. XXI Century]*, 2013, no. 4 (29), pp. 26–37.

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

ПРОФЕССОРУ ИСАХАНУ ВЕЙСАЛ ОГЛЫ ВЕЛИЕВУ – 60 ЛЕТ

Мацкевич Игорь Михайлович
Зайцев Олег Александрович

***Цель:** изложить биографию и проследить жизненный путь выдающегося азербайджанского ученого и общественного деятеля.*

***Методология.** Исторические подходы, использование анализа, абстрагирования, синтеза, дедукции и индукции.*

***Выводы.** Исахан Вейсал оглы Велиев – выдающийся ученый. Его жизненный путь отражает судьбу его Родины в советский и постсоветский период поступательного развития страны.*

***Научная и практическая значимость.** Молодому поколению юристов необходимо брать пример с Исахана Вейсал оглы Велиева. Сегодня он полон творческих планов, реализации которых ему хочется пожелать.*

***Ключевые слова:** юбилей, профессор, прокуратуры, ученый, юрист, Баку, Азербайджан, союз криминалистов, криминолог, доктор наук.*

15 ноября 2018 г. исполнилось 60 лет видному ученому и замечательному человеку – доктору юридических наук, профессору Исахану Вейсал оглы Велиеву.

И. Велиев родился 15 ноября 1958 г. в Шамахинском районе Азербайджанской Республики. В 1976 г. окончил среднюю школу № 1 с физико-математическим уклоном в г. Баку и поступил на очное отделение юридического факультета Бакинского государственного университета, который закончил в 1981 г.

Впечатляет трудовой путь И. Велиева. Более 20 лет он проработал в органах прокуратуры.

По направлению Прокуратуры СССР и по приказу прокурора Азербайджанской Республики И. Велиев был назначен следователем прокуратуры Октябрьского (ныне Ясамальского) района и в дальнейшем работал в органах прокуратуры на различных должностях. После стажировки в Прокуратуре СССР и окончания курса

в Институте усовершенствования руководящих кадров Прокуратуры СССР в 1985 г. он был назначен заместителем начальника управления общего надзора Прокуратуры Азербайджанской Республики, а в 1987 г. решением коллегии Прокуратуры СССР и изданного на основании дан-

ного решения приказа Генерального прокурора СССР – начальником управления общего надзора Прокуратуры Азербайджанской Республики. На коллегиях Прокуратуры СССР положительный опыт работы И. Велиева неоднократно был предметом обсуждения и распространялся путем издания соответствующих исполнительных документов по всей стране.

По приказу Генерального прокурора СССР в 1989 г. И. Велиев в возрасте 30 лет был назначен прокурором г. Баку, а в конце 1991 г. вновь занял должность начальника управления общего надзора Прокуратуры Азербайджанской Республики. В 1993 г. И. Велиев по инициативе Президента Азербайджанской Республики был назначен Милли Меджлисом заместителем Генерального прокурора Азербайджанской Республики. Из-за принципиальной позиции, занятой И. Велиевым по вопросам борьбы с преступностью, в 1994 г. в отношении его был совершен террористический акт (в служебную машину бросили две гранаты). С целью обеспечения его личной безопасности в 1995 г. он был переведен в военную прокуратуру Азербайджана и назначен начальником отдела по надзору за военными трибуналами, где проработал до 2002 г.

В дальнейшем И. Велиев продолжил трудовую деятельность в образовательной и научной сфере. Сначала он работал в Азербайджанском университете архитектуры и строительства на кафедре общественных наук. В мае 2007 г. И. Велиев возглавил отдел «Уголовное право и уголовный процесс» Института философии Национальной академии наук Азербайджана, а в 2015 г. был назначен руководителем аппарата Фонда «Знание» при Президенте Азербайджанской Республики, где продолжает работать и сегодня.

Профессор И. Велиев активно и плодотворно занимается научной деятельностью.

В 1992 г. И. Велиеву по результатам защиты диссертации в Бакинском государственном университете на тему «Уголовно-правовые методы установления и правовая оценка объекта посягательства при квалификации преступлений» (официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Г.М. Миньковский, кандидат юридических наук Р.А. Шамси-заде; ведущая организация: Московская высшая школа МВД Российской Федерации) была присуждена ученая степень кандидата юридических наук (специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; исправительно-трудовое право»). В 2006 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя он успешно за-

щитил докторскую диссертацию на тему «Прокуратура в системе органов публичной власти: опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан (официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор Ю.Е. Винокуров, доктор юридических наук П.Г. Городецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ О.А. Зайцев; ведущая организация: Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ).

И. Велиева отличают трудолюбие, принципиальность в отстаивании своей позиции и собственных творческих взглядов, нетерпимость к недобросовестности в науке.

И. Велиев внес существенный вклад в юридическую науку. Его научные интересы охватывают широкий спектр правовых и организационных вопросов формирования и деятельности прокуратуры Азербайджанской Республики.

Особо ценными являются работы И. Велиева по исследованию проблем объективной стороны преступления, уголовно-процессуальной формы обнаружения признаков преступления и др.

Профессор И. Велиев опубликовал единолично и в соавторстве свыше 100 научных и учебно-методических работ, в том числе четыре монографии, один учебник, четыре учебных пособия (работы посвящены актуальным проблемам уголовного права, уголовного процесса, организации деятельности органов прокуратуры) и научно-публицистическую книгу о политике, проводимой Президентом Азербайджанской Республики. Три его монографии и более 30 научных статей опубликованы в авторитетных научных издательствах и журналах России, Франции и Италии. Многие из них стали заметным событием в юридической науке.

Большое внимание И. Велиев уделяет общественной работе: он является послом мира Федерации за всеобщий мир (UPF – неправительственная организация со специальным консультативным статусом при совете ООН по социальным и экономическим вопросам), заместителем председателя Научно-координационного совета Национальной академии наук Азербайджана, членом редакционных советов семи журналов, многие из которых входят в список рецензируемых Высшей аттестационной комиссии, четыре из них издаются в г. Москве («Пробелы в российском законодательстве»; «Современное право»; «Союз криминалистов и криминологов»; «Транспортное право»). В 2015 г. избран почет-

ным доктором Университета Ниццы – Софии Антиполис (Франция).

Большой вклад профессор И. Велиев внес в создание и обеспечение качественной работы Представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане, руководителем которого он является с момента его образования в 2014 г. В качестве члена редакционной коллегии И. Велиев активно работает в журнале «Союза криминалистов и криминологов», участвует в ключевых мероприятиях организации.

В период работы в прокуратуре И. Велиев неоднократно поощрялся Генеральным прокурором СССР и Прокурором Азербайджанской Республики. За вклад в развитие правовой науки

награжден многочисленными международными, государственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе: Почетной грамотой Президента национальной академии наук Азербайджана, золотой медалью Европейского издательского дома печати, серебряной медалью «Фемида» Международного фонда поддержки правовых инициатив, памятной медалью Университета Ка-Фоскари (Италия) и др.

Коллеги и друзья по Союзу криминалистов и криминологов, редсовет и редколлегия журнала сердечно поздравляют юбиляра и от всей души желают ему крепкого здоровья, благополучия, успехов в его научной, общественной и личной жизни!

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НА ПРИМЕРЕ СТ. 82 УК РФ

Балашова Анна Юрьевна

Цель: проанализировать институт отсрочки отбывания наказания.

Методология: диалектический метод, системно-структурный, сравнительный, социологический, статистический, формально-юридический, историко-правовой и др.

Выводы. Несмотря на то, что в уголовном праве прописано и другое основание отсрочки наказания — в связи с наркотическим заболеванием — узость темы, освещаемой в статье, обоснована ее уникальностью.

Автором охарактеризованы основания отмены отсрочки, сформулирован ряд предложений по совершенствованию данного института отсрочки, рассмотрены разные нормы уголовного права, положения Семейного кодекса, проведен сравнительный анализ среди стран, имеющих в законодательстве подобный институт.

В связи с двойственной природой института отсрочки исполнения наказания он представляется как разновидность и условного осуждения, и условно-досрочного освобождения от наказания.

1. Для решения проблемы слишком длинного срока отсрочки, который, по сути, становится испытательным сроком по выполнению обязанностей родителя, предлагается судам назначать условное наказание, с обязательным достойным исполнением обязанностей по воспитанию малолетнего.

2. Следует зафиксировать в нормах Исполнительного кодекса метод исчисления отсрочки для матери в случае рождения второго ребенка. Представляется негуманным продлевать отсрочку наказания до достижения 14 лет младшим ребенком, оставляя мать под гнетом слежения за выполнением ею родительских обязанностей.

3. Рекомендуются законодательно закрепить сроки, когда следует обязательно рассматривать вопрос снятия отсрочки и погашения судимости, при отсрочке, во много раз превышающей продолжительность наказания.

4. С целью облегчения и унификации работы исполнительных органов необходимо четко закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве требования, предъявляемые к родителю во время отсрочки.

5. В ближайшее время следует вынести на законодательное рассмотрение правовое положение отца и его условия отсрочки наказания, так как на данный момент неравные требования к отцу и матери при назначении отсрочки перечат принципу гуманности, закрепленному в Конституции.

6. Для решения спорных вопросов относительно отца и усыновителя добавить примечание: «В случае совершения преступления отцом или усыновителем, имеющим малолетних детей, к ним может применяться отсрочка отбывания наказания».

Научная и практическая значимость. В статье анализируется реализация требований основополагающих уголовно-правовых принципов при назначении наказания женщинам, совершившим преступление (на основе статистических данных, результатов проведенного анализа и сравнительного исследования позиции законодателя по рассматриваемому вопросу). Проанализированные основания имеют глубокий социальный, экономический и правовой источник, поэтому достаточный анализ возможен только при детальном рассмотрении норм разных отраслей права и сфер общественной жизни. В ходе исследования

выявлены серьезные пробелы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), предложены рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: принцип равенства, принцип справедливости, принцип гуманизма, назначение наказания, женская преступность, отсрочка отбывания наказания, отмена отсрочки отбывания наказания, условное наказание, усыновители, опекуны.

Статья 82 УК РФ регламентирует особый вид индивидуализации и применения наказания. Адресатами являются определенный круг субъектов: беременная женщина, женщина, имеющая детей в возрасте до 14 лет, либо мужчина, являющийся для такого ребенка единственным родителем.

Уголовно-правовая отсрочка возможна при соблюдении ряда специальных условий, что отличает ее как от других видов освобождения от наказания, так и от более широкого понятия «отсрочка исполнения приговора» [1]. Таким образом, она представляет собой не только меру уголовно-правового воздействия, но и средство индивидуализации уголовной ответственности. Чтобы уяснить, исполнение (или дальнейшее отбывание) каких видов наказаний может быть отсрочено, следует обратиться к ч. 1 ст. 398 УПК РФ, предусматривающей основания отсрочки исполнения приговора. В частности, согласно п. 2 данной нормы отсрочка может быть предоставлена женщине, имеющей малолетнего ребенка, до достижения им 14-летнего возраста.

Предусмотренная ст. 82 УК РФ отсрочка отбывания наказания всецело зависит от усмотрения суда и от соблюдения осужденным требований, предъявляемых к его поведению. Закон предусматривает возможность досрочной отмены отсрочки с освобождением от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости, если до достижения ребенком 14-летнего возраста истек срок, равный сроку наказания, отбывание которого было отсрочено. При отсутствии реализации уголовной ответственности выражается воля государства отказаться от своего права привлечь лицо к уголовной ответственности, но обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться наказанию может быть и не реализована.

Следует отметить, что впервые положение об отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, родившим детей, было закреплено в отечественном законодательстве в 1864 г. в Уставе уголовного судопроизводства [2].

В советское время отсрочка отбывания наказания, предусмотренная в ст. 46 УК РСФСР, распространялась только на военнослужащих и была ограничена условием совершения преступления в военное время. В 1977 г. была введена отсрочка для несовершеннолетних, осужденных впервые

к лишению свободы на срок до трех лет. Срок отсрочки составлял от шести месяцев до двух лет. С 1982 г. возрастные ограничения были сняты.

В 1991 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета был проведен эксперимент по отсрочке исполнения лишения свободы в отношении положительно себя зарекомендовавших беременных женщин и женщин, имевших малолетних детей в доме ребенка, в исправительно-трудовых колониях для женщин. Эта отсрочка назначалась судом по ходатайству администрации колонии и наблюдательной комиссии на срок до трех лет при наличии у осужденных постоянного места жительства, сохранившейся семьи и желания родственников принять их. В ходе эксперимента отсрочку получили 85 женщин. Условия отсрочки нарушила только одна, ее вернули в колонию для завершения отбывания наказания. Учитывая успешность эксперимента и в соответствии с Законом РФ от 12 июня 1992 г. № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (*Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 29. Ст. 1687*) УК РСФСР был дополнен ст. 46², предусматривавший отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей.

В 1996 г. данный вид отсрочки был закреплен в ст. 82 УК РФ. В соответствии с ней отсрочка отбывания наказания предоставлялась женщинам до достижения ребенком восьмилетнего возраста. Лишались права отсрочки женщины, осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ (*Собрание законодательства РФ. 2001. № 11. Ст. 1002*) возраст ребенка, до достижения которого женщине при соблюдении прочих условий могла быть предоставлена отсрочка, был увеличен до 14 лет. В 2014 – 2016 г. на учете в уголовно-исполнительных инспекциях состояло 16058 таких осужденных женщин, которым была предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком 14 лет, что составляло 0,84 % от общего числа лиц, подучетных уголовно-исполнительным инспекциям.

Предоставление отсрочки связано с рядом обстоятельств, которые можно отнести к позитивным

и негативным. Так, позитивным является беременность женщины, которая должна быть подтверждена медицинским заключением, или наличие у нее ребенка, не достигшего 14-летнего возраста, что подтверждается свидетельством о рождении и справкой о фактическом содержании ребенка на иждивении осужденной женщины.

Что касается предоставления отсрочки мужчине, то он должен быть отцом-одиночкой. Это условие противоречит принципу равенства граждан перед законом, закрепленному в ст. 4 УК РФ. Если же мужчина воспитывает ребенка с женой, но является единственным кормильцем, то отсрочка ему не предоставляется. Тогда под угрозу попадают интересы семьи и благополучие малолетних на иждивении [3, с. 196–207]. Такой исход противоречит целям исправления и превенции при уголовном наказании, также нарушается социальная справедливость и закрепленная в ст. 7 Конституции РФ поддержка семьи, материнства, отцовства и детства.

К негативным условиям относится: осуждение за тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, при назначении свыше пяти лет лишения или ограничения свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, к преступлениям, при совершении которых отсрочка не применяется, относятся также, в частности, разбой (ст. 162 УК РФ), террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и т. д. [4].

Представляется, что негативными условиями можно считать основания отмены отсрочки отбывания наказания, а именно: отказ осужденной от ребенка; уклонение от воспитания ребенка и ухода за ним после предупреждения уголовно-исполнительной инспекции. Уклонение от воспитания определено нормами, закрепленными в ч. 3 ст. 178 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В указанных случаях отсрочка отменяется судом по месту жительства лица с представлением.

Федеральным законом от 7 марта 2017 г. № 33-ФЗ (*СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1542*) введено положение о том, что суд вправе установить отсрочку отбывания наказания до достижения четырнадцати лет ребенком осужденной уже на стадии вынесения приговора, не направляя ее в места лишения свободы. Ранее суд имел возможность назначить отсрочку наказания на стадии исполнения приговора.

Также важной чертой применения ст. 82 УК РФ при исполнении приговора является то, что

обращение к ней возможно и при вынесении судом обвинительного приговора, так и в процессе исполнения наказания в случае наступления беременности. Для назначения отсрочки отбывания наказания женщине, осужденной, например, к обязательным или исправительным работам либо к ограничению свободы, начальник учреждения или органа, исполняющего наказание, обращается в суд с соответствующим ходатайством, начиная со дня предоставления отпуска по беременности и родам (ч. 9 ст. 175 УИК РФ). При содержании женщины в исправительном учреждении при установлении факта беременности представление в суд направляет администрация. Как указал Конституционный Суд РФ в определении от 4 декабря 2007 г. № 957-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степиной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 82 и 85 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 176 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации» (*СПС «КонсультантПлюс»*) в п. 2 «...каждый осужденный за преступление имеет право просить о помиловании или смягчении наказания».

В статье также предусмотрены особые условия, при которых суд отменяет отсрочку отбывания наказания и освобождает от уголовной судимости. Так, суд учитывает время, прошедшее с начала течения отсрочки, характер и степень общественной опасности совершенного преступления, поведение осужденного, его отношение к воспитанию ребенка, соотношение отбытого и неотбытого сроков наказания и иных обстоятельств.

Рассмотрим социально-правовую природу возникновения рассматриваемой отсрочки. Важнейшей целью уголовного законодательства является соблюдение принципа законности и справедливости в сочетании с защитой прав граждан, причем недостаточно лишь правильно назначить справедливое наказание или освободить от него. Также необходимо учитывать влияние на социальное состояние виновного и его семью.

При имплементации данной нормы задействованы сразу несколько направлений государственной деятельности: демографическая политика, превентивная деятельность и экономическое развитие.

В первую очередь отсрочка исполнения наказания способствует решению демографических проблем, избавляя новорожденных или малолетних детей от излишних страданий, дает возможность нормальной первичной социализации.

Предупредительная функция уголовного права нацелена на исправление виновного, изменение его отношения к общественным нормам. Она имеет важное значение для снижения общего уровня преступности.

Экономически обосновано нахождение женщин с малолетними детьми в домашних условиях, потому что тогда женщина остается работоспособным налогоплательщиком. В то время как содержание женщин в колониях, а детей в доме ребенка, влечет дополнительные бюджетные расходы.

В заключении следует отметить, что в рассматриваемой сфере все еще имеется ряд вопросов, требующих своего решения. Так, очевидно, что в момент вынесения приговора отсрочка исполнения наказания женщинам является разновидностью условного осуждения, а при применении во время отбытия наказания — разновидностью условно-досрочного освобождения от наказания [5, с. 36–51]. Однако в этом случае возникает коллизия ст. 82 УК РФ с нормами, регулирующими соответствующие институты, особенно сроки.

Так, испытательный срок при условном осуждении четко определен. Он варьируется от шести месяцев до пяти лет при лишении свободы на срок свыше одного года и от шести месяцев до трех лет — при назначении наказания, не связанного с лишением свободы, или при лишении свободы на срок до одного года, что существенно меньше, чем срок ожидания беременной женщиной достижения ребенком 14 лет. Получается, что условное осуждение будет менее обременительным, чем отсрочка исполнения наказания. При сравнении одного и того же наказания при его безусловном отбывании и откладывании его, срок первого зачастую будет короче. В итоге гуманный смысл ст. 82 УК РФ пропадает. Представляется, что в тех случаях, когда срок отсрочки значительно превышает срок наказания, судам следует назначать условное осуждение.

Из текста статьи не ясно, как следует поступать, если в период отсрочки у матери родился еще один ребенок. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (*Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 3. 2012*), отсрочка наказания продлевается на неограниченный срок, при этом с женщины не снимается контроль по соблюдению обязанностей воспитания. На наш взгляд, дату окончания отсрочки следует фиксировать при ее назначении до достижения 14 лет того ребенка, наличие которого послужило бы основанием отсрочки, и после истечения установленного срока повторно решать данный

вопрос. Такое предложение основывается на том, что после истечения отсрочки наказание может быть отменено, а судимость снята.

Кроме того, нормы ст. 82 не согласуются с освобождением от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения наказания, предусмотренной ст. 83 УК РФ, согласно которой срок реализации наказания после вступления приговора в законную силу истекает: за преступление небольшой тяжести — через два года, средней тяжести — через шесть лет, тяжкое — через 10 лет. Если исходить из приоритета нормы ст. 83, то институт отсрочки утрачивает смысл гуманности. Ведь при реальном осуждении за совершенное преступление женщина будет подлежать освобождению от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора задолго до истечения испытательного срока, определенного возрастом ребенка. А по нормам применения ст. 83 — наоборот течение сроков давности приостанавливается и будет возобновлено с момента окончания срока отсрочки отбывания наказания либо отмены отсрочки отбывания наказания. Целесообразно ли исполнять приговор, если в других ситуациях законодатель считает нецелесообразным исполнять наказание? Судебная практика чаще склоняется к тому, что приоритет имеет норма из ст. 82. Так, осужденная Ш. в своей надзорной жалобе просила о смягчении назначенного ей наказания с применением ст. 73 или 83 УК РФ, так как имела на иждивении малолетнего ребенка. Однако судья, рассмотрев обстоятельства дела, сослался на основания ст. 82 (*постановление Московского городского суда от 13 декабря 2010 г. по делу № 4у/б-10464/2010 // СПС «КонсультантПлюс»*).

Исходя из целей применения отсрочки к родителям представляется неразумным ее применение к лицам, лишенным родительских прав. Обоснованным выглядит неприменение ее к женщинам, злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания или ведущим беспутный образ жизни и регулярно нарушающим общественный порядок. Тогда выполнение родительских обязанностей совпадает с одноименными требованиями при ограничении свободы: не уходить из дома в определенное время суток, не посещать определенные места. Примечательно, что в УК Украины, где также имеется норма об отсрочке отбывания наказания с испытанием, предусмотрены соответствующие ограничения: женщина не имеет права выезжать за пределы Украины на постоянное проживание, не получив разрешение органа уголовно-исполнительной системы; обязана пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или иного заболевания,

мешающего ей добросовестно исполнять родительские обязанности. Аналогичная норма содержится в ст. 72 УК Польши.

В свете последних тенденций нельзя не коснуться вопросов смены пола отцом или матерью. При применении нормы об отсрочке наказания существенную роль играет пол родителя малолетнего, так как отсрочка может быть назначена к мужчине, если он, как уже указывалось выше, является единственным родителем, тогда как такое дополнительное условие для матери не предусмотрено [6, с. 27]. А как должен будет решаться вопрос, если в семье оба родителя мужского пола? В российской практике пока таких случаев не было. Представляется, что при подобных обстоятельствах надо учитывать, что цель применения отсрочки – воспитание малолетнего и психологический фактор влияния наказания на общество. На наш взгляд, данная коллизия не могла бы возникнуть, если бы законодательство обеспечивало равные права мужчины и женщины во всех сферах.

В затруднительном положении окажется и отец-одиночка, который в период срока действия отсрочки женится. С одной стороны, при усыновлении (удочерении), ребенка новой матерью у него появляется второй родитель, следовательно, основание для отсрочки отпадает. С другой стороны, применение в такой ситуации санкций против него будет противоречить целям устойчивого развития семьи и детства. Отец ребенка оказывается перед выбором: либо полноценная семья и угроза реального отбывания наказания, либо отсрочка наказания. Возможно, такому мужчине следует сначала постараться добиться отмены наказания, а уже после менять свое семейное положение.

Еще одна неоднозначная ситуация может возникнуть, если во время отбывания осужденным отцом наказания что-то случается с матерью их малолетних детей. Например, в случае смерти матери либо лишения ее родительских прав дети оказываются без попечения, а отец остается единственным родителем. Удивительно, но в УК РФ отсутствуют нормы, предусматривающие освобождение такого отца от наказания.

Между тем в ст. 78 УК Республики Армения закреплено положение об отсрочке отбывания наказания или освобождении от наказания беремен-

ных женщин или лиц, имеющих детей в возрасте до трех лет [7, с. 193–194].

Усыновившие и удочерившие лица тоже признаются имеющими детей. Отмечу, что согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) усыновленные дети по отношению к усыновителям и даже их родственникам приравниваются к родным детям по происхождению. Запись усыновителей допускается в качестве родителей усыновленного ребенка в книге записей актов гражданского состояния, поэтому их личные неимущественных и имущественных правах и обязанности также приравниваются к правам и обязанностям детей и родителей (ст. 137 СК РФ).

Таким образом, усыновление имеет сходство с родством первой степени. Поэтому было бы целесообразно предоставлять отсрочку отбывания наказания и усыновителям, дополнив ст. 82 УК РФ примечанием следующего содержания: «В случае совершения преступления отцом, имеющим малолетних детей, а также усыновителем, к ним может применяться отсрочка отбывания наказания со всеми указанными в настоящей статье последствиями».

Вопрос в отношении лиц, взявших детей под опеку, должен решаться по-другому. Опека в соответствии с семейным законодательством устанавливается над детьми, оставшимися без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, а также для защиты их прав и интересов (ч. 1 ст. 145 СК РФ). Опекуны назначаются временно органом опеки и попечительства до достижения ребенком 14-летнего возраста. Согласно ч. 1 ст. 145 СК РФ не могут быть опекунами (попечителями):

лица, лишённые родительских прав;

лица, имеющие судимость;

подвергающиеся и подвергавшиеся уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой свободы и неприкосновенности личности, против семьи и несовершеннолетних.

Исходя из этого не может быть предоставлена отсрочка опекунам, так как, совершив преступление, они уже нарушили свое главное обязательство перед ребенком в обеспечении его достойным воспитанием.

Литература

1. Артеменко Н.В. Отсрочка отбывания наказания и отсрочка исполнения приговора: соотношение понятий // Актуальные проблемы общей части уголовного права / под ред. В.Т. Гайкова, Н.Г. Шимбаревой. Ростов-н/Д, 2006. 720 с.

2. Российское законодательство X–XX веков / Устав уголовного судопроизводства 1864 [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения: 07.04.2018)
3. Дядюн К.В. Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов равенства граждан перед законом, гуманизма и справедливости // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 196–207.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2012. 544 с.
5. Ткачевский Ю.М. Понятие условного осуждения // Вестник Московского уни-та. Серия 11 «Право». 2003. № 3. С. 36–51.
6. Саядян С. Г. Отсрочка отбывания наказания: историческое развитие, правовая природа, законодательная регламентация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Краснодар, 2016. 27 с.
7. Павлова А.А. Новая редакция отсрочки отбывания наказания – новые проблемы // Молодой ученый. 2010. № 7. С. 193–195.

References

1. Artemenko N.V. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya i otsrochka ispolneniya prigovora: sootnoshenie ponyatij [Postponement of serving a sentence and postponing the enforcement of the sentence: the relationship of concepts] Aktual'nye problemy obshchej chasti ugolovno go prava. Kollektiv avtorov [Actual problems of the general part of criminal law. The team of authors]. Ed. V.T. Gaikov, N.G. Shimbarevoi. Rostov-na-Donu, 2006. 720 p. (In Russian).
2. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov / Ustav ugolovno go sudoproizvodstva 1864. [Russian legislation of the X-XX centuries / Charter of the criminal procedure 1864.] URL: <http://base.garant.ru/57791498/> date of application 07.04.2018 (In Russian).
3. Dyadyun K.V. Naznachenie nakazaniya zhenshchinam s tochki zreniya principov ravenstva grazhdan pered zakonom, gumanizma i spravedlivosti [Appointment of punishment for women from the point of view of the principles of equality of citizens before the law, humanism and justice] *Leningradskij juridicheskij zhurnal [Leningrad legal journal]*, 2017, no. 2 (48), pp. 196–207 (In Russian).
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Ed. G.A. Esakov. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 544 p. (In Russian).
5. Tkachevsky Yu. M. Ponyatie uslovnogo osuzhdeniya [The concept of conditional condemnation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo. [Bulletin of Moscow University. Law]*, 2003, no 3, pp. 36–51 (In Russian).
6. Sayadyan, S.G. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya: istoricheskoe razvitie, pravovaya priroda, zakonodatel'naya reglamentaciya [Postponement of sentence serving: historical development, legal nature, legislative regulation: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences.]. Krasnodar. 2016. 27 p. (In Russian).
7. Pavlova A.A. [A new version of the postponement of serving punishment – new problems]. *Molodoy ucheniy [Young scientist]*, 2010, no 7, pp. 193–195. (In Russian).

ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Борукаева Лана Алиевна

Цель: охарактеризовать материально-правовую природу института освобождения от наказания, определить сущность освобождения от уголовного наказания, его виды и особенности их применения, проанализировать основания и юридическое значение освобождения от уголовного наказания, порядок назначения наказания на основе нецелесообразности (невозможности) его назначения (исполнения), а также несудебных видов освобождения.

Методология: анализ, синтез, сравнение.

Выводы. УК РФ последовательно проводит принципы демократизации и гуманизации. Законодатель исходит из того, что преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом.

В УК РФ все преступления подвергнуты категоризации, которая является основой дифференциации ответственности, а следовательно, и уголовно-правовых последствий, в том числе освобождения от наказания. Юридическое значение освобождения от уголовного наказания, характеризуемое выявлением системы мер уголовно-правового характера, которые обуславливают освобождение от уголовного наказания, выражаемое соотношением значения освобождения от уголовного наказания и форм реализации уголовной ответственности, определяется актуальностью и заключается в определении социально-юридической его природы и правовых границ в современных условиях гуманизации уголовного закона.

Научная и практическая значимость. Проблема реализации видов освобождения от уголовного наказания всегда интересовала специалистов в области уголовного права, поскольку она имеет практическое значение, выраженное в рекомендациях по отнесению к определенной категории того или иного видов освобождения от уголовного наказания. Исследование оснований освобождения от уголовного наказания, заключааясь в вопросах изучения разграничения данных, определяясь их законодательным регулированием, выражается необходимостью их более детального докторального анализа, представляется актуальным в связи с отставанием теоретической разработки уголовно-правовой проблематики освобождения от уголовного наказания, от формирования законодательства и потребностей практики.

Ключевые слова: уголовное наказание, освобождение, посткриминальное поведение, отбывание наказания, отсрочка, наркомания, несовершеннолетние, суд, беременные, исправление.

Виды освобождения от уголовного наказания по поведению с определенной долей относительности можно условно разделить на три группы.

Первую группу составляют виды безусловного освобождения, когда перед лицом не ставится никаких условий, что, в свою очередь, исключает возврат на «нулевой» вариант, т. е. вменение ему в обязанность отбыть (доотбыть) наказание, от которого он освобожден, даже в случае его явно отрицательного (но не преступного) поведения в посткриминальный период. К данной группе

следует относить: освобождение от наказания в связи с изменением обстановки; освобождение военнослужащего в связи с его заболеванием; освобождение в связи с зачетом времени содержания под стражей; освобождение в связи с истечением срока давности обвинительного приговора; освобождение в связи с отбытием срока наказания.

Вторая группа включает виды освобождения от уголовного наказания условного характера, а именно: условное осуждение; условно-досроч-

ное освобождение; освобождение по болезни; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Условными эти виды принято называть потому, что перед лицом, которого освобождают от наказания (от его отбывания), ставятся условия, которые оно обязано соблюдать после освобождения, т. е. в период так называемого испытательного срока либо срока лечения. В случае их несоблюдения либо в случае выздоровления осужденный обязан полностью или частично отбыть оставшуюся (неотбытую) часть наказания.

В третью группу входят так называемые сквозные (универсальные, общие) виды освобождения. «Сквозными» они называются потому, что, при наличии соответствующих обстоятельств могут быть как безусловными, так и условными. К ним относятся амнистия и помилование.

Институт освобождения от уголовного наказания позволяет воздействовать на лиц, осужденных за совершенные ими преступления, менее строгими мерами, нежели уголовное наказание, что, в свою очередь, создает дополнительный уголовно-правовой и социально-нравственный стимул для реализации принципа разумной экономии уголовной репрессии. Однако при их применении следует учитывать рост агрессивной преступности, на фоне которой освобождение от уголовного наказания должно иметь законный и исключительный характер.

Важность указанного подхода к классификации видов освобождения от уголовного наказания заключается в том, что подобное деление оснований освобождения предопределяет не только содержание того или иного его вида, особый порядок самой процедуры освобождения, но и связанные с этим различные уголовно-правовые последствия.

В УК РФ закреплены следующие виды освобождения от наказания:

1) условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79);

2) освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80¹);

3) отсрочка отбывания наказания (ст. 82);

4) отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82¹);

5) освобождение несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия либо с помещением в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение (ст. 92).

Предусмотренные законом виды освобождения от наказания классифицируются по различным основаниям.

По степени предопределенности освобождение от наказания может быть обязательным и факультативным. К обязательным относятся виды освобождения, которые не зависят от усмотрения суда и применяются в силу изменения уголовного закона, например, в связи с психическим расстройством, в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, в силу акта амнистии или помилования. Остальные виды освобождения являются факультативными, т. е. их применение составляет не обязанность, а право суда.

В зависимости от того, возлагаются ли на лицо, освобожденное от наказания, какие-либо обязанности и может ли быть освобождение впоследствии отменено, оно подразделяется на условное или безусловное. Условными являются условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Остальные виды освобождения от наказания являются безусловными и окончательными (кроме освобождения по болезни, которое имеет специфическую юридическую природу).

Осужденный до истечения срока наказания своим поведением может доказать, что он для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. В подобных случаях цели уголовного наказания оказываются достигнутыми до того, как срок осуждения истек. Принцип гуманизма, присущий российскому уголовному праву, обуславливает необходимость и целесообразность условно-досрочного освобождения осужденного.

Рассмотрим более подробно виды освобождения от наказания.

1. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, предусмотренное ст. 79 УК РФ, — один из наиболее распространенных видов освобождения, имеющий важное значение в деле исправления осужденных и, следовательно, содействующий борьбе с преступностью. Оно применяется в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, принудительным работам или содержанию в дисциплинарной воинской части. Действующее уголовное законодательство не ограничивает возможность применения условно-досрочного освобождения тяжестью совершенного лицом преступления либо наличием рецидива. Поэтому данный вид освобождения от уголовного наказания может применяться не только к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести, но и к осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе при любом виде рецидива. Условно-досрочное осво-

бождение заключается, как уже отмечалось, в избавлении осужденного от отбывания основного вида уголовного наказания до истечения срока, назначенного приговором суда. При этом, как предписывает закон, лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. Неотбытая часть наказания фактически становится для осужденного испытательным сроком.

Применяя условно-досрочное освобождение, суд в соответствии с ч. 2 ст. 79 вправе возложить на осужденного как одну или несколько обязанностей, так и все обязанности, указанные в ч. 5 ст. 73 УК РФ, а также возложить иные обязанности, способствующие его исправлению. Например, суд может запретить осужденному менять постоянное место жительства, работы или учебы без уведомления соответствующего государственного органа, ограничить его в посещении определенных мест (ресторанов, ночных клубов, казино, ипподромов), а при необходимости заставить пройти курс лечения от наркомании, алкоголизма, токсикомании или венерического заболевания. Кроме того, суд вправе принудить осужденного осуществлять материальную поддержку семьи потерпевшего, что с позиций восстановления социальной справедливости вполне оправданно. Суд может возложить на осужденного исполнение и других обязанностей.

Основанием условно-досрочного освобождения является нецелесообразность дальнейшего исполнения наказания ввиду возможности достижения цели исправления без изоляции осужденного от общества. Вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, должен базироваться на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления. При этом следует принимать во внимание мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для признания лица не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания. В отношении несовершеннолетнего необходимо учитывать также его отношение к учебе, связи с родственниками в период отбывания наказания и другие обстоятельства, которые могут свидетельствовать об исправлении осужденного.

Как отмечается в пунктах 6 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены

неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. №7*), суды не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания по основаниям, не предусмотренным в законе, таким как: наличие прежней судимости, мягкость назначенного наказания, непризнание осужденным вины, кратковременность его пребывания в одном из исправительных учреждений и т.д. Взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, с учетом характера допущенных нарушений, подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными. При этом наличие или отсутствие у осужденного взыскания не может служить как препятствием, так и основанием для его условно-досрочного освобождения. В тех случаях, когда вред, причиненный преступлением (материальный ущерб и моральный вред), по гражданскому иску не возмещен в силу таких объективных причин, как инвалидность осужденного или наличие у него заболеваний, препятствующих трудоустройству, невозможность трудоустройства из-за ограниченного количества рабочих мест в колонии и т. д., суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания только на этом основании. В то же время установленные факты умышленного уклонения осужденного от возмещения вреда (путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы и т.д.) наряду с другими обстоятельствами могут служить препятствием к условно-досрочному освобождению.

При рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденного за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, суд обязан принимать во внимание результаты судебно-психиатрической экспертизы в отношении такого осужденного (ч. 4.1 ст. 79).

2. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ) предусматривает два альтернативно изложенных в законе основания: 1) утрата общественной опасности личности преступника; 2) утрата общественной опасности самого деяния. Утрата общественной опасности лица или совершенного им преступления происходит вследствие изменившейся обстановки, при наличии которой суд может вынести обвинительный приговор без назначения виновному наказания.

Изменение обстановки касается условий его жизни и деятельности после совершения преступления. Эти изменения могут заключаться,

например, в увольнении виновного с должности, которую он использовал в преступных целях, в разрыве связи с криминальной средой, в излечении от алкоголизма или наркомании, в поступлении в учебное заведение, в примерном поведении в течение длительного промежутка времени и т. д. Об утрате общественной опасности личности преступника может свидетельствовать и совершенный им геройский поступок (спасение людей на пожаре или спасение утопающих, обезвреживание опасного преступника и т. д.). Не исключено, что утрата общественной опасности лица, совершившего преступление, может быть связана и с существенным ухудшением состояния его здоровья.

Изменение обстановки, повлекшее утрату общественной опасности деяния, рассматривается несколько шире. Прежде всего, под таким изменением подразумеваются серьезные перемены в социально-экономических, политических и духовных сферах жизни общества в масштабе как всей страны, так и отдельно взятого региона. Примеры тому – экономическая реформа, политическое урегулирование межнационального конфликта, нейтрализация последствий стихийного бедствия и т. д.

3. *Отсрочка отбывания наказания, предусмотренная ст. 82 УК РФ* относится к числу условных видов освобождения от уголовного наказания. Сущность отсрочки заключается в том, что осужденная женщина, находящаяся в состоянии беременности или имеющая малолетнего ребенка, а также мужчина, имеющий малолетнего ребенка и являющийся единственным родителем, могут быть освобождены от отбывания наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. Цель применения данного вида освобождения является создание благоприятных условий для рождения ребенка и его воспитания. Именно поэтому отсрочка предоставляется под условие надлежащего воспитания ребенка.

Применение отсрочки обусловлено реализацией принципа гуманизма. Действительно, во время беременности, а также при наличии малолетнего ребенка, отбывать назначенное судом наказание становится крайне сложным ввиду особого физиологического или психологического состояния осужденного, для которого забота о ребенке выходит на первый план. В такой ситуации исполнение уголовного наказания теряет свою эффективность, и, следовательно, при определенных условиях целесообразнее отсрочить его исполнение на более поздний срок.

Основанием предоставления отсрочки является беременность женщины либо наличие у нее

малолетнего ребенка (малолетних детей) в возрасте до 14-ти лет, а также наличие такого ребенка (детей) у мужчины, являющегося единственным родителем. Однако этого недостаточно. Данный вид освобождения от наказания является факультативным, что вытекает из текста закона: как уже отмечалось, суд может (но не обязан) отсрочить реальное отбывание наказания.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 25 вышеуказанного указал, что решая вопрос об отсрочке отбывания наказания, надлежит учитывать мнение администрации учреждения, исполняющего наказание, об отсрочке отбывания наказания указанному осужденному, его характеристику, сведения о согласии родственников принять осужденного с ребенком, предоставить им жилье и необходимые условия для проживания либо сведения о наличии у него жилья и необходимых условий для проживания с ребенком, о наличии ребенка, для осужденной женщины медицинское заключение о беременности, а также другие данные, содержащиеся в личном деле осужденного. Кроме того, надлежит учитывать условия жизни осужденного на свободе, его поведение в период отбывания наказания, совокупность других данных, характеризующих его до и после совершения преступления. Таким образом, очевидно, что отсрочка не может предоставляться злостным нарушителям установленного порядка отбывания наказания, лицам, отказавшимся от своего ребенка и лишенным родительских прав.

Закон не ставит ограничение к предоставлению отсрочки в зависимость от вида наказания. Вместе с тем он предусматривает ряд формальных условий, наличие которых обязательно для применения отсрочки отбывания наказания. Так, согласно ч. 1 ст. 82 отсрочка не применяется в отношении осужденных к ограничению свободы, к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности.

4. *Отсрочка отбывания наказания большим наркоманией (ст. 82¹ УК РФ)*. В данной статье закреплены основания и условия, при наличии которых суд может отсрочить отбывание наказания лицу, осужденному к лишению свободы за совершенные преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ. В числе оснований названы: совершение одного из этих преступлений впервые; осуждение к лишению свободы; врачебный диагноз о заболевании наркоманией. Условием для применения рассматриваемой нормы при-

знается желание осужденного добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Срок отсрочки не может превышать пяти лет. Следует еще раз отметить, что ее назначение – это право, а не обязанность суда. В данном случае важное значение имеет заключение наркологической экспертизы.

При последующем после отсрочки отказе или уклонении от лечения при наличии официального предупреждения суд по представлению контролирующего органа может отменить отсрочку и направить осужденного для отбывания реального наказания в виде лишения свободы.

В ч. 3 указанной статьи предусмотрена возможность освобождения от наказания или оставшейся его части осужденного, который прошел курс лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации. При этом одним из важнейших условий является наличие у него объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой составляет не менее двух лет. Как представляется, выводы о ремиссии должны быть сделаны после проведения медицинской экспертизы.

В ч. 4 и 5 данной статьи закреплён порядок назначения наказания при совершении осужденным преступления, не указанного в ч. 1 этой статьи, либо нового преступления в период действия отсрочки.

5. *Освобождение от наказания несовершеннолетних (ст. 92 УК РФ).* Фактически в данной статье речь идет об основаниях и условиях освобождения несовершеннолетних от наказания, в том числе помещения их в специальное учебно-вос-

питательное учреждение закрытого типа органа управления образованием.

Из закона вытекает, что: во-первых, суд может освободить от наказания несовершеннолетнего, осужденного за преступление небольшой или средней тяжести, с применением общих принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 УК РФ); во-вторых, освобождение возможно с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием, но эта мера рассматривается как специфическая разновидность принудительных мер воспитательного воздействия и применяется только судом в порядке замены наказания несовершеннолетнему при осуждении его за преступление средней тяжести, а также за тяжкое преступление; максимальный срок ее применения не зависит от максимального размера наказания, предусмотренного за совершенное подростком преступление, и составляет три года; в-третьих, закон содержит исчерпывающий перечень преступлений (ч. 5 ст. 92 УК РФ), за совершение которых подобный вид освобождения не применяется. Такое решение представляется им вполне обоснованным и позволит отграничить несовершеннолетних, совершивших весьма опасные преступления.

При наличии соответствующих оснований, закреплённых в ст. 92, суд вправе сокращать срок пребывания несовершеннолетнего в указанных учреждениях либо продлевать его в случае необходимости завершения подростком общеобразовательной или профессиональной подготовки.

Литература

1. Кадников Н.Г. О некоторых задачах, стоящих перед профессорско-преподавательским составом кафедры уголовного права, осуществляющим подготовку кадров ОВД для противодействия преступности // Подготовка кадров для противодействия преступности на современном этапе / под ред. Н.Г. Кадникова и М.Г. Жилкина. М., 2015. 216 с.
2. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., 1993. 167 с.

References

1. Kadnikov N.G. O nekotorykh zadachakh, stoyashchikh pered professorsko-prepodavatel'skim sostavom kafedry ugolovnoogo prava, osushchestvlyayushchim podgotovku kadrov OVD dlya protivodeistviya prestupnosti [On some tasks facing the faculty of the Department of criminal law, carrying out training of Ministry of Internal Affairs Territorial bodies employee to counter crime]. In *Podgotovka kadrov dlya protivodeistviya prestupnosti na sovremennom etape [Training for combating crime at the present stage]*. Ed. N.G. Kadnikov and M.G. Zhilkin. Moscow, 2015. 216 p. (In Russian)
2. Gilinskii Ya.I., Afanas'ev V.S. Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya [Sociology of deviant behavior.]. Sankt Petersburg, 1993. 167 p. (In Russian)

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ

Визе Сидни Луиза

Цель: дать обзор правового института деятельного раскаяния, детализируя требования, правовые последствия и критику данного правового института.

Методология: анализ, правовое исследование, оценка.

Выводы. В институте деятельного раскаяния идет речь о посткриминальном поведении, которое может как освободить от уголовной ответственности, так и смягчить ее.

Нормы, касающиеся деятельного раскаяния, были созданы в тех формах деликтов, в которых формальный момент окончания перенесен. Легальной дефиниции понятия деятельное раскаяние не существует. Тем самым данные нормы понимаются как особые предписания, которые предусматривают смягчение уголовной ответственности и освобождение от нее в связи с позитивным посткриминальным поведением и касаются тех деликтов, формальное окончание которых правомерно перенесено на момент наступления тяжких последствий. Основные условия деятельного раскаяния могут быть определены единообразно. Так, исполнитель должен действовать добровольно, то есть активно, чтобы предотвратить материальное окончание деликта. Тем не менее некоторые составы требуют в качестве последствия действия раскаяния исключительно предотвращение наступления существенного вреда.

Нормы, закрепляющие возможность деятельного раскаяния, создаются лишь для некоторых деликтов, в связи чем ведутся дискуссии о применении уже имеющихся норм по аналогии. В большинстве своем по итогу возможность аналогичного применения отклоняется.

Научно-практическая значимость. Значимость статьи заключается в анализе и оценке правового института предупреждения совершения правонарушения. Кроме того, Автор вносит предложения по реформированию данного правового института.

Ключевые слова: предотвращение завершения преступления, уголовное право, посткриминальное поведение, наказание, преступник.

Данный институт предусматривает такое посткриминальное поведение, которое может как освободить от уголовной ответственности, так и смягчить ее [1, с. 412]. Нормы, касающиеся деятельного раскаяния, были созданы в тех формах деликтов, в которых формальный момент окончания перенесен, поэтому на основании господствующего мнения нормы о добровольном отказе от покушения на преступление не применяются по аналогии [2, с. 18]. В связи с отсутствием легальной дефиниции [3, с. 42] нормы, касающиеся деятельного раскаяния, понимаются как особые предписания, которые предусматривают смягчение уголовной ответственности или освобождение от нее в связи с позитивным посткриминальным

поведением и касаются тех деликтов, формальное окончание которых правомерно перенесено на момент наступления тяжких последствий [4, с.108]. Посткриминальное поведение рассматривается в качестве позитивного в том случае, когда оно позднее предотвращает наступление тяжких последствий [3, с. 42; 4, с.108] или компенсирует уже наступивший вред [4, с.108].

История возникновения. С течением времени были введены новые нормы, закрепляющие деятельное раскаяние [6, с. 545 f.; 2, с. 10]. Прежде всего, новые нормы, касающиеся деятельного раскаяния, были введены, а имеющиеся изменены 6-м законом «О реформе уголовного права» [3, с. 43]. В его законопроекте предусматривалось

создание общей нормы деятельного раскаяния посредством обобщения всех имеющихся норм. Такое предложение было отклонено Бундесратом, поскольку оно было признано не наглядным и в связи с этим могло бы усложнить правоприменение (BT-Drs. 13/8587 S. 75).

Необходимость деятельного раскаяния. В особенности при совершении деликтов опасности, подготовительных деликтов и составов преступлений, посредством формулировки которых уголовная ответственность за покушение приравнена к оконченному преступлению, формальное окончание совершения преступления перенесено в область подготовки или покушения, чтобы гарантировать защиту правовых благ уже в преддверии совершения преступления [3, с. 41; 7, с. 6; 4, с. 28].

Нормы, закрепляющие добровольный отказ от покушения на преступление, согласно их формулировке не применяются [8, Rn. 871; 7, с. 7], в связи с чем эти виды преступлений без положений о деятельном раскаянии не предусматривали бы возможности освобождения от уголовной ответственности или ее смягчения при позитивном воздействии на обстоятельства [3, S. 42].

Ограничение от добровольного отказа от покушения на преступление. Нормы, закрепляющие деятельное раскаяние, созданы по образцу норм о добровольном отказе от покушения на преступление [9, § 24 Rn. 8], при этом основные условия обоих правовых институтов в основном соответствуют друг другу [3, с. 86; 4, с. 132]. Из этого преимущественно делается вывод, что в случае деятельного раскаяния речь идет об особой форме добровольного отказа от оконченного покушения [3, с. 86]. Кроме того, согласно распространенному мнению, основные идеи, которые вовлечены в обоснование добровольного отказа от покушения на преступление, могут быть перенесены и на деятельное раскаяние [10, § 83a Rn. 2; 2, с.19; 11, с. 27].

Тем не менее оба правовых института отличаются друг от друга уже на основании их представления в законе. Так, для добровольного отказа была создана норма § 24 УУ в общей части УУ, в то время как нормы, касающиеся деятельного раскаяния, были созданы как исключения [4, S. 109; 9, § 24 Rn.8; 12, § 24 Rn. 29].

Сферы применения названных норм также имеют существенные отличия [13, § 24 Rn. 116]. Так, добровольный отказ невозможен в случае оконченного преступления, тогда как в таких случаях речь идет о сфере применения деятельного раскаяния [10, § 24 Rn. 132].

Правовые последствия отличаются тем, что добровольный отказ всегда приводит к освобождению

от уголовной ответственности. В отличие от этого нормы, закрепляющие деятельное раскаяние, могут предусматривать лишь смягчение уголовной ответственности [14, § 24 Rn. 6].

Условия добровольного отказа. Освобождение от уголовной ответственности или ее смягчение в случае добровольного отказа прикреплены к различным требованиям, которые в большинстве своем совпадают в своих основных условиях [3, S. 82; 4, S. 132].

По большей части они совпадают и с условиями добровольного отказа от покушения на преступление, в связи с чем толкование должно ориентироваться на условия добровольного отказа [3, S. 86].

Добровольность

Добровольность как главный критерий предусмотрена практически во всех нормах. Лишь в некоторых нормах этот критерий полностью отсутствует, как, например, в норме § 239a (абз. 4) УУ «Похищение человека с целью вымогательства». Это объясняется тем, что в данном случае основной интерес заключается в том, чтобы преступник освободил свою жертву (BGH NJW 2001, 2895) [13, § 239a Rn. 40].

В отдельных нормах о деятельном раскаянии добровольность была заменена своевременностью действия [10, § 158 Rn. 14; 16, § 158 Rn. 2], например, своевременностью исправления ложных показаний [15, § 158 Rn. 7].

Активная деятельность. В большинстве случаев, чтобы иметь возможность освобождения от уголовной ответственности или ее смягчения, преступник должен действовать активно. Этот критерий предусмотрен в соответствующих составах по-разному, а активные действия преступника также должны быть различными. Например, в качестве активного действия требуется «устранение созданной опасности» (§§ 149 абз. 2 № 1, 314a абз. 1–3 УУ), «доведение до сведения» (§§ 87 абз. 3, 98 абз. 2 УУ), «исправление ложных показаний» (§ 158 УУ) или «предотвращение завершения деяния» (§§ 83a, 149 абз. 2 № 1 УУ).

Кроме того, из состава преступления вытекает, должен ли преступник действовать сам или достаточно того, чтобы посткриминальное действие совершили третьи лица (BGH NStZ 2003, 264) [10, § 306e Rn.5].

Что касается составов преступлений, посредством формулировки которых уголовная ответственность за покушение приравнена к оконченному преступлению, то в их случае для освобождения от уголовной ответственности или ее смягчения достаточно прекращения исполнения деяния, поскольку уже посредством того, что

преступник не продолжает свое действие, может быть предотвращено нарушение правовых благ [3, с. 83]. Тем не менее, нередко требуется и совершение активных действий (например, в случае § 149 абз. 2 УУ).

Иногда в случаях деятельного раскаяния освобождение от уголовной ответственности или ее смягчение имеет место, если преступник лишь предпринимает попытки предотвратить наступление последствий, которые не наступили бы и без его действий (например, в случае §§ 83а абз. 3, 149 абз. 3 УУ).

Наступление «последствий» действия деятельного раскаяния. В качестве последствия деятельного раскаяния по общему правилу требуется предотвращение материального окончания [4, с. 133; 3, с. 84].

Ненаступление существенного вреда. В отдельных составах преступлений наступление не существенного вреда не препятствует освобождению от уголовной ответственности или ее смягчению (например, в случаях §§ 306е; 314а абз. 2 № 2, абз. 3 № 1). Речь идет в основном о новых нормах, введенных 6-ым законом «О реформе уголовного права» и касающихся общеопасных преступных деяний [3, с. 84]. Этот критерий объясняется принадлежностью этих деликтов к группе общеопасных. Условием, как правило, является наступление конкретной опасности для особого правового блага, в связи с чем имеется возможность того, что конкретная опасность уже перешла в несущественное последствие [3, с. 84]. Что конкретно подразумевается под понятием «существенный» однозначно не объясняется. Согласно распространенному мнению существенный вред имеет место в случае причинения вреда личности [16, § 306е Rn. 13; 16, § 314а Rn. 9; 17, § 330b Rn. 3; 17, § 320 Rn. 2], а в случае причинения имущественного вреда тогда, когда была утрачена «значительная ценность» [17, § 330b Rn. 3].

Смысл и цель. Основная идея деятельного раскаяния с точки зрения уголовной политики и систематики преступлений является спорной [10, § 83а Rn. 2; 2, с. 19]. Теории, касающиеся добровольного отказа от покушения, в соответствии с распространенным мнением могут быть перенесены на деятельное раскаяние [10, § 83а Rn. 2; 2, с. 19; 11, с. 27]. Дискуссионными являются уголовно-политическое учение о «золотом мосте» (RG 6 341, 342) [17, § 24 Rn. 2; 10, § 24 Rn. 22], теория помилования [17, § 24 Rn. 3; 16, § 24 Rn. 12] и теория цели наказания, которая в основном поддерживается [10, § 83а Rn. 2; 17, § 24 Rn. 4; 13, § 24 Rn. 2].

Однако перенесение обосновывающих добровольный отказ взглядов на деятельное раскаяние подлежит и критике [3, с. 97 ff.].

Представление в законе. Нормы, регламентирующие деятельное раскаяние, содержатся, как правило, для каждого отдельного преступления в отдельном абзаце с различными условиями и правовыми последствиями (например, в случае § 142 абз. 4 УУ). Лишь малая часть предписаний, посвященных данному институту, существует в виде отдельной нормы, в которой деятельное раскаяние урегулировано для большего количества деликтов (например, в §§ 306е, 320, 314а, 330b УУ).

Применение по аналогии. Некоторые деликты, имеющие схожую структуру с деликтами, предусматривающими возможность деятельного раскаяния, не содержат нормы, регулирующей деятельное раскаяние. Отчасти это расценивается как неравный подход или даже как несправедливость, в связи с чем дискуссионным является применение по аналогии уже имеющихся предписаний, касающихся деятельного раскаяния, в отношении схожих по структуре деликтов [18, с. 331, 332]. Обосновывается это тем, что ввиду отсутствия последовательной концепции законодателя, имеющиеся нормы о деятельном раскаянии нужно рассматривать не как исчерпывающие, а как произвольные предписания, которые могут быть применены по аналогии [19, с. 357; 4, с. 140]. По общему правилу закрепленная в ст. 103 (абз. 2) Основного закона ФРГ защита исполнителя преступления не должна мешать дискутируемому применению по аналогии, поскольку последствия такого применения означали бы улучшение положения исполнителя преступления [16, § 1 Rn. 282f.; 4, S. 141].

Однако не следует исходить из того, что отсутствие норм о деятельном раскаянии является запланированным пробелом в регулировании [18, с. 333; 17, § 11 Rn. 43; 7, с. 132]. Этот тезис находит отражение в том, что законодателем по-прежнему принимаются нормы как содержащие положения о деятельном раскаянии, так и не имеющие таких [7, с. 132].

Кроме того, в нормах, касающихся деятельного раскаяния не содержится правовых мыслей об обобщении [13, § 11 Rn. 46].

Таким образом, применение по аналогии уже имеющихся положений о деятельном раскаянии противоречит явной воле или обдуманному молчанию законодателя [20, с. 89].

Правовые последствия. Правовые последствия деятельного раскаяния сконструированы самым

различным образом. Они охватывают от обязательных до факультативных освобождения от уголовной ответственности и ее смягчения [1, с. 412]. В связи с тем, что в большинстве своем деятельное раскаяние имеет одинаковые основные условия, из которых вытекает одинаковое посткриминальное поведение исполнителя преступления, можно сделать вывод, что оно должно приводить к одинаковым правовым последствиям [3, с. 149].

При создании новых составов преступлений законодатель, однако, имеет широкие рамки усмотрения, которые охватывают, в том числе, и право на оценку [4, с. 124; 3, с. 150]. На основании этого сравнимое или одинаковое посткриминальное поведение может предусматривать различные правовые последствия, пока законодатель пользуется своим усмотрением в соответствии с Основным законом и закрепленными в нем основными правами [3, с. 150; 4, с. 125]. Из этого следует исходить [11, с. 150]. Тем не менее спорным является вопрос, может ли иметь место такого рода неравенство в отношении конструирования правовых последствий, в связи с чем законодателя следует упрекнуть в том, что ему не удалось создать систему, не содержащую противоречий [3, с. 151].

Различные правовые последствия могут быть обоснованы отчасти тем, что ориентиром служит тяжесть деяния [11, с. 25]. Между тем критерий тяжести деяния не во всех случаях использовался для дифференциации правовых последствий [11, с. 25 ff.].

Критика. Правовой институт деятельного раскаяния подвергается серьезной критике. Прежде всего, причиной этому служит выбор преступлений, которые имеют нормы о деятельном раскаянии. Законодателю ставится в упрек, что он выбрал составы преступлений случайным обра-

зом [13, § 24 Rn. 116]. Создается впечатление, что в основе как выбора, так и представления норм, не лежит согласованная общая система [21, с. 505].

Указывается также, что правовому институту деятельного раскаяния не уделяется должного внимания [3, с. 13]. Это может быть обусловлено тем, что для деятельного раскаяния не было создано основополагающей нормы. Скорее речь идет об исключениях, касающихся отдельных преступлений [3, с. 13]. Кроме того, выбор преступлений ограничивается нечасто используемыми составами [3, с. 14]. Критикуется сложное структурирование положений о деятельном раскаянии [3, с. 74]. Отмечается также, что хотя деятельное раскаяние и сравнивается часто с добровольным отказом, тем не менее правовые последствия деятельного раскаяния сконструированы несопоставимым образом [3, с. 149]. Если исходить из критерия сопоставимости, то законодатель должен был сконструировать все предписания как освобождающие от уголовной ответственности или же все как смягчающие ее [22, с. 508].

Таким образом, институт деятельного раскаяния закрепляет возможность освобождения от уголовной ответственности или ее смягчения, которым уделяется слишком мало внимания. Хотелось бы, чтобы деятельное раскаяние воспринималось не только в контексте сравнения с добровольным отказом, но и как самостоятельная конструкция. Кроме того, неясно, почему законодатель после принятия 6-го закона «О реформе уголовного права» больше не занимался вопросами деятельного раскаяния, несмотря на то, что этот правовой институт подвергается критике. Кроме того, представляется желательным его радикальное реформирование.

Литература

1. Hellmann Uwe. Selbstanzeige im Geflecht der strafbefreienden und – modifizierenden „Nachtatverhalten“, in: Ein menschengerechtes Strafrecht als Lebensaufgabe – Festschrift zum 70. Geburtstag von Walter Beulke, Heidelberg, 2015.
2. Gräfe Jenny. Sinn und System des Absehens von Strafe, Hamburg, 2012.
3. Blöcker Morten. Die Tätige Reue, Baden-Baden, 2000.
4. Weinert Nicole. Vorbereitungsdelikte und tätige Reue – Eine Untersuchung zur Notwendigkeit der Einführung tätiger Reue am Beispiel des ersicherungsmissbrauchs, Hamburg, 2005.
5. Schröder Horst. Die Koordinierung der Rücktrittsvorschriften, in: Beiträge zur gesamten Strafrechtswissenschaft – Festschrift für Hellmuth Mayer, S. 377 f., Berlin, 1966.
6. Schroeder Friedrich-Christian. Absehen von der Strafe und Absehen von der Strafverfolgung, in: Festschrift für Gerhard Fezer zum 70. Geburtstag, S. 543f., Berlin, 2008.
7. Berz Ulrich. Formelle Tatbestandsverwirklichung und materialer Rechtsgüterschutz – Eine Untersuchung zu den Gefährdungs- und Unternehmensdelikten, München, 1986.

8. Wessels Johannes, Beulke Werner, Satzger Helmut. Strafrecht Allgemeiner Teil, 47. Auflage 2017, Heidelberg.
9. Satzger Helmut, Schluckebier Wilhelm, Widmaier Gunter. Strafrechtsgesetzbuch Kommentar, 3. Auflage 2017, Köln.
10. Kindhäuser Urs, Neumann Ulfried, Paeffgen Hans-Ulrich. Nomos Kommentar Strafrechtsgesetzbuch, 5. Auflage 2017, Baden-Baden, Band 2.
11. Fedders Christian. Tatvorsatz und tätige Reue bei Vorfelddelikten – Der vorausgeplante Rücktritt, 1. Auflage 2002, Baden-Baden.
12. Lackner Karl, Kühl Kristian. Strafrechtsgesetzbuch Kommentar, 28. Auflage 2014, München.
13. Schönke Adolf, Schröder Horst. Strafrechtsgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage 2014, München.
14. Kindhäuser Urs. Strafrechtsgesetzbuch Kommentar, 7. Auflage 2017, Baden-Baden.
15. Fischer Thomas. Strafrechtsgesetzbuch Kommentar, 65. Auflage 2018, München.
16. Leipziger Kommentar zum Strafrechtsgesetzbuch. Herausgeber: Laufhütte Heinrich Wilhelm, Rissing-van Saan Ruth; Tiedemann Klaus. 12. Auflage 2007, Berlin, Band 1, 6 und 11.
17. Systematischer Kommentar zum Strafrechtsgesetzbuch, Herausgeber: Wolter Jürgen. Köln 2012, Band 1, 5 und 6.
18. Berz Ulrich. Die entsprechende Anwendung von Vorschriften über die tätige Reue am Beispiel der Unternehmens Delikte, in: Festschrift für Walter Stree und Johannes Wessels zum 70. Geburtstag, S. 331 ff.; Heidelberg 1993.
19. Burkhardt Björn. Das Unternehmensdelikt und seine Grenzen, in: JZ 1971, S. 352 ff.
20. Hillenkamp Thomas. Möglichkeiten der Erweiterung des Instituts der tätigen Reue, in: Wiedergutmachung und Strafrecht – Symposium aus Anlass des 80. Geburtstages von Friedrich Schaffstein, Herausgeber: Schöch, Heinz, S. 81 ff., München 1987.
21. Krack Ralf. Die tätige Reue im Wirtschaftsstrafrecht, in: NSTZ 2001, S. 505 ff.
22. Lagodny Otto. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte – Die Ermächtigung zum strafrechtlichen Vorwurf im Lichte der Grundrechtsdogmatik dargestellt am Beispiel der Vorfeldkriminalisierung, Tübingen 1996.

References

1. Hellmann, Uwe. Selbstanzeige im Geflecht der strafbefreienden und – modifizierenden „Nachtatverhalten“ in: Ein menschengerechtes Strafrecht als Lebensaufgabe - Festschrift zum 70. Geburtstag von Walter Beulke, [Self-denunciation as an act in the web of mitigating post-offence behavior in: The lifelong task of a fair and just criminal law – a commemorative publication for Walter Beulke’s 70th birthday], Heidelberg 2015 (in German)
2. Gräfe Jenny. Sinn und System des Absehens von Strafe [Exemption from punishment – the sense and system of this legal institution], Hamburg 2012 (in German)
3. Blöcker Morten. Die Tätige Reue [**Preventing the completion of an offence**], Baden-Baden 2000 (in German)
4. Weinert Nicole. Vorbereitungsdelikte und tätige Reue – Eine Untersuchung zur Notwendigkeit der Einführung tätiger Reue am Beispiel des Versicherungsmisbrauchs [Preparatory offences and **preventing the completion of an offence** – examining the necessity of introducing the provision “**preventing completion of the offence**“, using the example of insurance fraud], Hamburg 2005 (in German)
5. Schröder Horst. Die Koordinierung der Rücktrittsvorschriften, in: Beiträge zur gesamten Strafrechtswissenschaft – Festschrift für Hellmuth Mayer [Coordinating the regulation of withdrawing from attempt, in: Contributions to the whole criminal law – a commemorative publication for Hellmuth Mayer], p. 377 et seq., Berlin 1966 (in German)
6. Schroeder Friedrich-Christian. Absehen von der Strafe und Absehen von der Strafverfolgung, in: Festschrift für Gerhard Fezer zum 70. Geburtstag [Exemption from punishment and prosecution, in: A commemorative publication for the Gerhard Fezer’s 70th birthday], p. 543 et seq., Berlin 2008 (in German)
7. Berz Ulrich. Formelle Tatbestandsverwirklichung und materialer Rechtsgüterschutz – Eine Untersuchung zu den Gefährdungs- und Unternehmensdelikten [The formal realisation of an offence and safeguarding legally protected interests – an examination of strict liability and “undertaking” offences], München 1986 (in German)
8. Wessels Johannes, Beulke Werner, Satzger Helmut. Strafrecht Allgemeiner Teil [Criminal Law – general part], 47. Auflage [47th edition] 2017, Heidelberg (in German)

9. Satzger Helmut, Schluckebier Wilhelm, Widmaier Gunter. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code], 3. Auflage 2017, Köln (in German)
10. Kindhäuser Urs, Neumann Ulfried, Paeffgen Hans-Ulrich. Nomos Kommentar Strafgesetzbuch [Nomos Commentary on the Criminal Code], 5. Auflage 2017, Baden-Baden, Band 2 (in German)
11. Fedders Christian. Tatvorsatz und tätige Reue bei Vorfelddelikten – Der vorausgeplante Rücktritt [Intention and **preventing the completion of an offence** with preliminary offences – the pre-planned abandoning of an attempt], 1. Auflage 2002, Baden-Baden (in German)
12. Lackner Karl, Kühl Kristian. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code]. 28. Auflage 2014, München (in German)
13. Schönke Adolf, Schröder Horst. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code] 29. Auflage 2014, München (in German)
14. Kindhäuser Urs. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code] 7. Auflage 2017, Baden-Baden (in German)
15. Fischer Thomas. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code], 65. Auflage 2018, München (in German)
16. Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch [Leipziger Commentary on the Criminal Code], Herausgeber: Laufhütte, Heinrich Wilhelm; Rissing- van Saan, Ruth; Tiedemann, Klaus, 12. Auflage 2007, Berlin, Band 1, 6 und 11 (in German)
17. Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch [Systematic Commentary on the Criminal Code], Herausgeber: Wolter, Jürgen, Köln 2012, Band 1, 5 und 6 (in German)
18. Berz Ulrich. Die entsprechende Anwendung von Vorschriften über die tätige Reue am Beispiel der Unternehmensdelikte in: Festschrift für Walter Stree und Johannes Wessels zum 70. Geburtstag [The corresponding application of the provisions surrounding **preventing the completion of an offence**, using the example of “undertaking” offences, in: A commemorative publication for the Walter Stree’s and Johannes Wessels’ 70th birthday], p. 331 et seq.; Heidelberg 1993 (in German)
19. Burkhardt Björn. Das Unternehmensdelikt und seine Grenzen [The offence of “undertaking” and its limits], in: JZ 1971, p. 352 et seq. (in German)
20. Hillenkamp Thomas. Möglichkeiten der Erweiterung des Instituts der tätigen Reue in: Wiedergutmachung und Strafrecht – Symposium aus Anlass des 80. Geburtstages von Friedrich Schaffstein [The possibilities of extending the institute of **preventing the completion of an offence**, in: Compensation and criminal law – a symposium for Friedrich Schaffstein’s 80th birthday], Herausgeber: Schöch, Heinz, p. 81 et seq., München 1987 (in German)
21. Krack Ralf. Die tätige Reue im Wirtschaftsstrafrecht [Preventing the **completion of an offence** in corporate criminal law], in: NStZ 2001, p. 505 et seq. (in German)
22. Lagodny Otto. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte – Die Ermächtigung zum strafrechtlichen Vorwurf im Lichte der Grundrechtsdogmatik dargestellt am Beispiel der Vorfeldkriminalisierung [Criminal law and the barrier of fundamental rights – authorising a criminal accusation in light of the dogmatic of fundamental rights, using the example of preliminary criminalisation], Tübingen 1996 (in German)

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ

Докучаева Дарья Игоревна

Цель: выявление и поиск теоретического решения проблем, связанных с институтом деятельного раскаяния в российском уголовном праве, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение, метод структурного анализа, формально-логический, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В результате проделанной работы были сделаны следующие выводы. Во-первых, понятие «деятельное раскаяние» в семантическом смысле не полностью соответствует юридическому, так как правовой смысл деятельного раскаяния состоит не столько в раскаянии в психологическом плане, сколько в активных действиях лица, совершившего преступление. Во-вторых, институт уголовно-правовой медиации является перспективным для его последующей имплементации в российское законодательство в качестве возможности замены медиацией уголовного преследования с помощью использования посреднических центров и должностных лиц компетентных государственных органов — судов, прокуратуры или органов предварительного расследования. В-третьих, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно и при несогласии потерпевшего на удовлетворение ходатайства о деятельном раскаянии, главное соблюдение лицом, совершившим преступное деяние, условий, или выполнение действий, которые оно объективно может совершить. В-четвертых, формулировка нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 75 УК РФ, сужает понимание устранения вредных последствий вследствие деятельного раскаяния.

Научная и практическая значимость. Научная значимость работы состоит в комплексном рассмотрении условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. На основе анализа судебной практики выявлены новые значимые аспекты деятельного раскаяния. Практическая ее значимость заключается в том, что предложены варианты усовершенствования норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, осуществлен теоретический анализ возможной имплементации института уголовно-правовой медиации в российское законодательство.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, посткриминальное поведение, явка с повинной, уголовная ответственность, освобождение, преступление, возмещение ущерба, медиация, добровольный отказ.

Поведение лица после совершения им преступления имеет юридическое значение при его привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания. А.С. Андреев отмечает также влияние посткриминального поведения на показатели раскрываемости преступлений в целом и эффективность их расследования и раскрытия в конкретных случаях [1, с. 139].

Посткриминальное поведение можно классифицировать на позитивное и негативное. Позитивное посткриминальное поведение предусматривает совершение лицом действий, служащих

интересам отдельной личности, общества и государства. Такие действия могут быть направлены на минимизацию общественно опасных последствий преступления, на предотвращение более тяжких последствий по сравнению с уже наступившими. Позитивное посткриминальное представляет собой своего рода уголовно-правовой компромисс между лицом, совершившим преступление, и государством и может служить основанием для смягчения наказания данному лицу, освобождения его от уголовной ответственности и наказания либо только от наказания, снятия

судимости досрочно. Оно стимулируется и поощряется уголовным законодательством РФ, так оно соотносится с целями и задачами уголовного законодательства, перечисленными в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Это корреспондирует принципам справедливости и гуманизма уголовного законодательства РФ, закрепленным в ст. 6 и ст. 7 УК РФ.

Негативное посткриминальное поведение проявляется в общественно опасных действиях (бездействиях), если не образует самостоятельного состава преступления и не является социально приемлемым. Поэтому введение норм, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение, в итоге должно положительно сказаться и на сокращении расходов государства на расследование уголовных дел и судопроизводство, и оптимизировать работу пенитенциарной системы, как справедливо отмечает Р.К. Плиско [2, с. 4].

К видам позитивного посткриминального поведения, закрепленным в уголовном законе, можно отнести: явку с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других участников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ); оказание медицинской и иной помощи потерпевшему, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ); деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ); примирение потерпевшего и лица, совершившего преступное деяние (ст. 76 УК РФ) и др. [3, с. 117]. Рассмотрим подробнее институт деятельного раскаяния.

Слово «деятельный» означает «проявляющий особенную энергию, старание в выполнении какого-либо дела; постоянно действующий, работающий»; под «раскаянием» понимается «сознание своей вины, сожаление о совершенном проступке» [4]. Но, как будет показано ниже, понятие «деятельное раскаяние» в семантическом смысле не полностью соответствует юридическому смыслу.

Деятельному раскаянию посвящена ст. 75 УК РФ. При этом, если в ее ч. 1 перечислены условия деятельного раскаяния, то в ч. 2 содержится отсылка к специальным видам освобождения от уголовной ответственности, закрепленным в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Эти специальные виды освобождения и их соотношение с деятельным раскаянием вызывают множество споров в науке, так как, с одной стороны, по своей правовой природе они являются разновидностью деятельного раскаяния, а с другой — зачастую не содержат совокупности всех условий деятельного

раскаяния, предусмотренных ч. 1 ст. 75. Кроме того, ч. 2 данной статьи противоречит ч. 1, так как в ч. 1 предусмотрено, что освобождение в связи с деятельным раскаянием возможно при совершении преступления небольшой или средней тяжести, а в соответствии с ч. 2 ст. 75 уполномоченные государственные органы могут освободить лицо от уголовной ответственности и в случае совершения им преступлений иных, более тяжких категорий. Вторым существенным различием между указанными нормами, а также ввиду того, что ч. 2 ст. 75 представляет собой бланкетную норму, особенностью примечаний к статьям Особенной части УК РФ является их императивность, а ч. 1 ст. 75 присуща дискретность: в ней закреплена формулировка «лицо ... может быть освобождено от уголовной ответственности», а в ч. 2 — «лицо ... освобождается...». Такая нелогичность построения норм и может вводить в заблуждение. Поэтому в литературе можно найти примеры следующих решений данной проблемы. Д.А. Гришин и С.Н. Сабанин предлагают дополнить ст. 75 ч. 3 следующего содержания: «при принятии решения уполномоченными органами об освобождении от уголовной ответственности в специально предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса случаях необходимо учитывать условия, содержащиеся в примечаниях к данным статьям» [5, с. 61]. По мнению А.Г. Антонова, следует отменить норму ч. 2 ст. 75 или убрать ее из статьи с заголовком «Деятельное раскаяние» и включить в УК РФ отдельную статью «Специальные основания освобождения от уголовной ответственности» с указанием в ее содержании, что «исходя из интересов защиты человека, общества и государства, а также в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений нормами Особенной части настоящего Кодекса могут предусматриваться специальные основания освобождения от уголовной ответственности» [6, с. 29–32]. Такой вариант представляется предпочтительным, так как тем самым будет устранена правовая коллизия и не потребуются внесения радикальных изменений в УК РФ.

В ч. 1 ст. 75 не приведено полное легальное определение деятельного раскаяния. Поэтому для установления его сущности следует обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8*), в п. 4 которого указано, что только совокупность выполнения всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 условий или тех действий, которые лицо объективно

могло совершить, может свидетельствовать о деятельном раскаянии. Существуют различные теории по поводу объема действий, образующих деятельное раскаяние и требующихся для освобождения от уголовной ответственности, но только одна из них соответствует законодательно установленным нормам – теория разумной кумулятивности, определяющая деятельное раскаяние в качестве тех действий, перечисленных в ч. 1 ст. 75, которые лицо объективно могло совершить. В ней под деятельным раскаянием понимается выполнение всех действий, перечисленных в ч. 1 ст. 75, в то время как согласно теории антикумулятивности выполнение хотя бы одного действия, перечисленного в указанной норме, образует деятельное раскаяние.

Таким образом, юридическим фактом деятельного раскаяния является не абстрактное психологическое состояние лица, совершившего преступление, а его деятельное раскаяние, выражающееся в конкретных действиях – добровольной явке с повинной, содействии раскрытию и расследованию преступления, возмещении ущерба или ином заглаживании вреда. Кроме того, в ч. 1 ст. 75 закреплен ряд условий, которые связаны как с совершенным преступлением (его тяжесть), так и с личностью преступника (совершение преступления впервые и прекращение его общественной опасности). Поскольку данные условия также вызывают немало споров в юридической науке, рассмотрим каждый из них в отдельности.

Во-первых, что касается такого основания освобождения от уголовной ответственности, как совершения преступления впервые, то в п. 2 упоминавшегося выше постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что к лицам, совершившим преступление впервые, следует относить лицо, совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или несколькими статьями УК РФ), ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу или вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности, предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности. Однако, в юридической литературе высказывается и иная точка зрения. Например, Л.Ю. Ларина отмечает, что для

квалификации лица как впервые совершившего преступление необходимо, чтобы за ранее совершенные преступления к нему не применялись наказание либо другие меры уголовно-правового характера, в том числе освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и оно не оценивалось ранее государством в качестве лица, имеющего преступный опыт [7, с. 89]. Такая точка зрения основывается на постановлении Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» (СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5203). В нем указывается, что решение суда о прекращении уголовного дела не констатирует факт вины обвиняемого, однако фиксирует факт совершения лицом деяния, имеющего признаки преступления, поэтому, делает вывод Л.Ю. Ларина, при совершении лицом преступления в последующем, нельзя считать его совершившим преступление впервые [7, с. 89]. Однако представляется, что такой подход не соответствует принципам справедливости и гуманизма уголовного закона, воплощающимся в отказе государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление. Будет несправедливым считать такое лицо привлечавшимся к уголовной ответственности «не впервые», так как решение суда о прекращении уголовного дела влечет соответствующие правовые последствия и нельзя присваивать статус «преступника» лицу, в отношении которого не был вынесен обвинительный приговор.

Во-вторых, для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием преступление, совершенное впервые, должно быть небольшой или средней тяжести. В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, не превышает трех лет лишения свободы, а преступлениями средней тяжести согласно ч. 3 указанной статьи считаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, превышает трех лет лишения свободы. Следует отметить, что если лицо совершило преступление иной категории, то согласно ч. 2 ст. 75 оно также может быть освобождено от уголовной ответственности, при условии, что это предусмотрено статьей Особенной части УК РФ. В этом проявляется одно из

существенных различий деятельного раскаяния, основанного на норме Общей части и на нормах Особенной части Кодекса.

Вышеназванные условия для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием относятся к материальным.

В-третьих, для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием требуется наличие его временного признака. Деятельным раскаянием может быть признано таковое, совершенное с момента окончания преступления или его прерывания помимо воли лица и до возбуждения уголовного дела согласно ст. 28 УПК РФ. Под субъектами уголовного процесса, имеющими право прекратить уголовное преследование и освободить лицо от уголовной ответственности, в этой статье подразумеваются суд, следователь и дознаватель. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 28 следователь уполномочен прекратить уголовное преследование только с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора.

Необходимо отличать деятельное раскаяние от добровольного отказа от совершения преступления – такой отказ предполагает прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ. Добровольный отказ возможен только при умышленной форме вины, тогда как деятельное раскаяние возможно и после совершения преступления по неосторожности. По сравнению с деятельным раскаянием добровольный отказ от совершения преступления является более положительным поведением лица, так как лицо в процессе приготовления или совершения преступления по своей воле отказывается наносить вред особо значимым общественным отношениям, хотя у него имеется такая возможность и он осознает это. Вредные последствия с момента совершенных им деяний до добровольного отказа от доведения преступления до конца могут не наступить, и в этом проявляется общественная полезность такого поведения, либо наступают, но не находятся в закономерной причинно-следственной связи с деяниями лица (например, значительный временной разрыв), и это характеризует прекращение общественной опасности самого лица.

Кроме того, добровольный отказ от совершения преступления может выражаться как в активных, так и в пассивных действиях лица, а деятельное раскаяние – только в активных действиях по смыслу ч. 1 ст. 75. В случае наличия причинной связи между деяниями лица и наступившими об-

щественно вредными последствиями, даже если имел место отказ от совершения преступления на стадии приготовления или в процессе его совершения, такой отказ не может признаваться добровольным. Следует также отметить, что добровольный отказ от совершения преступления не относится к посткриминальному поведению, так как оно может иметь место только до его непосредственно совершения, т. е. такое преступление будет считаться неоконченным по воле субъекта.

Необходимо отличать деятельное раскаяние и от уголовно-правовой медиации. Российскому законодательству такой институт неизвестен, он характерен для Франции, Германии, Бельгии, Англии и США. Сущность уголовно-правовой медиации, по мнению Е.Е. Забуга, состоит в отсутствии обязательной совокупности действий лица, стороны сами принимают решение о приемлемых для них способах разрешения уголовно-правового конфликта с использованием посредника – независимой третьей стороны, либо без привлечения такового, но с использованием должностного лица качестве медиатора [8, с. 73]. Медиация весьма перспективна и при имплементации в законодательство РФ сможет заменить уголовное преследование за счет использования посреднических центров и должностных лиц компетентных государственных органов – судов, прокуратуры или органов предварительного расследования. Однако в настоящее время это не представляется возможным в связи с тем, что совершение преступления причиняется вред не только интересам пострадавшего, но и общества и государства, а их охрана является одной из задач УК РФ, закрепленных в ст. 1 Кодекса. Важную роль играет и личность преступника, которая также может представлять опасность для общества, и его примирение с потерпевшим не означает, что он исправится в будущем. Следовательно, цель уголовного наказания не будет достигнута.

Еще одним обязательным условием для освобождения лица по ст. 75 является его добровольность. Добровольность может проявляться в двух аспектах – в добровольности его деятельного раскаяния и добровольности освобождения лица от уголовного преследования. Добровольность деятельного раскаяния предполагает, что лица по собственной воле, без психического и физического принуждения со стороны других лиц раскаиваются в содеянном. Добровольность освобождения лица от уголовного преследования проявляется в том, что подозреваемый имеет право возразить против прекращения уголовного преследования до его прекращения согласно ч. 3 ст. 28 УПК РФ,

что вносится в постановление или определение. В случае возражения лица, в отношении которого прекращается уголовное преследование в соответствии с ч. 1 ст. 75, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке согласно ч. 4 ст. 28 УПК РФ. Лицо может возражать против прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, так как оно не является реабилитирующим основанием, с ним связано возможное наступление следующих правовых последствий, так как это не предусмотрено ч. 2 ст. 133 УПК РФ. Лицо, совершившее преступление не может быть освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и не освобождается от других видов ответственности – гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной, налоговой. Возражения могут быть связаны и с правом на защиту чести и доброго имени, которое гарантируется Конституцией РФ (ч. 1 ст. 23). Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» (*СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4698*) разъяснил, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в случае обеспечения конституционных прав участников уголовного судопроизводства, в частности, согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации). Согласие в данном случае выражается в том, что данное лицо не возражает против прекращения уголовного производства по нереабилитирующему основанию. Таким образом, при деятельном раскаянии учитывается добровольность именно подозреваемого (обвиняемого). Для освобождения от уголовной ответственности деятельно раскаявшийся подозреваемый (обвиняемый) или его законный представитель должен предоставить письменное ходатайство дознавателю, следователю или в суд о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием. Примечательно, что на практике имели место случаи, когда потерпевший необоснованно возражал против освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Так, при рассмотрении в апреле 2018 г. дела № 1-18/2018 мировым судьей по Неманскому судебному участку Калининградской области представитель потерпевшего возра-

жал против удовлетворения ходатайства о прекращении уголовного дела по основанию деятельного раскаяния, ссылаясь на то, что «их компания непримиримо относится к кражам». Но поскольку причиненный материальный ущерб обвиняемый полностью возместил, а также были соблюдены все условия деятельного раскаяния, предусмотренные в ч. 1 ст. 75, суд счел возможным прекратить уголовное преследование. Такая позиция мирового судьи представляется верной, так как указанная норма не содержит обязательного признака согласия представителя потерпевшего на удовлетворение ходатайства, главное – соблюдение лицом, совершившим преступное деяние, закрепленных в этой норме условий, позволяющих сделать вывод о его деятельном раскаянии. С одной стороны, нельзя ставить деятельное раскаяние лица в зависимость от мнения потерпевшего, с другой стороны, если его доводы обоснованы, суд не может не учесть их при оценке соблюдения условий деятельного раскаяния и вынесения решения по делу.

Что касается явки с повинной как одного из обязательных условий деятельного раскаяния, то ее понятие разъясняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2*) – в соответствии с п. 19 оно представляет собой добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменной или устной форме. Как указывается в данном постановлении, если лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, добровольно заявляет, что совершило его, это может быть учтено судом в качестве активного способствования раскрытию и расследованию преступления, но не как явка с повинной. Однако, это не является препятствием для освобождения лица от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75, так как совокупность выполнения перечисленных в данной норме действий, которые лицо объективно могло совершить, может свидетельствовать о деятельном раскаянии. Один из важнейших признаков явки с повинной – ее добровольность, т. е. подразумевается, что лицо действует без физического или психического принуждения. Вместе с тем мотивы явки с повинной могут быть различными и не имеют юридического значения [9, с. 36]. Согласно ст. 142 УПК РФ явка с повинной представляет собой добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Заявление о явке с повинной может быть сделано как письменно, так и устно; оно принимается и заносится в протокол, который подписывают заявитель и лицо,

принявшее данное заявление в порядке, установленном ч. 3 ст. 141 УПК РФ. С.В. Алешенко выделяет следующие «неоспоримые» признаки явки с повинной: она должна быть совершена лично, во время явки лицо сознается в совершении преступления или подготовке к нему, а не иного вида правонарушения [10, с. 137–138]. Признак личного обращения в правомочные органы также является спорным, поскольку ни в УПК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 не упоминается возможность заявления о явке с повинной посредством телефонной связи, а ч. 2 ст. 142 УПК РФ отсылает к ч. 3 ст. 141 Кодекса, в которой речь идет об устном заявлении о явке с повинной. Представляется, что явка с повинной через представителя невозможна, так как это противоречит сущности данного правового института и в подобных случаях будет достаточно сложно установить, сделано ли соответствующее заявление по инициативе лица, совершившего преступление. Учитывая, что на практике возможны случаи, когда лицо по независящим от него обстоятельствам не может явиться лично, использование различных средств связи или сети Интернет могло бы разрешить ситуацию. Учитывая это, следует, по нашему мнению, внести дополнения в ч. 2 ст. 142 УПК РФ, включив в нее отсылку к ч. 5 ст. 141 УПК РФ, в которой предусмотрена возможность заявителя без личного присутствия сделать заявление в порядке, установленном ст. 143. Вряд ли можно согласиться с автором, выступающим против закрепления в законе возможности явки с повинной посредством телефонной или иной связи ввиду того, что такое заявление легко подделать [11]. В любом случае при явке с повинной необходимо сообщить уполномоченному лицу фамилию, имя и отчество, дату рождения, место жительства и работы или учебы лица, совершившего преступление, а также сведения о документе, удостоверяющем его личность. И в случае фабрикации явки с повинной лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ, о чем оно будет предупреждено. Кроме того, учитывая уровень технического развития, подделку заявления будет легко выявить. Главное, что при совершении явки с повинной с использованием средств связи достигается ее цель, которая с субъективной стороны состоит в смягчении или освобождении от наказания, а с объективной – в скорейшем раскрытии преступления и предотвращении наступления возможных вредных последствий, связанных с ним.

Явка с повинной не может быть сделана анонимно, как и любое другое анонимное заявление не может служить поводом для возбуждения уголов-

ного дела согласно ч. 7 ст. 141 УПК РФ. Кроме того, анонимность явки с повинной не соответствовала бы сущности данного правового института, так как она собой прежде всего подразумевает, что лицо лично сообщает правоохранительным органам о совершенном преступлении. Явке с повинной должен быть присущ признак своевременности. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4 (утратило силу)*) изначально указывалось, что сообщение о преступлении, сделанное лицом после его задержания по подозрению в совершении преступления, следует признавать как явку с повинной и учитывать при назначении наказания.

Условие о способствовании раскрытию и расследованию преступления наряду с другими также является обязательным элементом деятельного раскаяния. И хотя его легальное определение в уголовном законодательстве не закреплено, в п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 приводятся примеры действий лица, которые оцениваются как активное содействие раскрытию и расследованию совершенного им преступления: представление органам дознания или следствия соответствующей информации, в частности, о лицах, участвовавших в совершении преступления, месте их нахождения, а также сведений, подтверждающих участие этих лиц в совершении преступления; о лицах, которые могут дать свидетельские показания; о лицах, приобретших похищенное имущество; о месте сокрытия похищенного, месте нахождения орудий преступления, иных предметов и документов, которые могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Некоторые авторы под способствованием раскрытию преступления понимают: указание на соучастников преступления и помощь в их обнаружении; правдивое изложение обстоятельств; помощь в поиске вещественных доказательств; указание на места сокрытия похищенного имущества, каналы по его приобретению и сбыту; установление причин и условий совершенного преступного деяния [12, с. 26–27]. С.П. Щерба и А.В. Савкин считают, что содействие раскрытию преступления должно выражаться в инициативе и выражении ее в действиях подозреваемого (обвиняемого) на проведение специальных следственно-розыскных мероприятий по сбору и фиксации доказательственной информации. По общему правилу, итогом таких действий должно быть раскрытие преступления [13, с. 18]. Однако в Федеральном за-

коне от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349) такая инициатива подозреваемого (обвиняемого) не упоминается, — в его ст. 18 речь идет о содействии и сотрудничестве с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Учитывая это, более корректным представляется определение способствования раскрытию и расследованию преступления с использованием данных понятий. В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 также указано, что рассматриваемое условие освобождения от уголовной ответственности следует считать выполненным, если лицо действительно способствовало раскрытию и расследованию преступления, совершенного с его участием. Правда, по мнению Е.В. Благова, такое толкование «слишком узко», потому что в постановлении говорится «с его участием», а автор привязал это положение только к соучастию, исходя из его определения в ст. 32 УК РФ [14, с. 93]. Однако, из смысла данного пункта следует, что лицо должно было способствовать раскрытию и расследованию преступления, совершенного им лично либо совместно с другими лицами, а не любого иного преступления без его участия, о котором он располагает сведениями.

Следующее обязательное условие деятельного раскаяния — возмещение ущерба или заглаживания вреда иным образом, причиненным этим преступлением. В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, данным в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19, возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда может быть произведено как лично лицом, совершившим преступление, так и по его просьбе (с его согласия) другими лицами. При этом важен сам факт возмещения ущерба или заглаживания вреда иным образом. Обещания, а также различного рода обязательства возместить ущерб или заглаживать вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения лица от уголовной ответственности. Следующее, что требуется уточнить, это понятия возмещение ущерба и заглаживания вреда.

Согласно п. 2.1 указанного постановления в ч. 1 ст. 75 УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре, например, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества, или в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение). Перечень форм возмещения имущественного вреда является открытым. Что касается заглаживания вреда, то под ним, как разъяс-

нил пленум, понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений и принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства. В постановлении также отмечается, что способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

Например, в решении от 4 апреля 2018 г. по делу № 1-159/2018 Октябрьский районный суд г. Тамбова ([URL: http://sudact.ru/](http://sudact.ru/) (дата обращения: 28.11.2018)) оценил в качестве формы заглаживания причиненного государству вреда приобретение на личные средства обвиняемого имущества для школы-интерната и дома малютки. Однако ни в УК РФ, ни в данном постановлении Пленума Верховного Суда РФ не упоминается, что лицо, совершившее преступление, должно возместить неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях, если бы его право не было нарушено, как это предусмотрено в п. 2 ст. 15 ГК РФ. В силу того, что одной из целей деятельного раскаяния является устранение вредных последствий преступления, которые, как представляется, могут выражаться и в упущенной выгоде, можно предусмотреть ее возмещение. Это связано и с тем, что упущенную выгоду нельзя отнести к возмещению ущерба, поскольку согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ ущерб и упущенная выгода не являются тождественными понятиями и в комплексе образуют убытки. Вряд ли упущенную выгоду можно отнести и к заглаживанию вреда иным образом, поскольку она, как и вред, имеет имущественное выражение. Поэтому, с нашей точки зрения, формулировка ч. 1 ст. 75 сужает понимание устранения вредных последствий вследствие деятельного раскаяния и ее следует дополнить словами: «...возместило ущерб, упущенную выгоду или иным образом заглавило вред...».

Последним условием деятельного раскаяния является прекращение для общества опасности лица, совершившего преступление. В 2 п. 4 постановления от 27 июня 2013 г. № 19 разъясняется необходимость учета всей совокупности обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данных о его личности. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 данным о личности виновного, подлежащие изучению, относятся характеризующие его сведения, которыми располагает суд, а именно данные о семейном и имущественном положении, со-

стоянии здоровья, поведении в быту, наличии на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц – супруга, родителей, других близких родственников. При этом указывается, что исходя из ч. 6 ст. 86 УК РФ, в которой закреплено, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные Кодексом, связанные с судимостью. В связи с этим суды не должны учитывать в качестве отрицательных характеристик личности подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей. Что касается собственно категории общественной опасности, то наиболее точно она охарактеризована в абз. 2 п. 2 особого мнения судьи К.В. Арановского в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» (СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7784). Общественную опасность, с его точки зрения, нельзя точно определить заранее, она является объективным риском, с одной стороны, и «человеческим субъективным состоянием» – с другой, и зависит от восприятия другими субъектами общества. Поэтому прекращение для общества опасности лица, совершив-

шего преступление, все же остается на усмотрение суда, так как невозможно сформулировать для всех ситуаций посткриминального поведения лиц, совершивших преступления, единые критерии, позволяющие принимать решения об утрате ими опасности для общества.

Подводя итог, следует отметить, что освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ является дискреционным полномочием суда. Это подтверждается и правоприменительной практикой. Так, Ленинградский областной суд от 18 апреля 2018 г. в решении по делу № 22-814/2018 (*URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 28.11.2018)*) счел доводы защитника о нарушении судом требований УПК РФ при необоснованном отказе в прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием несостоятельными, так как прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью суда и с учетом личности виновного и фактических обстоятельств дела не требует обязательного применения даже при наличии соответствующих оснований.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что правовой смысл деятельного раскаяния состоит не столько в раскаянии в психологическом плане, сколько в активных действиях лица, совершившего преступление. Как говорил Дж. Локк, «действия людей – лучшие переводчики их мыслей».

Литература

1. Андреев А.С. Факты и гипотезы криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 9. С. 139–143.
2. Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2009. 251 с.
3. Терских А.И. Положительное посткриминальное поведение преступника как юридический факт уголовно-правового компромисса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27. С. 114–119.
4. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Гришин Д.А., Сабанин С.Н. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 59–66.
6. Антонов А.Г. Классификация специальных оснований освобождения от уголовной ответственности и их соотношение с основаниями, предусмотренными статьей 75 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2002. № 1. С. 29–32.
7. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87–90.
8. Забуга Е.Е. Соотношение уголовно-правовой медиации с институтом деятельного раскаяния // Вестник Омской юридической академии. 2012. № 1. С. 70–75.
9. Коломеец В.К. Явка с повинной: новая трактовка // Российская юстиция. 1997. № 10. С. 35–36.
10. Алещенко С.В. К вопросу о соотношении понятий «явка с повинной» и «Добровольное сообщение о совершении преступления» // Legal Concept. 2006. № 8. С. 137–142.

11. Бондаренко Н.С. Признаки явки с повинной // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finexg.ru/priznaki-yavki-s-povinoj/> (дата обращения: 13.05.2018).
12. Никулин С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью / под ред. Н.И. Загородникова. М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1985. 64 с.
13. Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М.: Спарк, 1997. 110 с.
14. Благов Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 90–97.

References

1. Andreev A.S. Fakty i gipotezy kriminalisticheskogo uchenija o postkriminal'nom povedenii lic, svjazannyh s prestupnoj dejatel'nost'ju [The facts and hypotheses of the criminalistic doctrine about the post-criminal behavior of persons associated with criminal activity]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobacija rezul'tatov issledovanij* [The new word in science and practice: hypothesis and approbation], 2014, no. 9, pp. 139–143. (In Russian).
2. Plisko R.K. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svjazi s primirenijem s poterpevshim: Diss... kand. jurid. nauk. [Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim: dis. ... Candidate of legal Sciences] Vladivostok. 2009. 251 p. (In Russian).
3. Terskih A.I. Polozhitel'noe postkriminal'noe povedenie prestupnika kak juridicheskij fakt ugolovno-pravovogo kompromissa [Positive postcriminal behavior of the criminal as a legal fact of the criminal-legal compromise]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University], 2012, no. 27, pp. 114–119. (In Russian).
4. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Great Dictionary of Russian language]. Sankt Petersburg: Norint. 2000. 1536 p. (In Russian).
5. Grishin D.A., Sabanin S.N. Nekotorye problemy zakonodatel'noj reglamentacii special'nyh vidov osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti [Some problems of legislative regulation of special types of exemption from criminal liability]. *Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2012, no. 2, pp. 59–66. (In Russian).
6. Antonov A.G. Klassifikacija special'nyh osnovanij osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti i ih sootnoshenie s osnovanijami, predusmotrennymi stat'ej 75 UK RF [Classification of special grounds for exemption from criminal liability and their correlation with the grounds provided for in Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* [Siberian legal Bulletin], 2002, no. 1, pp. 29–32. (In Russian).
7. Larina L.Ju. Ponjatie lica, v pervye sovershivshego prestuplenie [The concept of a person who first committed a crime]. *Juridicheskaja nauka* [Law science], 2014, no. 1, pp. 87–90. (In Russian, abstract in English).
8. Zabuga E.E. Sootnoshenie ugolovno-pravovoj mediacii s institutom dejatel'nogo raskajaniya [Correlation of the Criminal Justice Mediation with the Institution of Active Repentance]. *Vestnik Omskoj juridicheskoi akademii* [Vestnik of the Omsk Law Academy], 2012, no. 1, pp. 70–75. (In Russian, abstract in English).
9. Kolomeec V.K. Javka s povinnoj: novaja traktovka [Acknowledgement of guilt: a new interpretation]. *Rossijskaja justicija* [Russian Justitia], 1997, no. 10, pp. 35–36. (In Russian).
10. Aleshhenko S. V. K voprosu o sootnoshenii ponjatij «Javka s povinnoj» i «Dobrovol'noe soobshhenie o sovershenii prestuplenija» [To the question of the correlation between the concepts «acknowledgment of guilt» and «voluntary communication about the commission of a crime»], *Legal Concept*, 2006, no. 8, pp. 137–142. (In Russian).
11. Bondarenko N.S. Priznaki javki s povinnoj [Signs of the acknowledgement of guilt]. URL: <http://www.finexg.ru/priznaki-yavki-s-povinoj/> (Data obrashhenija 13.05.2018). (In Russian).
12. Nikulin S.I. Dejatel'noe raskajanie i ego znachenie dlja organov vnutrennih del v bor'be s prestupnost'ju [Active repentance and its importance for law enforcement agencies in combating crime]. Moscow. 1995. 64 p. (In Russian).
13. Shherba S.P., Savkin A.V. Dejatel'noe raskajanie v sovershenom prestuplenii [Active repentance in a committed crime]. Moscow. 1987. 110 p. (In Russian).
14. Blagov E.V. Ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti v svjazi s dejatel'nym raskajaniem [About exemption from criminal liability in connection with active repentance]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2017, no. 7, pp. 90–97. (In Russian).

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Зендер Софи

Цель: дать обзор правового института «оставление попытки» и его требований в немецком уголовном праве. Объяснить разницу между законченной и незавершенной попыткой и правовыми последствиями этого для правонарушителя.

Методология: анализ, правовое исследование, оценка.

Выводы. В немецкой уголовно-правовой системе лицо, отказавшееся от совершения преступления, имеет возможность вернуться к нормальной жизни без правовых последствий для себя.

Условиями отказа от покушения на преступление являются незавершение преступления и ситуация, в которой деяние с точки зрения преступника не являлось неудавшимся. В случае добровольного отказа от совершения преступления в одиночку нужно определить и отграничить вид покушения. Если покушение согласно § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 1) УУ является неоконченным, то от преступника требуется добровольное прекращение дальнейшего исполнения деяния. Если покушение согласно § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 2) УУ является окончанным, то преступник может быть освобожден от уголовной ответственности только в том случае, если он препятствует завершению деяния.

Кроме того, от лиц, совершающих добровольный отказ, требуются добровольные действия. В общих случаях можно говорить о добровольности, если преступник свободно и по своей воле отказывается от совершения преступления. При этом мотивация может исходить извне.

Научно-практическая значимость статьи заключается в анализе правового института «оставления попытки» и обсуждении правовых последствий этого для правонарушителя, в том числе возможности его возвращения к законности без наказания.

Ключевые слова: уголовное право, отказ от попытки, после преступления поведения, наказания, преступника.

Правовая природа и место отказа от покушения на преступление в рамках юридического заключения.

Относительно правовой природы, а также места добровольного отказа покушения на преступление в рамках юридического заключения, с одной стороны имеет место позиция об отсутствии вины в уголовно-правовом смысле и тем самым о том, что в случае добровольного отказа речь идет об обстоятельствах, исключающих виновность деяния [1, § 30 Rn. 30; 2, § 24 Rn. 6; 3, § 24 Rn. 42]. Таким образом, сторонники этой точки зрения проверяют необходимые предпосылки отказа в пределах вины. В то же время, указывается, что достойное поведение лица, совершившего добровольный отказ, приводит к тому, что личная необходимость наказания отсутствует, следовательно, имеет ме-

сто основание освобождения от наказания с учетом личности виновного [3, § 24 Rn. 43; 4, § 23 Rn. 7; 5, § 37 Rn. 1; 6, § 17 Rn. 868].

Поскольку преступник уже совершил соответствующее составу преступление, неправомерное и виновное покушение (и, следовательно, преступление), то предпочтительной может считаться только вторая точка зрения, поэтому названное лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом [7, Rn. 1263].

В правовых теориях, которым отдавалось предпочтение ранее, особое внимание уделялось институту отказа как обязательному правовому препятствию для наказания за покушение на преступление. Последователи этой теории понимали отказ от покушения на преступление таким обра-

зом, что ввиду отказа преступление как таковое не совершается [1, § 30 Rn. 11; 3, § 24 Rn. 6].

Иначе цель отказа от покушения на преступление обосновывается в разработанной Фейербахом и усовершенствованной Листом *уголовно-политической теории*: лицу, совершающему добровольный отказ, дается возможность «построения золотого моста», который позволяет ему вернуться к нормальной жизни без правовых последствий для себя [RGSt 6, 341 (342); 72, 349 (350); 73, 52 (60); 1 § 30 Rn. 14]. Правонарушитель должен быть мотивирован на предотвращение нарушения законных интересов жертвы с целью ее защиты [2, § 24 Rn. 2; 6, § 17 Rn. 870]. Хотя эта точка зрения и служит защите потерпевших [7, Rn. 1257], она в то же время является обманчивой, поскольку подавляющее большинство правонарушителей не знает о возможности освобождения от наказания, закрепленной в § 24 Уголовного уложения ФРГ (далее – УУ), и, следовательно, не может быть мотивировано такой возможностью [BGHSt 39, 221 (232); 4, § 23 Rn. 10; 5, § 37 Rn. 6; 2, § 24 Rn. 2; 1, § 30 Rn. 17], что свидетельствует в пользу отказа от этой теории.

Теория помилования указывает на то, что законодатель хочет вознаградить преступника за отказ от совершения преступления и освободить от наказания [BGHSt 35, 90 (93); 5, § 37 Rn. 7]. Но этот подход не освещает причины и обоснования существования отказа от покушения на преступление, в связи с чем он не является предпочтительным [4, § 23 Rn. 10].

Преобладающей на сегодняшний день является так называемая *теория цели наказания* [BGHSt 9, 48 (52); 4, § 23 Rn. 11; 7, Rn. 1256; 1, § 30 Rn. 4]. Она основана на том, что отказ от покушения на преступление настолько уменьшает эффект специальной и общей превенции наказания, что уголовно-правовая реакция становится излишней и, следовательно, не является оправданной с точки зрения конституционного права [4, § 23 Rn. 11; 5, § 37 Rn. 8; 1, § 30 Rn. 4]. Таким образом преступник доказывает, что его воля недостаточно сильна для совершения преступления [2, § 24 Rn. 4; 6, § 17 Rn. 870b].

Согласно требованиям § 24 абз. 1 УУ условием освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от покушения на преступление является незаконченность деяния. Тем самым покушение при совершении оконченого преступления исключается.

Освобождающий от уголовной ответственности отказ от покушения на преступление исключается с самого начала, если покушение с точки зрения правонарушителя потерпело неудачу [7, Rn. 1271; 3, § 24 Rn. 84; 5, § 37 Rn. 15].

Это обосновывается тем, что смысл и цель освобождающего от уголовной ответственности отказа от покушения на преступление не достигнуты, если преступник не считает, что завершение его деяния возможно (BGHSt 34, 56; 39, 221). Покушение считается неудачным, если, согласно его субъективной концепции, преступник не может окончить деяние с помощью уже используемых или находящихся под рукой средств без временного интервала (см. BGHSt 34, 53 [56]; 39, 221 [228]; 41, 368 [369]). То есть, формулируя упрощенно, если преступник говорит себе: «я больше не могу достичь цели, даже если бы я этого хотел» [1, § 30 Rn. 79].

В том случае, если преступление объективно все же может быть окончено, но преступник этого не видит, то покушение на преступление не является неудачным [4, § 23 Rn. 15]. Неудачным считается покушение, когда исполнение состава преступления физически невозможно, то есть преступник больше не может завершить преступление, например, если вор не найдет в кармане своей жертвы ничего, что потенциально могло бы представлять для него интерес (BGHSt 34, 53 [56]). Неудачным считается покушение, которое встречается в контексте юридической и фактической ошибок, если объект, на который направлено действие, не соответствует задуманному по плану объекту. Другая группа случаев связана с тем, что объект преступления не оправдал ожиданий правонарушителя: несмотря на то, что исполнитель все еще может исполнить состав преступления, это в соответствии с его планом уже не имеет смысла [2, § 24 Rn. 9]. Вопрос, в какой момент нужно установить, имело ли место неудачное покушение, является дискуссионным. Это разграничение имеет первостепенное значение, поскольку оно в принципе определяет, может ли преступник отказаться от покушения на преступление.

Теория одноактного действия рассматривает каждый акт действия, который может причинить последствия, как самостоятельный [5, § 37 Rn. 43; 8, 26. Abschn. Rn. 15]. Для последователей этой теории не имеет значения, исходит ли преступник в своем плане действий из возможности применения мер для повторного совершения или продолжения совершения покушения с самого начала. Однако это приводит к тому, что происходит разрыв однородных жизненных процессов, а возможности отказа чрезвычайно ограничены. По этой причине эта теория должна быть отклонена [3, § 24 Rn. 97; 1, § 30 Rn. 178; 6, § 17 Rn. 876a].

С другой стороны, *теория полного рассмотрения* рассматривает покушение как единое динамичное событие, наличие которого предполагается, когда

безуспешно предпринятое преступное действие и следующие за ними акты составляют единое покушение (BGHSt 31, 170 [175]; 33, 295 [296]; 35, 90 [93]; 3, § 24 Rn. 106; 1, § 30 Rn. 187; 5, § 37 Rn. 46)]. При этом требуется, чтобы преступник считал, что после завершения последнего акта совершения деяния он мог бы довести преступление до конца без (пространственного и временного интервала) с помощью новых доступных средств (BGHSt 34, 53 [56]). Поскольку в этом случае имеют место не два деяния, а покушение, которое рассматривается как единое, правонарушителю должна быть предоставлена возможность отказа. Эта точка зрения подтверждается учетом интересов защиты потерпевшего, поскольку она осуществляется благоприятным для отказа от покушения образом, позволяет избежать разрыва единообразного развития событий и не в последнюю очередь соответствует буквальному смыслу закона [7, Rn. 1277].

Кроме того, на основании субъективной шкалы должно быть определено, какая форма покушения имеет место. Необходимо провести разграничение между оконченным и неоконченным покушением, причем такое разграничение очень важно, поскольку из него следует, какие требования предъявляются к лицам, отказавшимся от покушения.

Согласно *теории плана действия* (BGHSt 10, 129; 14, 75 [79]; 22, 176 [177]; 22, 330 [331]) представления преступника в начале совершения преступления являются решающим для разграничения. Таким образом, покушение является оконченным, если преступник с самого начала сводит свой план к определенным действиям, и причинение последствий такими действиями более не является возможным (BGHSt 10, 129 [131]; 14, 75 [79]). Если же преступник, например, вообще не имеет плана действий, то все зависит от того, как он оценил влияние своих предыдущих действий после последнего совершения покушения (BGHSt 22, 330 [332]).

Если исполнитель считает, что его предыдущих действий еще не достаточно для наступления последствий, то имеет место неоконченное покушение, от которого он может отказаться путем отказа от дальнейшего исполнения деяния согласно § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 1) УУ. Однако эта теория дает привилегии беспощадным и, вследствие этого, особо опасным преступникам, которые заранее планируют и просчитывают все возможности совершения преступления, по сравнению с правонарушителями, которые принимают решение о совершении какого-либо преступления определенным образом [2, § 24 Rn. 12a; 3, § 24 Rn. 143]. Поэтому первый может обратиться к возможности отказа посредством прекращения со-

вершения деяния, в то время как к отказу преступника, который совершает деяния определенным образом, предъявляются более высокие требования § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 2) УУ [3, § 24 Rn. 143]. По этой причине юриспруденция отказалась от теории плана действия (с BGHSt 31, 170 [176]) и в настоящее время поддерживает доктрину горизонта отказа, в зависимости от того, какова была концепция преступника после завершения последнего действия (BGHSt 36, 224 [226]).

Согласно этой теории преступник сохраняет возможность отказа, пока он предполагает, что дальнейшие действия для причинения последствий возможны и необходимы (сравн. BGHSt 35, 90 [93]; 39, 221 [227]). Таким образом, неоконченное покушение имеет место в том случае, если преступник считает, что он еще не сделал все необходимое для причинения преступных последствий, и окончание деяния, по его мнению, по-прежнему возможно [4, § 23 Rn. 13; 6, § 17 Rn. 882a; 7, Rn. 1285]. Исполнитель предполагает, что последствия наступят только в том случае, если он предпримет дальнейшие действия [1, § 30 Rn. 163]. Поэтому для эффективного отказа согласно § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 1) УУ достаточно прекращения дальнейшего исполнения деяния. С другой стороны, покушение считается оконченным, если исполнитель, по его представлению, сделал все необходимое для причинения преступных последствий и считает, что последствия могут наступить без дальнейших промежуточных этапов совершения деяния [4, § 23 Rn. 14; 7, Rn. 1285].

В этом случае для того, чтобы получить освобождение от наказания согласно § 24 (абз. 1 предл. 1 альт. 2 или абз. 1 предл. 2) УУ, необходимо предотвращение потенциальной угрозы наступления последствий.

В зависимости от формы покушения существуют различные требования к отказу правонарушителя. Если речь идет о неоконченном покушении, исполнитель должен отказаться от дальнейшего исполнения деяния (§ 24 абз. 1 предл. 1 альт. 1 УУ). Если же речь идет об оконченном покушении, то добровольный отказ возможен только в том случае, если лицо препятствует завершению дальнейшего совершения деяния (§ 24 абз. 1 предл. 1 альт. 2 УУ) или добровольно и усердно старается предотвратить завершение деяния (§ 24 абз. 1 предл. 2 УУ).

Наконец, все варианты отказа преступника, действующего в одиночку, имеют общее условие: преступник должен действовать *добровольно*. Это условие основано, в частности, на тезисе, что отказ нужно заслужить. Однако сам закон не требует ни каких-либо положительных побуждений, ни

высокоморального мотива [5, § 37 Rn. 98; 6, § 17 Rn. 900]. В деталях, однако, толкование необходимых условий противоречиво.

Таким образом, с психологической точки зрения имеет место привязка к формулировке закона, и поэтому понятия «свободно» и «добровольно» считаются критериями условия. В соответствии с этим, действует добровольно тот, кто на основе свободного волеизъявления отказывается от покушения на преступление. Однако против этой точки зрения свидетельствует то, что она в результате не говорит, как должен определяться добровольный характер отказа, а просто показывает различие между приемлемым и неприемлемым для отказа образом действий [3, § 24 Rn. 223].

В других литературных источниках добровольность определяется на сугубо нормативной основе. Так, указывается, что «моральное качество инициативы» является решающим для вышеназванного признака, и в данном случае оценка внутреннего отношения к отказу является решающей [1, § 30 Rn. 379]. Таким образом, отказ не является добровольным, если на основании своих подозрений преступник приходит к выводу, что продолжение совершения деяния не имеет смысла. Сторонники такой точки зрения пытаются обойти проблемы, появляющиеся в результате чисто психологического подхода. Например, возникает проблема, заключающаяся в том, что чисто нормативная оценка полностью противоречит понятию свободной воли [3, § 24 Rn. 231] (BGHSt 35, 184 [187]). Даже формулировка § 24 УУ противоречит этой точке зрения, поскольку «добровольно» означает, что психологические аспекты должны быть как минимум учтены при толковании. Напротив, «правила благоразумия преступника» являются гораздо более неопределенными и открывают широкий диапазон оценки, что приводит к правовой неопределенности [3, § 24 Rn. 224; 9, § 24 Rn. 115]. Однако оба вышеуказанных мнения не приводят ни к четкому, ни к надлежащему определению добровольности.

В настоящее время для определения добровольности поведения часто используются термины «гетерономные причины» и «автономные причины» (BGHSt 7, 299; 35, 187) [3, § 24 Rn. 224; 7, Rn. 1302]. Отказ является добровольным, если преступник действует на основании автономных мотивов вследствие действительно свободного выбора и без внешнего или внутреннего принуждения [3, § 24 Rn. 224; 6, § 17 Rn. 902; 7, Rn. 1307; 10, § 24 Rn. 30]. Принятое им решение признается автономным в том случае, если оно является выражением свободного самоопределения, а пре-

ступнику кажется, что он может свободно выбирать между альтернативными решениями [4, § 23 Rn. 26]. Вместе с тем недобровольным является отказ, к которому преступник был принужден. Важно отметить, что неверно было бы понимать различие между авто- и гетерономными мотивами таким образом, что все, что было определено извне, говорит о недобровольном действии.

Скорее, добровольность будет иметь место даже тогда, когда извне произошел лишь импульс для переосмысления действий преступника, и он, например, отказывается от покушения на преступление в связи с тем, что на него оказало влияние третье лицо [5, § 37 Rn. 92; 11, § 24 Rn. 19a]. Поэтому решающим критерием является добровольность принятия исполнителем своего окончательного решения об отказе, причем импульс к принятию этого решения мог исходить и часто исходит извне (сравн. BGH StV 2012, 15 f.; 2014, 336 f.; NStZ-RR 2014, 241). И наоборот, недобровольным является любой отказ, продиктованный внешне обусловленными (гетерогенными) причинами [6, § 17 Rn. 902b; 7, Rn. 1303]. Эти причины не должны быть независимы от воли преступника, вызывать непреодолимые препятствия или настолько изменять его положение в неблагоприятную для него сторону, что он увидит связанные с этим риски и недостатки и будет считать их неприемлемыми для себя (Vgl. BGHSt 20, 279; BGH NStZ 14, 202). Представляется, что ввиду практического характера и легкости при толковании именно этот подход следует использовать при оценке добровольных действий.

В заключение необходимо отметить, что если все вышеназванные условия соблюдены, то в отношении покушения на преступление обязательным правовым последствием будет являться освобождение от уголовной ответственности [11, § 24 Rn. 44]. Но и в других случаях существует возможность отказа без привлечения к уголовной ответственности. Так, согласно § 24 (абз. 2) УУ, у соисполнителей, подстрекателей и помощников имеется возможность вернуться к законопослушной жизни при определенных условиях.

Помимо этого, в § 31 УУ закреплен отказ от покушения на соучастие. Кроме того, отказ возможен не только в отношении наступления последствий, но и с точки зрения совершения деяния путем бездействия, если покушение уголовно наказуемо.

В подотраслях уголовного права (в широком смысле) также существуют нормы, схожие с § 24 УУ, например, § 13 (абз. 3) Закона «Об административных правонарушениях».

Литература

1. Roxin C., Allgemeiner Teil des Strafrechts, Band II, Hrsg. 2003 in München.
2. Wolter J. (Hrsg.), Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band I, 8., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2015 in Köln.
3. Laufhütte H. W., Rissing-van Saan R., Tiedemann K., Leipziger Großkommentar, Erster Band, 11., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2003 in Berlin.
4. Mitsch W., Eisele J., Strafrecht Allgemeiner Teil, 12., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2016 in Bielefeld.
5. Rengier R., Strafrecht Allgemeiner Teil, 9. Auflage, Hrsg. 2017 in München.
6. Wessels J., Beulke W., Satzger H., Strafrecht Allgemeiner Teil, 47., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2017 in Heidelberg.
7. Krey V., Esser R., Deutsches Strafrecht Allgemeiner Teil, 6., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2016 in Stuttgart.
8. Jakobs G., Strafrecht Allgemeiner Teil, 2., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Hrsg. 1991 in Berlin.
9. von Heintschel-Heinegg B., Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band I, 3. Auflage, Hrsg. 2017 in München.
10. von Heintschel-Heinegg B., Beck'scher Onlinekommentar zum Strafgesetzbuch, 37. Edition, Hrsg. 2018 in München.
11. Fischer T., Beck'sche Kurzkommentare Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 65. Auflage, Hrsg. 2018 in München.

References

1. Roxin C., Allgemeiner Teil des Strafrechts, Band II [The General Part of the Criminal Law], Hrsg. 2003 in München (In German)
2. Wolter J. (Hrsg.), Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band I [A Systematic Commentary on the Criminal Code], 8., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2015 in Köln (In German)
3. Laufhütte H. W., Rissing-van Saan R., Tiedemann K., Leipziger Großkommentar, Erster Band [Leipzig Commentary], 11., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2003 in Berlin (In German)
4. Mitsch W., Eisele J., Strafrecht Allgemeiner Teil [Criminal Law – General Part], 12., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2016 in Bielefeld (In German)
5. Rengier R., Strafrecht Allgemeiner Teil [Criminal law – General Part], 9. Auflage, Hrsg. 2017 in München (In German)
6. Wessels J., Beulke W., Satzger H., Strafrecht Allgemeiner Teil [Criminal law – General Part], 47., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2017 in Heidelberg (In German)
7. Krey V., Esser R., Deutsches Strafrecht Allgemeiner Teil [German Criminal law – General Part], 6., neu bearbeitete Auflage, Hrsg. 2016 in Stuttgart (In German)
8. Jakobs G., Strafrecht Allgemeiner Teil [Criminal law – General Part], 2., neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Hrsg. 1991 in Berlin (In German)
9. von Heintschel-Heinegg B., Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band I [The Munich Commentary on the Criminal Code], 3. Auflage, Hrsg. 2017 in München (In German)
10. von Heintschel-Heinegg B., Beck'scher Onlinekommentar zum Strafgesetzbuch [The Beck Online Commentary on the Criminal Code], 37. Edition, Hrsg. 2018 in München (In German)
11. Fischer T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen [The Criminal Code and Subsidiary Acts] 65. Auflage, 2018 (In German)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АЛЬТЕРНАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ

Лебедева Анастасия Александровна

Цель: дать характеристику административного надзора как альтернативы уголовному наказанию, выявить его эффективность, изучить предупреждение новых преступлений и появление рецидивных преступлений.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Административный надзор представляет собой систему деятельности органов исполнительной власти и служит методом обеспечения законности в государстве. Специальные уполномоченные органы осуществляют постоянное систематическое наблюдение за исполнением законодательства, а деятельность поднадзорного рассматривается только с точки зрения закона. Так как административный надзор имеет отраслевую специализацию, каждый вид надзора осуществляется с целью обеспечения экологической, транспортной, строительной безопасности и т.д.

Основными профилактическими мероприятиями в борьбе с рецидивной преступностью могут стать такие меры, как выявление причин, условий, мотивации, которые способствуют ранее судимым лицам совершать дальнейшие преступления.

Своевременное обнаружение и раскрытие преступлений – это не только пресечение противоправных деяний, но и гарантия наказания за содеянное, профилактика других преступлений и их предупреждение, что, по нашему мнению, является наилучшим подтверждением принципа неотвратимости наказания.

В свою очередь, на поднадзорного (лицо, в отношении которого судом принято решение о назначении специального административного надзора) налагаются различные ограничения, например, поднадзорному необходимо отмечаться в правоохранительном органе по месту жительства, он не имеет права покидать свое место жительства без разрешения, и др.

Научная и практическая значимость: Значимость научной статьи заключается в профилактике рецидивных и новых преступлений путем административного надзора.

Ключевые слова: административный надзор, рецидив, поднадзорный, условно-досрочное освобождение, условное осуждение, отсрочка приговора.

Под административным надзором в широком смысле понимается осуществление уполномоченными на то органами государственной власти наблюдения за исполнением установленных правил и норм организациями, предприятиями, учреждениями, должностными лицами и гражданами.

Цель административного надзора, как правило, заключается в обеспечении исполнения общеобязательных норм, установленных нормативно-правовыми актами.

Можно также сказать, что административный надзор является особым видом контроля, выделенным в связи с необходимостью обеспечения законности в отношениях, вмешиваться в которые государство может только в случае нарушения установленного порядка. По аналогии с прокурорским надзором понятие «административный надзор» предполагает наблюдение уполномоченных субъектов за поведением неопределенного круга лиц, которое может осуществляться в фор-

ме непосредственного визуального наблюдения, наблюдения с использованием специальных технических средств, проведения плановых или внеплановых проверок.

Осуществление административного надзора позволяет решать следующие задачи:

обеспечение законности и правопорядка;
предупреждение, выявление и пресечение правонарушений;

получение информации о состоянии законности и безопасности в соответствующих областях.

Исходя из перечисленных задач административному надзору свойственны: правоохранительная и информационная функции.

Объектами административного надзора являются не находящиеся в состоянии подчиненности органам административного надзора граждане и организации, а предметом — соответствие поведения указанных объектов установленным нормативными правовыми актами обязательным требованиям.

Рассмотрим подробно административный надзор. Так, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, распространяется на определенный круг субъектов или на определенный круг вопросов. Его основная цель — предупреждение и пресечение правонарушений и других антиобщественных проявлений.

К *способам* надзора относятся:

привлечение внимания общественности к фактам правонарушений;

принятие мер по предупреждению правонарушений;

проведение воспитательной работы с населением;

применение к правонарушителям мер воздействия.

Методами надзора являются:

непосредственное наблюдение за выполнением должностными лицами и гражданами установленных правил;

периодические проверки выполнения предприятиями правил, надзор за соблюдением которых отнесен к компетенции органов внутренних дел;

выявление нарушений при проверке жалоб и заявлений граждан.

Для осуществления административного надзора сотрудники полиции наделяются государственно-властными полномочиями, которые позволяют им:

1) вести наблюдение за соблюдением гражданами и должностными лицами соответствующих правил;

2) принимать меры по предупреждению, пресечению и выявлению нарушений;

3) обеспечивать применение к правонарушителям мер государственного и общественного воздействия.

Исходя из вышеперечисленного, административный надзор нельзя рассматривать как пассивное наблюдение за исполнением гражданами и должностными лицами соответствующих правил, как нельзя сводить его лишь к использованию мер принуждения.

В настоящее время одной из важнейших задач государства является совершенствование работы, направленной на сокращение рецидива преступлений, активизации процесса ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Согласно п.1 ст.1 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (СЗ РФ. № 15. Ст. 2037), под *административным надзором* понимается осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим данным Законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных этим Федеральным законом.

Таким образом, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, тесно связан с их освобождением от уголовной ответственности. Примером в данном случае может служить условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы. Решение об этом может быть принято, если будет подтверждено, что лицо вставало на путь исправления. При этом административный надзор пролонгирует контроль за посткриминальным поведением этого лица.

Основными задачами административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, являются предупреждение схожих преступлений и оказание на данных лиц воспитательного воздействия в целях защиты общественных и государственных интересов.

Административный надзор устанавливается на срок от одного до шести месяцев, но может быть продлен по определенным причинам на шесть месяцев, но не выше сроков, предусмотренных законом.

Сотрудники органов внутренних дел должны осуществлять контроль за поведением поднадзорных и вправе вызывать их, требовать объяснений, связанных с нарушением правил надзора, посещать в любое время суток их жилье [1, с. 41].

Таким образом, изменения общегражданского статуса поднадзорного имеют, по нашему

мнению, карательный характер и заключаются в скоротечном ограничении прав на свободу перемещения, неприкосновенность жилья, возложении прямых обязанностей являться в органы внутренних дел. Однако в ходе осуществления административного надзора может иметь место расширение административной деликтоспособности поднадзорного лица в связи с его примерным поведением.

При осуществлении административного надзора сотрудники органов внутренних дел уполномочены:

истребовать данные о поведении поднадзорного от администрации предприятий, учреждений и социальных учреждений, по месту его работы и жительства, а также от граждан;

возбуждать ходатайства перед надлежащими государственными, общественными и хозяйственными организациями о трудовом и бытовом устройстве поднадзорного;

вызывать поднадзорного для беседы в подразделение полиции;

проводить при необходимости такие беседы в присутствии представителей администрации предприятий, учреждений, социальных учреждений, а также членов семьи поднадзорного;

требовать от поднадзорного устные и письменные объяснения по вопросам, касающимся соблюдения правил административного надзора [2, с. 527].

Надзор прекращается в случаях: истечения сроков, досрочно (при определенных обстоятельствах), осуждения поднадзорного к лишению свободы. О прекращении надзора выносится постановление. Надзор также может быть признанным недействительным, если прокурор не посчитает установления обоснованными [3, с. 230].

Помимо административного надзора за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, существует надзор за лицами с отсрочкой исполнения наказания.

Осуждение с отсрочкой исполнения наказания представляет собой неприменение определенной осужденному судом санкции в виде лишения свободы при условии, что цели наказания будут достигнуты посредством возложения на него конкретных обязательств и их выполнения им под контролем уголовно-исполнительной инспекции.

При этом, отсрочено может быть только исполнение приговора об осуждении лица к лишению свободы, исправительным или обязательным работам, ограничению свободы, аресту либо штрафу. Отсрочка исполнения другой (в том числе дополнительной) санкции не разрешается.

Вопрос об отсрочке исполнения приговора рассматривается судьей по ходатайству осужденного, его законных представителей, близких родственников, защитника, а об отсрочке (рассрочке) уплаты штрафа - с учетом заключения судебного пристава-исполнителя.

В соответствии со ст. 82 УК РФ отсрочка отбывания наказания назначается беременным женщинам, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем.

В процессе отсрочки за осужденным осуществляется надзор согласно целому диапазону вопросов, имеющих отношение к его поведению и образу жизни. Это обусловлено тем, что данное лицо не просто подвергается профилактическому воздействию, но и проходит проверку на шанс его ресоциализации без применения определенной санкции. Периодичность вызова осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию с целью проведения общевоспитательных мероприятий не ограничивается, однако она должна быть рациональной [4, с. 123].

Административный надзор за лицами с отсрочкой отбывания наказания осуществляется органами полиции в соответствии с приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (СПС «КонсультантПлюс»). Согласно приказу МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» (СПС «КонсультантПлюс»), участковый уполномоченный заводит карточки на указанных лиц и контролирует на своем участке данную группу лиц совместно с уголовно-исполнительными инспекциями. При совершении лицом, которому назначена отсрочка от исполнения наказания нового преступления, суд назначает ему наказание в соответствии со статьей 70 УК РФ.

Административный надзор осуществляется также за условно осужденными лицами. Условное осуждение – мера уголовно-правового характера, которая заключается в установлении для осужденного срока, в течение которого он своим поведением может доказать исправление.

Согласно статье 73 УК РФ при назначении условного осуждения учитывается характер и степень общественной опасности совершенного деяния, личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие, его вину. Данный вид наказания применяется только в отношении лиц, которые, по мнению суда, не нуждаются в реальном исполнении приговора.

В соответствии со ст. 188 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, инспекции осуществляют персональный учет условно осужденных, контролируют вместе с органами внутренних дел соблюдение ими правил, общественного порядка и исполнение обязанностей, которые на них возложил суд.

Суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденных, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудостроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

Уголовно-исполнительная инспекция контролирует его поведение по месту жительства в течение всего испытательного срока. Далее, получив копию приговора, инспекция осуществляет постановку осужденного на учет. После надзора за осужденным за определенный период времени инспекция оформляет рапорт.

Инспекция контролирует поведение условно осужденного не реже одного раза в квартал совместно с сотрудниками органов внутренних дел, на которых законодательством возложена соответствующая обязанность. При его неявке без уважительной причины инспекция принимает решение о приводе данного лица и в случае не-

обходимости направляет ходатайство об оказании помощи в доставлении осужденного в органы внутренних дел.

В процессе надзора инспекция тесно взаимодействует с участковым уполномоченным, который контролирует поведение осужденных на своем участке и заводит на них учетные карточки.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что сущность административного надзора заключается в контроле за соблюдением конституционных норм, других нормативных-правовых актов, правил поведения, как неопределенным кругом лиц, так и конкретными лицами [5, с. 23].

Основное наблюдение за определенным кругом лиц осуществляют органы внутренних дел, тесно взаимодействуя с Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации. Субъектом административного надзора является также патрульно-постовая служба полиции, деятельность которой связана с восстановлением должного порядка, задержанием правонарушителей, а в необходимых случаях и с применением физической силы, специальных средств и оружия.

Как нельзя более точно специфика содержания надзорной деятельности может быть охарактеризована термином «охрана».

Административному надзору присущи признаки деятельности, которая регламентируется федеральными законами и другими нормативными правовыми актами.

Таким образом, административный надзор является необходимым механизмом регулирования общественного поведения, поддержания правопорядка, противодействия рецидивным преступлениям.

Литература

1. Усаков А.С. Органы внутренних дел как субъекты административного надзора // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (20). С. 39–42.
2. Астахова А.О. Уголовно-правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2 (43). С. 230–232.
3. Шиян В.И. Основные вопросы осуществления административного надзора // Наука. Мысль. 2016. № 5-1. С. 123–128.
4. Сапожников А.И. Административно-правовой режим общественной безопасности. М., 2006. 198 с.
5. Артемьев Н.С. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 110–114.

References

1. Usakov A.S. Organy vnutrennikh del kak sub"ekty administrativnogo nadzora [The internal Affairs bodies as subjects of administrative supervision] *Trudy akademii upravleniya MVD [Proceedings of the*

Academy of management of Ministry of internal Affairs], 2012, no. 4 (20), pp. 39–42. (in Russian, abstract in English)

2. Astahova A.O. Ugolovno-pravovyye posledstviya administrativnogo nadzora i ogranicheniya svobody [Criminal law consequences of administrative supervision and restriction of freedom]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. Series “Law”], 2015, no 2 (43), pp. 230–232. (in Russian, abstract in English)

3. Shiyan V.I. Osnovnyie voprosyi osuschestvleniya administrativnogo nadzora [The main issues of administrative supervision]. *Nauka. Myisl* [Science. Thought], 2016, no. 5-1, pp. 123–128. (in Russian, abstract in English)

4. Sapozhnikov Aleksandr Ivanovich. Administrativno-pravovoy rezhim obschestvennoy bezopasnosti [Administrative and legal regime of public security], Moscow, 2006, pp. 1–9. (in Russian)

5. Artemev N.S. Prichiny i usloviya retsidivnoy prestupnosti i osnovnyie meryi eYo preduprezhdeniya [The causes and conditions of recidivism and basic measures to prevent] *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka state Humanities University], 2015, no. 5, pp. 110–114. (in Russian, abstract in English)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Махнева Арина Дмитриевна

Цель: освобождения от уголовной ответственности в УК РФ. Рассмотреть проблему соотношения специальных видов освобождения от уголовной ответственности и освобождение в связи с деятельным раскаянием.

Методология: анализ, синтез, сравнительный, исторический и формально-логический метод.

Выводы. Автором выявлена необходимость существования института освобождения от уголовной ответственности для нормального функционирования уголовной системы. Данный институт позволяет не допустить чрезмерную жестокость наказания и избавляет государство от лишних затрат на содержание заключенных. Однако он требует усовершенствования с учетом развития уголовного законодательства страны.

Научная и практическая значимость. Выявлена и обоснована необходимость разделения норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и специальных видов освобождений от уголовной ответственности. Стоит также создать список статей, чьи примечания относятся к специальным видам освобождения от уголовной ответственности, который можно будет дополнять путем внесения поправок в УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, специальные виды, презумпция невиновности, борьба с преступностью, помилование преступника, деятельное раскаяние, постпреступное поведение, задачи уголовного законодательства, специальные нормы, модернизация.

Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном законодательстве стал развиваться со времен СССР. В отличие от УК РСФСР 1960 г. в действующем уголовном законе законодатель выделил институт освобождения от уголовной ответственности в отдельную главу «Освобождение от уголовной ответственности» (гл. 11). Это позволило провести четкую грань в теории уголовного права между освобождением от наказания (гл. 12 УК РФ) и освобождением от уголовной ответственности. Развитие названного института вытекает из главного принципа, закрепленного в ст. 2 Конституции РФ, признающей и гарантирующей права и свободы человека и гражданина, а также из принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ). Несмотря на то, что государство стремится реализовывать принцип неотвратимости ответственности за со-

вершенное преступление, оно также исходит из идеи о необходимости исправления преступника. Вследствие этого реализовывается принцип соразмерности наказания.

Опыт как зарубежных стран, так и отечественный, свидетельствует, что чрезмерное государственное принуждение и применение жестких санкций за совершение преступления не всегда ведет к снижению уровня преступности в некоторых сферах. Сторонники такой точки зрения отмечают, что карательный способ решения проблемы преступности зачастую оказывается неэффективным и лишь ухудшает ситуацию в социальном и в экономическом аспектах. При этом они указывают, что невозможно использовать только восстановительную модель правосудия, а идеальной моделью является совокупность карательных и восстановительных его способов

[1]. Исправление преступника возможно и без использования мер государственного принуждения. Именно в этом заключается основная идея института освобождения от уголовной ответственности. Учитывая постпреступное поведение лица, совершившего преступление, содействие органам следствия, государство предоставляет ему возможность вернуться к добропорядочной жизни.

УК РФ по сравнению с УК РСФСР 1960 г. не только содержит большее количество статей в Особенной части, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности – в Общую часть включены новые виды освобождения от уголовной ответственности.

О необходимости наличия института освобождения от уголовной ответственности высказывались многие ученые в области уголовного права. Так, по мнению, Т.А. Лесниевски-Костаревой, данный институт является одним из способов реализации принципа дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера совершенного преступления и личности преступника [2]. Л.В. Головкин отмечает, что существование данного института является обязательным условием для воплощения уголовной политики в правовом государстве [3, с. 41–42].

В УК РФ увеличивалось число примечаний к статьям Особенной части, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по сравнению с ранее действующим уголовным законом. Данная группа норм предусматривает компромиссный путь решения уголовно-правовых конфликтов. Однако среди ученых нет единого мнения о том, являются ли данные примечания видами деятельного раскаяния или имеют независимое значение. Многие из примечаний ст. 122, 126, 127¹, 128, 178, 184, 198, 199, 199¹, 199⁴, 204, 205, 205¹, 205³ – 205⁵, 206, 208, 210, 212, 222, 222¹, 223, 223¹, 228, 275, 276, 278, 282¹, 282³, 284¹, 291, 291¹, 307, 337 и 338 были включены в УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (*СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362*).

Согласно действующему законодательству, применение норм об освобождении от уголовной ответственности возможно до вынесения обвинительного приговора. Как отмечается в литературе, таким образом происходит нарушение принципа презумпции невиновности, который является основополагающим конституционным принципом уголовного судопроизводства в Российской Федерации [4]. В Конституции РФ закреплено исключительное право суда на признание лица виновным и назначение уголовного наказания в установленном законом порядке: в соответствии

с ч. 1 ст. 49 каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. В данном случае имеет место коллизия: как можно освободить от уголовной ответственности лицо, если де-юре оно еще не признано виновным в совершении данного преступления? С точки зрения С.В. Проценко, само по себе освобождение от уголовной ответственности, вне зависимости от основания, является признанием лица виновным, что нарушает принцип презумпции невиновности [5, с. 23]. Одни авторы считают данный институт абсолютно неконституционным и настаивают на том, что его необходимо устранить, другие предлагают его преобразовать, наделив соответствующим полномочием лишь судебные инстанции. Однако данные преобразования, несмотря на частичное устранение коллизии, представляются нецелесообразными, так как рассматриваемый институт является основным инструментом государства для стимулирования совершивших преступление лиц к положительному постпреступному поведению. Сотрудничество со стороны предполагаемого виновного лица с органами дознания и предварительного следствия способствует своевременному расследованию, предотвращению и раскрытию преступления.

Однако не все ученые считают, что институт освобождения от уголовной ответственности противоречит конституционному принципу презумпции невиновности. Так, советский правовед С.А. Данилюк утверждал, что следует согласиться с авторами, которые различают признание гражданина виновным и установление вины [6, с. 86–87]. Признание гражданина виновным возможно лишь в установленном законом порядке и только по приговору суда.

Существует еще одна проблема – постоянное изменение данного института, увеличение количества статей Особенной части УК РФ, которые обладают определенной спецификой. Правоприменитель сталкивается с вопросом, когда необходимо их применять, какие при этом должны быть соблюдены условия. С.Н. Сабанин считает, что главной задачей правоприменителя при использовании данных статей является проверка обоснованности их применения. Основным критерием обоснованности и справедливости является не только отсутствие препятствия охране общества, а также прав и законных интересов отдельных граждан, но и способствование предупреждению новых преступлений и исправлению преступника.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности позволяет достичь цели уголовного законодательства без реального применения наказания [7].

Глава 11 УК РФ содержит статьи, предусматривающие условия, при наличии которых возможно освобождение от уголовной ответственности, а именно:

в связи с деятельным раскаянием (ст. 75);

в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76);

при возмещении в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате совершения преступления в экономической сфере (ст. 76¹);

если назначен судебный штраф и полностью возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный вред (ст. 76²);

в связи с изменением обстановки (ст. 77);

в связи с истечением сроков давности (ст. 78).

Наибольшие споры среди правоприменителей и ученых-правоведов вызывают положения ст. 75. Она содержит в себе две разные по своему правовому предназначению нормы, два условия освобождения от уголовной ответственности: деятельное раскаяние (ч. 1), а также уступки государства (ч. 2). Некоторые авторы предлагают вынести ч. 2 ст. 75 за рамки деятельного раскаяния либо вовсе исключить данную норму, поскольку она дублирует положения Особенной части УК РФ. При этом они ссылаются на то, что, во-первых, ч. 1 данной статьи имеет поощрительную природу, а ч. 2 содержит норму, имеющую компромиссную природу. Если для поощрительных норм характерны такие включения, как «может быть освобождено», то для компромиссных – характерны императивные включения, такие как «освобождается». Во-вторых, если рассматривать ч. 2 ст. 75 как разновидность деятельного раскаяния, то имеется противоречие в следующем: согласно ч. 1 освобождение от уголовной ответственности за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести не обязательно для исполнения, в то время как согласно ч. 2 освобождение от уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления является правом преступника и обязательно при соблюдении определенных условий [8, с. 93–95].

Противоречивость ст. 75 приводит к тому, что в теории уголовного права сложилось мнение о том, что добровольный отказ от совершения преступления следует рассматривать как вид деятельного раскаяния. Однако добровольный отказ от преступления является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за пре-

ступление, не доведенное до конца в силу доброй воли лица, в то время как деятельное раскаяние служит основанием либо для смягчения уголовного наказания, либо основанием для освобождения от уголовной ответственности [3, с. 20].

Закрепление в ч. 2 ст. 75 открытого перечня специальных видов освобождения от уголовного наказания также вызывает дискуссии. Споры ведутся о том, являются ли данные специальные виды освобождения от уголовной ответственности разновидностью деятельного раскаяния. В теории уголовного права наметились два диаметрально противоположных подхода. Одни ученые полагают, что общая норма о деятельном раскаянии должна также применяться к примечаниям к статьям Особенной части, по мнению других, условия общей нормы применения деятельного раскаяния зачастую не соотносятся с условиями применения закрепленных в примечаниях специальных видов освобождения от уголовной ответственности.

На наш взгляд, необходимо согласиться с теми, кто считает, что специально предусмотренные Особенной частью УК РФ виды освобождения от уголовной ответственности представляют собой независимую от деятельного раскаяния и самостоятельную систему поощрительных норм. В ч. 1 ст. 75 закреплено право ответственного органа освободить лицо от уголовной ответственности, в то время как из ч. 2 большинство примечаний являются обязательными для исполнения, за исключением ст. 337 и 338 УК РФ, так как в них предусмотрено иное основание, не связанное с поведением лица. Императивный характер данных норм следует признать необходимым, поскольку невозможно стимулировать позитивное постпреступное поведение, если законодатель не гарантирует обязательность освобождения от уголовной ответственности при выполнении предусмотренных условий.

Таким образом, необходимость совершенствования института освобождения от уголовной ответственности очевидна. В связи с этим с целью установления единого способа применения данных норм предлагается разделить ст. 75 на две отдельные статьи. На наш взгляд, необходимо также при выделении в отдельную статью специальных видов освобождения от уголовной ответственности перечислить статьи, в которых содержатся примечания об освобождении от уголовной ответственности, но при этом оставить их перечень открытым.

Кроме того, предлагается разработать более четкую классификацию специальных видов ос-

вобождения от уголовной ответственности. Это даст возможность разработать единый подход к применению данных норм, а также определить перечень статей УК, в которые необходимо внести соответствующее дополнение добавление данного института. В настоящее время законодатель предусматривает освобождения от уголовной ответственности лишь по ряду преступлений, но это не распространяется на другие схожие составы. Например, в ст. 126 «Похищение человека» и ст. 127¹ «Торговля людьми» в примечании закреплена возможность освобождения от уголовной ответственности, а в ст. 127 «Незаконное лишение свободы» и ст. 127² «Использование рабского труда» — нет.

Обращает на себя внимание то, что условие, предусматривающее совершение лицом преступления впервые, предусмотренное (ч. 1 ст. 75), не всегда совпадает с условиями примечаний к статьям Особенной части УК РФ. Например, в ст. 126 «Похищение человека» основными условиями для освобождения от уголовной ответственности названы добровольность освобождения и отсутствие иного состава преступления. Законодатель не указывает, что виновное лицо должно совершить преступление впервые. Следует также отметить, что в ч. 1 ст. 75 все условия относятся к положительному постпреступному поведению (явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение или заглаживание вреда), в то время как в специальных видах освобождения от уголовной ответственности прописаны иные условия. Так, например, в примечании к ст. 338 «Дезертирство» говорится, что освобождение от уголовной ответственности возможно, если преступление, предусмотренное в ч. 1 данной статьи, совершено впервые и дезертирство явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

Обратимся к классификациям специальных видов освобождений от уголовной ответственности. В зависимости от поведения лица они подразделяются на субъективные (зависят от поведения) и объективные; в зависимости от возможности отмены решения о прекращении уголовного дела и его возобновления — на временные и окончательные (или условные и безусловные); в зависимости от обязательности применения данных норм — на дискреционные (право правоприменителя) и императивные (обязанность правоприменителя).

В настоящее время разработаны новые классификации. Так, предлагается специальные виды освобождения от уголовной ответственности различать в зависимости от характера деяний, состав-

ляющих разновидность деятельного раскаяния. Выделяются:

1. освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с посягательством на свободу человека как на непосредственный или дополнительный объект (примечания к ст. 126, 127¹, 206). Условие освобождения от ответственности предполагает активные действия, которые связанные с добровольным освобождением потерпевшего. Также не должен иметь место иной состав преступления;

2. освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с влиянием на волю иного гражданина (примечания к ст. 184, 204, 291);

3. освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений, связанное с сообщением о совершенном преступлении (примечания к ст. 275 «Государственная измена», 276 «Шпионаж», 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти»);

4. освобождение от уголовной ответственности за действия на стадиях неоконченного преступления (примечания к ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией», 205 «Террористический акт», 205¹ «Содействие террористической деятельности»);

5. освобождение от уголовной ответственности за действия по прекращению преступной деятельности на стадии оконченного преступления (примечания к ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», 222 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов», 223 «Незаконное изготовление оружия», 228 «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», 282¹ «Организация экстремистского сообщества», 282² «Организация деятельности экстремистского организации», 337 «Самовольное оставление части или места службы», 338 «Дезертирство»);

6. Освобождение от уголовной ответственности за активные действия после выявленного преступления и не связанные с раскаянием (примечания к ст. 178 «Ограничение конкуренции», 198 «Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица — плательщика

страховых взносов от уплаты страховых взносов», 199 «Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов», 199¹ «Неисполнение обязанностей налогового агента», а также составы преступлений, предусмотренные ст. 76¹ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности») [7, с. 64].

Перечисленные классификации не являются исчерпывающими.

На наш взгляд, специальные виды освобождения от уголовной ответственности следует различать в зависимости от объекта посягательства:

преступления против свободы, чести и достоинства личности;

преступления в сфере экономической деятельности;

преступления против общественной безопасности;

преступления против здоровья населения и общественной нравственности;

преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против военной службы;

преступления против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, а также против производства правосудия.

Несмотря на положительную динамику раскрываемости преступлений, до сих пор существует теория, сторонники которой считают, что институт освобождения от уголовной ответственности является основным инструментом государства для достижения компромисса при борьбе с преступностью, при этом наличие института освобождения от уголовной ответственности способствует более эффективному достижению целей уголовного права, а также отражает направление развития государства, которое заключается в том, что борьбу с преступностью необходимо проводить с помощью совокупности карательных и восстановительных способов правосудия. В последнее время наблюдается характерная для развития уголовного законодательства тенденция увеличения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. Она демонстрирует гуманное отношение государства к человеку и желание государства избавиться себя от лишних затрат. В первую очередь это выражается в том, что в большинстве примечаний к статьям УК РФ основным условием возможности освобождения от ответственности является первичность со-

вершения преступления. Иными словами, государство осознает, что каждый человек может раз оступиться, и ограждает гражданина от совершения преступлений в дальнейшем. Ведь с наличием судимости человеку сложно продолжать точно также существовать в обществе. Это выражается в сложности нахождения хорошей работы, при назначении наказания, связанного с лишения свободы, часто рушится семья (при наличии детей, последние подвергаются насмешкам сверстников, рушится связь с родителем).

Кроме того, у института освобождения имеется и экономическая составляющая. Освобождая от уголовного наказания лиц, впервые преступивших закон и совершивших преступления небольшой тяжести, государство избавляет себя от значительных трат, связанных с содержанием преступников в исправительных учреждениях. Согласно статистике, расходы из федерального бюджета в расчете на одного заключенного в 2015 г. составили 469 тыс. руб. в год, что в пять раз больше, чем расходы на одного среднестатистического жителя страны.

Такая политика в отношении лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности, представляется верной. По мнению исследователей, такой рациональный подход к регулированию экономических отношений необходимо внедрить и в отношении других составов преступлений. Так, И.В. Жуковская и В.Д. Ларичев предлагают предусматривать освобождение от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации», ст. 193¹ «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов», ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица». Авторы полагают, что при применении поощрительных мер при условии полного возмещения причиненного вреда будет достигнут более значимый экономический и социальный эффект [10, с. 60].

Развитие института освобождения связано также с процессуальными мотивами. Оно способствует сокращению времени расследования, дает возможность оперативному, следственному и судебному аппаратам направить свои усилия на раскрытия квалифицированных и более общественно опасных преступлений [9, с. 171].

Еще одной функцией данного правового института является побуждение лиц, совершивших или готовящихся совершить преступления, к сотрудничеству с правоохранительными органами. Например, примечания к ст. 291 «Дача взятки», 291¹ «Посредничество во взяточничестве», 291² «Мелкое взяточничество» УК РФ, мировая практика показывает, что такой способ освобождения лица, вынужденного дать взятку, является наиболее эффективным в борьбе с коррупцией. Для формирования доказательной базы по ст. 291 правоохранительные органы проводят оперативно-розыскное мероприятие – оперативный эксперимент (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ), в процессе которого осуществляется контролируемая передача взятки. В действиях заявителя, передавшего под контролем правоохранительных органов взятку, формально имеется оконченный состав преступления, но согласно примечанию к указанной статье он освобождается от уголовной ответственности.

Аналогично происходит с примечанием к ст. 275. Лицо, согласившее помочь российским специальным службам в противодействии нанесению ущерба безопасности Российской Федерации, также может совершать деяния, подпадающие под действие указанной статьи. Однако наличие примечания к ней позволяет действовать в рамках правового поля.

Таким образом, институт освобождения лица от уголовной ответственности в случае добровольного и своевременного сообщения органам власти или иным образом способствовавшего предотвращению ущерба интересам Российской Федерации, а также активно способствовавшего раскрытию и (или) пресечению преступления позволяет российским спецслужбам и правоохранительным органам осуществлять мероприятия, предусмотренные Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349), а также избегать юридических казусов.

Государство думает и о будущем. Когда преступника приговаривают к лишению свободы, происходит его десоциализация, в результате чего человек, впервые совершивший преступление, в местах лишения свободы приобретает преступный опыт. По мнению ряда авторов, что после отбытия трех лет лишения свободы человек чаще всего совершает новые преступления. Поощрительные гарантии воздействуют на поведение граждан, стимулируют социальную переориентацию лиц, совершивших преступления [6, с. 102].

Лицу, предоставляется возможность и выбор, так как он не обязан, а лишь побуждается к определенным действиям для достижения необходимых условий.

Существует два вида поощрительных мер, которые в зависимости от обязательности их применения правоприменителем подразделяются на управомочивающие и обязывающие.

К управомочивающим поощрительным можно отнести меры, предусмотренные в ст. 337 «Самовольное оставление части и места службы» и ст. 338 «Дезертирство». Правоприменитель в каждом отдельном случае, по собственному усмотрению, при наличии соответствующих оснований и условий может освободить лицо от уголовной ответственности.

В большинстве специальных видов освобождения от уголовной ответственности такие нормы имеют обязывающий характер. При этом, в примечаниях к статьям указывается, что постпреступное положительное поведение лица, совершившего преступление, для компетентных органов является обязательным основанием для освобождения его от уголовной ответственности. Такой характер имеют, например, примечания к ст. 126, 222, 228, 291.

Кто-то может возразить, что освобождение лица от уголовной ответственности предполагает прощение преступника, и что институт освобождения от уголовной ответственности противоречит идее института уголовной ответственности. Несмотря на ошибочность такой точки зрения, некоторые авторы предлагают применять к освобожденному лицу иные альтернативные меры воздействия, чтобы у него не возникло желания повторно совершить преступление. К таким мерам относятся, например, ограничение в определенных правах на определенный срок, устанавливаемый правоохранительными органами либо судом, а также надзор за поведением этого лица, осуществляемый правоохранительными органами.

Представляется, однако, что, если данное лицо освободили от уголовной ответственности, значит условия для получения освобождения были соблюдены, и применение к нему альтернативных мер уголовной ответственности будет противоречить смыслу института освобождения.

Таким образом, рассматриваемый институт является обязательным для нормального функционирования уголовной системы. Он позволяет не допустить чрезмерную жестокость наказания, но его необходимо модифицировать с учетом развития законодательства.

Литература

1. Данилюк С.А. Вопросы освобождения от уголовной ответственности // Правоведение. 1987. № 3. С. 85–91.
2. Сабанин С.Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: автореф. дис. ... докт юрид. наук. Екатеринбург. 1993. 262 с.
3. Кириллова Н.П. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. СПб., 1998. 35 с.
4. Головки Л.В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 41–42.
5. Проценко С.В. О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22–26.
6. Байрамуков Р.Б., Сухарева Н.Д. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности и задачи уголовного законодательства // Общество и право. 2010. № 5. С. 100–103.
7. Сабанин С.Н., Гришин Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С. 59–66.
8. Фильченко А.П. Деятельное раскаяние: проблемы конструирования ст. 75 УК РФ // Lex russica. 2017. № 2. С. 91–97.
9. Белоусова Е.А., Степанов Р.Г. К вопросу о деятельном раскаянии // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 170–179.
10. Жуковская И.В., Ларичев В.Д. Справедливость правового регулирования экономических отношений // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. С. 58–63.

References

1. Danilyuk S.A. Voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti [Questions of exemption from criminal liability]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1987, no. 3, pp. 85–91. (In Russian).
2. Sabanin S.N. Realizaciya principa spravedlivosti v institute osvobozhdeniya ot ugovolnogo nakazaniya Dis. ... kand. jurid. nauk. [Realization of the principle of justice in the institution of liberation from criminal punishment: dis. ... Candidate of legal Sciences]. Ekaterinburg, 1993. 262 p. (In Russian).
3. Kirillov N.P. Prekrashchenie ugovolnogo dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam [Termination of the criminal case on non-rehabilitating grounds]. Saint Peterburg, 1998. 35 p. (In Russian).
4. Golovko L.V. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti i osvobozhdenie ot ugovolnogo presledovaniya: sootnoshenie ponyatij [Exemption from criminal liability and release from criminal prosecution: the relationship of concepts]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2000, no. 6, pp. 41–42. (In Russian).
5. Protsenko S.V. O protivorechii dejstvuyushchego instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti osnovnym polozheniyam Konstitucii Rossijskoj Federacii [On the Contradiction of the Current Institute for the Release from Criminal Responsibility of the Basic Provisions of the Constitution of the Russian Federation]. *Rossijskij sledovatel' [The Russian Investigator]*, 2010, no. 19, pp. 22–26. (In Russian).
6. Bayramukov R.B., Sukharev N.D. Special'nye vidy osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti i zadachi ugovolnogo zakonodatel'stva [Special types of exemption from criminal liability and the tasks of criminal law]. *Obshchestvo i pravo [Society and law]*, 2010, no. 5, pp. 100–103. (In Russian).
7. Sabanin S.N., Grishin D.A. Nekotorye problemy zakonodatel'noj reglamentacii special'nyh vidov osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti [Some problems of legislative regulation of special kinds of release from criminal responsibility]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]*, 2012, no. 2, pp. 59–66. (In Russian).
8. Filchenko A.P. Deyatel'noe raskayanie: problemy konstruirovaniya st. 75 UK RF [Active repentance: the problems of constructing Art. 75 of the Criminal Code]. *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 91–97. (In Russian).
9. Belousova E.A., Stepanov R.G. K voprosu o deyatel'nom raskayanii [To the question of active repentance]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal [The Leningrad Law Journal]*, 2017, no. 1, pp. 170–179. (In Russian).
10. Zhukovskaya I.V., Larichev V.D. Spravedlivost' pravovogo regulirovaniya ehkonomicheskikh otnoshenij [Justice of legal regulation of economic relations]. *Bezopasnost' biznesa [Business security]*, 2017, no. 3, pp. 58–63. (In Russian).

ПОСТКРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ОСВОБОЖДАЮЩЕЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЗОР МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Майзель Маркус

Цель: дать обзор основных уголовно-процессуальных норм и провести догматический анализ посткриминального поведения, смягчающего наказание или освобождающего от него, чтобы объяснить параллели между этими явлениями.

Методология: догматический анализ, сравнение, правовое исследование, оценка.

Выводы: уголовно-процессуальные нормы, рассмотренные в статье, основаны на одной и той же правовой концепции, но демонстрируют различия в практике назначения наказания.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в анализе и сопоставлении материально-правовых норм уголовного и процессуального права. При этом автор обосновывает необходимость наличия общего положения об освобождении от наказания в уголовном праве Германии.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовный процесс, посткриминальное поведение, наказание, преступник, правовая реформа.

Посткриминальное поведение, освобождающее от уголовной ответственности и смягчающее ее, в немецком уголовном праве имеет большее значение, чем обычно ему придается. Именно момент, непосредственно перед или после деяния, является для многих преступников переломным в восприятии как своей решимости, так и чувства справедливости. Немецкому уголовному праву известны такие институты, как добровольный отказ от покушения на преступление, деятельное раскаяние, правила основного свидетеля, а также действующая в налоговом уголовном праве явка с повинной. Все нормы объединены основной идеей оценки раскаяния исполнителя. Несмотря на то, что расхождения в оценке в отношении исполнителя довольно существенные, законодатель именно таким образом пытается достичь справедливости для потерпевшего и одновременно с этим предоставить исполнителю возможность к возвращению на путь законности.

Строгие разграничения в нормировании требуют должвременной рациональности исполни-

теля. Однако если рассмотреть низкие пороги, учитывая поведение исполнителя в обыденной обстановке, кажется, что смягчение уголовной ответственности или отказ от нее в немецком уголовном праве — больше дело случая. В рамках данной дискуссии необходимо также ответить на вопрос о возможности применения общих оснований освобождения от уголовной ответственности. Сравнение некоторых материальных и процессуальных правовых норм должно вести к легитимации основного вопроса, который ставится в работе: к обоснованию единого основания освобождения от уголовной ответственности.

Посткриминальное поведение, смягчающее уголовную ответственность и освобождающее от нее, является вызовом для поведения исполнителя и применяется в немецком уголовном праве в незначительном объеме. Если рассматривать это объективно, то можно говорить о компенсации исполнителя после окончания совершения преступного деяния. Исполнитель готов взять на себя ответственность и принять меры, которые

как минимум являются попыткой загладить совершенное им деяние для своей же реабилитации. При этом речь идет не только лишь о гражданско-правовых требованиях о возмещении ущерба, но и о других важных аспектах, которые служат достижению соответствующих целей назначения наказания [1, § 3 Rn. 73], которые в свою очередь, предназначены для ресоциализации исполнителя на пути к возвращению к законности.

Посткриминальное поведение, смягчающее уголовную ответственность и освобождающее от нее, заставляет исполнителя задуматься о совершенном, разобраться с потерпевшим, с его переживаниями. Как отмечал Шопенгауэр «Со страдание устраняет перегородку между ты и я» [2, Cover]. Посткриминальное поведение находит свое отражение в общей части немецкого УУ. Норма отнесена к главе «Определение размеров наказания» и закреплена в §§ 46, 46a, 46b Уголовного уложения ФРГ (далее – УУ). Конкретное упоминание посткриминальное поведение находит в § 46 (абз. 2. предл. 2 № 6) УУ. При этом в особенности учитывается поведение после совершения деяния, в особенности усилия, приложенные им к возмещению ущерба, а также усилия исполнителя, направленные на компенсацию причиненного потерпевшему вреда. Вышеуказанная норма при соблюдении ее условий предоставляет возможность смягчения или даже освобождения от уголовной ответственности. При более подробном рассмотрении ставится вопрос о соответствии посткриминального поведения, смягчающего уголовную ответственность или освобождающего от нее, нормам немецкого конституционного права. При совершении противоправного деяния и наличии специальных признаков состава преступления должно быть начато уголовное преследование в отношении исполнителя. Это вытекает из принципа законности, который находит свое конкретное отражение в уголовно-правовых нормах с формулировкой «наказывается в виде лишения свободы...». Наказание должно компенсировать вину и сделать раскаяние возможным, одновременно выполняя задачи превентивного характера [3, s. 213 ff]. Обще превентивные цели в форме признания действий правовых норм (позитивная) и устрашения с целью предупреждения совершения таких же преступных деяний (негативная) служат обеспечению действия соответствующих норм. Нерешенным представляется вопрос о том, какое влияние превентивные воздействия оказывают на уголовную ответственность и в конечном счете на определение размера наказания в рамках посткриминального поведения. Позитивная

общая превенция представляется гарантированной только тогда, когда наказание измеряется по мере «заслуженного» [4, s. 196 f.]. Только при назначении адекватного наказания обеспечивается законопослушность населения. Негативная общая превенция, имеющая целью устрашение потенциальных исполнителей, должна происходить в рамках разумных пределов наказания, так как чрезмерное наказание могло бы не соответствовать Конституции [5, s. 772], напротив, значительное смягчение уголовной ответственности или вовсе освобождение от нее, исключались бы конституцией. В рамках специальной превенции, относящейся к исполнителю, различают ресоциализацию в конкретном случае и устрашение законопослушного исполнителя с целью предупреждения совершения преступлений в дальнейшем. Однако превентивные аспекты не играют весомой роли в решении проблемы несоразмерности вины и совершенного преступного деяния. Законная мера наказания отражает только противоправность и виновность совершенного деяния [6, s. 1029], но не цель уголовной превенции. Как уже говорилось, посткриминальное поведение, смягчающее уголовную ответственность и освобождающее от нее, совместимо с конституционным принципом законности. Далее, посткриминальное поведение должно быть рассмотрено в аспекте принципа правового государства. Данный принцип предусматривает преследование лиц, совершивших преступления, их привлечение к ответственности, а также назначение справедливого наказания. Принцип вины, вытекающий из ст. 1 (абз. 1) и 2 (абз. 1) Основного закона ФРГ, требует наличия вины для назначения наказания. Господствующее в рамках правового государства обязательное судебское разъяснение требует исключения каких-либо сделок со справедливостью (Vgl. BVerfG NstZ 1987, 419 = NJW 1987, 2663), например, дачи признательных показаний подсудимого на основе обещанного смягчения уголовной ответственности или освобождения от нее. Цель ясна: назначение наказания, соразмерного противоправности и виновности совершенного деяния [7, s. 297]. Однако для обеспечения конституционного порядка необходимо также усиление социального характера общества и наличие возможности регулярно выносить приговоры в соответствии с конституцией по отдельным случаям, учитывая личность, прежний образ жизни и бытовые условия исполнителя (сравн. § 56 абз. 1 УУ).

Посткриминальное поведение, смягчающее уголовную ответственность и освобождающее от нее, оказывает на исполнителя последовательное

влияние и обеспечивает его возвращение в законную среду. Политика смягчения уголовной ответственности и освобождения от нее соответствует всем направлениям современного уголовного права ресоциализирующего характера. Данный институт также совместим с принципом правового государства, исключая опасения о несоответствии конституционно-правовым нормам.

Для более полного исследования положений посткриминального поведения, смягчающих уголовную ответственность и освобождающих от нее, необходимо представить краткое описание схожих черт, а также отличий различных норм. В первую очередь мы рассмотрим взаимоотношение налогово-правового института явки с повинной согласно § 371 НК и добровольного отказа от покушения на преступление (§ 24 УУ), а во вторую, соотношение покушения на преступление и института деятельного раскаяния. Исследование должно показать, что названные группы основаны на единой правовой мысли.

Сравнение § 371 НК с § 24 УУ

В рамках § 371 (абз. 1) НК для явки с повинной исполнитель должен полностью исправить предоставленные неверные сведения и дополнить отсутствующую информацию. Формулировка явки с повинной, а также автономные корректировки налоговой декларации требуют абсолютной добровольности исполнителя. § 24 УУ не предусматривает форму явки с повинной, однако субъективным требованием является добровольность действий исполнителя. Помимо этого, он посредством исправления неверных сведений должен предотвратить дальнейшее завершение преступного деяния. При этом его действия должны быть сугубо добровольными, и он должен прилагать усилия к исправлению ситуации. Как в случае добровольного отказа от дальнейшего преступления, так и при явке с повинной, в налоговом праве требования к исполнителю схожи. В случаях возбуждения уголовного судопроизводства или производства по делам об административных правонарушениях либо при раскрытии преступного деяния с помощью сведений, полученных от исполнителя, или последний при разумной оценке обстоятельств дела должен был с этим считаться (§ 371 абз. 2 № 2 НК), признак добровольности не применяется. В случае добровольного отказа требуется отказ от дальнейшего совершения преступного деяния или добровольное и усердное старание для предотвращения завершения деяния. Обобщая, можно заметить, что явка с повинной согласно § 371 НК и добро-

вольный отказ по § 24 УУ в значительной мере совпадают по требованиям к посткриминальному поведению исполнителя. Различия имеются в рамках неоконченного покушения и при реализации доступа к данным доказательственного характера в органах предварительного расследования после окончания совершения преступного деяния. Применение § 371 НК не исключает одновременного применения § 24 УУ. Обе нормы обеспечивают защиту потерпевшего и нацелены на возвращение исполнителя к законности.

Сравнение деятельного раскаяния с § 24 УУ

Деятельное раскаяние применяется в случае совершения отдельных правонарушений, в большинстве случаев при совершении абстрактно-формальных преступных деяний, таких как общепаспасные преступные деяния (например, поджог), дорожно-транспортные преступления или преступные деяния мошеннического характера. Применение § 24 УУ не ограничивается конкретными видами преступных деяний. Ограничения имеют место только при окончанных деяниях. Критериями для выявления различий, с одной стороны, являются правовые последствия соответствующей нормы, а с другой – соотношение этих норм друг с другом. Отсутствие прямого ограничения деятельного раскаяния в отношении конкретных норм преследует цель создание абстрактного сравнения. Деятельное раскаяние, например, находит свое применение в §§ 142 (абз. 4), 261 (абз. 10), 264 (абз. 5), 264а (абз. 3), 265b (2), 306e, 314a УУ. Приблизительное отличие деятельного раскаяния от добровольного отказа должно быть представлено в рамках двух аспектов. Добровольный отказ всегда приводит к освобождению от уголовной ответственности, в то время как деятельное раскаяние может привести исключительно к ее смягчению (сравн. §§ 142 (абз. 4), 261 (абз. 10) УУ). § 24 применяется до окончания преступления, а деятельное раскаяние, напротив, после окончания деяния. Проблемным кажется временной промежуток незадолго до окончания деяния или сразу перед окончанием. Речь идет о практически неразграничиваемой области, от которой зависит, применяется ли освобождение от уголовной ответственности или просто ее смягчение. Когда применение § 24 исключается из-за окончания преступного деяния, то применяются нормы о деятельном раскаянии. Их применение обусловлено предотвращением дальнейшего значительного (в отдельных случаях) – ущерба правовым благам.

Освобождение от уголовной ответственности является для исполнителя поощрением при от-

казе от дальнейшего осуществления деяния, и уже при окончанном преступном деянии дана возможность смягчения для предотвращения наступления ущерба в отношении потерпевшего. Здесь можно определить, что единственное различие этих двух фигур выявляется при их применении и влиянии на вид и размер наказания.

На основании проведенного сравнительного анализа можно сделать вывод о единообразии правовых мыслей, на основании которых сконструированы различные правовые нормы. Очень тонка грань наступления разных правовых последствий, существующая именно в сфере добровольного отказа и деятельного раскаяния, что в конкретном случае может подвергать опасности защиту потерпевшего. Это обосновывается недостаточной ясностью для исполнителя. Именно стимул к освобождению от уголовной ответственности побуждает исполнителя к предотвращению наступления ущерба. Прямое воспрепятствование освобождению от уголовной ответственности и исключительно диспозитивный характер норм, касающихся ее смягчения, могут влиять на исполнителя негативно, и таким образом не привести к отказу исполнителя от совершения преступного деяния. На основе единообразной правовой мысли этих норм, а именно обеспечение защиты потерпевшего, необходимо задумываться о создании единообразных оснований освобождения от уголовной ответственности в немецком уголовном праве.

Для применения общего основания освобождения от уголовной ответственности с точки зрения конституционно-правовой и уголовно-правовой догматики необходимо создать индикаторы. В первую очередь, в качестве индикатора может выступать ответ на вопрос, был ли действиями исполнителя восстановлен статус *quo ante* [8, § 7II; 3, 218]. В рамках преступных деяний против телесной неприкосновенности речь идет о причинении вреда физической целостности и нанесении физических истязаний потерпевшему. Для того, чтобы сделать возможной явку с повинной, исполнитель был бы вынужден восстановить положение *quo ante*, т.е. неприкосновенность потерпевшего. То, что кажется реализуемым во многих случаях в уголовном экономическом праве, является невозможным в сфере преступных деяний против телесной неприкосновенности. В то же время с восстановлением положения *quo ante* должно быть определено, что возможный последующий ущерб может быть исключен. Но для этого необходимо согласие потерпевшего, который самостоятельно должен оценивать возможность возникновения разного рода ущерба. Явка с повинной как основание ос-

вобождения от уголовной ответственности должна применяться только в сфере таких преступных деяний, как нарушения и угрозы имущественного характера, а также при совершении преступлений против собственности. Исполнитель здесь должен указывать на то, что он отказался от дальнейшего совершения деяния и выражает серьезные намерения для возмещения причиненного ущерба, сравнимые с добровольным отказом согласно § 24 (абз. 1) УУ. Как уже отмечалось выше, с помощью внедрения института явки с повинной в отрасль уголовного экономического права можно было бы обеспечить улучшение защиты потерпевшего, что значительно усилило бы готовность исполнителей к действиям, направленным на возмещение причиненного ущерба. Если во многих случаях явки с повинной ее применение исключается из-за высокого размера наказания в сфере экономических преступлений, то нужно задуматься о политико-правовой модификации.

Ввиду подачи честными гражданами корректной информации освобождая от уголовной ответственности явка с повинной в области уголовного экономического права оказывает благоприятное воздействие не только на потерпевшего, но и в отношении налоговых органов. Помимо этого, с внедрением явки с повинной в уголовное экономическое право стало бы возможным обеспечение равноправия физических лиц по отношению к государству как юридическому лицу публичного права. В случае причинения ущерба признание государства потерпевшим позволило бы применить принцип равноправия в отношении потерпевших в уголовном экономическом праве. Немецкому законодателю стоило бы задуматься об адекватном согласовании уголовно-правовой модификации.

Итак, проведенное исследование показало, что с одной стороны, имеются сходства и различия правовых институтов явки с повинной и добровольного отказа. В статье рассмотрено применение деятельного раскаяния как абстрактной фигуры в отношении добровольного отказа. Именно в сфере применения последней названной группы показаны соответствия единообразной правовой мысли их происхождения, а с другой стороны — большие различия при определении размера наказания. В то время как при применении добровольного отказа учитываются критерии освобождения от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, с соблюдением многих исключений, предоставляет возможность применения, и освобождения от уголовной ответственности, но в большинстве случаев на практике проис-

ходит ее смягчение. Наличие строгих критериев для предоставления освобождения от уголовной ответственности представляются исполнителю не такими привлекательными и негативно влияют на защиту потерпевшего. Представляется, что из-за незначительных различий в требованиях к поведению при применении норм, смягчающих наказание или освобождающих от его назначения, разграничение этих институтов происходит искусственно. В этом случае побудить исполнителя к отказу от завершения преступного деяния кажется почти невозможным. Если при раскрытии некоторых сведений, не обязательно связанных с делом, рассмотреть возможность освобождения от наказания, то именно в нормах об основном свидетеле была утеряна основополагающая правовая мысль о положениях о посткриминальном поведении, смягчающим наказание и освобождающим от его назначения. Суждения по обоснованию общих оснований освобождения от наказания не представляет собой новую мысленную

концепцию. Однако сфера применения такого общего основания освобождения от наказания ограничена с учетом возможности восстановления положения *ante quo*, которое именно в сфере преступных деяний против телесной неприкосновенности не является реабилитирующим. Но если подумать о существовании института явки с повинной и отсутствующей возможности освобождения от наказания в сфере экономической преступности, то кажется, что фискальные органы имеют огромное преимущество в отношении физических лиц. Именно это преимущество представляется несправедливым. В заключение можно отметить, что создание одного общего основания, освобождающего от наказания, в отрасли уголовного экономического права будет уже неактуальным. Для предотвращения наступления неимущественного, финансового и экономического ущерба, необходимо внедрить положения § 371 НК в УУ. Насколько данная тема имеет значение для будущего Германии покажет время.

Литература

1. Roxin C. Allgemeiner Teil des Strafrechts, Band I, Hrsg. 2003 in München.
2. Volpi F. Über das Mitleid von Arthur Schopenhauer, 2007 in München.
3. Pawlik M. Kritik der Präventionstheoretischen Straaaegründung in FS für Rudolphi, 2004 in München, S. 213–230.
4. Roxin C. Prävention und Strafzumessung in FS für Bruns, 1977 in Köln, S. 13–204.
5. Köhler M. Zur Strafzumessung bei vergehen von Ausländern in JZ 1982, S. 771–773.
6. Günther H. Systematische Grundlagen der Strafzumessung – Eine Bestandsaufnahme in JZ 1989, 1025–1030.
7. Hettinger M. Die Absprache im Strafverfahren als rechtsstaatliches Problem in JZ 6/2011, S. 292–301
8. Patzscke A. Die Selbstanzeige als Strafaufhebungsgrund des allgemeinen Strafrechts, 2012 in Hamburg.

References

1. Roxin C. Allgemeiner Teil des Strafrechts, Band II [General Part of the Criminal Law], Hrsg. 2003 in München (in German).
2. Volpi F. Über das Mitleid von Arthur Schopenhauer [Compassion, by Arthur Schopenhauer], 2007 in München (in German).
3. Pawlik M. Kritik der Präventionstheoretischen Straaaegründung in FS für Rudolphi [Critique of Prevention Theorists' Justification of Punishment in: a Commemorative Publication for Rudolphi], 2004 in München, S. 213–230 (in German).
4. Roxin C. Prävention und Strafzumessung in FS für Bruns [Prevention and the Assessment of Punishment], 1977 in Köln, S. 13–204 (in German).
5. Köhler M. Zur Strafzumessung bei vergehen von Ausländern [Punishing Offences Committed by Foreign Nationals] in JZ 1982, S. 771–773 (in German).
6. Günther H. Systematische Grundlagen der Strafzumessung – Eine Bestandsaufnahme [The Systematic Basis of Assessing Punishment] in JZ 1989, 1025–1030 (in German).
7. Hettinger M. Die Absprache im Strafverfahren als rechtsstaatliches Problem [The Constitutional Problem of Agreements during Legal Proceedings] in JZ 6/2011, S. 292–301 (in German).
8. Patzscke A. Die Selbstanzeige als Strafaufhebungsgrund des allgemeinen Strafrechts [Voluntary Disclosure as a Basis for Exempting Punishment in the General Part of Criminal Law], 2012 in Hamburg (in German).

ПОМОЩЬ ПРИ РАСКРЫТИИ ИЛИ ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ («Правило основного свидетеля»)

Мюллер Роберт

***Цель:** представление занимающих на сегодняшний день центральное место «правил основного свидетеля» в немецком уголовном праве, критическое рассмотрение этих норм, а также возможности их реформирования.*

***Методология:** анализ, правовое исследование, оценка.*

***Выводы.** При этом общие черты можно выделить в рамках правовых последствий, а также общей конструкции норм (деяние основного свидетеля, связанность действий основного свидетеля, момент времени). В отношении норм дается множество критических замечаний и проводится исследование на их оправданность. При этом обнаруживается, что их несоответствие конституционному праву имеет место лишь в рамках равного отношения. Тем не менее дается множество предложений о реформировании норм, хотя статистическая основа для анализа целесообразности норм отсутствует.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость заключается в детальном представлении условий применения норм, их правовых последствий, а также их совместимость с принципами правового государства. Рассмотрена роль основного свидетеля и его вклада в раскрытие или предотвращение тяжких преступлений в рамках немецкого уголовного процесса. В частности, более подробно освещены нормы § 46b Уголовного уложения Германии и § 31 закона «О наркотических средствах». Дано определение понятия «основной свидетель» и представлено историческое развитие инструмента основного свидетеля в Германии.*

***Ключевые слова:** основной свидетель, наркотические средства, посткриминальное поведение, уголовное право, наказание.*

Показания основного свидетеля как средство доказывания в Германии является еще сравнительно новым инструментом борьбы с тяжкими преступлениями и организованной преступностью. Поэтому в настоящей статье рассматриваются роль основного свидетеля и его вклад в раскрытие тяжких преступлений или предотвращение их совершения в рамках немецкого уголовного процесса. В частности, будут рассмотрены нормы § 46b УУ (Уголовное уложение ФРГ – далее УУ) и § 31 закона «О наркотических средствах» и показано, как развивался инструмент основного свидетеля в немецкой уголовно-правовой практике, при каких условиях и в каком объеме действия основного свидетеля могут быть вознаграждены, какие критические замечания в отношении указанных

норм высказываются и обоснованы ли они. При этом обсуждаются взгляды правоприменителей и возможные концепции реформирования.

***Понятие основного свидетеля.** Термин «основной свидетель» пришел в немецкое право из английского уголовного процесса. Под основным свидетелем понимается лицо, которое выступает на стороне обвинения – государства, при этом он сам был уличен в пособничестве или как минимум подозревается в пособничестве. В качестве «встречного предоставления» такому свидетелю не предъявляется обвинение, а если и предъявляется, то в отношении менее тяжкого преступления [1, Rn. 342]. Тем самым основной свидетель является одновременно и помощником государства в раскрытии совершенного преступления.*

Развитие «правила основного свидетеля» в Германии. Фигура основного свидетеля долгое время была чужда немецкому уголовному праву. На различных этапах его исторического развития можно найти отдельные сообщения об использовании основного свидетеля посредством раннего уголовного преследования, хотя следует отметить, что основные свидетели использовались исключительно как *ultima ratio* в случаях, когда юстиция противостояла особо опасной волне преступности [2, с. 21–23].

Только в 1982 г. в законе «О наркотических средствах» была закреплена норма (§ 31), согласно которой поощрялось сообщение информации, помогающей раскрытию преступлений, связанных с наркотическими средствами, а в качестве поощрения предусматривалась возможность смягчения наказания в соответствии с § 49 (абз. 2) УУ или даже воздержание от назначения наказания. Эта норма стала первым кодифицированным предписанием, которое наряду с превентивным поведением поощряло и репрессивную помощь в раскрытии преступления. В 1989 г. в форме ст. 4 Закона «О внесении изменений в УУ, УПК и закона «О собраниях», а также о введении «правила основного свидетеля» при совершении террористических преступлений (так называемый закон «Об основном свидетеле») были введены дальнейшие касающиеся основных свидетелей репрессивные нормы для террористических и связанных с ними преступлений (§§ 1–5). Первоначально действие этих норм было предусмотрено до конца 1989 г., но впоследствии несколько раз продлевалось до 1999 года, а их область применения была расширена на ряд криминальных сообществ в смысле § 129 УУ. Особое внимание было уделено закону «Об основном свидетеле» в процессе над подсудимой Андравес (*Andrawes*), которая, несмотря на свое участие в похищении самолета Люфтганза “Landshut”, засчет применения § 2 в связи с § 1 № 2 ст. 4 закона «Об основном свидетеле» была осуждена за совершение тяжкого убийства только к 12 годам лишения свободы (OLG Hamburg NStZ 1997, 443 (444)). По истечении срока действия норм закона «Об основном свидетеле» в 1999 г., многочисленные правила основного свидетеля нашли отражение в УУ и в § 31 закона «О наркотических средствах». Лишь с введением в 2009 г. § 46b УУ были созданы более обширные общие правила «основного свидетеля». В дополнение к ним в настоящее время существуют правила «основного свидетеля» в специальных областях УУ (§§ 99 абз. 3 в связи с 98 абз. 2 предл. 1, §§ 129a абз. 7 в связи с § 129 абз. 6), а также в нормах дополнительного уголов-

ного права (§ 31 Закона «О наркотических средствах»), в уголовно-процессуальном праве в § 153e I 2 УПК, а также в дисциплинарном праве, например, в § 80 Федерального дисциплинарного закона и § 110 Положения о военной дисциплине (в отношении раскрытия преступных деяний в соответствии с §§ 331–335 УУ).

Правила «основного свидетеля» § 46b УУ и § 31 закона «О наркотических средствах». Как § 46b УУ, так и § 31 Закона «О наркотических средствах» в качестве признака состава требуют наличия деяния основного свидетеля, деяние иного лица, которое связано с деянием основного свидетеля и связано с его показаниями (деяние из перечня), а также действия основного свидетеля в форме помощи в раскрытии преступления или предотвращении его совершения. Согласно § 46b (абз. 3) УУ (к которому отсылает § 31 (предл. 3) Закона «О наркотических средствах»), применение правовых последствий исключается, если основной свидетель сообщает известную ему информацию только после того, как было постановлено открытие против него судебного разбирательства согласно § 207 УПК.

Деянием основного свидетеля в смысле § 46b УУ является преступное деяние, которое в качестве нижнего предела наказания предусматривает повышенный срок лишения свободы или пожизненное заключение, а в смысле § 31 Закона «О наркотических средствах» адресатом нормы любой исполнитель или соучастник преступного деяния, связанного с наркотическими веществами, вне зависимости от пределов наказания [3, § 31, Rn.1].

Под деянием из перечня в рамках § 46b УУ понимается деяние из перечня § 100a (абз. 2) УПК, в то время как § 31 Закона «О наркотических средствах» требует наличия определенного в его исчерпывающем перечне преступного деяния, связанного с наркотическими веществами. Это правило действует не только в отношении окончанных преступлений, но и для всех уголовно наказуемых стадий перечисленных в § 100a (абз. 2) УПК преступных деяний. Если было совершено (покушение на) преступное противоправное деяние, то деяние из перечня имеет место даже в случае отсутствия вины или освобождающего от уголовной ответственности добровольного отказа (BGHSt 55, 153 = NStZ 2011, 151). Формулировка обеих норм не требует, чтобы основной свидетель был соисполнителем или соучастником «раскрытого им» преступления.

О связи между деянием основного свидетеля и деянием из каталога можно вести речь в том

случае, если имеется такое внутреннее или содержательное отношение между деянием основного свидетеля и деянием из каталога, что оба деяния являются составными частями общего уголовно наказуемого деяния (BT-Drucks. 16/6268 S.16).

Кроме того, основной свидетель должен совершить определенное действие. Различают помощь в раскрытии преступных деяний (§ 46b абз.1 предл. 1 № 1 УУ, § 31 №1 Закона «О наркотических средствах») или помощь в предотвращении преступных деяний (§ 46b абз. 1 предл. 1 № 2, § 31 № 2 Закона «О наркотических средствах»). Необходимым условием для обоих вариантов является добровольное сообщение информации основным свидетелем. Под сообщением информации понимается сообщение о фактах, которое однозначно может быть сопоставлено с основным свидетелем, органам уголовного преследования [4, § 46b Rn. 11]. Информация раскрывается добровольно, если основной свидетель, по его мнению, свободно принял такое решение, т.е. раскрытие информации основывается на его свободе принятия решений [5, § 46b, Rn.25].

Для принятия помощи в раскрытии преступления в обоих случаях необходимо наличие специальных последствий раскрытия, возникающих вследствие дачи показаний основным свидетелем. Такие последствия имеют место, если в связи с раскрытием информации основным свидетелем имеется, по убеждению суда, достаточное подозрение, что определенные лица совершили преступное деяние из перечня, и при помощи этих сведений названные лица могут быть идентифицированы или уличены в совершении других преступлений [6, § 46b, Rn.14].

Для выполнения варианта помощи в предотвращении совершения преступлений (§§ 46b абз. 1 предл. 1 № 2 УУ, § 31 предл. 1 № 2 закона «О наркотических средствах») основной свидетель должен довести до сведения соответствующего государственного органа известную ему информацию настолько своевременно, что деяние, о подготовке к которому ему известно, еще может быть предотвращено, причем в случае § 46b (абз. 1 предл. 1 № 2) УУ деяние должно быть указано в перечне, приведенном в § 100a (абз. 2) УПК, и, кроме того, иметь связь с деянием основного свидетеля. В отличие от этого правила, касающегося помощи в раскрытии преступления, в случае § 31 (предл. 1 № 2) Закона «О наркотических средствах» помощь в предотвращении совершения преступления должна быть оказана не в отношении всех многочисленных преступных деяний, связанных с наркотически-

ми средствами, а только в отношении составов §§ 29 (абз. 3), 29a (абз. 1), 30 (абз. 1) и 30a (абз. 1) закона «О наркотических средствах». При этом наступления последствий предотвращения не требуется: предотвращение в смысле нормы имеет место, если на момент раскрытия информации еще существует угроза совершения преступления, а посредством раскрытия информации существует реальная возможность предотвращения совершения преступления органами уголовного преследования [7, § 46b, Rn.8].

Что касается правовых последствий, в отношении которых применяется судебское усмотрение, то здесь возможны следующие ситуации. С одной стороны, согласно § 153b (абз. 1) УПК прокуратура может с согласия суда отказаться от предъявления обвинения и прекратить производство по делу, если нет предпосылок к тому, что преступнику могло бы быть вынесено наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет. Согласно § 153b (абз. 2) УПК если обвинение уже предъявлено, суд может прекратить производство до начала судебного разбирательства с согласия прокуратуры и обвиняемого.

С другой стороны, в соответствии с § 49 (абз. 1) УУ суд вправе смягчить наказание в виде лишения свободы, вынесенное на определенный срок, но при этом вместо пожизненного лишения свободы не может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок менее 10 лет. В соответствии с § 46b (абз. 1 предл. 4) УУ, а также § 31 (предл. 1 вар. 2) Закона «О наркотических средствах» суд может воздержаться от назначения наказания в виде лишения свободы, если исполнитель подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок менее трех лет. Кроме того, помощь в раскрытии преступления или в предотвращении его совершения может быть учтена таким образом, что судом будет отклонено наличие особо тяжкого случая или особой тяжести вины (BGH NStZ-RR 2013, 24).

Критика в отношении правила основного свидетеля. Правило основного свидетеля в целом, а также отдельные нормы, касающиеся основного свидетеля, подлежат критике. Так, в отношении соответствующих норм высказывается мнение об их несоответствии принципу правового государства (ст. 20, абз. 3 Основного закона ФРГ). Однако, при более детальном рассмотрении, нарушений принципов вины, определенности, законности, права не свидетельствовать против самого себя не обнаруживается. Тем самым нарушения принципов правового государства отсутствуют.

В отношении исключяющего влияния § 46b (абз. 3) УУ имеются сомнения, касающиеся его совместимости с принципом равенства, закрепленного в ст. 3 (абз. 1) Основного закона ФРГ, поскольку в рамках группы основных свидетелей имеет место различное отношение к ним. Несмотря на то, что такое различное отношение предметно обосновано, вследствие негибких сроков § 207 УПК в отношении того, что любые мотивы задержки не принимаются во внимание, а перепроверка раскрытой информации возможна и в рамках основного производства, оно не сопоставимо с запретом произвола и является тем самым непропорциональным [8, с. 205, 206].

С точки зрения правовой этики вызывает сомнения и сотрудничество с преступниками. Тем не менее защита правопорядка оправдывает такое сотрудничество, пока посредством него преследуются требования цели наказания.

В противовес много раз озвученному мнению существовавшие до сих пор нормы §§ 46 УУ, 153a УПК не являлись достаточными, чтобы охватить область организованной преступности. Необходимость правотворчества подтверждается многочисленными раскрытиями преступлений в области оборота наркотических средств при помощи § 31 закона «О наркотических средствах».

Следует, однако, учитывать опасность дачи основным свидетелем ложных показаний, которая распространена среди основных свидетелей в области террористических преступлений. Вследствие такой ситуации законодатель повысил размеры наказания, предусмотренные §§ 164 (абз. 3 предл. 1), 145d (абз. 3) УУ, чем хотел добиться уменьшения опасности дачи ложных показаний основными свидетелями. Кроме того, посредством учета психологических критериев достоверности показаний, возможно еще большее сдерживание опасности такого рода. Тем самым отчасти поддерживаемые высказывания о якобы отсутствующей целесообразности норм являются необоснованными.

Предложения по реформированию. Несмотря на то, что в настоящий момент не имеется достоверной основы для статистической оценки применения «правила основного свидетеля», опросы

показывают большую неудовлетворенность в отношении действующих и их применения. По результатам проведенных опросов и высказанной критике были разработаны предложения по реформированию действующего законодательства. Так, например, было предложено введение нового основания возобновления производства не в пользу подсудимого основного свидетеля, с целью иметь возможность «отозвать» уменьшение наказания, которое основной свидетель получил вследствие дачи ложных показаний.

Кроме того «скидка, дающаяся основному свидетелю» (величина уменьшения размера наказания) должна быть указана в приговоре суда с целью достижения прозрачности. Помимо этого должно быть упразднено исключяющее влияние § 46b (абз. 3) УУ. Также было предложено еще раз увеличить размеры наказания в §§ 164 (абз. 3), 145d (абз. 3) УУ и ввести норму о бремени доказывания по образцу американской “corroboration”.

На первый взгляд нормы §§ 46b УУ, 31 закона «О наркотических средствах» кажутся обозримыми, но на самом деле как в отношении их условий, так и в отношении возможных правовых последствий они являются сложными и комплексными. Особенно критике подвержен § 46b УУ, но эта критика в большинстве своем необоснованна. Кроме того, имеется множество предложений по улучшению содержания норм, их закрепления в материю уголовного права или по их применению в рамках уголовного процесса. Следует, однако, подождать и посмотреть, сочтет ли законодатель необходимым внесение изменений в данные нормы. На данном этапе к основным свидетелям и их показаниям нужно относиться с определенной осторожностью, но в то же время следует избегать обобщения и в целом недоверия к их показаниям.

На другом примере, § 31 закона «О наркотических средствах», можно увидеть, что правило основного свидетеля может действительно оказывать помощь в раскрытии преступлений и оно может утвердиться в качестве постоянной величины в рамках совокупности всех норм. Произойдет ли то же самое и с молодой нормой § 46b УУ, пока сложно сказать.

Литература

1. Beulke, Werner, Strafprozessrecht, 13. Auflage, Verlag C.F.Müller, Heidelberg, 2016.
2. Frahm, Lorenz Nicolai, Die allgemeine Kronzeugenregelung – Dogmatische Probleme und Rechtspraxis des § 46b StGB, Verlag Duncker & Humblot GmbH, Berlin, 2014.
3. Patzak, Jörn, in: Körner, Harald Hans; Patzak, Jörn; Volkmer, Mathias, Betäubungsmittelgesetz Arzneimittelgesetz, Grundstoffüberwachungsgesetz, 8. Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2016.

4. Fischer, Thomas, Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen, 64.Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2018.
5. Joecks, Wolfgang; Miebach, Klaus, Münchener Kommentar zum StGB, Band 2, §§ 38-79b StGB, 3. Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2016.
6. von Heintschel-Heinegg, Bernd, StGB Strafgesetzbuch Kommentar, 2. Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2015.
7. Kindhäuser, Urs; Neumann, Ulfrid; Paeffgen, Hans-Ullrich, NomosKommentar Strafgesetzbuch Band 1, 5. Auflage, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2017.

References

1. Beulke Werner. Strafprozessrecht [Criminal Procedural Law], 13. Auflage, Verlag C.F.Müller, Heidelberg, 2016 (in German).
2. Frahm Lorenz Nicolai. Die allgemeine Kronzeugenregelung – Dogmatische Probleme und Rechtspraxis des § 46b StGB [The General Provision for Key Witnesses – Doctrinal Problems and the Legal Practice of § 46b German Criminal Code], Verlag Duncker & Humblot GmbH, Berlin, 2014.
3. Patzak Jörn, in: Körner, Harald Hans; Patzak, Jörn; Volkmer, Mathias, Betäubungsmittelgesetz Arzneimittelgesetz, Grundstoffüberwachungsgesetz [Controlled Substances Act, Medicinal Products Act, Commodities Control Act], 8. Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2016 (in German).
4. Fischer Thomas. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen [Criminal Code with Subsidiary Acts], 64.Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2018 (in German).
5. Joecks Wolfgang; Miebach, Klaus, Münchener Kommentar zum StGB [Munich Commentary on the Criminal Code], Band 2, §§ 38-79b StGB, 3. Auflage, Verlag C.H. Beck, München, 2016 (in German).
6. von Heintschel-Heinegg, Bernd, StGB Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code], 2. Auflage, Verlag C.H.Beck, München, 2015 (in German).
7. Kindhäuser, Urs; Neumann, Ulfrid; Paeffgen, Hans-Ullrich, NomosKommentar Strafgesetzbuch Band 1 [Nomos Commentary on the Criminal Code, volume 1], 5. Auflage, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 2017 (in German).

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ НЕГАТИВНОГО ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Нойхаузен Елена Анастасия

Цель: сформулировать понятие злостного уклонения в системе посткриминального поведения, раскрыть многоаспектность оснований его классификации, а также затруднений в его определении.

Методология: сравнение, интерпретация и описание, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод.

Выводы: В статье рассматривается уголовно-правовое понятие злостного уклонения как особой формы посткриминального поведения. Обосновывается важность правильной оценки судами осужденных, посткриминального поведения, для назначения справедливого наказания. Анализируются различные определения злостного уклонения, проблематика однозначного обозначения злостного уклонения, основания классификации уклонения от наказания.

Злостное уклонение может составлять часть посткриминального поведения и влиять на меру наказания. Для установления оснований классификации посткриминального поведения необходимо рассмотреть комплекс характеристик личности осужденного. Проблемой при этом является не совсем ясное и однозначное определение злостного уклонения законодателем.

Научная и практическая значимость: статья дает понятие посткриминального поведения и толкует значимость понятия злостного уклонения при исполнении наказания.

Ключевые слова: уголовное право, Уголовный кодекс, посткриминальное поведение, злостное уклонение, условное осуждение, правомерное изменение наказания.

Посткриминальным именуется как правомерное, так и неправомерное поведение лица после совершения им преступления. Например, заглаживание причиненного потерпевшему вреда или уклонение от следствия после осуждения: уклонение или выполнение возложенных судом обязанностей, а также уклонение от них, после отбывания наказания [1] до погашения или снятия судимости. В зависимости от социальной оценки посткриминального поведения лица, к нему могут быть применены уголовно-правовые меры поощрения, либо наоборот, меры имманентно отрицательные для него.

Теоретические разработки понятийного аппарата посткриминального поведения, исследования его влияния на меру уголовной ответственности, появились во второй половине XX века. Эта тематика была предметом исследований таких

авторов, как Р.А. Сабитов, Н. Э. Звечаровский, Ю. В. Голик, О. В. Филимонов и др.

Р.А. Сабитов выделяет следующие признаки посткриминального поведения: первым признаком, социальным, является полезность или пагубность посткриминального поведения для общества, а вторым, юридическим, — обозначается то, что признаки посткриминального поведения должны быть предусмотрены нормами уголовного права, законом [2, с.106].

Правомерное посткриминальное поведение должно влечь за собой не только смягчение наказания, но и, например, условное осуждение или даже освобождение от уголовной ответственности, а неправомерное — замену наказания более жестким.

Учитывая влияние посткриминального поведения на осуждение лица, совершившего преступление, необходимо правильно оценивать

действия преступника. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что наиболее значительное количество ошибок совершается при оценке правомерного, положительного посткриминального поведения, а не его антипода — отрицательного, зачастую даже преступного поведения.

Для того, чтобы обеспечить в подобных случаях справедливое и единообразное применение уголовных норм судами, Пленум Верховного Суда РФ, например, в ныне утратившем силу постановлении от 11 января 2007 г. №2 «О практике назначения судами Российской Федерации условного наказания» давал разъяснения по вопросу о применении уголовных норм в случаях, имеющих непосредственное отношение к затронутой нами проблеме. Пленум призывал суды исполнять требования закона об индивидуальном подходе к назначению наказания, так как справедливое наказание должно способствовать целям, указанным в ст. 2 и 43 УК РФ.

Как показывает анализ статистических данных о количестве случаев неправомерного посткриминального поведения во время отбывания наказания осужденными, около 15% из них злостно уклонялись от возложенных судом обязанностей, 8,8% совершали уклонение в форме неявки на регистрацию, 27% совершали нарушения в виде употребления спиртных напитков, 28,6% — в форме прогулов без уважительной причины [8, с. 19–20].

В то же время при вынесении изначальных судебных решений назначенные наказания часто не соответствуют тяжести совершенного деяния. Например, изменения ряда судебных решений Свердловского областного суда в 2012 г. в 66% случаев касались смягчения наказания. Так, по такому основанию, как явка с повинной, было изменено 12% приговоров, на основании активного способствования раскрытию преступления — 6%, на основании возмещения причиненного ущерба — 5% [8, с. 19–20].

Одним из примеров уголовно-правового поощрения является условное осуждение. Согласно ст. 73 УК РФ оно может применяться при назначении наказания в виде исправительных работ, ограничения в воинской службе, содержания в дисциплинарной воинской части или при лишении свободы на срок до восьми лет. Условное осуждение не может применяться в случае совершения сексуальных преступлений в отношении малолетних лиц, террористических преступлений, преступлений, совершенных во время испытательного срока, или при опасном рецидиве. Условное осуждение назначается, если суд усматривает возможность исправления лица, совершившего преступление, без применения к нему реального наказания [2, с. 66].

Условное осуждение часто применяется к несовершеннолетним осужденным, особенно если они положительно характеризуются по месту работы или учебы.

Целью условного осуждения является исправление лица и элиминация вероятности рецидива, при этом суд может возложить на условно осужденных ряд обязанностей. Они входят в систему контроля за посткриминальным поведением. Для выполнения осужденным возложенных на него обязанностей, суду необходимо более конкретно указывать испытательные требования, так как в этом случае наблюдать за уклонением от выполнения этих самых требований можно будет более эффективно.

Отмена условного наказания и его замена наказанием, назначенным приговором суда, в ст. 74 УК РФ предусмотрена в трех случаях: во-первых, если осужденный в период испытательного срока систематически нарушал общественный порядок и привлекался к административной ответственности; во-вторых, если он злостно отклонялся от возложенных на него судом обязанностей; в-третьих, если данное лицо скрылось от контроля.

Уклонение от наказания или от выполнения возложенных на осужденного обязанностей считается неправомерным посткриминальным поведением. При этом в УК РФ упоминаются такие разновидности негативного посткриминального поведения, как уклонение и злостное уклонение. В УК РФ основания их разграничения не приводятся.

Рассматривая субъективные и объективные признаки злостного уклонения, можно прийти к выводу, что злостным уклонением считается умышленное совершение действия (бездействие) повторно, после предупреждения уполномоченного государственного органа. Действия (бездействие) данного лица проявляются в форме неисполнения обязанностей или требований суда [6, с. 201].

Злостное уклонение от возложенных судом обязанностей является повторным конфликтом между данным лицом и законом. С социологической точки зрения злостное уклонение может служить своеобразным показателем непонимания лица сущности назначенного ему приговора. Кроме того, злостное уклонение подрывает авторитет правоприменительных органов, поскольку у виновного может возникнуть чувство безнаказанности за совершение преступления [4, с. 9]. С уголовно-правовой точки зрения злостное уклонение составляет часть посткриминального поведения и регламентируется УК РФ и УИК РФ.

Злостное уклонение от отбывания наказания можно классифицировать по нескольким основаниям.

Во-первых, классификация может быть проведена в зависимости от содержания назначенного наказания. В соответствии со ст. 46 УК РФ можно выделить злостное уклонение от выплаты штрафа. В таком случае штраф заменяется иным наказанием. Существует злостное уклонение от наказания, влияющее на право труда, как, например, положения ст. 49 УК РФ об обязательных работах, по ст. 50 УК РФ – при назначении исправительных работ и по ст. 53¹ УК РФ – о принудительных работах. При этом наказание заменяется принудительными работами или лишением свободы. Лишение свободы или принудительные работы назначаются из расчета один день за три дня исправительных работ [7, с. 89].

При злостном уклонении от отбывания наказания в виде ограничения свободы по ст. 53 УК РФ неотбытая часть наказания может быть заменена на принудительные работы или лишение свободы.

Классификация возможна и по признаку сущности уклонения. Так как оно может осуществляться в форме не только бездействия, но и действия. Например, систематический невыход на работу (ст. 30 УИК РФ) или неявка в уголовно-исполнительную инспекцию (ст. 58 УИК РФ). Уклонением в форме действия являются систематические нарушения трудовой дисциплины (ст. 30 УИК РФ) или скрытие от контроля (ст. 190 УК РФ).

По признаку юридической регламентации можно выделить уклонения, предусмотренные в статьях Особенной частью УК РФ, в Общей части УК РФ, и те, которые не предусмотрены УИК РФ. Также можно выделить уклонение от уголовно-правовых мер воздействия и от мер воспитательного характера, а также от наказания [5, с.222–223].

Примером уклонения от наказания в виде выплаты денежного штрафа может служить дело Энгельсского районного суда Саратовской области № 4/10-1-01/2018. Суть дела такова: Б. было вынесено наказание в виде выплаты денежного штрафа в размере 100 тыс. руб. Осужденный злостно уклонялся от его уплаты, ссылаясь на тяжелую финансовую ситуацию: с марта по апрель 2017 г. он был болен, а в августе 2017 г. был вынужден совершить переезд к новому месту жительства. Несмотря на явно значимые обстоятельства, суд заменил наказание в виде выплаты остатка штрафа (79974,87 руб.) на исправительные работы сроком на восемь месяцев с выплатой 20% из заработной платы осужденного.

Одну из главных проблем при установлении понятия злостного уклонения как разновидности посткриминального поведения, составляет отсутствие определения злостного уклонения в уголовном законодательстве РФ. В научной литературе

одни авторы под злостным уклонением понимают систематичность действий, другие грубое нарушение возложенных на осужденного мер или умышленное нарушение общественного порядка.

Изменение наказания в связи со злостным уклонением от его отбывания, по мнению некоторых авторов, основывается на восприятии злостного уклонения как вида преступной деятельности [4, с. 9]. Согласно иной точке зрения, изменение наказания должно рассматриваться в связи с вынесенным наказанием, так как злостное уклонение является посткриминальным поведением.

В соответствии со ст. 74 УК РФ при уклонении осужденным от исполнения возложенных на него судом обязанностей или от возмещения вреда испытательный срок может быть продлен, но не более, чем на один год. При этом в ст. 74 УК РФ также упоминается о систематическом уклонении. Именно при систематическом уклонении от возмещения ущерба или систематическом нарушении общественного порядка, условное осуждение может быть отменено с последующим применением реального наказания.

Согласно ст. 190 УИК РФ систематическим неисполнением обязанностей является совершение запретных или совершение предписанных действий два и более раза в год (два раза в год – не систематичное, три, четыре, пять и т. д. раз в год – систематичное).

Такая формулировка вызывает определенные затруднения при идентификации выявляемой формы посткриминального поведения.

В теории уголовного права под систематичностью понимаются действия в определенном промежутке времени, с длительным характером. Однако в этом понятии отсутствует определение характера действий подсудимого, так как для оценки систематичности, действия виновного должны быть связаны между собой (например, мотивом или причиной действия).

Таким образом, злостное уклонение представляет собой значимую в правовом отношении часть неправомерного посткриминального поведения. При этом существуют различные подходы к классификации такого уклонения. Основаниями которой могут служить, например, содержание наказания, сущность уклонения, признаки юридической регламентации уклонения или злостного уклонения.

Определение сущности и значимых характеристик посткриминального поведения в форме злостного уклонения играет важную роль при назначении наказания. Ошибки, допускаемые судами при оценке посткриминального поведе-

ния осужденных, в первую очередь обусловлены уклонение» и трактовкой самого термина «уклонением», используемого в УК РФ.

Литература

1. Гельманов А.Г., Гонтарь С.А.; Энциклопедия современной юридической психологии // [Электронный ресурс] URL: https://legal_psychology.academic.ru/346/Посткриминальное_поведение_правонарушителя (дата обращения: 16.04.2018).
2. Сабитов Р.А., Колосовский В.В. Ошибки при квалификации посткриминальных деяний // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2. Т. 9. С. 105–111.
3. Черная У.В. Последствия злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // [Электронный ресурс] URL: <http://lawtheses.com/posledstviya-zlostnogo-ukloneniya-ot-otbyvaniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-lisheniem-svobody> (дата обращения: 28.04.2018).
4. Михайлов К.В. Условное осуждение по уголовному законодательству России и Германии: сходство, различие, рецепция // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 165–170.
5. Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в российском уголовном праве // 2004г. [Электронный ресурс] URL: <http://law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100071173> (дата обращения: 09.04.2018)
6. Степашин В.М. Понятие и признаки злостного уклонения от отбывания наказания как основание замены наказания более строгим // Вестник Омского университета: Серия «Право». 2014. №4. С. 200–205.
7. Тюшнякова О. Механизм обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы // Уголовное право. 2006. № 3. С. 88–92.
8. Старков О.В., Милуков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопеналогический анализ. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 461 с.

References

1. *Gelmanov A.G. Gongar Enciklopediya sovremennoj juridicheskoy psihologii* [Encyclopedia of modern juridical psychology]. URL: https://legal_psychology.academic.ru/346/Postkriminal'noe_povedenie_pravonarushitelya (In Russian, abstract in English)
2. *Sabitov R.A., Kolosovskij V.V. Oshibki pri kvalifikacii postkriminal'nyh deyanij* [mistakes in the qualification of postcriminal behavior]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Chelyabinsk state university], 2003, no. 2, vol. 9, pp.105-111 (In Russian, abstract in English)
3. *Chornaya U.V. Posledstviya zlostnogo ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniy, ne svyazannyh s lisheniem svobody* [consequences of willful refusal from serving a penalty, not linked to an imprisonment]. URL: <http://lawtheses.com/posledstviya-zlostnogo-ukloneniya-ot-otbyvaniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-lisheniem-svobody> (In Russian, abstract in English)
4. *Mihailov K.V. Uslovnnoe osuzhdenie po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii i Germanii: skhodstvo, razlichie, recepciya* [Probation in Russian and German criminal law: similarities, differences, reception]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Juridical sciences and law enforcement], 2015, no. 2, pp. 165–170 (In Russian, abstract in English)
5. *Safin L.R. Otvetstvennost' osuzhdyonnyh za zlostnoe uklonenie ot nakazaniy, ne svyazannyh s izolyaciej ot obshchestva, v rossijskom ugovolnom prave* [The responsibility of convicts for the willful refusal from serving a penalty, not linked to isolation from society, as part of the Russian criminal law]. URL: <http://law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100071173> (In Russian, abstract in English)
6. *Stepashin V.M. Ponyatie i priznaki zlostnogo ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniya kak osnovanie zameny nakazaniya bolee stroгим* [The meaning and characteristics of willful refusal from serving a penalty as a ground to changing the punishment to a harder one]. *Vestnik Omskogo Universiteta : Seriya "Pravo"* [Herald of the Omsk state university: series "law"], 2014, no. 4, pp. 200–205. (In Russian, abstract in English)
7. *Tushnjakova O. Mekhanizm obespecheniya ispolneniya nakazaniy, ne svyazannyh s lisheniem svobody* [The mechanism ensuring the execution of punishments, not linked to an imprisonment]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal law], 2006, no. 3, pp. 88–92 (In Russian, abstract in English)
8. *Starkov O.V., Milykov S.F. Nakazanie: ugovolno-pravovoj i kriminopenologicheskij analiz* [Punishment: criminal-judicial and penological analysis]. Sankt Peterburg, YUrid. centr Press Publ., 2001. 461 p. (In Russian)

ИНСТИТУТ ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Соболева Екатерина Андреевна

Цель: рассмотреть вопросы, связанные с развитием основ института давности в уголовном праве, совершенствованием законодательного регулирования и его применения на практике.

Методология: анализ, синтез, формально-логический метод.

Выводы. Под основой природы института давности предлагается понимать значение времени и его фундаментальных параметров. По мнению автора, сроки давности исполнения дополнительных наказаний необходимо установить равными их максимальным срокам. Автор приходит к заключению, что основанием института давности уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора следует считать существенное снижение общественной опасности осужденного или лица, совершившего преступление, по истечении определенного времени. При этом отмечается, что срок давности не зависит от того, является ли преступление окончанным или имело место только приготовление к преступлению или покушение на него, а наличие соучастия не оказывает влияния на течение указанного срока. Что касается делящихся преступлений, то целесообразным представляется исчисление давностного срока со дня прекращения такого преступления.

Научная и практическая значимость. Изучение законодательного регулирования института давности позволяет решить ряд проблем, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм УК РФ.

Ключевые слова: Российская Федерация, уголовное законодательство, институт давности.

Институт давности формировался под воздействием политической, социальной и экономической обстановки в государстве и всегда находился под влиянием идей гуманизма и уголовно-правовой целесообразности. Он активно используется правоприменителем и находит отражение в двух статьях УК РФ, применение которых являет собой реализацию принципов справедливости и гуманизма.

Среди оснований освобождения от уголовной ответственности особое место занимает освобождение в связи с истечением сроков давности. Автор разделяет мнение о том, что положения ст. 78 УК РФ служат основой для принятия решений об этом, поскольку в данной норме установлены продолжительность, рамки сроков давности и приостанавливающие их и возобновляющие обстоятельства [1, с. 166]. Следует обратить внимание на соотношение нормы указанной статьи и ст. 6 Уголовного УПК РФ «Разумный срок

уголовного судопроизводства». С нашей точки зрения, наличие института давности стимулирует осуществление уголовного судопроизводства в разумные сроки. Так, Ю.В. Ендольцева считает, что «существование института давности должно нацеливать соответствующих должностных лиц — участников уголовного судопроизводства, а также должностных лиц, исполняющих приговор суда, осуществлять такую деятельность в сроки, определенные законом, или, если правовые отношения не урегулированы соответствующими сроками, в разумные сроки» [2, с. 6].

Сроки давности не применяются к лицам, совершившим преступления, предусмотренные в гл. 34 УК РФ. К числу деяний, в отношении совершения которых не применяются сроки давности, по нашему мнению, следует также отнести преступления террористической направленности ввиду их особой общественной опасности и угрожающих масштабов терроризма в целом.

М.А. Махмудова обосновывает необходимость увеличения 15-летнего срока давности привлечения к уголовной ответственности и давности исполнения обвинительного приговора суда за особо тяжкие преступления до 25 лет либо предоставления суду права принимать решение об освобождении от уголовной ответственности и отбывания наказания в связи с истечением сроков давности по данным категориям преступлений [3, с. 23]. На наш взгляд, такой подход противоречит гуманизации уголовного законодательства.

По нашему мнению, основанием института давности уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора является значительное снижение общественной опасности осужденного лица или лица, совершившего преступление, по истечении определенного времени. Заслуживает внимания точка зрения, согласно которой общественная опасность совершенного деяния не исчезает со временем, а общественная опасность совершившего преступление лица хотя и снижается, но только при условии несовершенности данным лицом в ближайшем будущем новых преступлений [4, с. 126].

Некоторые авторы считают, что должны применяться сроки давности к лицам, совершившим преступления и скрывающимся от следствия и суда, в виду уменьшения общественной опасности данных лиц [5, с. 59], в то время как наоборот, в случае умышленных попыток сокрыться от следствия и суда общественная опасность таких лиц, на наш взгляд, возрастает.

В соответствии с ч. 2 ст. 78 УК РФ при совершении лицом нового преступления исчисление сроков давности осуществляется по каждому преступлению. По этому поводу в юридической литературе высказывается обоснованная точка зрения, что более целесообразным было бы закрепить в указанной норме исчисление сроков давности

по каждому преступлению только при совершении лицом нового преступления по неосторожности [6, с. 167]. В случае совершения умышленного преступления исчисление сроков давности должно начинаться с момента совершения нового преступления. В данном случае, по мнению ряда авторов, очевидна общественная опасность лица, совершившего преступление повторно, в связи с чем предлагается прерывать течение сроков давности [7, с. 46]. Наиболее обоснованным по данному вопросу представляется точка зрения А.Е. Якубова, считающим, что следует исключать из уголовного закона нормы, предусматривающие приостановление сроков давности в случае уклонения лица, совершившего преступление, от следствия и суда. Подобное поведение не нарушает юридическую природу анализируемого института, а ч. 3 ст. 78 «принуждает лицо, совершившее преступление, к явке с повинной или по крайней мере к тому, чтобы после совершения преступления тихо-мирно сидеть дома и ждать, когда за ним придут» [8, с. 43].

Срок давности и для оконченного преступления, и для стадии приготовления, и для покушения остается неизменным, так же как не влияет на течение давностных сроков вид соучастия, а срок давности уголовной ответственности является единым для всех соучастников. При применении давности уголовной ответственности за преступления делящегося характера следует исчислять срок давности со дня прекращения преступления по воле или вопреки воле виновного лица.

На сегодняшний день законодательное регулирование вопросов, связанных с применением института давности в уголовном праве, не лишено проблем. Актуальным в этой связи остается дальнейшее изучение нормативной базы, доктрины, судебной практики для разрешения ряда вопросов, связанных с совершенствованием соответствующих правовых норм в УК РФ.

Литература

1. Махмудова М.А. Проблемы приостановления и прерывания течения давности привлечения к уголовной ответственности по уголовному законодательству России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 5. С. 166–168.
2. Ендольцева Ю.В. Давность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 30 с.
3. Махмудова М.А. Сроки давности в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2011. 28 с.
4. Ендольцева Ю.В. Юридическая природа уголовно-правовой давности // Общество и право. 2013. № 1. С. 125–130.
5. Аликуперов Х.Д., Курбанова К.Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. 2000. № 1. С. 59–60.

6. Соболев А.В. Правовой институт давности преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 109–113.
7. Мальцев В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовное право. 2006. № 1. С. 45–49.
8. Якубов А.Е. Сроки давности в уголовном праве // Законность. 2010. № 8. С. 43–46.

References

1. Alikperov X.D., Kurbanova K.Sh. UK RF i nekotorye problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti [Criminal Code and some problems of exemption of the criminal liability]. *Gosudarstvo i pravo* [The State and the Law], 2000, no. 1, pp. 59–60. (In Russian).
2. Endolceva J.V. Davnost' v ugovnom prave: avtoref. diss... Kand.yurid.nauk. [The Statute of Limitations in the Criminal Law: autoref. Diss ... Candidate of Legal Sciences]. Moscow, 2013. 30 p. (In Russian).
3. Endolceva J.V. Juridicheskaja priroda ugovno-pravovoj davnosti [Legal nature of the statute of limitations in the criminal law]. *Obsch'estvo i pravo* [Society and Law], 2013, no. 1, pp.125–130. (In Russian).
4. Malcev V. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s istecheniem rokov davnosti [Exemption of the criminal liability due to expiration of the statute of limitations]. *Ugovnoe pravo* [Criminal law], 2006, no. 1, pp. 45–49. (In Russian).
5. Mahmudova M.A. Problemi priostanovlenija i prerivanija techenija davnosti privilechenija k ugovnoj otvetstvennosti po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii [The problems of suspension and interruption of the flowing of the Statute of Limitations of the criminal Liability under the Criminal law of Russia] *Probeli v Rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal* [Gaps in Russian legislation. Juridical Journal], 2011, no. 5, pp.166–168. (In Russian).
6. Mahmudova M.A. Sroki davnosti v ugovnom prave Rossii: avtoref.diss...Kand.yurid.nauk. [The Statute of Limitations in the Criminal Law of Russian Federation: autoref.diss... Candidate of Legal Sciences]. Makhachkala, 2011. 28 p. (In Russian).
7. Sobolev A.V. Pravovoy institut davnosti prestuplenija [The law Institute of the Statute of limitations of the crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Messenger of the Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 5, pp. 109–113. (In Russian).
8. Yakubov A.E. Sroki davnosti v ugovnom prave [The statute of limitations in the Criminal law]. *Zakonnost'* [Legality], 2010, no. 8, pp. 43–46. (In Russian).

ПРИМИРЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ

Солодунин Александр Павлович

Цель: выявить актуальность тематики, дать общую характеристику примирения сторон, описать факторы, способствующие примирению, провести межотраслевое исследование примирения, описать роль примирения с потерпевшим в российском законодательстве.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Вывод. Метод примирения сторон не стал редкостью в наше время. Его стараются поддерживать и активно развивать. Но несмотря на это, конфликты из жизни полностью исключить невозможно.

Научная и практическая значимость. Примирение сторон можно использовать как альтернативное решение их конфронтации. Применение примирения может быть выгодно как для виновного в совершении преступления, так и для потерпевшего. В основном такой выход из конфликтной ситуации позволяет избежать долгих процессуальных действий и несправедливости со стороны суда.

Ключевые слова: противоправное деяние, посткриминальное поведение, примирение, потерпевший, подозреваемый, моральный вред, физический вред, материальный вред, конфронтация.

Освещение вынесенной в название статьи тематики целесообразно начать с раскрытия смысла понятия «примирение с потерпевшим». Но не следует забывать, что процессу примирения предшествует конфликт, возникший между сторонами из-за совершения одной из них преступления. И, идя на примирение, они находят наиболее безболезненным выход из положения. Таким образом, примирение представляет собой процесс, направленный на урегулирование конфликта между обвиняемым и потерпевшим, в результате которого достигается соглашение об отказе претензий потерпевшей стороны в отношении обвиняемого [1, с 15].

Что касается субъектного состава, то в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред, или юридическое лицо, деловой репутации и имуществу которого причинен вред. О признании физического лица потерпевшим суд выносит определение, а органы дознания — постановление. Лицом, причинившим вред в результате своих противоправных действий, является подозреваем-

ый (ч. 1 ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ч. 1 ст. 47 УПК РФ) или подсудимый (ч. 2 ст. 47).

Факторы, оказывающие влияние на возникновение процесса примирения весьма разнообразны. Основными из них являются: нежелание потерпевшего усугублять положение виновного; сочувствие его родственникам; добровольное желание сторон пойти на примирение; возмещение виновным причиненного вреда [2, с. 30]. Возмещение вреда как основание освобождения от уголовной ответственности предусмотрено в ст. 76 УК РФ. Совершение преступления небольшой и средней тяжести (ч. 1, ч. 2 ст. 15 УК РФ) также может служить основанием освобождения от уголовной ответственности. Статья 75 УК РФ гласит, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если ... явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный этим преступлением вред, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным».

Возмещение вреда может осуществляться в различных формах, в зависимости от того, какой вред был причинен. Наиболее часто вред компенсируется в денежной форме. Возможно также возмещение вреда в форме раскаяния за причиненный моральный вред [3, с. 26]. Если потерпевший не удовлетворен такой формой возмещения вреда, он вправе потребовать публичного раскаяния виновного. Возмещение материального вреда предполагает денежную компенсацию, либо предоставление имущества со стороны обвиняемого, либо возмещение имущества своими силами. Физический вред возмещается путем выплаты денежных средств, или предоставления различных медицинских услуг потерпевшему [3, с. 27–28]. Возмещение вреда является одним из оснований отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела.

В возбуждении уголовного дела может быть отказано, если потерпевший или виновный подал в органы дознания, органы прокуратуры либо судебные органы заявление с требованием об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении [4, с. 586]. Прекращение уголовного дела возможно только при наличии примирения сторон и других условий, указанных в ст. 25 УПК РФ. При рассмотрении преступления и выяснении обстоятельств, при которых оно было совершено, органы дознания, прокурор, следователь и суд не обязаны освобождать лицо от уголовной ответственности [4, с. 586]. Сотрудникам правоохранительных органов необходимо учитывать все данные о лице, совершившем преступление (характер, обстоятельства совершенного им деяния, характеристику личности виновного, кем он приходился потерпевшему и т. д.). Из этого можно вывести следующий порядок: 1) заключение сторонами соглашения о примирении; 2) подача соглашения о примирении в следственные органы; 3) принятие следственными органами решения о возможности прекращения уголовного дела.

Уголовное дело, возбужденное по жалобе потерпевшего (в случае совершения преступления, предусмотренных ст. 115, ст. 116, ч. 1 ст. 129, 130 УК РФ), подлежит прекращению, если примирение сторон состоялось до удаления суда в совещательную комнату.

Процедура примирения в остальных отраслях права практически схожа с рассмотренной выше. В гражданском процессе дело завершается путем заключения мирового соглашения. При этом оно не должно противоречить действующему законодательству, нарушать права участников гражданского процесса и должно быть заключено на

добровольной основе. Судебным определением утверждается соглашение сторон, после чего процесс считается оконченным, и стороны уже не вправе вновь обратиться в суд по данному спору (ч. 2 и 3 ст. 173, абз. 3 ст. 220 ГПК РФ). Однако гражданскому праву известен еще один способ примирения – медиация, она подразумевает обращение к посреднику, который помогает урегулировать конфликт. Результатом успешного завершения данного процесса является заключение медиативного соглашения. Медиация проводится по предложению судебного органа или по инициативе сторон (п. 5 ч. 1 ст. 150, ст. 172 ГПК РФ). На период осуществления процедуры рассмотрение гражданского дела откладывается (ч. 1 ст. 169 ГПК РФ). Исходя из текста ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника в процедуре медиации» (СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162), важен добровольный порядок исполнения соглашения. Соглашение можно использовать в качестве мирового (ч. 3 ст. 12). Однако следует заметить, что медиация на территории РФ практически не применяется.

В административном процессе условия соглашения о примирении заносятся в протокол судебного заседания и подписываются обеими сторонами. Если условия соглашения изложены в письменной форме суду, то они приобщаются к административному делу, на что указывается в протоколе судебного заседания, согласно ч. 1 ст. 157 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Соглашение о примирении сторон заключается в письменной форме и подписывается сторонами или их представителями при наличии у них соответствующих полномочий. Обычно они оговариваются в доверенности. Соглашением должны быть предусмотрены условия, на которых стороны пришли к примирению, а также порядок распределения судебных расходов, в том числе на оплату услуг представителей. Примирение может касаться только прав и обязанностей сторон как субъектов спорных публичных правоотношений. По ходатайству сторон (их представителей) суд приостанавливает производство по административному делу на срок, необходимый для примирения. Вопрос об утверждении соглашения о примирении сторон рассматривается в судебном заседании, в том числе в предварительном судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания. Неявка в судебное заседание лиц, участвующих в деле, или их представителей

является препятствием для утверждения соглашения о примирении сторон.

Судья разъясняет сторонам последствия заключения соглашения, в соответствии с которыми производство по административному делу прекращается и повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается (ч. 2 и 3 ст. 157, ч. 1 ст. 195 КАС РФ). По результатам рассмотрения вопроса о примирении сторон суд выносит либо определение об утверждении соглашения, либо об отказе в его утверждении, которое может быть обжаловано в соответствии с п. 7 ст. 137 КАС РФ.

В случае утверждения судом соглашения о примирении сторон производство по административному делу прекращается полностью или в соответствующей части. Неисполненное в добровольном порядке соглашение подлежит принудительному исполнению по правилам гл. 38 КАС РФ.

В заключение следует сказать, что примирение с потерпевшим становится практически основ-

ным способом решения конфликтных ситуаций, хотя несмотря на это, при примирении сторон есть некоторые нюансы, например, лицо лишь имеет право на освобождение виновного лица от ответственности, в соответствующих случаях это не является обязанностью органов расследования и суда [5, с. 157]. Так, уголовное дело будет точно прекращено лишь по делам частного обвинения [5, с. 159], например, при совершении деяний, предусмотренных ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 128 «Клевета». В иных случаях решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон принимается сотрудниками, производящими расследование, по согласованию с прокурором или судьей [5, с. 159–160]. При этом даже если условия, указанные в ст. 76 УК РФ, соблюдены, но в ходатайстве о прекращении дела отказано, примирение сторон является лишь смягчающим обстоятельством для лица, привлекаемого к уголовной ответственности [5, с. 161].

Литература

1. Сатыгин В.Д. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: история и практика // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 15–16.
2. Рыжаков А.П. Прекращение уголовного дела: новое основание // СПС «КонсультантПлюс», 2016. 30 с.
3. Мальцев В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2007. № 6. С. 26–29.
4. Сверчков В.В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 586 с.
5. Балафендиев А.М. Проблема освобождения от уголовной ответственности и неотвратимость ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 157–161.

References

1. Samygin V.D. Primirenie s poterpevshim kak osnovanie osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti: istorija i praktika [Reconciliation with the victim as grounds of exemption from criminal responsibility: history and practice]. *Molodoj uchenyj [The Young scientist]*, 2015, no. 14, pp. 15–16. (In Russian)
2. Ryzhakov A.P. Prekrashhenie ugovolnogo dela: novoe osnovanie [Termination of the criminal case: a new basis]. *Podgotovlen dlja sistemy Konsul'tantPljus [Prepared by the consultant for the system]*. 2016. 30 p. (In Russian)
3. Sverchkov V.V. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti, prekrashhenie ugovolnogo dela (presledovaniya), otkaz v ego vozbuзhdenii: problemy teorii i praktik [Exemption from criminal liability, termination of criminal case (prosecution), refusal to initiate it: problems of theory and practice]. Sankt Peterburg, Aslanov's publishing house "Legal center Press", 2008. 586 p. (In Russian)
4. Maltsev V.V. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti i svyazi s dejatel'nym raskajaniem i primireniem s poterpevshim [Release from criminal liability in connection with active repentance and reconciliation with the victim]. *Ugovolnoe pravo [Criminal law]*, 2007, no. 6, pp. 26–29. (In Russian)
5. Belavencev A.M. Problema osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti i neotvratimost' otvetstvennosti [The Problem of exemption from criminal responsibility and the inevitability of liability]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn' [Legal policy and legal life]*, 2008, no. 4, pp. 157–161. (In Russian)

КОМПЕНСАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬ-ПОТЕРПЕВШИЙ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА

Сторей Джессика

Цель: дать обзор законодательства Германии о посредничестве между жертвой и правонарушителем и реституции в соответствии с § 46a Уголовного уложения Германии, цель которого состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на интересах жертв преступлений и побудить правонарушителя признать и взять на себя ответственность за свои правонарушения, изложить требования и правовые последствия обеих альтернатив этому положению — посредничества между жертвой и правонарушителем и реституции, рассмотреть критические замечания, высказываемые в научной литературе по данной тематике.

Методология: анализ, правовое исследование, оценка.

Выводы. Статья 46a Уголовного кодекса Германии предусматривает стимулы для примирения правонарушителя с жертвой путем смягчения приговора в соответствии с § 49 Уголовного кодекса Германии или освобождения его от наказания, если все критерии были выполнены. Несмотря на то, что к одному и тому же положению относятся как посредничество между жертвой и правонарушителем, так и реституция, их критерии различны. Автор приходит к выводу о том, что посредничество и реституция между жертвой и правонарушителем полезны в нескольких отношениях, в частности в том, что они препятствуют правонарушителем просто «выкупить свой выход» из преступления, особенно в случае состоятельных правонарушителей.

Научная и практическая значимость: значимость работы заключается в анализе и оценке требований к медиации и реституции между жертвой и правонарушителем в Германии, а также в озвученной критике.

Ключевые слова: посредничество между жертвой и правонарушителем, реституции, посткриминальное поведение, уголовное право, наказание, смягчение наказания.

§ 46a УУ «Компенсация исполнитель-потерпевший и возмещение ущерба» закреплен в общей части Уголовного уложения Германии (далее — УУ) главы «Определение размеров наказания». Основания определения размера наказания регулируются в § 46 УУ. Согласно § 46 (абз. 2 предл. 2) УУ, при определении размера наказания суд должен учитывать смягчающие обстоятельства, например, усилия, которые исполнитель приложил для того, чтобы возместить ущерб или загладить вред, причиненный совершенным им деянием. Однако § 46a УУ из этих двух положений специальное. Во-первых, § 46a УУ требует от исполнителя большего, чем § 46 УУ (абз. 2 предл. 2), во-вторых, правовые последствия § 46a УУ шире, но

в то же время имеется возможность воздержаться от назначения наказания [1, § 46a, Rn. 5]. В дальнейшем будут более подробно рассмотрены признаки состава и правовые последствия § 46a УУ, а также цель и область применения этих норм.

Цель нормы и область применения. Норма служит не только тому, чтобы ставить интересы потерпевшего на первое место, но и должна привести к признанию исполнителем противоправности своего деяния и взятия на себя ответственности за содеянное [1, § 46a, Rn. 2]. Норма должна стимулировать исполнителя в том смысле, что суд, в соответствии с § 49 УУ, может смягчить наказание или воздержаться от его назначения. [9, § 46a, Rn. 1]. Данную статью в основном мож-

но применить в отношении любого преступления, так как в ней отсутствует конкретный перечень преступных деяний [1, § 46a, Rn. 6]. Ввиду того, что норма предусматривает участие как исполнителя, так и потерпевшего, логически исключается применение § 46a УУ при оконченных преступных деяниях против жизни [2, § 46a, Rn. 3], а также в случае совершения покушений и оконченных преступных деяний, когда потерпевшего не имеется (т.е. при отсутствии потерпевших, являющихся физическими лицами) [2, § 46a, Rn. 7; 7, § 46a УУ, Rn. 1b]. Компенсация исполнитель-потерпевший или возмещение ущерба теоретически применима и в отношении тяжких преступлений, однако в конкретных преступлениях может отсутствовать готовность потерпевшего к примирению [2, § 46a, Rn. 16], например, если преступное деяние нанесло особый моральный или физический вред потерпевшему. Это же отражается и в статистике: в 2016 году компенсация исполнитель-потерпевший была возложена на 2156 осужденных (мужчин и женщин), из них лишь 57 человек были осуждены за совершение преступных деяний против сексуального самоопределения, в частности, при совершении преступлений сексуального характера и изнасилований. (https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Rechtspflege/StrafverfolgungVollzug/Strafverfolgung2100300167004.pdf?__blob=publicationFile&cmp.512. (дата обращения: 04.07.2018)). Наибольшее число компенсаций исполнитель-потерпевший было возложено на совершивших преступные деяния против личности.

Условия. § 46a УУ имеет два варианта состава: компенсация исполнитель-потерпевший и возмещение ущерба. Соотношение между ними спорное. Согласно судебной практике первый вариант – компенсация исполнитель-потерпевший – предусмотрен преимущественно для компенсации нематериальных последствий преступного деяния (в случае совершения преступления против личности). Второй вариант – возмещение ущерба – предусмотрен преимущественно для возмещения материального ущерба, то есть в случае совершения преступлений против собственности и имущественных преступлений (BVerfG NJW 2003, 740; BGH NStZ 1995, 492 (493)) [2, § 46a, Rn. 10].

Однако в литературе такое разграничение критикуется. Компенсация исполнитель-потерпевший требует приложения серьезных усилий для того, чтобы загладить причиненный вред, в то время как при возмещении ущерба должен быть покрыт полностью или частично. Таким образом, в случае совершения преступления против

личности, которое является более тяжким, чем преступные деяния против собственности и имущественные преступления, исполнитель должен приложить меньше усилий, чтобы возместить ущерб [1, § 46a, Rn. 10].

Рассмотрим эти санкции подробнее.

Компенсация исполнитель-потерпевший (§ 46a № 1 УУ). При компенсации исполнитель-потерпевший исполнитель должен как минимум пытаться достичь примирения с потерпевшим. Условием, однако, не является то, что такая процедура должна пройти успешно (BGH NStZ 2002, 29; BGH NStZ-RR 2002, 263; BGH NStZ 2008, 452 (453)). Федеральный верховный суд дополнительно требует, чтобы потерпевший принял усилия исполнителя, тем самым с целью разрешения конфликта необходим процесс коммуникации между исполнителем и потерпевшим (BGH NStZ-RR 2009, 133 (134)). Компенсация исполнитель-потерпевший может иметь место в любой форме. Согласно новейшей судебной практике необходимо добровольное сотрудничество потерпевшего, односторонних усилий исполнителя, как правило, недостаточно для выполнения требований (BGH NStZ-RR 2003, 363), так как исполнитель должен показать потерпевшему, что он взял на себя ответственность за причиненный вред [2, § 46a, Rn. 25]. При совершении тяжких преступлений к компенсации исполнитель-потерпевший предъявляются более высокие требования, поскольку необходимо всеобъемлющее признание исполнителя [2, § 46a, Rn. 25a; 1, § 46a Rn. 15]. Компенсацию исполнитель-потерпевший можно считать успешной, если потерпевший был включен в процесс и принял усилия примирения со стороны исполнителя [2, § 46a, Rn. 21]. Компенсация исполнитель-потерпевший может иметь место в любой форме. Она не требует личной встречи исполнителя с потерпевшим. Достаточно посредничества третьего лица, например, адвоката. В случае совершения тяжких преступлений коммуникация может происходить между исполнителем и третьим лицом [2, § 46a, Rn. 29]. Будет ли наказание смягчено или суд воздержится от его назначения, решается в каждом конкретном случае. Исполнитель не должен демонстрировать какое-то особое поведение, важно только, чтобы он признал причиненный вред и взял на себя ответственность за это. Таким образом, смягчение наказания по § 46a УУ невозможно, если исполнитель оспаривает положение потерпевшего или умаляет значение последствий преступления [2, § 46a, Rn. 32 f].

Возмещение ущерба (§ 46a № 2 УУ). Возмещение ущерба согласно § 46a № 2 УУ требует значительных

индивидуальных затрат или лишений исполнителя. В отличие от компенсации исполнитель-потерпевший, одного стремления исполнителя для возмещения ущерба недостаточно. Частичное возмещение осуществляется только тогда, когда исполнитель выплатил больше половины требуемого [2, § 46a, Rn. 37], несмотря на то, что Федеральный верховный суд не захотел установить конкретный размер (BGH NJW 2001, 2557 (2558)). В исключительных случаях осуществляется возмещение незначительной части, если потерпевший согласен с этим (BGH NJW 2001, 2557 (2558)). Кроме того, потерпевший должен сразу получить компенсацию, потому что заявление исполнителя о возмещении ущерба в будущем не удовлетворяет требованиям § 46a № 2 (BGH NStZ 2000, 84), однако это обстоятельство согласно § 46 (абз. 2) УУ может быть учтено при назначении наказания [2, § 46a, Rn. 40].

Целью существенных индивидуальных затрат или лишений является внесение исполнителем своего вклада в возмещение финансового ущерба (BGH NStZ 1995, 492 (493)). Примером могут служить действия исполнителя, которые приносят пользу потерпевшему, или финансовые лишения, например, продажа недвижимости для того, чтобы иметь возможность возместить ущерб (BGH NStZ 2002, 364 (365 f)). Кроме того, эти действия должны указывать на то, что исполнитель несет ответственность за последствия, причиненные преступным деянием [2, § 46a, Rn. 43], так как возмещение ущерба служит восстановлению мира между исполнителем и потерпевшим. Исполнителю необходимо сотрудничество с потерпевшим. Однако, в отличие от компенсации исполнитель-потерпевший, от потерпевшего многого не требуется, так как возмещение ущерба не является коммуникативным процессом [2, § 46a, Rn. 42].

Прокуратура и суд, в соответствии с § 155a УПК, должны на любой стадии производства проверять возможность применения компенсации исполнитель-потерпевший по § 46a УУ. Если оно возможно, то они должны приложить усилия для достижения компенсации [5, § 155a, Rn. 6, 10] даже после начала основного судебного разбирательства (BGHSt 48, 134 (145)). Хотя применение § 46a УУ не исключается, если исполнитель после вступления приговора в законную силу прилагает усилия для компенсации причиненного ущерба (BGHStV 2000, 129), момент, в который исполнитель начинает прилагать усилия, может иметь значение для усмотрения при определении смягчающих наказание обстоятельств [9, § 46a, Rn. 6]. Согласно § 153a (абз. 1 №. 1, № 5, абз. 2) УПК производство может быть временно пре-

кращено, если исполнитель возместил ущерб или получает указание о компенсации исполнитель-потерпевший. При применении компенсации исполнитель-потерпевший прокуратура должна предоставить медиатора, прежде всего при обостренных конфликтах между исполнителем и потерпевшим [4, § 46a, Rn. 5; 1, § 46a, Rn. 29]. Если исполнитель выполняет требования одного из вариантов § 46a УУ, производство согласно § 467 (абз. 5) УПК может быть окончательно прекращено. В соответствии с § 155b (абз. 1) УПК прокуратура или суд могут уполномочить на подготовку и проведение компенсации организацию, как, например, социальную службу или частную организацию, которой могут быть направлены материалы дела [2, § 46a, Rn. 58].

Правовые последствия. В § 46a УУ предусмотрены два возможных правовых последствия при наличии признаков состава. Как уже упоминалось выше, суд может смягчить наказание или воздержаться от его назначения. Отказ от назначения наказания может быть учтен только в том случае, если исполнитель подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не свыше одного года или денежного штрафа размером до 360 дневных ставок. При смягчении наказания необходимо учитывать все обстоятельства дела, включая наличие особо тяжкого преступления, что могло бы противостоять возможности смягчения наказания (§ 46a УУ) [2, § 46a, Rn. 46]. Факторами, которые учитываются в рамках судебного усмотрения, являются, помимо прочего, ответы на вопрос, всеобъемлющи ли действия исполнителя, направленные компенсацию причиненного ущерба, представляют ли они собой взятие исполнителем ответственности за последствия преступного деяния [9, § 46a, Rn. 6], а также возмещается ли этими действиями причиненный ущерб (BGHSt48, 134 (141f)).

При назначении наказания могут положительно оцениваться приложенные значительные усилия, добровольность, собственная инициатива и готовность исполнителя возместить вред, хотя вышеназванное не является требованием нормы о компенсации исполнитель-потерпевший [1, § 46a, Rn. 14]. Как уже было сказано выше, при назначении наказания обращается внимание на то, в какой момент исполнитель начал прилагать усилия к возмещению ущерба: сразу после совершения преступного деяния, после вынесения приговора или через несколько лет [9, § 46a, Rn. 6]. Как уже было упомянуто, § 46a УУ имеет приоритет при проверке предпринятых усилий для компенсации со стороны исполнителя, так как эта норма специальнее, чем § 46 УУ. Если

исполнитель не выполняет требования § 46а УУ, то его усилия, тем не менее, могут приниматься во внимание при назначении наказания согласно § 46 (абз. 2) УУ [2, § 46а УУ, Rn. 14]. Таким образом, возможность смягчения наказания исполнителю остается, однако вопрос о воздержании от назначения наказания уже не ставится.

Критика. § 46а УУ критикуется из-за того, что он несовместим с принципом презумпции невиновности [4, § 46а УУ, Rn. 4]. В § 46а УУ речь идет об исполнителе и потерпевшем. Согласно принципу презумпции невиновности, данная терминология должна применяться вместе только после вступления в законную силу приговора суда, так как только тогда отсутствует подозрение, а имеет место доказанность положения исполнителя и потерпевшего [6, с. 271]. К тому же аргументируется, что компенсация исполнитель-потерпевший и возмещение ущерба создают для исполнителя уголовно-процессуальные ограничения. Как только подсудимый стремится к компенсации исполнитель-потерпевший и возмещению ущерба, он больше не может утверждать о своей невиновности [8, § 46а, Rn. 14]. При этом, не имеет значения, по каким причинам исполнитель это сделал — тем самым он признает перед законом свою виновность.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что успешно осуществленная компенсация исполнитель-потерпевший или возмещение ущерба, несмотря на критику, имеет ряд преимуществ как для исполнителя, так и для потерпевшего. Как условия компенсации исполнитель-потерпевший, так и возмещение ущерба требуют активных действий со стороны правонарушителя, которые выходят за рамки финансовой компенсации. Это имеет позитивное влияние на потерпевшего в том смысле, что последний освобождается как материально, так и морально [4, § 46а УУ, Rn. 2] за счет того, что правонарушитель приносит извинения и раскаивается. Тем самым причиненный вред при компенсации исполнитель-потерпевший или возмещении ущерба не только «выплачивается», что в первую очередь являлось бы особым преимуществом для состоятельных правонарушителей, которые не прочувствовали бы смысл денежного штрафа [1, § 46а, Rn. 14]. Несмотря на то, что названное ниже не является конкретной целью нормы § 46а УУ, компенсация исполнитель-потерпевший или возмещение ущерба, могли бы также иметь преимущества специальной превенции, поскольку они могли бы пресечь совершение дальнейших преступных деяний.

Литература

1. Flore I., Tsambikakis M. Steuerstrafrecht Kommentar, 2. Aufl., 2016 in Köln.
2. von Heintschel-Heinegg B., Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, 3. Aufl., Band 2, 2016 in München.
3. Hüttemann B., § 46 a StGB in der Rechtsprechung der Obergerichte, StV 2002, 678–681.
4. Kindhäuser U., Neumann U. Paeffgen H-U., Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch, 5. Aufl., Band 1, 2017 in Baden-Baden.
5. Knauer C., Kudlich H. Schneider H., Münchener Kommentar zur Strafprozessordnung, Band 2, 2016 in München.
6. Krauß D. Täter und Opfer im Rechtsstaat in: Festschrift für Klaus Lüderssen zum 70. Geburtstag, 2002 in Baden-Baden, S. 269–278.
7. Kühl K., Heger M. Lackner/Kühl Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Aufl., 2018 in München.
8. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch Kommentar, 3. Aufl., 2017 in Köln.
9. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Aufl., 2014 in München.

References

1. Flore I., Tsambikakis M. Steuerstrafrecht Kommentar [Commentary on Criminal Tax Law], 2. Aufl., 2016 in Köln (in German).
2. von Heintschel-Heinegg B. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch [Munich Commentary on the Criminal Code], 3. Aufl., Band 2, 2016 in München (in German).
3. Hüttemann B. § 46 a StGB in der Rechtsprechung der Obergerichte [Section 46a of the German Criminal Code in the Case Law of the High Courts], StV 2002, 678–681 (in German).
4. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H-U. Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch [Nomos Commentary on the Criminal Code], 5. Aufl., Band 1, 2017 in Baden-Baden (in German).

5. Knauer C., Kudlich H., Schneider H. Münchener Kommentar zur Strafprozessordnung [Munich Commentary on the Code of Criminal Procedure], Band 2, 2016 in München (in German).
6. Krauß D. Täter und Opfer im Rechtsstaat in: Festschrift für Klaus Lüderssen zum 70. Geburtstag [The Offender and Victim in a Constitutional State in: a Commemorative Publication for Klaus Lüderssen's 70th Birthday], 2002 in Baden-Baden, S. 269–278.
7. Kühl K., Heger M. Lackner/Kühl Strafgesetzbuch Kommentar [Lackner/Kühl Commentary on the Criminal Code], 29. Aufl., 2018 in München (in German).
8. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code], 3. Aufl., 2017 in Köln (in German).
9. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch Kommentar [Commentary on the Criminal Code], 29. Aufl., 2014 in München (in German).

УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ РФ

Федоров Никита Ильич

Цель: охарактеризовать освобождение от уголовной ответственности и рассмотреть позицию законодателя по этому вопросу, дифференцировать его виды, понять, уяснить, в каких именно случаях применение данного уголовно-правового явления представляется возможным.

Методология: анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Законодатель предусматривает большой диапазон возможностей для освобождения преступника от уголовного наказания, но оно может применяться лишь в определенных случаях. Также представляется целесообразным говорить о том, что для освобождения от уголовной ответственности преступник должен соответствовать целому ряду формально-определенных признаков, наиболее распространенным из которых является критерий совершения преступления впервые. Нормы, содержащие сведения об освобождении преступника от уголовной ответственности, по тем или иным основаниям, помещены в примечания почти к каждой главе особенной части УК РФ, а также в статьях общей части УК РФ, то есть данные положения можно встретить практически на протяжении всего Уголовного кодекса.

Научная и практическая значимость. Значимость данной научной статьи заключается в подробной характеристике специфики правоприменения уголовного законодательства в сфере освобождения преступников от уголовной ответственности за совершенные ими преступления, а также в выделении из всех возможных способов освобождения от уголовной ответственности отдельных видов.

Ключевые слова: освобождение, целесообразность, компромисс, поощрение, преступление, ответственность, наказание.

Освобождение от уголовной ответственности, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. Далее – постановление № 19) является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление. Как отмечает А.Г. Кибальник, существование института освобождения от уголовной ответственности обусловлено целесообразностью экономии уголовной репрессии, задачей стимулирования позитивного постпреступного поведения лица, принципом гуманизма самого уголовного законодательства [1, с. 120]. Свое ре-

шение государство не может отменить практически ни в одном из случаев применения безусловного решения об освобождении от уголовной ответственности. Исключением является лишь ст. 90 УК РФ; как указано в ч. 4 данной статьи, наказание в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного характера. Эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего в уголовной ответственности.

Вопросы освобождения лица от уголовной ответственности вызывают интерес многих отечественных ученых-правоведов. Так, А.И. Рарог рассматривает институт освобождения от уголов-

ной ответственности «как совокупность норм, предусматривающих допустимость вынесения в отношении лица, совершившего преступление, официального акта компетентного государственного органа, освобождающего такое лицо от обязанности подвергнуться осуждению от имени государства и претерпеть меры принудительного воздействия в виде наказания» [2, с. 449].

Согласно п. 28 постановления № 19, освобождение лица от уголовной ответственности не означает его реабилитации. Отказ государства от применения своей карательной силы базируется на законодательном признании одного из трех политических оснований: поощрении позитивного посткриминального поведения (ст. 75, 76, 76¹ УК РФ); компромисса (статьи 122, 126, 127¹, 134, 184, 198, 199, 204, 204², 205, 205¹, 206, 208, 210, 222, 223, 228, 228³, 275, 282¹, 282², 282³, 291, 291¹, 307, 337 и 338³) и целесообразности (ст. 78, 90) как видов освобождения от уголовной ответственности.

По мнению Т.Г. Понятовской, в отличие «от функций целесообразности и компромисса (условия которых в значительной мере объективированы), поощрение — уголовно-политическая функция, реализация которой вполне может осуществляться по сценарию: «хотели как лучше...», поскольку вместо исполнения своей святой обязанности осудить и наказать преступника государство преследует другие цели, не связанные с ретроспективной ответственностью». Меры поощрительного характера стимулируют такое поведение лица, которое имеет значение для его позитивной уголовно-правовой оценки, основано на выводе правоприменителя о возможности исправления преступника без реализации уголовной ответственности [3, с. 95]. Указанные нормы не имеют императивной окраски, они побуждают лицо к совершению определенных позитивных посткриминальных действий. В ряде случаев субъект преступления может быть освобожден от претерпевания неблагоприятных последствий, предусмотренных санкциями в ст. 75, 76, 76¹. Однако не каждое лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности — законодатель называет ряд условий, которые должны быть соблюдены.

Так, одно из таких условий, исходя из поощрения как вида освобождения от уголовной ответственности, состоит в том, что преступление должно быть совершено лицом впервые. Как разъясняется в п. 2 постановления № 19, «первые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо:

а) совершившее одно или несколько преступлений (вне зависимости от квалификации их по одной статье, части статьи или нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации), ни за одно из которых оно не было осуждено;

б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности...;

г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности».

Однако, по мнению О.В. Макаровой, недостатком приведенного разъяснения является то, что Верховным судом РФ не учтена возможность неоднократного освобождения от уголовной ответственности одного и того же лица по одному и тому же основанию. Она считает, что положительное посткриминальное поведение не всегда является следствием раскаяния, например, оно может быть продиктовано стремлением избежать уголовной ответственности, фактически такие лица остаются безнаказанными за содеянное [4, с. 111–118].

Другим условием освобождения от уголовной ответственности является «совершение преступления небольшой или средней тяжести». Статья 75 УК РФ связывает возможность освобождения лица, совершившего такое преступление, с деятельным раскаянием. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что уголовное преследование данного лица может быть прекращено при условии выполнения содержащихся в указанной норме требований.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно при соблюдении этих же условий. Основанием освобождения служит не только сам факт примирения, но и полное заглаживания причиненного потерпевшему вреда.

По ст. 76¹ УК РФ лицо может быть освобождено от ответственности в случае возмещения причиненного ущерба, если совершенное им преступление относится к категории экономических (по ч. 1 ст. 76¹ — в полном объеме, по ч. 2 — в двукратном).

Следующим видом освобождения от уголовной ответственности является компромисс. Определить социальную сущность, место и уголовно-правовое значение данного института в современном российском уголовном праве невозможно в отрыве от сложившихся научных представлений и концепций. Компромисс между государством и лицом, совершившим преступление, является особым уголовным правоотношением, которое возникает и развивается в рамках охранительного уголовного правоотношения. Этот вид освобождения от уголовной ответственности предусмотрен более чем в 20 статьях Особенной части УК РФ. Уголовно-политическая сущность компромисса – «договор» между государством и лицом, совершившим преступление, о взаимных уступках. Государство отказывается от уголовного преследования преступника, если тот прекратит преступную деятельность или совершит определенные полезные действия (освободит заложника, добровольно выдаст незаконно хранящееся у него оружие и т.п.). При этом не имеет значения характеристика личности преступника и тяжесть преступления: на условиях компромисса возможно освобождение от уголовной ответственности и в случае совершения (или подготовки) тяжкого или особо тяжкого преступления. Именно высокая общественная опасность преступления побуждает законодателя к компромиссу ради предотвращения больших бед и худших следствий. Например, в примечаниях к ст. 122 и 126 УК РФ не предусматриваются условия, характерные для поощрения посткриминального поведения. Однако согласие преступника на компромисс расценивается как позитивное посткриминальное поведение.

Важным критерием оценки поведения как позитивного является добровольность совершения посткриминальных действий. То, какие действия преступника считаются добровольными, можно понять из позиции п. 19 Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных

с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (*Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8*), согласно которой добровольным отказом от совершения (доведения до конца задуманного) преступления являются только те действия лица, при которых он имел реальную возможность распорядиться средством совершения преступления (например, примечание к ст. 228 УК РФ).

Третьим уголовно-политическом основании освобождения от уголовной ответственности является, как уже говорилось, целесообразность. Эффективность механизма правового регулирования зависит не столько от строгости применяемых мер, сколько от возможности оказать всестороннее воздействие на виновного, особенно, впервые совершившего преступное деяние. Все это обуславливает эффективность освобождения лица от уголовной ответственности, если при этом имеются основания полагать, что цели, стоящие перед ним, могут быть достигнуты другим путем. Целесообразность ограничивает реализацию уголовной ответственности. Например, согласно ст. 78 УК РФ невозможно применить меры уголовного воздействия за совершение преступлений, по которым, согласно ч. 1 данной статьи, срок исковой давности истек, поскольку отпадает общественная опасность совершенного преступления, и применение к его субъекту мер уголовной ответственности уже нецелесообразно. В соответствии со ст. 90 УК РФ целесообразным будет являться применение к несовершеннолетнему преступнику принудительных мер воспитательного воздействия за совершенное им преступление, если судом признано, что уголовное наказание не сможет оказать на него должного влияния на несовершеннолетнего субъекта преступления.

Таким образом, законодатель предусматривает большой диапазон возможностей для освобождения лица, совершившего преступление от уголовного наказания, но только при соблюдении ряда условий, закрепленных в соответствующих статьях УК РФ.

Литература

1. Кибальник А.Г. О смысле освобождения от уголовной ответственности // *Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 120–123.*
2. Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. 495 с.
3. Понятовская Т.Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // *Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 93–98.*
4. Макарова О.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // *Журнал российского права. 2015. № 1. С. 111–118.*

References

1. Kibal'nik A.G. O smysle osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti [On the meaning of exemption from criminal liability]. *Obshchestvo i pravo [Society And Law]*, 2012, no. 5 (42), pp. 120–123. (In Russian, abstract in English).
2. Rarog A.I. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: ucheb. dlya bakalavrov [Russian Criminal Law. General and Special Parts: manual]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 495 p. (In Russian).
3. Ponyatovskaya T.G. Nuzhny li usloviyam osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti formal'nye priznaki? [Are formal conditions necessary for the exemptions from criminal liability?]. *Obshchestvo i pravo [Society And Law]*, 2015, no. 4 (54). pp. 93–98. (In Russian, abstract in English).
4. Makarova O.V. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti po delam o prestupleniyah v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2015, no. 1, pp. 111–118. (In Russian, abstract in English).

ЯВКА С ПОВИННОЙ

Циммерманн Каи

Цель: дать обзор правового института добровольного раскрытия информации об уклонении от уплаты налогов. Продемонстрировать правовые последствия для правонарушителя, если он/она выполняет требования, изложенные в Налоговом кодексе Германии и Уголовном кодексе Германии.

Методология: Анализ, сравнение, правовое исследование, оценка.

Выводы. Добровольное раскрытие информации может быть произведено только в трех случаях: в случае уклонения от уплаты налогов, в соответствии со ст. 371 Налогового кодекса Германии, невыплаты и непропорционального использования заработной платы, в соответствии с разделом 266а, ч. 6 Уголовного уложения Германии и отмыкания денег и сокрытие незаконно полученных финансовых выгод в соответствии со ст. 261, п. 9, п. 1 Уголовного уложения Германии. В каждом из перечисленных случаев имеются свои требования в отношении законного раскрытия информации, однако основополагающим из них является требование о компенсации причиненного преступлением вреда. Правовым последствием эффективного добровольного раскрытия информации является освобождение от наказания в зависимости от поведения виновного после совершения преступления.

Научная и практическая значимость: значимость статьи заключается в анализе и сопоставлении норм, окружающих добровольное раскрытие фактов уклонения от уплаты налогов, и в выявлении условий, при которых правонарушитель может освободить себя от наказания.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, добровольное раскрытие информации, уголовное право, Фискальный кодекс, посткриминальное поведение, наказание, правонарушитель.

Предписания правового института явки с повинной, как правило, являются индивидуальными основаниями для освобождения от уголовной ответственности [1, § 371 Rn. 1; 2, § 261 Rn. 51; 3, § 266a Rn. 21]. Подавая действительную явку с повинной лица, участвующие в совершении преступления, имеют возможность «отказаться» от совершенного преступления и получить обязательное освобождение от наказания. Законодатель предоставляет такие привилегии только в исключительных случаях. НК регулируется явка с повинной в налоговом уголовном праве (§§ 370, 371 НК) при уклонении от уплаты налогов или покушении на него, а также за удержание и растрату заработной платы в соответствии с § 266а (абз. 6 предл. 2) УУ. Предусмотрена также возможность явки с повинной в случае отмыкания денег и сокрытия непропорционально полученных имущественных ценностей в соответствии с § 261 (абз. 9 предл. 1) УУ.

Институт явки с повинной изначально базируется на основных идеях уголовного права. В связи

с этим используются теории учения об отказе от совершения преступления, которые также могут быть перенесены на данный институт [4, § 371 Rn. 20].

Основное внимание уделяется уголовно-правовой теории «золотого моста» (BGHSt 55, 180). Основная ее идея — проложить путь к законности и облегчить возвращение к ней посредством освобождения от уголовной ответственности. Согласно «теории заслуг» посткриминальное поведение должно вознаграждаться как «исправленное поведение» [5, s. 146]. В частности, правовые последствия освобождения от уголовной ответственности должны стать стимулом для возвращения к законности и поощрением явки с повинной (BGHSt 55, 180).

Помимо Положения о явке с повинной в налоговом уголовном праве преследуют не только уголовно-правовые, но и фискальные цели. Для налоговых органов важно исполнение налоговых обязательств [6, § 371 Rn. 21]. А для государства — использование ранее неизвестных источников уплаты налогов [6, § 371 Rn. 21], чтобы

раскрыть все источники уплаты налогов (RGSt 57, 313; BGHSt 12, 100).

§ 371 НК. В законодательстве ФРГ правовой институт явки с повинной закреплен в уголовном налоговом праве (§ 371 НК). Речь идет о норме уголовного налогового права, которая укрепилась в действующей правовой системе с 19-го в. [7, § 371 Rn. 2]. Ввиду строгой формулировки сфера действия нормы о явке с повинной ограничивается уклонением от уплаты налогов в соответствии с § 370 НК, поэтому явка с повинной не может применяться ко всем налоговым правонарушениям в смысле § 369 (абз. 1) НК. Условием применения индивидуального основания для освобождения от уголовной ответственности и тем самым обязательного освобождения от уголовной ответственности является подача действительной явки с повинной. Действительная явка с повинной в налоговом уголовном праве включает в себя позитивные и негативные условия. Позитивные условия двойки: с одной стороны, необходимо подать объяснительную записку § 371 (абз. 1) НК, с другой – возместить сумму неуплаченных налогов в соответствии с § 371 (абз. 3) НК. Объяснительная записка подается в соответствующую налоговую инспекцию и по существу представляет собой «предоставление материала» [4, § 371 Rn. 47]. Целью ее подачи является информирование налоговой инспекции об имеющих существенное налоговое значение фактах [4, § 371 Rn. 51]. Основываясь на полученных данных, налоговая инспекция впоследствии рассчитывает и устанавливает налоговый долг (RGSt 70, 350). Для исправления требуется, чтобы лицо, подавшее объяснительную записку, восполнило недостающую информацию, имеющую существенное налоговое значение, или заявило о неверной или неполной информации. Что касается временного аспекта, то объяснительная записка подается в отношении всех неуплаченных налогов за последние 10 лет, которые по существу представляют собой один вид налога [4, § 371 Rn. 51].

Пока подавший заявление о явке с повинной представил только одну объяснительную записку в смысле § 371 (абз. 1) НК, речь идет об ожидании освобождения от уголовной ответственности [8, § 371 Rn. 8]. Само же освобождение от уголовной ответственности является обязательным только при наличии действительной явки с повинной. Таким образом, требуется возмещение неуплаченной суммы налогов в соответствии с § 371 (абз. 3) НК. После уплаты недостающей суммы налогов ожидание освобождения от уголовной ответственности перерастает в полное право на реальное освобождение от уголовной ответственности. Однако требовать уплаты недостающей суммы налогов

можно в том случае, когда имеет место занижение суммы налога в смысле § 371 (абз. 4 предл. 1) НК. Таким образом, необходимым «условием» является занижение суммы налога или получение необоснованной налоговой выгоды налогоплательщиком. Если эти «условия» выполнены, то размер недостающей суммы налогов относится ко всем налогам, от которых налогоплательщик уклонился [7, § 371 Rn. 196; 6, § 371 Rn. 196]. В дополнение к уклонению от уплаты налогов необходимо возместить «проценты уклонения» в соответствии с § 235 НК, а также дополнительные проценты в соответствии с § 233а НК. Налоговая инспекция устанавливает разумный срок для возмещения, в течение которого должна быть уплачена задолженность по налогам (BGHSt 7, 336). Не имеет значения, возмещается ли эта задолженность самим налоговым должником или третьим лицом [6, § 371 Rn. 167].

Негативные условия явки с повинной закреплены в § 371 (абз. 2) НК. Это «блокирующие причины», основанные на принципе добровольности [6, § 371 Rn. 202]. Их целью является отказ от освобождения от уголовной ответственности, если, по мнению законодателя, исправленное поведение подавшего заявление о явке с повинной больше не оправдывает привилегированный эффект положения [7, § 371 Rn. 97].

Возможность явки с повинной исключена, если налогоплательщик был уведомлен о проверке, § 371 (абз. 2 № 1а) НК или о возбуждении дела об административном правонарушении или уголовного дела, § 371 (абз. 2 № 1б) НК. Кроме того, возможность явки с повинной исключает появление должностного лица с целью налоговой проверки, § 371 (абз. 2 № 1с) НК, для проведения административного или налогового расследования, § 371 (абз. 2 № 1д) НК, а также в соответствии с § 371 (абз. 2 № 1е) НК. В дополнение к обнаружению преступления в соответствии с § 371 (абз. 2 № 2) НК, уклонение от уплаты налогов на сумму более 25 тыс. евро в рамках одного деяния в принципе исключает возможность явки с повинной, § 371 (абз. 2 № 3) НК. Особо тяжкий случай уклонения от уплаты налогов в смысле § 371 (абз. 2 № 4) НК как правило также приводит к исключению возможности явки с повинной.

Однако в исключительных случаях явка с повинной все же может быть засчитана, согласно § 371 (абз. 2, 3, 4) и § 398а НК. При условии уплаты дополнительных средств в смысле § 398а (абз. 1 № 2) НК явка с повинной все еще возможна.

§ 266 (абз. 6) УУ. Как уже говорилось выше, законодатель также предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при действительной явке с повинной и в случае удержания

и растраты заработной платы (§ 266a) УУ и при соответствующем посткриминальном поведении. Указанная норма воспроизводит нормы о явке с повинной налогового уголовного права [2, § 266a Rn.13].

Для подачи действительной явки с повинной требуется подача специальной декларации в смысле § 266a (абз. 6 предл. 1) УУ. Она состоит из двух компонентов: одной стороны, согласно § 266a (абз. 6 предл. 1 № 1) УУ, необходимо сообщить о размере удержанных взносов. Кроме того, необходимо дать объяснение о том, почему, несмотря на усердное старание, выплата в срок была невозможна (§ 266a абз. 6 предл. 1 № 2) УУ.

Возможность явки с повинной в немецком уголовном праве, касающемся выплат, существует исключительно в тесной временной связи с фактической реализацией. В установленный срок уплаты взносов или сразу после него организация, взимающая взносы, должна получить окончательную декларацию. Кроме того, в этом случае явка с повинной может быть осуществлена только путем подачи письменного уведомления.

Если заявитель явки с повинной направляет взимающей взносы организации информацию с разъяснением обстоятельств в смысле § 266a (абз. 6 предл. 1) УУ, то наступление правовых последствий зависит от усмотрения суда. В этом случае речь идет о факультативном освобождении от уголовной ответственности [3, § 266a Rn.25].

Лицо, подавшее заявление о явке с повинной, может быть освобождено от уголовной ответственности при одном дополнительном условии: необходимо произвести уплату удержанных взносов (§ 266a абз. 6 предл. 2 УУ), которая должна быть произведена в соразмерный срок, который устанавливается взимающей взносы организацией путем отсрочки платежа.

Из фискальной цели положения следует, что выплату не обязательно производить лично [9, § 266a Rn.126]. Все зависит только от отсрочки удержанных взносов.

§ 261 (абз. 9 предл. 1) УУ. Наряду с явкой с повинной в налоговом уголовном праве и в отношении удержанных взносов в соответствии с § 261 (абз. 9 предл. 1) УУ, предусмотрена возможность при определенных условиях отказаться от совершенного деяния и в соответствии с § 261 УУ (отмывание денег и сокрытие неправомерно полученных имущественных ценностей).

Возможность явки с повинной существует для всех форм осуществления отмывания денег в соответствии с § 261 УУ. В отношении действительной явки с повинной установлены различные требования, которые адаптированы к противоправному

деянию. В случаях покушения на отмывание денег или отмывания денег по легкомыслию от подающего заявление о явке с повинной требуется только раскрытие информации о совершении деяния в смысле § 261 (абз. 9 предл. 1 № 1) УУ. Если это преступление было совершено умышленно, помимо раскрытия информации о нем необходимо способствовать процессуальному обеспечению предмета, связанного с преступным деянием, в смысле § 261 (абз. 9 предл. 1 № 2) УУ. Добровольное заявление о совершении деяния согласно § 261 (абз. 9 предл. 1 № 2) УУ должно быть подано соответствующему адресату. При этом не важно, кто делает это заявление: сам нарушитель или соучастник преступления. Достаточно, чтобы заявление было подано третьей стороной, но было инициировано лицом, участвующим в совершении преступления (BGHSt 3, 373 (374)).

Раскрытие информации о совершении деяния требует подачи заявления о совершении преступного деяния в смысле § 158 УПК, в котором должны быть указаны конкретные факты произошедшего. Такое заявление подается в прокуратуру, в полицию или в участковый суд, а также может быть сделано как в устной, так и в письменной форме (§ 158 абз. 1 предл. 1 УПК). Особенно необходима добровольная подача явки с повинной. Здесь речь идет о наличии автономных мотивов, что означает, что исполнитель является хозяином своих решений и при принятии решения о явке с повинной руководствуется законопослушным поведением (BGH NStZ 2007, 91).

Если преступление, связанное с отмыванием денег, было совершено умышленно, требуется предоставление предмета, связанного с преступным деянием, который посредством совершения деяния был введен в легальный финансово-экономический оборот. Если поданная явка с повинной является причиной обеспечения предмета преступления, то имеет место способствование его процессуальному обеспечению [8, § 261 Rn. 89].

Возможность подачи явки с повинной не является безграничной. Если состав преступления отмывания денег обнаружен полностью или частично, и преступник знал об этом или должен был знать при должном учете обстоятельств, то подача действительной явки с повинной невозможна [11, § 261 Rn.154].

Правовые последствия. В правовом институте явки с повинной речь идет о закрепленных законом индивидуальных основаниях освобождения от уголовной ответственности [1, § 371 Rn.1; 2, § 261 Rn.51; 3, § 266a Rn. 21]. Причина, по которой дается возможность освобождения от уголовной ответственности, связана с обстоятельствами, имеющими место после совершения преступления, т.е. с посткриминальным поведением [7, § 371 Rn.26].

Посредством подачи действительного заявления о явке с повинной государственное требование наказания исключается постфактум [2, vor § 32 Rn. 17].

От уголовной ответственности освобождается лицо, подавшее заявление, или сторона, которая участвовала в совершении деяния и побудила к такой подаче и от имени которой была подана явка с повинной [4, § 371 Rn. 309]. Объем освобождения от уголовной ответственности вытекает из формулировки отдельных норм о явке с повинной и распространяется исключительно на названные в законе деяния [7, § 371 Rn. 269]. Если наряду с преступными

деяниями, в отношении которых была подана явка с повинной, были совершены и другие преступные деяния, то последние по-прежнему будут подвергаться уголовному преследованию (BGHSt 12, 100).

Правовой институт подчиняется принципу «все или ничего», в связи с чем заявление о явке с повинной, которое является неполным или неверным, не освобождает от уголовной ответственности в обязательном порядке [7, § 371 Rn. 304]. Как правило, такая «неудачная» явка с повинной учитывается в рамках общего назначения наказания согласно § 46 (абз. 2) УУ [8, § 371 Rn. 197].

Литература

1. Klein F. Kommentar zur Abgabenordnung, 13. Auflage, Hrsg. 2016 in München.
2. Fischer T. Kommentar zum Strafgesetzbuch, 65. Auflage, Hrsg. 2018 in München.
3. Schönke A., Schröder H. Kommentar zum Strafgesetzbuch, 29. Auflage, Hrsg. 2014 in München.
4. Joecks W., Schmitz R. (Hrsg.). Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch Band 7., 2. Auflage, Hrsg. 2015 in München.
5. Böse M. Die strafbefreiende Selbstanzeige – goldene Brücke zur Steuerehrlichkeit oder moderner Ablasshandel? in BRJ 2014, S. 145 ff.
6. Joecks W., Jäger M., Randt K. Kommentar zum Steuerstrafrecht, 8. Auflage, Hrsg. 2015 in München.
7. Hüls S., Reichling T. Heidelberger Kommentar zum Steuerstrafrecht, Hrsg. 2016 in Heidelberg.
8. Esser R., Rübenstahl M., Saliger F., Tsambikakis M. Kommentar zum Wirtschaftsstrafrecht, Hrsg. 2017 in Köln.
9. Hefendehl R., Hohmann O., Münchener Kommentar Band 5., 2. Auflage, Hrsg. 2014 in München.
10. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Kommentar zum Strafgesetzbuch, 3. Auflage, Hrsg. 2016 in Köln.
11. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch, 5. Auflage, Hrsg. 2017 in Baden-Baden.

References

1. Klein F. Kommentar zur Abgabenordnung [*Commentary on the Fiscal Code*], 13. Auflage, Hrsg. 2016 in München (in German).
2. Fischer T. Kommentar zum Strafgesetzbuch [*Commentary on the Criminal Code*], 65. Auflage, Hrsg. 2018 in München (in German).
3. Schönke A., Schröder H. Kommentar zum Strafgesetzbuch [*Commentary on the Criminal Code*], 29. Auflage, Hrsg. 2014 in München (in German).
4. Joecks W., Schmitz R. (Hrsg.). Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch Band 7., [*Munich Commentary on the Criminal Code, volume 7*] 2. Auflage, Hrsg. 2015 in München (in German).
5. Böse M. Die strafbefreiende Selbstanzeige – goldene Brücke zur Steuerehrlichkeit oder moderner Ablasshandel? [Voluntary Disclosure – the “golden bridge” to tax honesty or a modern sale of indulgence?] in BRJ 2014, p. 145 et seq. (in German).
6. Joecks W., Jäger M., Randt K. Kommentar zum Steuerstrafrecht [*Commentary on Criminal Tax Law*], 8. Auflage, Hrsg. 2015 in München (in German).
7. Hüls S., Reichling T. Heidelberger Kommentar zum Steuerstrafrecht [*Heidelberg Commentary on Criminal Tax Law*], Hrsg. 2016 in Heidelberg (in German).
8. Esser R., Rübenstahl M., Saliger F., Tsambikakis M. Kommentar zum Wirtschaftsstrafrecht [*Commentary on Commercial Criminal Law*], Hrsg. 2017 in Köln (in German).
9. Hefendehl R., Hohmann O. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch Band 5. [*Munich Commentary on the Criminal Code, volume 5*], 2. Auflage, Hrsg. 2014 in München (in German).
10. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Kommentar zum Strafgesetzbuch [*Commentary on the Criminal Code*], 3. Auflage, Hrsg. 2016 in Köln (in German).
11. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch [*Nomos Commentary on the Criminal Code*], 5. Auflage, Hrsg. 2017 in Baden-Baden (in German).

ИСПЫТАНИЕ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Чурина Анна Алексеевна

***Цель:** проанализировать испытание как правовую категорию, выявлять основания его применения и пределы установления, сущность, содержание и цели.*

***Методология:** анализ, синтез, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Применение мер уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление, которое не представляет большой общественной опасности, может послужить не просто уроком, а кардинально изменить жизненные цели и сделать невозможностью возвращение к нормальной жизни. На основе анализа вариантов возможных правоограничений для испытуемого и делается вывод о целесообразности закрепления законодателем их закрытого перечня и необходимости доработки законодательства в данной сфере.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной работы заключается в исследовании юридической природы института испытания и его эффективности.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, испытание, испытательные сроки, цель наказания, уголовное право, юридическая природа, карательный характер.*

Уголовная ответственность за совершение преступлений рассматривается в качестве социально-правового последствия для лиц, которые в дальнейшем будут подвергаться государственному воздействию карательных и некарательных мер. Необходимость разграничения форм ответственности зависит от совершенного деяния и уровня его общественной опасности. Возможность применения некарательных мер обусловлена государственной уголовно-правовой политикой. Но при определении меры ответственности необходим анализ посткриминального поведения (поведение лица с начала совершения преступления до погашения судимости) [1, с. 2]. Посткриминальное поведение лица может свидетельствовать о его возможном исправлении в будущем, поэтому оно учитывается при назначении мер воздействия, условий отбывания наказания или при решении вопроса о замене наказания более позитивными мерами принуждения. Анализ индивидуально-персонифицированных психологических особенностей преступного поведения позволяет выстроить индивидуальную модель поведения для исправления преступника. Меры уголовно-право-

вого воздействия необходимо закладывать в комплекс испытательных мер не с целью устрашения осужденного, а для предупреждения его преступного поведения в будущем [3, с. 1–6]. В литературе чаще всего в широком смысле можно встретить словосочетание «режим испытания», хотя встречаются упоминания о конкретных формах с применением отдельных моментов испытания — условное осуждение или условно-досрочное освобождение, а также отсрочка наказания.

В законодательстве РФ предусмотрены различные виды испытания. Именно в рамках этого института осужденному оказывают доверие и применяют в отношении него определенные социально направленные меры, чтобы достичь цели наказания.

Институт испытания всегда имеет срочный характер, так как длительность отсрочки реального наказания может помочь определить природу социально-правового воздействия наказания на осужденного. Государство с помощью определения срочности наказания может выстраивать такую пенитенциарную систему, которая позволит применять элементы восстановления и ресоциа-

лизации для поддержания правопорядка в обществе [3, с. 19]. При установлении испытательного срока учитываются индивидуальные особенности виновного, и суд вправе установить временные рамки. Некоторые авторы полагают, что испытательный срок не должен быть более трех лет испытания, и не меньше одного года, чтобы не исключить «карательный» элемент [4, с. 102–106].

Временные рамки – важнейший элемент испытания: в определенный период осужденный может успеть «встать на ноги» и быть готовым к исправлению, не пренебрегая оказанным доверием. Как отмечается в юридической литературе, увеличение испытательного срока может понизить воспитательную функцию режима испытания. Испытательный срок должен зависеть от степени общественной опасности, при этом суд должен самостоятельно определять его, устанавливая для виновного лица определенную модель поведения, предусмотренную приговором [5, с. 3]. Встречаются упоминания об условном осуждении [6, с. 12–18] относительно испытательных сроков. На период испытательного срока суд может возложить на условно определенные обязанности. Например, не менять места жительства без уведомления контролирующих органов, пройти лечение от определенного рода зависимостей, трудоустроиться и т.д., которые будут способствовать его исправлению. Условное осуждение может быть отменено в силу нарушения обязанностей или по истечении испытательного срока. Испытательный срок в данном случае зависит от срока назначенного наказания и применяется не с целью исправления лица, а для ограничения его свободы. Таким образом, предназначение ограничения свободы заключается в порицании виновного от имени государства, осуждении и претерпевании им определенных ограничений.

Испытание призвано выполнять различные функции, начиная с уменьшения карательного эффекта и перевоспитания нарушителей путем стимулирования социально-правовой активности осужденного лица. Испытание применяется в качестве меры, заменяющей наказание, любая из его форм предполагает определенные правоограничения и подкрепляется угрозой применения наказания. На испытуемое лицо возлагаются ограничения и запреты, соблюдение которых поможет обществу убедиться в исправлении этого лица и ведении правильного образа жизни. Преимущество назначения испытания заключается в том, что установленные правила поведения для испытуемого лица создают модель правопослушного гражданина.

Многие авторы под испытанием понимают: условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочку наказания [3, с. 2–4]. Однако, по нашему мнению, эти правовые институты сами по себе не входят в характеристику испытания. Условное осуждение представляет собой акт государственного принуждения. Суд осуждает виновное лицо, но на основании определенных в законе условий. Условно-досрочное освобождение подразумевает фактическое отбытие осужденным части назначенного в приговоре срока наказания. Отсрочка наказания применяется при наличии условий, затрудняющих отбывание наказания для осужденных лиц.

Испытание, в отличие от указанных правовых институтов, не наказывает преступника. Наоборот, оно направлено на его улучшение, исправление упущений со стороны общества. Так как в исследовании вопроса наказания законодатель предусмотрел и карательный аспект, облекая его выражение в конкретные виды наказания (при этом обращая внимания на отдельные пункты и сроки, что снижает процент возникновения пробелов и правовых ошибок в будущем). Что касается испытания, то этот институт нуждается в серьезной законодательной проработке.

Суд имеет довольно широкие полномочия, он может устанавливать ограничения, увеличивать или уменьшать их объем, устанавливать продолжительность испытательных сроков согласно статье 73 УК РФ.

Однако, по нашему мнению, на законодательном уровне должен быть закреплен закрытый перечень ограничений и возможность их применения должна быть урегулирована более широко, обращая внимание на совершенное испытуемым лицом деяние и процесс его исправления. Это позволит обеспечить неотвратимость ответственности и избежать недопонимания со стороны обществу. Содержание правовых ограничений состоит в том, что на лицо налагаются некарательные меры, способные заменить наказание как меру уголовно-правового воздействия. Уголовно-исполнительный кодекс РФ к таковым относит отчет перед уголовно-исполнительной инспекцией о своем поведении и явку в инспекцию по вызову. При неявке лицо может быть подвергнуто приводу согласно ст. 188 УПК РФ.

Сущность правоограничений заключается в смягчении кары в отношении преступника. Следование данным ограничениям помогает испытуемому избегать ситуаций, провоцирующих на совершение преступления. Нарушение режима испытания в УК РФ не закреплено, что позволяет использовать любую меру уголовно-правового

принуждения, и свидетельствует о наличии недоработок со стороны законодателя. Кроме того, абсолютно определенная продолжительность испытания законом не установлена. Невозможно в целом оценить эффективность правового института, если лица на протяжении разного количества времени проходят уголовно-правовое испытание [7, с. 5].

УК РФ предусматривает применение иных мер уголовно-правового характера. Между тем, по мнению ряда авторов, испытание должно быть закреплено именно в этой главе, так как это обусловлено его юридической природой. Кроме того, представляется целесообразной разработка реабилитационных программ по корректировке поведения осужденных лиц в рамках испытательного срока.

Зарубежные специалисты в области правоведения рассматривают испытание как предоставление испытываемому лицу возможность ответить за содеянное перед обществом, но не назначая ему карательное наказание, а, используя его профессиональные и трудовые навыки, развивая его социально-полезные связи, помогая тем самым реабилитироваться в обществе и вновь пройти период социальной адаптации. Возможно, и в нашей стране следует пересмотреть главные приоритеты законодателя в рамках уголовной политики, поскольку создание новых институтов и совершенствование уже существующих может послужить действенной мерой профилактики совершения противоправных деяний.

Литература

1. Бернштейн Д. И. Правовая ответственность как вид социальной ответственности и пути ее обеспечения // Правоведение. 1991. № 2. С. 3–6.
2. Нечепуренко А.А. Испытание как уголовно-правовое явление // [Электронный ресурс] URL: <file:///Users/mak/Downloads/ispytanie-kak-ugolovno-pravovoe-yavlenie.pdf> (дата обращения: 10.04.2018).
3. Желваков Э. Условная свобода // Ваш адвокат. 1998. № 1. С. 15–20.
4. Кондалов А.Н. Условное осуждение и механизмы его обеспечения // Государство и право. 1999. № 7. С.102–108.
5. Михайлов К.В. О понятии и правовой природе условного осуждения // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 2–5.
6. Лаптев С.А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система. 2013. № 1. С.12–19.
7. Ткачевский Ю.М. Исполнение условного осуждения // Вестник Московского университета. 2005. № 4. С. 5–9

References

1. Bernshtejn D.I. Pravovaja otvetstvennost' kak vid social'noj otvetstvennosti i puti ee obespechenija [Legal responsibility as a kind of social responsibility and ways of its maintenance]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*, 1991, no. 2, pp. 3–6 (In Russian, abstract in English).
2. Zhelvakov Je. Uslovnaja svoboda [Conditional freedom]. *Vash advokat [Your lawyer]*, 1998, no. 1, pp. 15–20 (In Russian, abstract in English).
3. Kondalov A.N. Uslovnnoe osuzhdenie i mehanizmy ego obespechenija [Conditional conviction and mechanisms for its provision]. *Gosudarstvo i parvo [State and Law]*, 1999, no. 7, pp. 102–108 (In Russian, abstract in English).
4. Tkachevskij Ju.M. Ispolnenie uslovnogo osuzhdenija [Execution of conditional conviction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*, 2005, no. 4, pp. 5–9. (In Russian, abstract in English).
5. Mihajlov K.V. O ponjatii i pravovoj prirode uslovnogo osuzhdenija [On the concept and legal nature of conditional condemnation]. *Rossijskaja justicija [Russian Justice]*, 2008, no. 1, pp. 2–5. (In Russian, abstract in English).
6. Laptev S.A. Uslovnnoe osuzhdenie ili ogranichenie svobody [Conditional condemnation or restriction of freedom]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema [Criminal-executive system]*, 2013, no. 1, pp.12–19. (In Russian, abstract in English).
7. Nechepurenko A.A. Ispytanie kak ugolovno-pravovoe javlenie/bibliograficheskie dannye istochnika. URL: <http://Users/mak/Downloads/ispytanie-kak-ugolovno-pravovoe-yavlenie.pdf> (data obrashhenija: 10.04.2018).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В РОССИИ

Шукшина Татьяна Александровна

Цель: рассмотреть вопросы, связанные с юридической природой условного осуждения в России.

Методология: дедукция, формально-юридический метод.

Выводы: правоприменительная практика свидетельствует о таких проблемах, как превышение нагрузки на сотрудников уголовно – исполнительных инспекций, в связи с чем у них практически не остается времени на выполнение функции по контролю и надзору за поведением условно осужденных в полном объеме, что снижает эффективность наказания.

Научная и практическая значимость. Изучение законодательного регулирования института условного осуждения и выявления проблем, будет способствовать совершенствованию соответствующих уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: условное осуждение, испытательный срок, осужденный, наказание, общественная опасность, обвинительный приговор, предупреждение, закон, приговор, уголовно-исполнительная инспекция.

В России в качестве альтернативы лишению свободы практически к каждому второму осужденному применяется условное осуждение. Контроль за поведением условно осужденных в течение испытательного срока осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) по месту жительства этих лиц, а в отношении военнослужащих, командование их воинских частей (ч. 6 ст. 73 УК РФ, ст. 187 УИК РФ). Поведение условно осужденных несовершеннолетних контролируется инспекцией по делам несовершеннолетних.

Условное осуждение относится к иным мерам уголовно-правового характера и заключается в освобождении лица от реального отбывания основного вида наказания под определенным условием. Суд, назначая осужденному конкретный вид наказания и определяя его срок, постановляет считать это наказание условным, т. е. не приводит его в исполнение под условием выполнения осужденным определенных требований. Юридическая природа условного осуждения состоит в условном освобождении осужденного от реального отбывания, назначенного ему наказания. Условное осуждение не относится к числу уголовных наказаний и не включено в перечень видов нака-

зания, предусмотренный ст. 44 УК РФ. Наличие в уголовном законе института условного осуждения является реализацией принципов справедливости и гуманизма, данный институт применяется в тех случаях, когда, исходя из характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного, не требуется реальное применение уголовного наказания, а достижение цели исправления осужденного возможно без применения к нему ограничений, связанных с реальным воздействием наказания.

Условное осуждение может применяться в определенных случаях, во-первых, при назначении определенных видов наказания: исправительные работы, ограничения по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы. Условное осуждение при назначении лишения свободы возможно при условии, что его срок не превышает восьми лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ).

Условием применения условного осуждения служит установленная судом возможность исправления осужденного без реального отбывания назначенного наказания. Вывод о наличии такой возможности суд может сделать, исходя из характера и степени общественной опасности совершен-

ного преступления, личности виновного, а также обстоятельств, смягчающих и отягчающих его вину. Следует крайне осторожно относиться к назначению условного осуждения за тяжкие и особо тяжкие преступления, принимая во внимание факт совершения, социальную, общественную опасность, наступление последствий свидетельствуют о нецелесообразности назначения виновному условного осуждения. Кроме того, оно не будет отражать в полной мере и целей наказания (достижение социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений).

В отношении лиц, представляющих очень высокую степень опасности (с учетом их личности и характера содеянного), закон устанавливает запрет на применение условного осуждения. Так, согласно ст. 1 УК РФ оно не назначается:

а) осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 возраста;

б) при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, при условно-досрочном освобождении;

в) при опасном или особо опасном рецидиве.

При условном осуждении в обвинительном приговоре указывается, срок наказания и испытательный срок.

Испытательный срок — это период времени, в течение которого осужденный своим поведением должен доказать свое исправление. Его продолжительность зависит от вида и срока назначенного наказания. При назначении наказания в виде лишения свободы на срок до одного года или более мягкого вида наказания испытательный срок должен быть не менее шести месяцев и не более трех лет, а в случае назначения лишения свободы на срок свыше одного года — не менее шести месяцев и не более пяти лет (ч. 3 ст. 73 УК).

Уголовный закон исключает возможность рассмотрения суда при определении испытательного срока осужденному к содержанию в дисциплинарной воинской части (ч. 3.1 ст. 73 УК).

Испытательный срок исчисляется с момента вступления приговора в законную силу. В испытательный срок засчитывается время, прошедшее со дня провозглашения приговора (ч. 3 ст. 73 УК).

В соответствии с ч.5 ст.73 УК на условно осужденного суд может возложить исполнение определенных обязанностей, в частности: не менять

постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления УИК не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудоустроиться либо продолжить обучение в общеобразовательной организации и др. Что касается иных обязанностей, например устранить причиненный вред, осуществлять материальную поддержку потерь семьи потерпевшего и т.д.), то они законодателем не определены. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды, как правило, возлагают на условно осужденных такие обязанности как не менять места жительства и являться на регистрацию в специализированный государственный орган, осуществляющий исправление осужденного. При возложении на условно осужденных судом дополнительных обязанностей решаются следующие задачи: оказание помощи в исправлении осужденного; удержание его от совершения рецидива; содействие УИИ в осуществлении контроля за условно осужденными; устранение причин, способствующих совершению преступлений. Кроме того, обязанности должны возлагаться на условно осужденного с совершенного им деяния; быть рациональными; быть четко сформулированными. В литературе высказывается предложение о закреплении исчерпывающего перечня обязанностей в УК РФ, но оно подвергается критике по ряду причин. Во-первых, разработать такой перечень будет затруднительно. Во-вторых, может возникнуть ситуация, когда условно осужденный не сможет исполнить ни одну из предписанных в законе обязанностей. При наличии же открытого перечня дополнительных обязанностей можно возложить на лицо иную обязанность, которую это лицо сможет выполнить.

От поведения условно осужденного во время испытательного срока и его отношения к возложенным на него обязанностям зависит, будут ли эти обязанности судом полностью или частично отменены по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, либо наоборот, дополнены новыми, которые смогут повысить эффективность его исправления. По истечении испытательного срока, если условно осужденный выполнил предписания приговора суда, его судимость за данное преступление (за которое лицо было осуждено условно) погашается (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК) [1].

В заключении следует отметить, что анализ рассматриваемого института позволил выявить его недостатки, к числу которых относятся:

нерегулярный контроль и надзор за условно осужденными;

большой объем работы, выполняемый сотрудником УИИ, недостаточная штатная численность сотрудников, особенно в больших городах;

ограниченность применения электронных средств надзора и контроля к условно осужденным;

Как свидетельствует практика, чаще всего у сотрудников УИИ возникают трудности при осуществлении контроля за исполнением условно осужденными обязанностей в силу вышеуказанных факторов.

Литература

1. Ворогушина Н.А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? // Судья. 2016. № 4. С. 34–36.

2. Гай Е.В. Совершенствование мер контроля за условно осужденными – залог эффективного применения меры уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 12–15.

References

1. Vorogushina N.A. Ogranichenie svobody` i uslovnoe osuzhdenie: vmeste ili porozn`? [The restriction of liberty or probation: together or separately?]. *Sud'ya [Judge]*, 2016, no. 4, pp. 34–36. (In Russian, abstract in English).

2. Gaj E.V. Improvement of control measures for conditionally condemned - the key to effective application of measures of criminal-legal nature. [Sovershenstvovanie mer kontrolya za uslovno osuzhdenny`mi - zalog e`ffektivnogo primeneniya mery` ugovovno-pravovogo kharaktera]. *Criminally-Executive system: law, Economics, management. [Ugovovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, e`konomika, upravlenie]*, 2016, no. 3. pp. 12–15. (In Russian, abstract in English).

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Митина Анастасия Александровна
Рыжова Валерия Витальевна

Цель: дать всестороннюю характеристику психологического насилия, выявить его признаки, его виды, формы, а также последствия для личности с целью поиска путей решения данной проблемы.

Методология: анализ, классификация, обобщение, сравнительный, статистический, формально-юридический, целенаправленный опрос, анкетирование, моделирование.

Выводы. Эмоциональное насилие распространено в российских семьях и требует должного внимания к устранению тирании. Психологическое насилие очень пагубно влияет на отношения между супругами, между родителями и детьми, приводит к разрушению семьи. Оно делает жертву зависимой от своего партнера и может стать поводом для дальнейшего насилия, но уже физического. Поэтому данную проблему необходимо решать, чтобы пресечь распространение этого явления.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в раскрытии понятия психологического насилия, выявления его видов и распространенности.

Ключевые слова: психологическое насилие, тирания, жертва, угроза, зависимость, агрессия.

Введение

Психологическое насилие в семье – распространенное явление во всем мире, но в последнее время эта проблема приобретает все большую актуальность. Главными жертвами насилия в семье становятся женщины и дети. Представление о том, что насилие совершается только в неблагополучных семьях, неверно. Оно может иметь место в любой семье, независимо от социально-экономических условий, и имеет серьезные последствия. Насилие может вызывать расстройство аппетита и сна, приводить к алкоголизму, необдуманному совершению травматических действий, породить агрессивное поведение, могут быть причиной изменений личностного характера. Эмоциональное насилие сильно сказывается на психике детей: 10 тыс. детей и подростков ежегодно убегают из дома; 2 тыс. кончают жизнь самоубийством. Согласно статистическим данным, 40% всех тяжких уголовных преступлений совершается в семьях.

Психологическое насилие в семье – представляет собой форму воздействия на эмоции или психику партнера путем запугивания, угроз, оскорблений, критики, осуждения и т.п. По мнению большинства ученых, такие действия должны носить регулярный характер. Многие женщины подобное воздействие считают самой болезненной стороной отношений в семье или просто с партнером, которое порождает чувство беспомощности и угнетенности. Насилие может осуществляться также с целью оказать давление на жертву, унижить ее и морально уничтожить.

Психологическое насилие определяется как форма издевательства, когда тиран ежедневно контролирует каждый шаг своей жертвы, критикует и тем самым занижает ее самооценку. Чаще всего данному виду насилия подвергаются жены со стороны своих мужей (реже – наоборот). Мужчины таким образом пытаются самоутвердиться.

Нередко психологическое насилие порождает физическое.

Причины возникновения насилия весьма разнообразны. Они зависят от личности каждого из членов семьи. Самыми распространенными являются:

1) самореализация за счет жертвы (стремление к власти);

2) потребность в самоутверждении (заниженная самооценка);

3) проблемы с коммуникацией (неумение выражать свои желания и мысли приводит к недопониманию и нестабильности семейных отношений);

4) прошлый опыт или наследственность (девушка, которая выросла в семье, где отец издевался над домочадцами, подсознательно выбирает в мужа подобного мужчину, а мальчик, для которого родительское насилие было обыденным, переносит такую модель поведения на своих жену и детей);

5) финансовая зависимость одного члена семьи от другого;

6) ментальность (восприятие значительной части общества семейного насилия как нормы семейного поведения и способа разрешения конфликтов);

7) пропаганда насилия (кино, средства массовой информации, видеоигры с жестокими сюжетами способствуют формированию такой же жестокой модели поведения);

8) психологические отклонения (перенесенная психологическая травма).

Проведенное исследование позволило можно определить механизм возникновения психологического насилия: происходит психологическая атака. При постоянной критике самооценка жертвы снижается до предельного уровня, подрывается вера в себя, тирану становится проще навязать свое мнение и желаемую модель поведения. У жертвы формируется чувство вины. После того как жертва начала сомневаться в правильности своих действий, тиран принуждает чувствовать себя ничтожеством и даже виноватой перед ним; происходит подмена идеалов и слом личности. Тиран закладывает другую модель жизни, объясняя, что правильно, а что нет. Жертва, лишенная уверенности в себе, принимает его позицию. Он ограничивает круг общения жертвы с теми людьми, которые могут образумить ее. Таким образом, обеспечивается полный контроль над жертвой.

С учетом выявления причин и механизма возникновения психологического насилия можно выделить основные признаки не только данного поведения, но и личности как деспота, так и его жертвы. Признаков данного типа воздействия до-

вольного много. Условно их можно объединить в три группы, охарактеризовав каждую как форму насилия.

Вербальная эмоциональная агрессия. Для этой формы насилия характерен:

1) *критика* – грубая оценка недостатков жертвы, причем как наедине, так и в присутствии посторонних; колкие замечания по поводу внешнего вида, умственных способностей и вкусовых предпочтений. За такими замечаниями могут следовать оскорбления;

2) *унижение* – постоянные оскорбления, грубое обращение;

3) *обвинение* – убеждение жертвы в том, что она виновата во всех семейных неудачах, перекладывание на нее ответственности за все происходящее в семье;

4) *деспотизм* – приказной тон в общении, использование приказов и указаний вместо просьб;

5) *запугивание* – различные угрозы: физического насилия над жертвой и ее близкими, запреты на общение с детьми, угрозы со стороны тирана совершить самоубийство.

Все указанные действия, как правило, имеют конкретную цель: вызвать у жертвы чувство обиды, раздражения, а в некоторых случаях и чувство вины.

Доминантное поведение. То, что мужчина – лидер, совершенно бесспорно. Однако некоторым из них надо ежедневно доказывать себе, что они главные. Выявить мужчину-тирана можно по следующим признакам в поведении по отношению к женщине:

1) *запрет на общение* – лишение возможности контактировать с родственниками, друзьями, коллегами по работе. Для этого мужчина забирает мобильный телефон, препятствует использовать другие средства связи;

2) *ограничение на контакт с внешним миром.* Бывает, что муж устанавливает свое доминирование, запрещая или какими-то иными способами препятствуя тому, чтобы женщина работала, занималась какой-то деятельностью вне дома. Кроме того, для выхода из дома по каким-либо своим нуждам жена обязана получить разрешение мужа;

3) *постоянное присутствие* – муж стремится все время находиться рядом с женой, старается не оставлять ее одну;

4) *слежка.* Здесь спектр действий зависит от технических и материальных возможностей мужчины: от банальной проверки сообщений и списка звонков в мобильном телефоне, электронной почты через обычный доступ до использования таких средств, как прослушивание телефона,

установка специального программного обеспечения на персональный компьютер, планшет, смартфон. Также может применяться скрытое видеонаблюдение (или наоборот, открытая слежка). В некоторых случаях муж даже может нанимать людей для контроля за поведением и общением жены вне дома.

Другие признаки эмоционального насилия. Основным признаком этой группы является *ревность*, которая проявляется в постоянных обвинениях в супружеской измене. Этот признак тесно взаимосвязан с некоторыми признаками насильственного поведения первой и второй групп. Строгий контроль мужа за контактами жены на работе, в свободное время и даже дома, регулярные расспросы, напоминающие допрос (где была, с кем, кто может подтвердить и т.п.). Зачастую все эти подозрения совершенно необоснованные, жена не дает повода, но регулярно слышит упреки и обвинения в свой адрес.

Некоторые специалисты выделяют еще одну форму воздействия на психику близкого человека, схожую с доминированием — *манипуляцию*. Эта форма воздействия более мягкая, но имеет все ту же цель — подчинение своим личным убеждениям чувств и действий жены. В этом случае происходит «тихое» эмоциональное насилие, признаки которого бывает сложно распознать.

Несмотря на то, что в разных ситуациях практически каждый мужчина может сделать что-либо из перечисленного выше, далеко не всегда подобные действия можно квалифицировать как эмоциональное насилие в отношениях. Психологическому насильнику свойственны:

- 1) **неуважительное отношение к женщине и к ее жизненным принципам;**
- 2) **навязывание помощи, о которой она не просила, или показная щедрость, которая ставит ее в неловкое положение;**
- 3) **повсеместный контроль;**
- 4) **ревность;**
- 5) **угрожающее поведение;**
- 6) **наличие двойных стандартов: «мне можно, тебе нельзя»;**
- 7) **жизненное кредо «мужчина никогда ни в чем не виноват».**

Насилие, оскорбления, плохое обращение в психологии обозначаются термином «абьюз». Различают абьюз физический, психологический и склоняющий к интиму. Тот, кто принуждает к чему-то, оскорбляет, вынуждает совершать действия, неприятные другому человеку, является абьюзером.

Нередко все виды психологического насилия встречаются в семье. Тиран не имеет возможности проявить свои абьюзивные склонности в обществе, поэтому под удар попадают близкие родственники. Абьюзер не сразу начинает проявлять свои негативные качества. Это медленный процесс, который постепенно перестраивает психику жертвы. В связи с этим идентифицировать проблему и избежать абьюза очень сложно.

Например, молодожены живут вместе несколько лет, затем один из партнеров начинает эмоционально шантажировать другого, но не регулярно, а периодически. В результате партнер-жертва ищет причины произошедшего в себе. Постепенно интервал между проявлениями насилия сокращается, и жертва еще больше уверяется в своей никчемности, так как именно эту мысль методично внушает ей тиран. Правильная тактика в этом случае — закончить подобные отношения. Повторение одного из видов насилия свидетельствует о том, что партнер является абьюзером. С ними невозможно договориться, поэтому, чтобы не травмировать собственную психику, следует избегать его общества. Особенно это касается женщин с детьми, ведь они невольно становятся заложниками ситуации.

Рассмотрим основные виды психологического насилия.

Газлайтинг — одна из самых жестких и непереносимых форм психологического насилия. Человек, который использует газлайтинг, отказывает своему партнеру или ребенку в адекватности: «тебе показалось», «этого не было», «ты просто не понимаешь этого». Часто отрицаются события, чувства, эмоции. Тот, кто подвергся газлайтингу, чувствует, что он словно сходит с ума. Жертве внушается, что ее восприятие происходящего ошибочно. Например, мужчина встречается с другими женщинами, пока его жена занимается детьми. Своей жене он будет внушать, что это абсолютно нормально или что ей это показалось. Газлайтинг часто применяется при систематических оскорблениях, при этом партнера убеждают, что голос никто не повышал. Ситуацию ухудшает газлайтинг со стороны окружения. Если близкие люди начинают утверждать, что «все так живут», «ты преувеличиваешь», «ты на него (нее) давишь» и т. д., жертва будет сомневаться в своей адекватности и еще больше заикливается на переживаниях. Абьюзер, как правило, испытывает удовольствие, унижая жертву, поэтому не всегда может остановиться.

Неглект – пренебрежение потребностями, нуждами, желаниями жертвы. Это из самых опасных видов психологического насилия. К неглекту относится умышленная неосторожность, игнорирование любых потребностей, аргументированное тем, что жертве это не надо. Абьюзер подталкивает партнера к пластическим операциям, отказывается заниматься детьми и бытом, полностью пренебрегает его нуждами и интересами. Неглект часто встречается в семье. Самое правильное в подобных случаях – изолировать себя от насильника.

Висхолдинг – уход от разговора. Если партнер систематически под разными предлогами отказывается от обсуждения волнующей темы – это не случайность, а проявление эмоционального насилия. Наибольший ущерб при этом характерен для семейных взаимоотношений, так как затрагивается чувство привязанности партнера-жертвы.

Эмоциональный шантаж – тиран игнорирует оппонента в ответ на какое-либо действие. Эмоциональная холодность или молчание выступают в качестве наказания за проступок. Цель – лишить жертву собственной воли, полностью подчинить своим желаниям и образу жизни. Часто абьюзер шантажирует жертву, используя в качестве компромата сведения интимного характера: «вот будешь себя плохо вести – расскажу, что ты мочишься в постель». Чувство стыда и неловкости заставляет жертву отказаться от собственных планов в угоду желаниям насильника. Мучитель не испытывает сильных эмоций, а целенаправленно занимается ее подчинением и перевоспитанием. Необходимо отличать естественную реакцию от насилия. Обида сопровождается злостью и болью, ее нельзя предотвратить или контролировать, в то время как шантаж – умышленное действие. Защититься от этого можно, только завершив отношения.

Игнорирование. Эмоциональное отстранение очень тяжело переносят дети, так как привязанность для них является основой для возникновения базового доверия к миру в целом. Ребенок ощущает, что если самому важному и значимому человеку наплевать на его чувства, эмоции и проблемы, то уж чужим людям он точно не будет нужен. Игнорирование часто становится причиной возникновения суицидальных мыслей и других радикальных форм привлечения к себе внимания. Взрослые тоже сложно справляются с постоянным игнорированием их потребностей и чувств, что вызывает чувство вины и безысходности.

Изоляция. От игнорирования изоляция отличается тем, что не сам насильник отстраняется от партнера, а заставляет его исключить из своей жизни близких и друзей, всех, кроме него. Таким образом насильник замыкает на себе все коммуникации партнера или ребенка. Лишаясь поддержки, – а жертве, как правило, запрещается любое общение с родственниками, – насильник делает ее полностью эмоционально зависимой от себя. Исключаются из общения также друзья и коллеги, и в итоге жертва лишается всякой возможности попросить кого-либо о помощи.

Контроль. Как правило, абьюзер устанавливает очень жесткий контроль за тем, что делает, с кем общается, куда ходит, и как одевается его партнер или ребенок. Он настаивает на том, чтобы с ним всегда советовались по поводу принятия даже самых незначительных решений, контролирует финансы, телефонные разговоры, общение в соцсетях, контакты, увлечения. В случае неподчинения его воле – стремится наказать, ужесточить все ограничения и подавляя волю категорическими запретами, часто сопровождающимися шантажом или истериками.

Критика. Жертве постоянно указывают на ее недостатки и просчеты, часто это выглядит как высмеивание при других людях. Цель – сформировать у жертвы комплекс неполноценности. Часто человеку очень сложно восстановиться после таких отношений, теряется вера как в партнерство, так и в себя. В современном обществе этот вид насилия является самым распространенным и чаще всего встречается в семье и в сфере образования – школе, детскому саду. Ребенку постоянно указывают на его негативные качества, формируя деструктивную концепцию собственного «Я». Впоследствии поведение взрослого будет подтверждать заложенную в детстве информацию, даже против его воли. Чтобы избежать разрушительного воздействия справедливой критики, следует помнить, что мнение оппонента субъективно. Правильная реакция: «Я не спрашивал, что вы думаете обо мне». Если агрессивной критике со стороны взрослого подвергается ребенок, то абьюзеру надо напомнить, что он не имеет права прилюдно унижать его достоинства.

Какими бы ни были вид или форма психологического насилия, следует иметь в виду, что справиться с ним, находясь в отношениях с абьюзером, очень сложно. Поэтому очень важно прежде всего выйти из ситуации насилия, т.е. в буквальном смысле уйти от насильника, убежать,

исчезнуть из его поля зрения. Ведь если вы будете находиться рядом, то он найдет способы влиять на вас, как делал это всегда. Более всего в подобных ситуациях страдают дети, если психологическое насилие практикуют их родители, и нередко уходят из дома, пытаясь таким образом противостоять насилию.

В психологическом плане проблем с психикой или здоровьем в целом человеку, оказавшемуся в ситуации, где него применяется эмоциональное насилие, не избежать. Жертвы такого насилия, которое продолжалось долгое время, как правило, находятся в состоянии посттравматического стресса (психологические травмы), постоянно или периодически, но часто испытывают чувство тревоги, страха, впадают в депрессию. Не исключены и попытки суицида. У них возникает синдром эмоциональной зависимости, сверхпотребность в любви. На фоне чувства неуверенности в себе может возникнуть пренебрежение и своими потребностями. У женщин нередко развивается алкогольная и даже наркотическая зависимость. Психологическое насилие в семье отражается и на детях. Ведь они регулярно наблюдают испуганную мать, находящуюся под постоянным контролем. Данные действия различны по своей природе и воздействию на ребенка и по-разному им переживаются. Уязвимость подростков к насилию объясняется их физической, психической и социальной незрелостью, а также зависимым, подчиненным положением по отношению к взрослым, будь то родители, опекуны или воспитатели. Насилие, которое пережил ребенок в семье, может оказать огромное влияние на его дальнейшее развитие, и затронуть не только эмоциональную, но и интеллектуальную и поведенческую сферу. Если ребенок растет в неблагоприятных для него психологических условиях, то он сильно отстает в росте от своих сверстников и имеет задержку психологического развития. У детей, подвергшихся насилию в семье, может развиваться «комплекс неполноценности», они склонны к уединению, фантазиям, а также к агрессии и антисоциальному поведению. При этом агрессия может быть направлена как против других, так и против себя. Подростки, являющиеся очевидцами домашнего насилия, подвергаются повышенному риску приобретения таких эмоциональных и поведенческих проблем, как тревожность, страх, депрессия. Они плохо учатся, у них низкая самооценка, нередко страдают ночными кошмарами, у них наблюдается физическое недомогание. Практически все подростки, пострадавшие от физического насилия

и пренебрежительного отношения, пережили психическую травму, которая «аукнется» изменением их личностных, эмоциональных и поведенческих качеств и негативно повлияет на их дальнейшую жизнь.

Жестокое отношение к ребенку, его отвержение в грубой или явной форме и последствия такого отношения трансформируются сначала в комплекс жертвы, а затем агрессию или аутоагрессию.

Согласно исследованиям, проведенным Е.Н. Волковой, у большинства детей, живущих в семьях, в которых применяются жестокие физические наказания, эмоциональное или иные виды насилия, имеются признаки задержки физического и нервно-психического развития. У них ухудшается память: процессы запоминания и сохранения затруднены, резко возрастает избирательность в запоминании. Внимание становится рассеянным, обедняется речь, часто появляется заикание. Дети значительно хуже успевают в школе, труднее протекают процессы школьной адаптации.

Независимо от вида и характера насилия у детей и взрослых могут наблюдаться различные заболевания, которые относятся к психосоматическим: ожирение или, наоборот, резкая потеря веса, что обусловлено нарушениями аппетита. Подростки, подвергшиеся различного рода насилию, сами испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту детей, животных. У эмоционально депривированных подростков, стремление любым путем привлечь к себе внимание иногда проявляется в виде вызывающего, эксцентричного поведения. Наиболее универсальной и тяжелой реакцией на любое насилие является низкая самооценка, которая способствует сохранению и закреплению психологических нарушений, связанных с насилием. Личность с низкой самооценкой переживает чувство вины, стыда.

Для людей, подвергающихся психологическому насилию, характерны убежденность в собственной неполноценности, в том, что «я хуже всех». Вследствие этого им трудно добиться уважения окружающих, успеха, их общение с другими людьми затруднено. Среди таких людей отмечается высокая частота депрессий. Это проявляется в приступах беспокойства, безотчетной тоски, чувств одиночества, нарушениях сна. Могут также иметь место попытки покончить с собой или завершённые самоубийства.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что насилие как преднамеренное при-

менение физической силы или власти, является серьезной социальной проблемой, требующей профессионального внимания психологов и социальных работников. От ее решения зависит психологическое здоровье детей, подвергающихся насилию в семье.

Авторами настоящей статьи проведено экспериментальное исследование, в ходе которого были опрошены 24 человека (12 мужчин и 12 женщин), которым задавались вопросы о психологическом насилии в семье. Итоги опроса в таблице.

Вопросы	Варианты ответа, % к числу опрошенных								
	Да	Нет	Постоянно	Неоднократно	Часто	Редко	Никогда	Не уверен	Сомневаюсь
1. Испытывали ли вы когда-либо на себе насилие? (Насилие может быть физическим, экономическим, психологическим и др.)	58,3 % (14)	37,5 % (9)		4,2 % (1)					
2. Ощущали ли вы когда-нибудь на себе угрозу применения психологического насилия? (унижение, обвинение, критика)	79,2 % (19)	16,7 % (4)		4,2 % (1)					
3. Как вы считаете, подвергались ли вы психологическому насилию?	41,7 % (10)	29,2 % (7)						29,2 % (7)	
4. Как часто вы ощущали его на себе?			4,2 % (1)		4,2 % (1)	70,8 % (17)	20,8 % (5)		
5. Есть ли у вас знакомые, подвергающиеся психологическому насилию со стороны супруга/супруги или родителей?	45,8 % (11)	16,7 % (4)						37,5 % (9)	
6. Считаете ли вы, что некоторые модели данного поведения (критика, оскорбления, унижения) являются проявлением психологического насилия?	70,8 % (17)	12,5 % (3)						16,7 % (4)	
7. Как вы считаете, необходимы ли в общении такие формы поведения как: критика, ревность, повсеместный контроль, оскорбления, приказы? (например: в отношениях с родителями, в супружеской паре, в процессе воспитания воспитании,)	8,7 % (2)	73,9 % (17)						17,4 % (4)	
8. Подвергали вы психологическому насилию близкого человека (родителей, супруга/супругу, парня/девушку)	20,8 % (5)	66,7 % (16)							12,5 % (3)

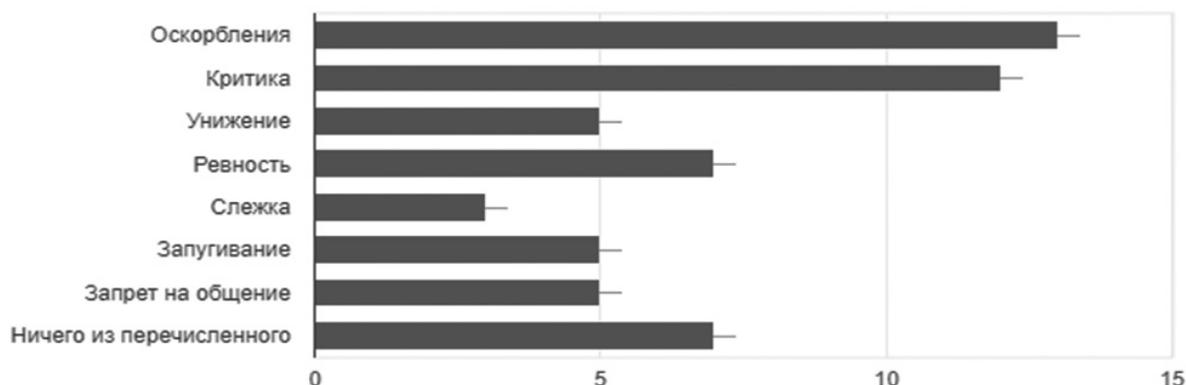
Анализируя ответы респондентов на первый вопрос, можно сделать вывод, что доля тех, кто подвергался или подвергается любому виду насилия, достаточно велика: 14 человек из 24 опрошенных.

Ответы на второй вопрос свидетельствуют о том, что большинство опрошенных (83,4%) ощу-

щали угрозу психологического насилия. Правда на основании анализа ответов на следующий вопрос, можно сделать вывод, в половине случаев она не переросла в настоящее проявление насилия: 41,7% респондентов утверждают, что по отношению к ним было применено психологическое насилие.

Какую из форм поведения вы ощущали на себе от близких людей?

24 ответа

Судя по ответам на четвертый вопрос, большинство респондентов, подвергались психологическому насилию довольно редко или в единичных случаях. Только два человека признались, что постоянно или часто испытывают его.

Распределение ответов на пятый вопрос, показывает насколько значима статистика невыявленного или скрытого насилия: лишь 16,7% опрошенных уверены, что среди их знакомых нет людей, подвергающихся насилию. Остальные респонденты либо знают о том, что их знакомые подвергаются насилию, либо сомневаются в этом.

Анализ ответов на шестой и седьмой вопрос позволяет сделать вывод, что, по мнению большинства опрошенных, такое поведение, как **критика, унижения, повсеместный контроль, шантаж, запрет на общение, слежка, запугивание, являются формами проявления психологического насилия, а также, что такое поведение недопустимо в общении супругов и родителей с детьми. Это доказывает, что большинство респондентов знакомы с проявлениями психологического насилия и могут отличить его от простого конфликта.**

В целом результаты проведенного исследования показали, что значительное число респондентов

знакомы с признаками и формами проявления психологического насилия. Это свидетельствует о том, что данный вид тирании широко распространен в российских семьях. Несмотря на то, что домашнее насилие у многих людей ассоциируется с применением физической силы, в жизни чаще всего люди подвергаются психологической и эмоциональной тирании. Между тем моральный вред не менее опасен для личности, чем физический, но чаще всего жертва не понимает, что над ней совершается психологическое насилие, и не пытается с этим бороться. Существует множество рекомендаций, как вести себя женщинам, столкнувшимся с физическим насилием в семье, и гораздо меньше — что делать тем, кто столкнулся с психологическим давлением. Представляется, что в каждом конкретном случае необходима консультация психолога: ведь кто-то годами терпит унижения и запреты, а кто-то называет «давлением» вполне обоснованные претензии своей «половины». Поэтому надо обращать внимание на малейшее давление и агрессивное поведение человека, ведь оно может перерасти в психологическое насилие. Тем более, что нередки случаи, когда психологическое насилие порождает физическое.

Литература

1. Таусинова О.К. Влияние насилия в семье на психологическое развитие подростков // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 708–712.
2. Давыдова Н.М. Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 51–57.
3. Кон И.С. Люди и роли // Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт. 1999. С. 190–232.
4. Мельниченко С.А. Предотвращение жестокости по отношению к женщинам и детям // Семья в России. 1995. № 2.

5. Стар Б. Насилие в семье // Энциклопедия социальной работы. В 3 т. Т. 2. М., 2004.
6. Социальная работа с семьей / под ред. Т.В. Шеляг. М.: Институт социальной работы, 2004.
7. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М.: Генезис. 2005. 256 с.

References

1. Tausinova O.K. Vliyaniye nasiliya v sem'e na psikhologicheskoye razvitiye podrostkov [The impact of domestic violence on the psychological development of adolescents]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2016, no. 4, pp. 708–712. (In Russian, abstract in English)
2. Davydova N.M. Glava sem'i: raspredeleniye roli i sposob vyzhivaniya [Head of the family: roles and survival]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and modernity]*, 2000, no. 4, pp. 51–57. (In Russian, abstract in English)
3. Kon I.S. Lyudi i roli [Peoples and roles]. In *Sotsiologicheskaya psikhologiya [Sociological psychology course]*. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ., 1999, pp. 190–232. (In Russian)
4. Mel'nichenko S.A. Predotvrashcheniye zhestokosti po otnosheniyu k zhenshchinam i detyam [Prevention of violence against women and children]. *Sem'ya v Rossii [Family in Russia]*, 1995, no. 2. (In Russian, abstract in English)
5. Star B. Nasilie v sem'e [Domestic violence]. In *Entsiklopediya sotsial'noi raboty [Encyclopedia of social work]*. In 3 vol., vol. 2. Moscow, 2004. (In Russian)
6. Sotsial'naya rabota s sem'ei [Social work with family]. Ed. by T.V. Shelyag. Moscow, Institut sotsial'noi raboty Publ., 2004. (In Russian)
7. Alekseeva I.A., Novosel'skii I.G. Zhestokoye obrashcheniye s rebenkom. Prichiny. Posledstviya. Pomoshch' [Child abuse. Reasons. Aftermath. Help]. Moscow, Genesis Publ., 2005. 256 p.

НАСИЛИЕ В СПОРТЕ

Сбитнев Виталий Сергеевич
Харагезов Кирилл Владимирович

Цель: определить значение агрессии в современном спорте, выявить уровень агрессии спортсменов, установить роль родителей и тренера в формировании психоэмоциональной составляющей личности начинающего спортсмена.

Методология: анализ, анкетирование, метод сравнения.

Выводы. Установлено, что около 50% из числа опрошенных спортсменов не используют агрессию как средство достижения высокого результата в соревнованиях; а 52% респондентов считают агрессию решающим фактором в одержании победы. Как показало исследование, наставники применяют насильственные методы воздействия для достижения высоких результатов к тем спортсменам, которые посвятили свою жизнь спорту, и что проявление агрессии зависит от вида спорта. Задача тренера и родителей состоит в выборе правильного направления агрессии во время спортивных соревнований. Проявление агрессии больше выражено у мужчин, чем у женщин; у мужчин-боксеров наблюдается высокая физическая агрессивность – 90%. Исключение агрессии из спорта невозможно, так как именно дух соперничества порождает ее.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в определении степени важности психоэмоциональной подготовки спортсменов, как фактора одержания победы в соревнованиях разного уровня, с помощью коррекционных воздействий тренера и родителей, закладывающих правильное направление агрессии у начинающего спортсмена.

Ключевые слова: спорт, соревнования, борьба за результат, насилие, агрессивный инстинкт, спортивная злость, спортивная агрессия, психоэмоциональная подготовка, контактный спорт, бесконтактный спорт.

Демократизация спорта привела к распространению в спорте нового явления – спортивной агрессии. Но знаем ли мы, как правильно ее оценивать? Возможно ли использовать агрессию для одержания победы в спортивном соревновании? И не повлияет ли это на формирование агрессивной личности?

В настоящее время, тренерский состав делает акцент на психоэмоциональной подготовке спортсменов. При этом специалисты не могут умалять значения спортивной агрессии, так как она является ключевым фактором в процессе самоутверждения спортсмена и одержания им победы в соревнованиях.

Борьба за результат всегда имеет эмоциональную окраску, порождает спортивную злость игровой азарт, что стимулирует возникновение

агрессии. Согласно теории дифференциальных эмоций, разработанной американским психологом К. Изардом, основополагающую роль в межличностной агрессии играют эмоциональная коммуникация, близкое нахождение противника и визуальный контакт с ним [1, с. 438]. Все эти элементы – главные составляющие любого вида спорта.

Агрессия, изначально являясь врожденным инстинктом борьбы за выживание, заложена в человеке самой природой: «Губительная энергия агрессивного инстинкта досталась человеку по наследству» [2, с. 29]. Известный австрийский зоопсихолог К. Лоренц, соотнося поведенческие инстинкты человеческого индивида и животного, пришел к выводу, что человеческая агрессия – это накапливаемое явление, требующее разрядки.

А самым безопасным и контролируемым средством осуществления данной разрядки является спорт.

Однако, в условиях провозглашения гуманных ценностей человеческой личности общество жестко регламентирует рамки насилия в спортивной борьбе. Так, в эпоху античности такие виды «тяжелой» атлетики, которые соответствовали современному боксу и борьбе, допускали более высокую степень жестокости, чем это разрешено современными правилами [3, с. 53].

Таким образом, агрессия заложена в человеке на генетическом уровне, она является его естественной составляющей. Поэтому в спорте она должна регламентироваться. Спортивная борьба должна осуществляться таким образом, чтобы один индивид не причинял чрезмерного насилия другому, а также не выносил состояние спортивной агрессии (гнева) за пределы «ринга». Для решения данной задачи необходимо подробно проанализировать причины зарождения спортивной агрессии, ее виды, способы предупреждения, а также выявить современные тенденции развития агрессии в спорте и, в том числе, его значения для достижения высоких спортивных результатов.

Понятие и причины насилия в спорте. Прежде всего, необходимо уяснить, какой смысл ученые вкладывают в данную категорию. Так, психологи определяют агрессивность как «любой вид поведения или действия, направленный на нанесение оскорбления или повреждения другому живому существу, которое мотивировано на избежание подобного обращения» [4, с. 525].

Исходя из данной дефиниции, можно выделить три критерия, характеризующих агрессивность, в том числе в сфере спорта:

- 1) агрессивность всегда выражается посредством поведенческих особенностей личности (действий);
- 2) объектом агрессии является живое существо;
- 3) важной составляющей агрессии является намерение причинить вред.

Многие специалисты отождествляют понятия «спортивная агрессивность» и «спортивная злость» [5, с. 210]. Занятие спортом и развитие физических способностей оказывает формирующее воздействие на личность спортсмена, особенно в подростковом возрасте, когда еще только складываются личностные качества индивида. Необходимо научить его контролировать свои эмоции и чувства. Учитывая, что спортивная агрессия представляет собой рациональную форму соревнования, позволяет мобилизовать физические

возможности для достижения высоких результатов, она является неотъемлемым элементом спорта.

Посредством спортивной борьбы человек способен выплеснуть агрессивные эмоции, а общество, формируя дозволенные пределы агрессивного поведения, обеспечивает безопасность других людей. Поэтому основным средством выражения агрессии как социально неопасной формы выражения «спортивной злости» является соревнование.

Что же стимулирует возникновение у спортсмена агрессии? Какой фактор является определяющим? В процессе поисков ответа на эти вопросы, были разработаны четыре теории: теория инстинкта; теория разочарования или фрустрации; теория социального научения; комбинированная теория.

Согласно первой теории, люди наследуют от своих предков инстинкт агрессивности, который рано или поздно проявится. Это может выразиться в нападении на живое существо или, как считают психологи, в катарсисе, т. е. агрессия может быть реализована посредством социально допустимых средств, одним из которых и является спорт. Таким образом, спортивная борьба позволяет выразить легальным путем агрессивные эмоции и чувства, которые заложены в наших генах.

В основе теории разочарования (драйва) лежит такое явление, как фрустрация, т. е. недостижение спортсменом поставленной цели, что и порождает спортивную агрессию. Например, когда футболист считает, что соперник отбирает у него мяч не по правилам, он испытывает состояние фрустрации, которая служит причиной проявления агрессивных действий по отношению к данному игроку. Однако следует отметить, что в настоящее время данная теория не популярна из-за утверждения, что спортивная агрессия всегда возникает в состоянии фрустрации. В опровержение этой точки зрения приводятся данные, согласно которым спортсмены в большинстве случаев преодолевают состояние фрустрации или находят неагрессивные способы ее выражения.

В теории социального научения агрессивность спортсменов рассматривается как поведение, которое они усвоили в результате наблюдения за моделями поведения других людей.

Психолог А. Бандура проиллюстрировал данное положение на примере насилия в семье [6, с. 12]. Согласно его исследованиям, дети, наблюдавшие за актами насилия, осуществляемыми взрослыми людьми, чаще повторяли такие действия, чем дети, которые не были свидетелями

подобных проявлений агрессивности. При этом воздействие было наиболее сильным в тех случаях, когда дети получали подкрепление к копированию данных моделей агрессивности взрослых.

В соответствии с наиболее популярной комбинированной теорией, причины спортивной агрессии кроются в элементах теории фрустрации и социального научения [7, с. 330]. Так, фрустрация хотя и не всегда приводит к проявлению спортивной агрессии, однако повышает вероятность ее возникновения уровня возбуждения. При этом агрессивные эмоции могут быть реализованы в действиях только в том случае, если социально освоенные модели поведения дают знать о необходимости проявления агрессивных действий в конкретной ситуации, в ином случае агрессивность не проявляется.

Виды проявления агрессии в спорте. Согласно исследованиям выдающихся психологов А. Баса и А. Дарки агрессивные реакции человека подразделяются на определенные формы: «физическая агрессия, косвенная агрессия, склонность к раздражению, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины» [8, с. 19]. Но в основном все ученые различают два главных вида спортивной агрессии инструментальную и враждебную (реактивную).

Анализ враждебной агрессивности, вывод, что в ее основе лежит цель осознанно причинить вред другому лицу посредством нанесения ему физической или психологической травмы.

Главным отличием инструментального вида спортивной агрессии является наличие насильственной цели. Например, боксер, нанося удар в голову соперника, причиняет его здоровью большой ущерб, но его единственная цель не травмировать своего противника, а выиграть поединок.

Как правило, в спорте, преобладает инструментальная агрессивность. Конечно, и враждебная, и инструментальная агрессия предполагает намерение спортсмена нанести ущерб сопернику. Но, хотя спорт характеризуется инструментальной агрессией, однако в ряде случаев она выходит за рамки дозволенного и перерастает во враждебную.

Анализ насилия в спорте на примере бокса. В ходе исследования данной проблематики нами был использован метод социального опроса посредством анкетирования, целью которого являлось выявление уровня агрессии в контактных и бесконтактных видах спорта.

Всего в анкетировании приняли участие 187 человек. Так, по мнению 40% респондентов, занимающихся бесконтактными видами спорта

(62% от числа опрошенных), агрессия является решающим фактором для достижения высокого результата на соревнованиях (40%), но большинство из них считают (60%), что для победы над соперником не обязательно проявлять агрессию.

Что касается респондентов, которые занимаются контактными видами спорта (38% опрошенных), то среди них число считающих, что агрессия имеет решающее значение в одержании победы, больше по сравнению со спортсменами в бесконтактных видах спорта, лишь на 24%. Таким образом, можно сделать вывод, что независимо от вида спорта, 52% опрошенных спортсменов применяет агрессию в спортивной борьбе, и 48% не считают ее решающим фактором. Однако следует отметить, что количество спортсменов, занимающихся контактными видами спорта, которым для достижения победы над соперником необходима спортивная агрессия (64%), преобладает над количеством тех, кто также полагает в среде спортсменов, занимающихся бесконтактными (40%). Как показали результаты опроса, в 31% случаев наставники применяют к своим подопечным насильственные методы побуждения. Сопоставляя эти данные с соотношением спортсменов, занимающихся спортом профессионально (26%), можно сделать вывод, что тренеры чаще применяют агрессию к лицам, посвятившим свою жизнь спорту. Это объясняется значимостью одержания побед для спортсменов и их наставников именно в сфере профессиональной карьеры, где спортивные соревнования имеют большое значение. Поэтому тренеры готовы применять насильственные методы воздействия для достижения высоких результатов своими подопечными. Однако следует учитывать и личностный фактор каждого тренера, так как именно от его психологических особенностей будут зависеть методы, используемые им в тренировочном процессе.

Выше уже упоминалась проблема формирования психоэмоциональной составляющей личности спортсмена и важная роль тренера и родителей, которые должны научить начинающих спортсменов направлять агрессию в нужное русло. Однако 91% респондентов утверждают, что ни тренеры, ни родители с ними на эти темы не беседуют, и агрессивный настрой по отношению к сопернику остается даже после завершения соревнований (17%) и влияет на формирование агрессивной личности. Учитывая характер проведения воспитательной работы среди молодых спортсменов, представляется необходимым задать вопрос «В какую спортивную секцию вы бы отдали своего ребенка?».

При ответе на него мнения респондентов разделились практически поровну: 49% из них хотели бы отдать ребенка в секцию бесконтактного спорта и 51% – в секцию контактного спорта. Таким образом, можно сделать вывод, что для большинства опрошенных агрессия не является решающим фактором при выборе спортивной секции.

Спортивная деятельность экстремальна по своей сути. В спорте всегда присутствует опасность – реальная или символическая. Агрессия – часть жизнь спортсмена, и в основном она проявляется во время соревнований, это рациональная

форма противостояния сопернику. Сравняя конфликтность у спортсменов и спортсменок, С.В. Афиногенова пришла к выводу, что агрессия в большей степени проявляется у мужчин, которым более присуще такое качество, как напористость.

Агрессивность зависит и от вида спорта. К примеру, те спортсмены, которые занимаются единоборствами, больше привержены к насилию и конфликтности, по сравнению с занимающимися неконтактными видами спорта. Также агрессия по-разному выражается у спортсменов и неспортсменов (см. табл.)

Таблица

Выраженность конфликтности и агрессивности [8, с. 21].

Испытуемые	Конфликтность	Агрессивность
Спортсмены	14,6	22,3
Неспортсмены	13,2	20,9
Спортсменки	15,4	18,1
Неспортсменки	14,9	17,6

Бесспорно, в боксе уровень агрессивности довольно высок. Во-первых, бокс – контактный вид спорта, в котором существует реальная опасность получить от соперника болезненный удар. Во-вторых, для бокса характерна экстремальность не только на соревнованиях, но и в процессе тренировок. Все это накладывает отпечаток на психику личности спортсмена.

Чтобы достичь высоких спортивных результатов в боксе, спортсмен не может избегать агрессии, именно она в совокупности с правильно выбранной тактикой является залогом победы. Но в ряде случаев, когда чрезмерная агрессивность может привести к тому, что спортсмен не реализует свой технический потенциал и бой закончится проигрышем. Поэтому критерий агрессии всегда должен учитываться в любом поединке и с любым соперником.

Е.М. Китаевой было проведено исследование [9, с. 20] среди спортсменов, направленное на выявление агрессивности, по методике Басса – Дарки [10, с. 56]. Оно показало, что у 77,2% боксеров преобладает физическая агрессия над вербальной. В целом же уровень агрессивности в норме у 44,4% боксеров, выше нормы – у 33,3%. Уровень враждебности в норме у 38,9%. Чувство вины присуще большинству спортсменов (63,1%). В процессе исследования также выявились различные формы агрессивного поведения среди боксеров женского и мужского пола. Было установлено, что

мужчинам присуща высокая физическая агрессивность – 90%, в то время как у женщин она составляет 68,3%. Кардинально противоположные результаты были получены при исследовании косвенной агрессии. У женщин ее показатели оказались выше, чем у мужчин, на 7,6% (соответственно 69% и 61,4%), при этом у мужчин были выше, чем у женщин, показатели раздражительности (соответственно 70,4% и 44%), а подозрительности (60% и 52%). У мужчин выше также показатели обиды (на 11%) и чувства вины (на 2,7%).

Таким образом, вне рамок косвенной агрессии у мужчин все показатели агрессивного поведения выше, чем у женщин. Общий показатель агрессивности у мужчин на 21,4% больше, чем у женщин. У мужчин он превышает норму на 0,5%, а у женщин находится в пределах допустимости.

В заключении следует сказать, что родители должны прививать детям модель неагрессивного поведения, учить их справляться со своей агрессией, правильно реагировать на конфликты. Но одним из главных условий предупреждения насилия является умение прогнозировать последствия своих действий и быть готовым нести ответственность за них.

Что касается тренера, то многое зависит от проведения им политики в своих группах. Для исключения конфликтных ситуаций на тренировках и на соревнованиях необходимо проводить мероприятия, не связанные со спортивной

деятельностью, демонстрировать демократический стиль руководства, проявлять одинаковый интерес к личности каждого спортсмена, осуществлять комплексное педагогическое воздействие на все формы агрессивного поведения [11, с. 31]. Каждый тренер должен быть нацелен на формирование позитивной агрессии, но не на полное ее устранение, ведь если спортсмену не присуща агрессивность, то его победа маловероятна. Тренеры стараются, чтобы каждый их подопечный научился применять свою агрессию в социально приемлемых способах. Наставник, который действительно хочет, чтобы спортсмен достиг высоких результатов, должен отказаться от жестоких методов тренировок и отношений со своими подопечными, применявшихся еще в Советский период. Такие методы показали свою неэффективность.

Спортсмены тоже должны контролировать свои поступки и эмоции, правильно рассчитывать собственные силы, распознавать намерения противоборствующей стороны, не поддаваться на различные рода провокации как со стороны как соперника, так и тренера, который тоже может повести себя неправильно и в стрессовой ситуации, и в обычном тренировочном

процессе. Любой человек должен всегда действовать в рамках законов, правил, установок и норм морали.

Спорт является фактором социализации и воспитания личности, так как в процессе занятий спортом возникают и проявляются различные межличностные отношения. Спорт представляет собой модель общественного пространства, в котором отдельные взаимоотношения изменены, являясь в чем-то искусственными в отличие от многообразных отношений в обществе. По своей состязательной сути спорт уже агрессивен, так как спортсмены на соревнованиях стремятся подавить своих соперников. Поэтому полностью исключить насилие из спорта невозможно, его порождает дух соперничества, чтобы противостоять сопернику. Спортсмены должны быть правильно подготовлены не только физически, но и морально. Духовная сила спортсмена тоже тренируется. Это комплексная работа не только тренера и его подопечного, но и родителей юных спортсменов, психологов, которые способны спортивную агрессию в нужное русло. Только при наличии всех этих слагаемых агрессия будет проявляться в дозволенных рамках, а уровень насилия в спорте снизится.

Литература

1. Изард К. Э. Психология эмоций. Перев. с англ. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
2. Лоренц К. Агрессия. М., 1994. 38 с.
3. Борисов С.Н. Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии. Белгород, 2013. 55 с.
4. Белова Е.С. Конфликтные ситуации диалогических взаимодействий. Конфликт в конструктивной психологии. Красноярск, 1990. 863 с.
5. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
6. Сатир В. Как строить себя и свою семью. Пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 1992. 109 с.
7. Уэйнберг Р.С., Гоулд Д. Основы психологии спорта и физической культуры. Киев: Олимпийская литература, 2001. 335 с.
8. Платонова З.Н. Агрессия как фактор адаптации подростков, занимающихся спортом // Спортивный психолог. 2009. № 3 (28). С. 67–70.
9. Китаева Е.М. Агрессивность в боксе и ее детерминированность гендерными и возрастными факторами. М.: Некоммерческое партнерство содействия развитию физической культуры, спорта и туризма «Спортуниверсгруп», 2014. 21 с.
10. Худадов Н.А. Психологическая подготовка боксеров. М.: Физкультура и спорт, 1968. 102 с.
11. Ротенберг А.Р. Педагогическая система управления личностным ростом спортсменов—единоборцев: автореф. дис. ... докт. пед. наук, СПб., 2007. 51с.

References

1. IZARD K. E. Psikhologiya emotsiy [Psychology of emotions]. Sankt Petersburg, Peter Publ., 2002. 464 p. (In Russian)
2. Lorenz K. Agressiya. [Aggression]. Moscow, 1994. 38 p. . (In Russian)

3. Borisov S.N. Fenomen nasiliya v kul'turno-antropologicheskikh praktikakh i filosofskoy antropologii. [The phenomenon of violence in cultural and anthropological practices and philosophical anthropology]. Belgorod, 2013. 55 p. (In Russian)
4. Belova E.S. Konfliktnyye situatsii dialogicheskikh vzaimodeystviy. Konflikt v konstruktivnoy psikhologii. [Conflict situations of dialogical interactions. Conflict in constructive psychology]. Krasnoyarsk, 1990. 863 p. (In Russian)
5. Ilyin E.P. Psikhologiya sporta [Psychology of sports]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2008. 352 p. (In Russian)
6. Satir V. Kak stroit' sebya i svoyu sem'yu [How to build yourself and your family. Trans. with English]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1992. 109 p. (In Russian)
7. Weinberg RS, Gould D. Osnovy psikhologii sporta i fizicheskoy kul'tury. [Fundamentals of the psychology of sports and physical culture]. Kiev, Olimpiyskaya literature Publ., 2001. 335 p. (In Russian)
8. Platonova Z.N. Agressiya kak faktor adaptatsii podrostkov, zanimayushchikhsya sportom. [Aggression as a factor in the adaptation of adolescents involved in sports]. *Sportivnyy psikholog [Sports Psychologist]*, 2009, no. 3(28), pp. 67–70. (In Russian, abstract in English)
9. Kitaeva E.M. Agressivnost' v bokse i yeye determinirovannost' gendernymi i vozrastnymi faktorami [Aggressiveness in boxing and its determinism by gender and age factors]. Moscow, Sportunivergroup Publ., 2014. 21 p. (In Russian)
10. Khudadov N.A. Psikhologicheskaya podgotovka bokserov. [Psychological training of boxers]. Moscow, Fizkul'tura i sport Publ., 1968. 102 p. (In Russian)
11. Rotenberg A.R. Pedagogicheskaya sistema upravleniya lichnostnym rostom sportsmenov-yedinobortsev: avtoreferat. [Pedagogical system of management of personal growth of sportsmen-martial artists: the author's abstract]. Sankt Petersburg, 2007. 51 p. (In Russian)

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АРЯМОВА А.А., БОДАЕВСКОГО В.П., СЕЛИВАНОВА А.А. «УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: НАЗНАЧЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ» (под ред. А.А. Арямова, М.: Юрлитинформ, 2017. 320 с.)

Дубовик Ольга Леонидовна

В рецензии характеризуется содержание, структура, методика и аргументация учебного пособия об уголовном наказании и освобождении от него, а также цели наказания, его функции. Освещается подход авторов книги к логике изложения отдельного правового института в целом и применительно к назначению наказания отдельным категориям лиц.

Ключевые слова: наказание, преступление, уголовное право, правовой институт, юридическое образование, правореализация, справедливость.

Проблематика наказания, как и преступления, относится к вечным. В уголовно-правовой науке, беллетристике, общественном мнении, политике государств и международного сообщества в целом она никогда не теряла своей актуальности. Публикациям об уголовном наказании, его видах, принципах назначения, целях, справедливости, эффективности и других вопросах действительно несть числа. И вроде бы уже не о чем писать (спорить, конечно, есть, о чем). И так всем ясно: эта проблема актуальна; она исследована со всех сторон; она вечна; она в принципе неразрешима и т.д. Несмотря на это, на мой взгляд, следует приветствовать появление очередной — и заслуживающей внимания — книги об уголовном наказании, его назначении и освобождении от него.

Эта книга издана в формате учебника. По сложившейся привычке в России учебники обычно издаются по отраслям права, т.е. учебники конституционного, гражданского, трудового, экологического и иного права, в которых освещаются история формирования данной отрасли, воззрения мыслителей, внесших существенный вклад в ее развитие, содержание правовых институтов, связь с принципами и нормами международного права, система органов, осуществляющих правореализацию, реализующих ответственность за

нарушение установленных законом требований, судебная практика и т.д. Иными словами, в этих учебниках дается общая характеристика отрасли. В отличие от этого рецензируемый учебник посвящен одному правовому институту — наказанию. Это знаковый шаг в российской юридической науке, олицетворяющий не только достижения, но и обозначающий новые направления научной и образовательной деятельности. Дело в том, что в эпоху социализма существовали не только ограничения прав и свобод, о которых говорено-переговорено, но и ограничения другого рода. Например, учебники или комментарии к Уголовному кодексу РСФСР могли издаваться только издательством «Юридическая литература» (в редчайших случаях — издательством «Наука»), состав авторских коллективов тоже был предопределен: профессора юрфака МГУ имени М.В. Ломоносова или Ленинградского университета (как правило).

Представить себе в то время, что учебник может быть подготовлен учеными, работающими в других ВУЗах СССР, было немыслимо. Ситуация начала меняться во второй половине 90-х годов XX века на фоне общих преобразований в стране. После принятия УК РФ 1996г. вышли в свет комментарии к нему (огромными тиражами), а спустя

два – три года стали появляться комментарии к отдельным главам Кодекса (неслыханная практика в советскую эпоху). Такого рода комментариев ныне много: об экологических, экономических, служебных и иных преступлениях. В отношении же учебников, в которых представлены основы того или иного правового института аналогичной оценки пока сделать нельзя. Именно поэтому рецензируемая книга требует анализа не только по существу сформулированных в ней положений, но как попытка ввести новый формат в систему юридического образования в России.

Учебник состоит из введения, семи глав и списка литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины в целом, включающего 134 опубликованных труда и 19 интернет-ресурсов (с. 303–317). Сразу надо отметить необычность содержания и структуры, введения (с. 3–22), которое обычно в рецензиях на книги не оценивается. Но в данном случае это необходимо сделать. Введение в учебник построено по жесткой схеме: в нем выделены пять разделов – о цели освоения дисциплины, ее месте в структуре основной образовательной программы, о требованиях к результатам освоения дисциплины (они даны в удобной для восприятия таблице, включающей параметры общекультурных компетенций, форм и методов обучения, коды), о методических указаниях для обучающихся по освоению дисциплины (модуля), в которых сформулированы как общие рекомендации, так и задачи лекционных и семинарских занятий, а также цели самостоятельной работы обучающихся. Завершается введение перечнем вопросов для подготовки к экзамену, а также таблицей «Критерии оценки знаний, умений, навыков и заявленных компетенций».

В главе первой учебника «Понятие, признаки и цели наказания (с. 23–96) выделено девять параграфов с целью формирования у студентов развернутых представлений о содержании уголовно-правового института «наказание». В них освещаются в первую очередь следующие вопросы: методология учения об уголовном наказании; наказание как противоречие и формы его разрешения, как нравственная категория. Затем описываются этапы развития учения о наказании и дается его понятие, а также определяются связи (соотношение) с иными юридическими институтами и понятиями. При этом особо выделен вопрос о соотношении терминов «наказание» и «кара», что обычно и анализируется юристами на протяжении многих веков, но не теряет актуальности в наши дни. Далее следует изложение классической проблемы целей наказания. Завешается гла-

ва двумя параграфами о критериях и федеральных показателях эффективности наказания и об основаниях, критериях и принципах построения системы наказаний.

Следует признать, что в этой главе отражены все идеи, наработки отечественных юристов – ученых и практиков. Материал достаточен для ориентации студентов в существе проблемы и изложен таким образом, чтобы ознакомление с ним пробудило интерес и способствовало более углубленному изучению проблематики наказания (не ограничиваясь чтением знаменитейшего романа Федора Достоевского).

Последующие главы построены по классической схеме: в них освещаются исходные теории о системе и видах наказания (гл. 2, с. 97–155), о назначении наказания и условиях применения данного правового института (гл. 3, с. 156–211), об освобождении от уголовного наказания (гл. 4, с. 212–239).

Заключительные три главы учебника дают развернутый материал, касающийся специальных случаев назначения наказаний – в отношении несовершеннолетних (с. 239–247), военнослужащих (гл. 6, с. 248–282), а также особенностей назначения наказаний несовершеннолетним военнослужащим и освобождения от них (гл. 7, с. 283–302). Авторы учебника не объясняют, почему именно этим проблемам (наказание несовершеннолетних военнослужащих) они уделили особое внимание. Возможно, при переиздании учебника они включат в него также проблематику назначения наказания рецидивистам; лицам, к которым применяются иные меры уголовно-правового воздействия; практику зарубежных стран и другую тематику.

Каждая глава снабжена списком рекомендуемой литературы, включающим как российские, так и иностранные источники (переведенные и изданные в РФ), олицетворяющие достижения юридической мысли в XIX, XX веках и сегодня.

Подводя итоги, следует сказать, что издание учебника по отдельному правовому институту может стать «первой ласточкой» и повлиять на формат юридического образования, способствовать пробуждению более глубокого интереса студентов к изучению отдельных (не только уголовного права) дисциплин, повысить ответственность профессорско-преподавательского состава и повлиять на систематику отношений между наукой и законодателем. Даже если этого не произойдет, учебник «Уголовное наказание: назначение и освобождение» уже сыграл определенную роль, воздействуя на профессиональное юридическое мышление (и не только на мышление автора этой рецензии).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балашова Анна Юрьевна – студентка 2-го курса юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ayubalashova@edu.hse.ru

Балебанова Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, главный специалист Правового управления Публичного акционерного общества «Московская объединенная энергетическая компания», malu_g77@mail.ru

Борукаева Лана Алиевна – студентка 2 курса института частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, l.borukaeva@mail.ru

Бочкарева Елена Вадимовна – аспирантка кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, lena.bochkareva.lena@gmail.com

Визе Сидни Луиза – студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, sidneylouis@gmail.com

Докучаева Дарья Игоревна – студентка 2-го курса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», didokuchaeva@edu.hse.ru

Дубовик Ольга Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, o.l.dubovik@yandex.ru

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, oleg010663@mail.ru

Зендер Софи – студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, sendersophie97@gmail.com

Лебедева Анастасия Александровна – студентка 2-го курса Российского государственного социального университета, nastia.05.12.1998@mail.ru

Лопашенко Наталья Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Саратовской государственной юридической академии, lopashenko@yandex.ru

Лунеев Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, заслуженный деятель науки, главный научный сотрудник ИГП РАН, criminallaw@igpran.ru

Майзель Маркус – студент 4 семестра факультета права Потсдамского университета, mmaisel@uni-potsdam.de

Махнева Арина Дмитриевна – студентка 2-го курса юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», arina-makhnjova@mail.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, mackevich2004@mail.ru

Митина Анастасия Александровна – студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, nastyamitina1999@mail.ru

Мюллер Роберт – студент факультета права Потсдамского университета, robertmue@uni-potsdam.de

Нойхаузен Елена Анастасия – студентка Юридического института Российского университета дружбы народов, neuhausenjelena@yandex.ru

Рыжова Валерия Витальевна – студентка Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, ryzowa.lera@yandex.ru

Сбитнев Виталий Сергеевич – студент 1 курса Института прокуратуры государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, vitaly1404@mail.ru

Скиба Андрей Петрович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, apskiba@mail.ru

Соболева Екатерина Андреевна – аспирантка кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, katharina.soboleva@gmail.com

Солодунин Александр Павлович – студент второго курса юридического факультета Российского государственного социального университета, solodunin@bk.ru

Сторей Джессика – студентка LL.M факультета права Потсдамского университета, storey@uni-potsdam.de

Тарасова Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, ведущий специалист ФГБНУ «Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации», член Российской криминологической ассоциации, vohma@list.ru

Федоров Никита Ильич – студент 2-го курса института частного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, allahodamnce@mail.ru

Харагезов Кирилл Владимирович – студент 1 курса Института прокуратуры государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, kharagezov2015@mail.ru

Циммерманн Кай – студент 6 семестра факультета права Потсдамского университета, zimmermann.kai.thorben@gmail.com

Чурина Анна Алексеевна – студентка 3 курса Юридического института Российского университета дружбы народов, anichurina@gmail.com

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Balashova Anna Yu. – 2. Jahr student der der Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Nationalen Forschungsuniversität «Hochschule für Wirtschaft», ayubalashova@edu.hse.ru

Balebanova Tatiana A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Hauptfachmann der Rechtsabteilung Der öffentlichen Aktiengesellschaft «die Moskauer Vereinigte Machtgesellschaft», malu_g77@mail.ru

Bochkarewa Elena W. – Postgraduierte des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, lena.bochkareva.lena@gmail.com

Borukaewa Lana A. – Zweiter Jahr Studentin, Privatrecht Institut an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, l.borukaeva@mail.ru

Dokutschajewa Darja I. – 2. Jahr Studentin der Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Nationalen Forschungsuniversität «Hochschule für Wirtschaft», didokuchaeva@edu.hse.ru

Dubovik Olga L. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, o.l.dubovik@yandex.ru

Fedorov Nikita I. – Zweiter Jahr Studentin, Privatrecht Institut an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, allahodamnce@mail.ru

Kharagezov Kirill V. – 1. Jahr student des Instituts für Staatsanwaltschaft an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, kharagezov2015@mail.ru

Lebedeva Anastasia A. – Zweiter Jahr Student der Russischen Staatlichen Sozialen Universität, nastia.05.12.1998@mail.ru

Lopashenko Natalia A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der staatlichen Rechtsakademie Saratov, lopashenko@yandex.ru

Luneev Victor V. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Preisträger des Staatspreises der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler, chefforscher des IGP RAS, criminallaw@igpran.ru

Maisel Markus – Student der Rechtswissenschaft im 4. Fachsemester an der Universität Potsdam, mmaisel@uni-potsdam.de

Makhneva Arina D. – 2. Jahr Student der der Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Nationalen Forschungsuniversität «Hochschule für Wirtschaft», arina-makhnjova@mail.ru

Matskevich Igor M. – Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen M.V. Lomonosov-Universität, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

Mitina Anastasia A. – Student des Instituts für das Büro des Anklägers der Moskauer staatlichen juristischen Universität O.E. Kutafin, nastyamitina1999@mail.ru

Müller Robert – Promotionsstudent der Rechtswissenschaft an der Universität Potsdam, robermue@uni-potsdam.de

Neuhausen Jelena A. – Studentin der Russische Universität der Völkerfreundschaft, neuhausenjelena@yandex.ru

Ryzhova Valery V. – Student des Instituts für das Büro des Anklägers der Moskauer staatlichen juristischen Universität O.E. Kutafin, ryzowa.lera@yandex.ru

Sbitnev Vitaly S. – 1. Jahr student des Instituts für Staatsanwaltschaft an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, vitaly1404@mail.ru

Sender Sophie – Student der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, sendersophie97@gmail.com

Skiba Andrey P. – Doktor Der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Leiter des Lehrstuhls Für Strafverfolgungsrecht der Akademie des föderalen Strafvollzugsdienstes Russlands, apskiba@mail.ru

Soboleva Ekaterina A. – Doktorand, Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Staatliche Lomonosov Universität, katharina.soboleva@gmail.com

Solodunin Alexander P. – Student des zweiten Studienjahres der juristischen Fakultät, Russische Staatliche Soziale Universität, solodunin@bk.ru

Storey Jessica – LL.M.-Studentin der Rechtswissenschaft an der Universität Potsdam, storey@uni-potsdam.de

Tarasova Yulia V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, führender Spezialist am FSBI “Forschungszentrum für Privatrecht, benannt nach S.S. Alekseev unter dem Präsidenten der Russischen Föderation”, Mitglied der Russian Criminological Association, vohma@list.ru

Tschurina Anja A. – Student des 3. Kurses Juristische Institut Russische Universität der Völkerfreundschaft, anichurina@gmail.com

Wiese Sidney L. – Student der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, sidneylouisa@gmail.com

Zaytsev Oleg A. – Dr. iur., Professor, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Chefforscher des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, oleg010663@mail.ru

Zimmerman Kai – Student der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, zimmermann.kai.thorben@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Balashova Anna Yu. – 2nd year student of the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics, ayubalashova@edu.hse.ru

Balebanova Tatiana A. – Candidate of legal Sciences, chief specialist of the Legal Department of the Public joint-stock company «Moscow United energy company», malu_g77@mail.ru

Bochkareva Elena V. – postgraduate student of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University, lena.bochkareva.lena@gmail.com

Borukaeva Lana A. – Second year student of the Private law institute, of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, l.borukaeva@mail.ru

Churina Anna A. – 3d student Law Institute Peoples' Friendship University of Russia, anichurina@gmail.com

Dokuchaeva Darya I. – 2nd year student of the Faculty of Law of National Research University «Higher School of Economics», didokuchaeva@edu.hse.ru

Dubovik Olga L. – Doctor of Law, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, o.l.dubovik@yandex.ru

Fedorov Nikita I. – Second year student of the Private law institute, of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, allahodamnce@mail.ru

Kharagezov Kirill V. – 1st year student of the Institute of public Prosecutor's office of the state law University named after O. E. Kutafin, kharagezov2015@mail.ru

Lebedeva Anastasia A. – Second year student of the Russian State Social University, nastia.05.12.1998@mail.ru

Lopashenko Natalia A. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Saratov State Law Academy, lopashenko@yandex.ru

Luneev Victor V. – Doctor of law, Professor, Laureate of the state prize of the Russian Federation, Honored scientist, chief researcher of IGP RAS, criminallaw@igpran.ru

Maisel Markus – 4th semester student of the Potsdam University Law Faculty, mmaisel@uni-potsdam.de

Makhneva Arina D. – 2nd year student of the Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics, arina-makhnjova@mail.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Honored Scientist of Russia, President of the Union of Criminalists and Criminologists, President of the International Foundation for Legal Initiatives, mackevich2004@mail.ru

Mitina Anastasia A. – student of the Institute of Prosecutor's Office of Moscow state law University O. E. Kutafina, nastyamitina1999@mail.ru

Müller Robert – Promotionsstudent of the Potsdam University Law Faculty, robermue@uni-potsdam.de

Neuhausen Jelena A. – Student of the law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, neuhausenjelena@yandex.ru

Ryzhova Valeria V. – student of the Institute of Prosecutor's Office of Moscow state law University O. E. Kutafina, ryzowa.lera@yandex.ru

Sbitnev Vitaly S. – 1st year student of the Institute of public Prosecutor's office of the state law University named after O. E. Kutafin, vitaly1404@mail.ru

Sender Sophie – 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, sendersophie97@gmail.com

Skiba Andrey P. – Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Enforcement law of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia, apskiba@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Soboleva Ekaterina A. – PhD. Student of Criminal Law and Criminology Department of Lomonosov Moscow State University, katharina.soboleva@gmail.com

Solodunin Alexander P. – Second year student of law faculty of Russian state Social University, solodunin@bk.ru

Storey Jessica – LL.M. student of the Potsdam University Law Faculty, storey@uni-potsdam.de

Tarasova Yulia V. – Candidate of Legal Sciences, Leading Specialist at the FSBI “Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation”, a member of the Russian Criminological Association, vohma@list.ru

Wiese Sidney L. – 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, sidneylouis@gmail.com

Zaytsev Oleg A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia, Chief Researcher of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, oleg010663@mail.ru

Zimmerman Kai – 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, zimmermann.kai.thorben@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Viktimologische Aspekte von Korruptionsverbrechen im Gesundheitswesen

Balebanova T.A.

Ziel: viktimologische Aspekte der Kommission von Korruptionsverbrechen im Gesundheitsbereich zu denken: Annäherungen an die Definition des Konzepts «anzugeben Opfer eines Verbrechens» spezieller Charakter des verursachten Schadens zu definieren; viktimologische Determinanten aufzudecken; Typologie von Opfern zu bringen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Korruption behindert die Umsetzung der Ziele der sozioökonomischen Politik eines jeden Staates. Das Thema der viktimologischen Korruption im Gesundheitsbereich ist das Opfer des Korruptionsverhaltens – das ist die natürliche oder juristische Person, sowie die Gruppe von Personen, die (oder die) durch die Korruptionstätigkeit physischen, materiellen, moralischen oder Rufschaden oder bezüglich der verursacht wird (wen) die Gefahr des Verursachens solchen Schadens geschaffen wird. So ist das Opfer solcher Verbrechen in der Regel die natürliche Person, die ärztliche Behandlung braucht und daran in der medizinischen Einrichtung gerichtet hat.

Am weitesten verbreitete Formen der Viktimität ist schuldig und unschuldig, die sich mehr in den folgenden Strukturen der durch Den Strafgesetzbuch der Russischen Föderation zur Verfügung gestellten Verbrechen manifestieren: «Missbrauch von amtsmächten» (Artikel 285); «Nachlässigkeit» (Artikel 293); «Empfang eines bestechungsgeldes» (Artikel 290); «Bürofälschung» (Artikel 292). Drei Typen des Verhaltens des Opfers eines Korruptionsverbrechens im Gesundheitswesen werden mit der Schuldigen und unschuldigen Viktimität-verbunden neutral, positiv und negativ. Charakterisierung des Verhaltens des Opfers ist zu beachten, dass die persönlichen Qualitäten und Ihre Beziehung mit der Verhaltensreaktion durch Determinanten des individuellen viktimver Verhaltens mehr bestimmt werden. Solche Determinanten sind die Gesamtheit sozial-psychologische Eigenschaften der Person, die ein bestimmtes Modell des Verhaltens des Opfers in bestimmten Situationen bildet, in einer ganzen psychobiologischen Prozesse und in der Gesellschaft vorhandenen Bedingungen vereinigend, die Kommission des Korruptionsverbrechens fördern.

Ein ernstes Problem für die viktimologische Forschung von Opfern von Korruptionsverbrechen im Gesundheitsbereich ist ein hohes Maß an Latenz, die nicht die Möglichkeit gibt, solche privaten Eigenschaften wie Geschlecht, Alter, sozialer Status, soziale Rollen, die offizielle Position, Zugehörigkeit zu dieser oder jener Gruppe zu verallgemeinern.

Der Autor glaubt, dass der Glaube der Person allen Wörtern und Handlungen des Arztes der Hauptbestandteil im Verhalten des Opfers der betrachteten Verbrechen bleiben wird. Die abhängige Rolle des Patienten bestimmt die erhöhte Viktimizität, die es nicht erlaubt, schließlich im Bewusstsein des Opfers den Wunsch zu stärken, dem Korruptionsverhalten des medizinischen Arbeiters, insbesondere dem behandelnden Arzt, zu widerstehen. So ist das Hauptviktimologische Problem von Korruptionsverbrechen im Gesundheitswesen-anonym und Massencharakter von Opfern von Verbrechen, die unschuldiges Verhalten besitzen, unfähig, Bestechungshandlungen von medizinischen Arbeitern und in der direkten oder indirekten Drohung des Verursachens des Schadens von Taten der kriminellen Korruption zu erkennen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der detaillierten Eigenschaft von viktimologischen Aspekten von Korruptionsverbrechen im Gesundheitsbereich.

Stichwörter: Viktimologie, Opfer des Verbrechens, Korruption, Gesundheitswesen, Determinanten, Typologie des Opfers, Viktimität im Gesundheitswesen, Viktimisierung, Gegenstand der Korruption, Charakter des Schadens.

Merkmale des gegenwärtigen Standes der Kriminalisierung der Gesellschaft und ihrer kriminologischen Bewertung

Bochkareva E.W.

Ziel: betrachten und analysieren Sie die Indikatoren, die den aktuellen Stand der Kriminalisierung der Gesellschaft charakterisieren, und geben Sie eine kriminologische Bewertung ab.

Methodologie: analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, statistische Methode, mathematische Methode.

Schlussfolgerungen. Bei der Bewertung des aktuellen Stands der Kriminalisierung der Gesellschaft kommt der Autor zu dem Schluss, dass die Kriminalitätsrate auf dem Territorium der Russischen Föderation in den letzten 5 Jahren gesunken ist, aber seine Professionalisierung und Wiederholung zunimmt, was wiederum auf eine erhöhte kriminelle Situation im Land hindeutet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte wissenschaftliche Forschung erlaubt es, die Problematik des aktuellen Standes der Kriminalisierung der Gesellschaft genauer zu untersuchen und auf der Grundlage der erzielten Ergebnisse Empfehlungen für die Verbesserung der Maßnahmen gegen die Kriminalisierung der Gesellschaft zu entwickeln.

Stichwörter: Kriminalisierung, Kriminalität, kriminologische Beurteilung, Professionalisierung der Kriminalität, Rückfallkriminalität, Selbstbestimmung der Kriminalität.

Russische Strafpolitik: wie Man aufhören sich zu sorgen und zu Leben beginnt (Erinnerungen an die Zukunft)

Lopashenko N.A.

Ziel: zu analysieren und eine expertenbewertung der Trends der Entwicklung der inländischen strafpolitik zu geben.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Analyse, Synthese, soziologische und historische Methoden.

Schlussfolgerungen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass die Bereitstellung von strafrechtlichen Bedürfnissen der Praxis durch die Kräfte der Wissenschaft tatsächlich die einfachste Antwort auf die Frage der strafrechtlichen Politik ist, aber in letzter Zeit wird die these über die Rolle der Wissenschaft in der Gesetzgebung zunehmend in Frage gestellt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Eine detaillierte Analyse der Entwicklung der inländischen strafpolitik wird dazu beitragen, Fehler zu verstehen und Trends in der Entwicklung der Strafgesetzbuch in Russland zu skizzieren. Diese Studie kann sowohl von wissenschaftlichen als auch von praktischen Arbeitnehmern als auch von Studenten, die das Strafrecht untersuchen, von Interesse sein.

Stichwörter: Straf-Politik, Strafrecht, Gesetzgebung, internationales Strafrecht, Kriminalisierung, Entkriminalisierung.

Kriminalität in Russland und seine modernen Probleme

Luneev V.V.

Ziel: Die Nachteile von sozio-rechtlichen und Kriminologischen Studien zu analysieren, Ihre Bedeutung für die Entwicklung der Strafgesetzgebung in der Russischen Föderation zu bezeichnen, die notwendigen Perspektiven für die Entwicklung von realen analytischen Studien zu bieten, um eine wirksame Gesetzgebung zu bilden.

Methodologie: Interdisziplinäre Ansätze und Verwendung der Analyse, Abstraktion, Synthese, Deduktion und Induktion.

Schlussfolgerungen. 1) die Bekämpfung der Kriminalität erfordert wirksamere kriminologische, soziale, wirtschaftliche und politische Maßnahmen auf nationaler und internationaler Ebene; 2) es ist notwendig, Mathematik, Philosophie der Mathematik und Logik an den juristischen Fakultäten zu studieren; 3) das Land braucht dringend Managementreform, Wirtschaftsreform, Reform des Rechtssystems und der Rechtsstaatlichkeit im Allgemeinen, Reform der analytischen und prognostischen Aktivitäten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die vom Autor vorgeschlagenen Empfehlungen können zur Verbesserung der sozio-rechtlichen und Kriminologischen Forschung genutzt werden. Auch die Ergebnisse der Studie können im Bildungsprozess beim Studium der Kriminologie in höheren Bildungseinrichtungen angewendet werden.

Stichwörter: Kriminalität in Russland, Kriminologie, kriminologische Forschung, analytische Forschung, Gesetzgebung Statistik, Ideologie, Dogma, Pragmatik, Rechtsetzung Gerechtigkeit, Unvermeidlichkeit der Strafe.

Auf einigen Richtungen der Entwicklung des strafverfolgungsrechts und der Kriminologie (auf dem Jahrestag des Lehrstuhls des kriminalitäts- und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität)

Skiba A.P.

Ziel: Identifizierung bestimmter Entwicklungsbereiche der Kriminologie und des Strafvollzugsrechts.

Methodologie: Induktion, Deduktion, Synthese, Die Methoden der historischen Analyse, vergleichend-legal, formal-logisch Methoden.

Schlussfolgerungen. Eine Reihe von Richtlinien für die Entwicklung des Kriminalitäts- und Strafrechtsrechts wurde festgelegt durch: Analyse der Kriminalität von juristischen Personen; Untersuchung der Strafbarkeit bestimmter Kategorien von Personen sowie der Einzelheiten der Verbüßung ihrer Strafe, einschließlich ihres rechtlichen Status, der Möglichkeit einer vorzeitigen Entlassung aus dem Strafvollzug usw.; Straf-, Exekutiv-, Strafprozess-, Polizei-, Verwaltungs- und andere Gesetze, die verschiedene Aspekte der Ausübung von Befugnissen und Diensten von Strafverfolgungsbehörden regeln; Fortsetzung der kriminologischen Analyse der Normen des Strafvollzugs; Studie des Strafgesetzbuches, Criminal Enforcement Code und föderale Gesetz „Auf der Grundlage der Kriminalprävention in der Russischen Föderation“ und andere normative Rechtsakte mit dem Ziel, „blinde Flecken“ und rechtliche Konflikte zu beseitigen; Entwicklung der Strafverfolgungsgesetzgebung bei Naturkatastrophen, Einführung eines Not- oder Kriegsrechts.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Es wurden eine Reihe von Richtlinien für die umfassende Entwicklung der Kriminologie und des Strafvollzugsrechts festgelegt, und praktische Empfehlungen für die Aktivitäten der wissenschaftlichen Teams der Autoren wurden durch entsprechende Studien formuliert.

Stichwörter: Haftung von juristischen Personen, Gesetzeskollisionen, kranke Personen, Strafgesetzgebung unter extremen Bedingungen.

Finanzierung von Forschungs- und Bildungsprojekten in Russland und Deutschland: eine vergleichende Bewertung von Chancen und Lücken

Tarasova Yu.V.

Ziel ist die Finanzierungsmodelle von Forschungs- und Bildungsprojekten in den beiden Ländern des kontinentalen Rechtssystems (auch im Hinblick auf mögliche Verstöße).

Methodologie: Die Studie wurde anhand von Vergleichsmethoden (Vergleichen) durchgeführt, wobei Elemente der dialektischen materialistischen Doktrin verwendet werden: Verstöße in der Bildungsfinanzierung werden als soziales Phänomen mit einer Reihe von Methoden der humanitären Wissenschaft betrachtet: Soziologie der Sozialpsychologie (zur Beschreibung sozialer Prozesse in der Bildung, Wirtschaftstheorie (Wirtschaftsmodelle der Bildungsfinanzierung zu analysieren.) Die historische Methode wird bei der Überprüfung historischer Finanzmodelle relativ häufig verwendet Bildung und Wissenschaft in Russland.

Schlussfolgerungen. Die in den letzten Jahren in Russland und Deutschland in Schulen, Universitäten, Vorschulen und in der Wissenschaft verwendeten Finanzierungsoptionen haben die wichtigsten Trends in der Richtung der Cashflows in diesem Bereich aufgezeigt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Arbeit liegt darin, dass aufgrund einer Analyse der historischen Wurzeln dieser Modelle eine rechtliche und wirtschaftliche Rechtfertigung der vorherrschenden Trends gemacht wurde und mögliche Variationen von Verstößen in ihnen entworfen wurden (es gibt ein kriminelles Potential und mögliche negative Konsequenzen für das gesamte Bildungs- und Wissenschaftssystem in Russland). Die Studie ermöglichte es, die in der deutschen und der einheimischen Literatur vorgeschlagenen Maßnahmen zu analysieren, um einige Richtungen für ihre Korrektur vorzuschlagen.

Stichwörter: Finanzierung von Bildung, Finanzierung in Wissenschaft, Forschung und Entwicklung, Budgetbildung, außerbudgetäre Förderung, Menschenrechtsverletzungen, deutsche Bildung, Bildungsförderung, innovative Forschung, Wissenschaftspolitik.

Professor Isahan Veysal Oğlu Veliyev-60 jahrestag

Matskevich I.M., Zaytsev O.A.

Ziel: eine Biographie zu erstellen und den Lebensweg eines herausragenden aserbaidchanischen Gelehrten und einer öffentlichen Persönlichkeit zu verfolgen.

Methodologie: Historische Ansätze, Analyse, Abstraktion, Synthese, Deduktion und Induktion.

Schlussfolgerungen. Isahan Veysal oglu Veliyev ist ein herausragender Wissenschaftler. Sein Lebensweg spiegelt das Schicksal seiner Heimat in der sowjetischen und postsowjetischen Zeit der fortschreitenden Entwicklung des Landes wider.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die junge Generation von Anwälten sollte dem Beispiel von Isakhan Veysal oglu Veliyev folgen. Heute steckt er voller kreativer Pläne, deren Umsetzung er gerne wünscht.

Stichwörter: Jubiläum, Professor, Staatsanwaltschaft, Wissenschaftler, Anwalt, Baku, Aserbaidchan, Kriminologenvereinigung, Kriminologe, Doktor der Wissenschaften.

Aufschiebung der Vollstreckung einer Strafe in der russischen Gesetzgebung, ausgehend von Art. 82 des Strafgesetzbuches

Balashova A. Yu.

Ziel: in diesem Artikel wird das Institut der Aufschiebung der Vollstreckung der Strafe in den strafrechtlichen, strafprozessualen und strafvollstreckungsrechtlichen Vorschriften analysiert.

Methodologie: dialektische Methode, allgemeine wissenschaftliche und spezielle Methoden der Erkenntniserlangung: systematisch-strukturelle, vergleichende, soziologische, statistische, formal juristische, rechtshistorisch etc.

Schlussfolgerungen. Im Strafrecht ist ein anderer Grund für die Aussetzung der Strafe – im Zusammenhang mit einer Drogensucht – vorgesehen. Im Artikel sind die Gründe der Aufhebung der Aussetzung der Strafe charakterisiert. Zudem werden Vorschläge zur Reform der Gesetzgebung gemacht. Für die Formulierung entsprechender Vorschläge zur Verbesserung dieses Instituts wurden sämtliche Normen des Strafrechts und des Familienkodexes betrachtet; zudem wurde eine rechtsvergleichende Analyse zwischen den Staaten, die das Institut in ihrer Gesetzgebung haben, durchgeführt.

Im Zusammenhang mit dem doppelten Charakter des Instituts der Vollstreckung der Strafe wird sie als eine Variante sowohl der Aussetzung der Strafe zu einer Bewährung als auch der vorzeitigen Entlassung aus dem Gefängnis auf Bewährung dargestellt.

– Um das Problem der zu langen Frist der Aufschiebung zu lösen, die tatsächlich eine Probezeit für die Ausübung der Pflichten des Elternteils darstellt, wird vorgeschlagen, dass die Gerichte eine bedingte Aussetzung der Strafe mit einer pflichtgemäßen angemessenen Erfüllung der Pflichten zur Erziehung des Minderjährigen anordnen.

– Es ist notwendig, in den Normen des Vollstreckungskodexes die Methoden der Berechnung der Aufschiebungszeit für Mütter im Falle der Geburt des zweiten Kindes zu verankern. Es erscheint unmenschlich, die Strafe bis zum Alter von 14 Jahren des jüngeren Kindes aufzuschieben und die Mutter permanent bei der Erfüllung ihrer elterlichen Pflichten zu überwachen.

– Es wird empfohlen, die Fristen gesetzlich festzulegen, wenn man die Frage über die Rücknahme der Aufschiebung und der Verbüßung der Strafe bei einer mehrmaligen Aufschiebung, die die Frist der Strafe überschreitet, betrachtet.

– Um die Arbeit der Vollstreckungsorgane zu erleichtern und zu vereinheitlichen, müssen die Anforderungen, die den Eltern während der Aufschiebung auferlegt werden, in der Strafvollstreckungsgesetzgebung klar festgelegt werden.

– Zukünftig sollten der rechtliche Status des Vaters und die Voraussetzungen für die Aufschiebung der Strafe zur gesetzgeberischen Prüfung vorgelegt werden, da im Moment die ungleichen Anforderungen an den Vater und der Mutter bei der Erteilung der Aufschiebung dem Prinzip der Humanität, die in der Verfassung verankert ist, widerspricht.

– Um strittige Fragen bezüglich des Vaters und des Adoptivelternteils zu klären, sollte folgende Anmerkung hinzugefügt werden: „Im Falle der Begehung einer Straftat durch den Vater oder eines Adoptivelternteils, welche minderjährige Kinder haben, kann die Aufschiebung der Vollstreckung der Strafe angeordnet werden.“

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Im Artikel wird die Realisierung der Voraussetzungen der strafrechtlichen Grundsätze bei der Strafzumessung einer Frau, die eine Straftat begangen hat, analysiert (aufgrund statistischer Angaben, Ergebnissen von durchgeführten Analysen und rechtsvergleichender Betrachtung der Stellung des Gesetzgebers zu dieser Frage). Die analysierten Gründe haben einen tiefen, sozialen, wirtschaftlichen und rechtlichen Hintergrund. Daher ist eine ausreichende Analyse nur dann möglich, wenn die Normen der verschiedenen Rechtsgebiete und der Bereich des öffentlichen Lebens detailliert betrachtet werden.

Es wurden große Probleme der strafrechtlichen Regulierung der Aufschiebung der Vollstreckung der Strafe (Art. 82 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) aufgedeckt und Empfehlungen für deren Überwindung gegeben.

Stichwörter: Gleichheitsprinzip; Gerechtigkeitsprinzip; Prinzip der Menschlichkeit; Strafzumessung; Frauenkriminalität; Aufschiebung der Vollstreckung Strafe; Bewährungsstrafe; Strafaussetzung; Adoptivelterne; Betreuer.

Arten der Befreiung von der Strafe

Borukaewa L.A.

Ziel: dieses Artikels ist die Bestimmung des Begriffs und der Arten der Befreiung von der Strafe, zudem der Eigenschaften der materiell-rechtlichen Natur des Instituts der Befreiung von der Strafe, deren Zweck und Arten sowie auch die Rechtsnatur der Vorstrafen. Außerdem wird die Bestimmung der Anwendung der Arten der Befreiung von der Strafe betrachtet. Gleichzeitig werden die Merkmale der Gründe und des juristischen Zwecks von der Befreiung der Strafe sowie der Anwendung der Befreiung der Strafe aufgrund der Unmöglichkeit der Strafzumessung

(Vollstreckung) bestimmt; zudem wird auch die Anwendung nicht-richterlicher Arten von der Befreiung von der Strafe dargestellt.

Methodologie: Untersuchung und Analyse der wissenschaftlichen Literatur, Auswertung, Analyse, Synthese und Vergleich der Rechtsprechung.

Schlussfolgerungen. Der Strafkodex der RF verfolgt konsequent die Prinzipien der Demokratisierung und Humanisierung. Der Gesetzgeber geht davon aus, dass die strafbare Handlung die Bestrafung und andere strafrechtliche Folgen nur durch das Strafgesetz bestimmt werden. Im Strafkodex der RF unterliegen alle Straftaten einer Kategorisierung, welche durch eine Differenzierung der Verantwortlichkeit erfolgt und somit auch unterschiedliche strafrechtliche Folgen, einschließlich der Befreiung von der Strafe hat. Die rechtliche Bedeutung der Befreiung von der Strafe wird durch eine Reihe strafrechtlicher Maßnahmen charakterisiert. Diese spiegeln das Verhältnis dieses Instituts und der Form der Realisierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit wider und bestimmen die Aktualität, die sozial-juristische Natur und die rechtlichen Grenzen in den modernen Entwicklungen der Humanisierung des Strafgesetzes.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Das Problem der Realisierung von Arten der Befreiung von der Strafverfolgung war schon immer für Spezialisten auf dem Gebiet des Strafrechts von Interesse, da es praktische Bedeutung hat, welche sich durch die Empfehlungen zu einer bestimmten Kategorie der Arten von der Befreiung von der Strafe widerspiegelt. Die Untersuchung der Gründe der Befreiung von der Strafe, welche sich in den Fragen der Trennung der Daten wiedergibt und sich durch die gesetzliche Regelung bestimmt, wird durch die Notwendigkeit der vertieften dogmatischen Analyse widerspiegelt. Dies wird als aktuell angesehen im Zusammenhang mit der theoretischen Herausarbeitung der strafrechtlichen Problematik der Befreiung von der Strafe von der Bildung von Rechtsvorschriften und Anforderungen in der Praxis.

Stichwörter: Strafe, Strafbefreiung, vorkriminelles Verhalten, Vollstreckung, Aufschiebung, Drogensucht, Minderjährige, Gericht, Schwangerschaft, Institution, Resozialisierung.

Tätige Reue

Wiese S.L.

Ziel: Bei dem Rechtsinstitut der tätigen Reue handelt es sich um ein Nachtatverhalten, welches sich sowohl strafbefreiend als auch strafmildernd für den Täter auswirken kann. Es verschafft einen Überblick über das Rechtsinstitut der tätigen Reue. Hierbei stellt die Autorin die Voraussetzungen, die Rechtsfolgen für den Täter und Kritik des genannten Rechtsinstituts dar.

Methodologie: Analyse, Evaluation.

Schlussfolgerungen. Es wurden lediglich für einzelne Delikte Reueregelungen geschaffen, weshalb eine analoge Anwendung vorhandener Vorschriften der tätigen Reue diskutiert wird. Dies wird jedoch überwiegend im Ergebnis abgelehnt. Die Rechtsfolgen der Regelungen der tätigen Reue sind sehr unterschiedlich ausgestaltet. Sie reichen von einem obligatorischen Verzicht auf Strafe, über eine Strafmilderung, bis hin zu einem fakultativen Verzicht auf Strafe oder einer fakultativen Strafmilderung. Insgesamt ist das Rechtsinstitut der tätigen Reue sehr umstritten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung besteht in einer Analyse und Evaluation des Rechtsinstituts der tätigen Reue. Zudem macht die Autorin einen Reformvorschlag des genannten Rechtsinstituts.

Stichwörter: tätige Reue, Strafrecht, Nachtatverhalten, Strafe, Täter.

Tätige Reue

Dokutschajewa D.I.

Ziel: Zweck dieser Arbeit ist, die Probleme, die mit dem Rechtsinstitut der tätigen Reue im russischen Strafrecht verbunden sind, zu finden, theoretisch zu lösen und Vorschläge zur Verbesserung der Strafgesetzgebung zu erarbeiten.

Methodologie: In der Arbeit werden die Methoden der Staats- und Rechtstheorie, philosophische (materialistische und dialektische), allgemeine wissenschaftliche Methoden (logische Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, System, Funktion, Verallgemeinerung, Vergleich, Konkretisierung) und geisteswissenschaftliche Methoden (Strukturanalyse, soziologische Methoden, speziell rechtliche - formal-logische und rechtsvergleichende) verwendet.

Schlussfolgerungen: Erstens entspricht die Bedeutung des Begriffs der „tätigen Reue“ im semantischen Sinn nicht vollständig dem rechtlichen, denn die rechtliche Bedeutung tätiger Reue ist weniger eine „Reue“ im psychologischen Sinne ist, sondern Ausdruck der aktiven Handlungen der Person, die die Straftat begangen hat. Zweitens handelt es sich bei diesem Rechtsinstitut um eine Form der strafrechtlichen Mediation, deren Anwendung nach den russischen

Gesetzen größere Erfolge verspricht als die zivilrechtliche Mediation durch Vermittlerzentren und Beamte der zuständigen staatlichen Behörden - Gerichte, Staatsanwälte oder Ermittlungsbehörden. Drittens ist die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung im Zusammenhang mit der tätigen Reue auch möglich, wenn das Opfer damit nicht einverstanden ist. Die Hauptsache ist die Erfüllung der objektiven Bedingungen durch die Person, die die Straftat begangen hat. Zudem könnte die Zulässigkeit der Abgabe der Selbstanzeige unter Verwendung verschiedener Kommunikationsmittel oder des Internets das Problem lösen, dass die Person die Möglichkeit erhält, diese Anzeige auf diese Weise persönlich abzugeben. Dazu ist es erforderlich, durch die Einfügung eines Verweises in T. 2 Art. 142 auf T. 5 Art. 141 der Strafprozessordnung RF dem Antragsteller die Möglichkeit zu geben, die von Art. 143 für Berichte über die Entdeckung der Beweise für ein Verbrechen geforderte Anzeige ohne persönliche Anwesenheit abzugeben. Der Wortlaut des T. 1 Art. 75 UK RF ist für das Verständnis des Ersatzes der Schäden durch tätige Reue zu eng und sollte durch «... Schadensersatz, Gewinnausfall oder andere auf Schadensminderung gerichtete Handlungen...» ergänzt werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die wissenschaftliche Bedeutung der Arbeit besteht in einer umfassenden und detaillierten Untersuchung der Voraussetzungen für die Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung im Zusammenhang mit der tätigen Reue. Nach den Ergebnissen der Analyse der gerichtlichen Praxis nach T. 1 Art. 75 UK RF wurden neue wichtige Aspekte der tätigen Reue aufgedeckt. Die praktische Bedeutung besteht in der Verbesserung der gesetzlichen Regelungen des UK RF und der Strafprozessordnung. Eine theoretische Analyse der möglichen Umsetzung der Institution der strafrechtlichen Mediation in der russischen Gesetzgebung wurde durchgeführt.

Stichwörter: Tätige Reue; Nachtatverhalten; Selbstanzeige; strafrechtliche Verantwortung; Strafgesetzbuch; Befreiung; Straftat; Schadenersatz; Mediation; freiwilliger Verzicht.

Rücktritt vom Versuch

Sender S.

Ziel: Sich einen Überblick über die Regelungen zum Rücktritt vom Versuch zu verschaffen. Den Unterschied zwischen einem beendeten und unbeendeten Versuch und die Rechtsfolge dessen aufzuzeigen.

Methodologie: Analyse, Evaluation.

Schlussfolgerungen. Der Rücktritt vom Versuch im deutschen Strafrechtssystem hat für den Zurücktretenden die Folge, dass er straffrei in die Legalität zurückkehren kann.

Die Voraussetzungen sind, dass die Tat nicht vollendet sein darf und die Tat aus Tätersicht nicht fehlgeschlagen ist. Beim Rücktritt des Einzeltäters muss zwischen dem unbeendeten und beendeten Versuch unterschieden und abgegrenzt werden, da sich hiernach die geforderte Rücktrittshandlung richtet. Liegt gemäß § 24 I 1 Alt. 1 StGB ein unbeendeter Versuch vor, wird vom Täter nur verlangt, dass er die weitere Tatausführung aufgibt. Ist der Versuch gemäß § 24 I 1 Alt. 2 StGB jedoch beendet, kann der Täter nur dann Straffreiheit erlangen, wenn er die Vollendung verhindert, indem er Gegenaktivitäten entfaltet.

Schließlich wird vom Zurücktretenden freiwilliges Handeln verlangt. Freiwilligkeit wird immer dann bejaht, wenn der Täter aus autonomen, selbst bestimmten Motiven zurücktritt, wobei die Motivation hierzu jedoch von außen kommen kann.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung besteht in einer Analyse der Regelungen zum Rücktritt vom Versuch. Hierbei werden die Rechtsfolgen für den Täter dargestellt, unter anderem ob es möglich ist, straffrei in die Legalität zurückzukehren.

Stichwörter: Straffrei, Rücktritt vom Versuch, Nachtatverhalten, Strafe, Täter.

Die Auferlegung von Verwaltungsaufsicht als eine der Möglichkeiten der alternativen Bestrafung

Lebedeva A.A.

Ziel: Charakterisierung und Aufzeigen der Wirksamkeit der administrativen Aufsicht, Untersuchung der Prävention von neuen Straftaten und das Auftreten von Rückfälligkeit, Bestimmung der administrativen Aufsicht als Alternative zur strafrechtlichen Bestrafung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen: Die Verwaltungsaufsicht dient der Sicherung der Rechtmäßigkeit im Staat, es ist ein System der Tätigkeit der Exekutivorgane. Die Besonderheiten der Verwaltungsaufsicht liegen darin, dass durch speziell

bevollmächtigte Organe eine ständige systematische Überwachung der Einhaltung der Rechtsvorschriften durchgeführt wird. Wobei die Aktivitäten der überwachten Person nur aus der Sicht des Gesetzes betrachtet werden. Da die Verwaltungsaufsicht eine sektorale Spezialisierung hat, wird jede Art von Aufsicht mit dem Ziel der Gewährleistung des Umwelt-, Verkehrs-, Bau- und andere Sicherheit durchgeführt.

Die wichtigsten Präventionsmaßnahmen im Kampf gegen den Rückfall können Maßnahmen wie die Ermittlung von Ursachen, Bedingungen und Motivationen sein, die zuvor Verurteilte zu weiteren Straftaten ermutigen.

Die rechtzeitige Aufdeckung von Straftaten ist nicht nur die Prävention rechtswidriger Handlungen, sondern auch eine Garantie für die Bestrafung dessen, sowie die Verhindern und Vorbeugung anderer Straftaten. Dies ist die beste Bestätigung des Grundsatzes der Unvermeidbarkeit der Strafe.

Eine Person, die unter Aufsicht ist, ist verpflichtet sich in der zuständigen Strafvollstreckungsverwaltung des Wohnortes zu melden. Zudem ist es nicht erlaubt, den Wohnort ohne Genehmigung zu verlassen usw.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht darin, Rückfälle und neue Straftaten durch Verwaltungsaufsicht zu verhindern.

Stichwörter: Verwaltungsaufsicht, Rückfall, überwachte Person, Bewährung, Strafaussetzung, Aufschiebung des Urteils.

Besondere Arten der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit

Makhneva A.D.

Ziel: Der Artikel widmet sich den Problemen, die im Zusammenhang mit im UK RF getroffenen Regelungen der besonderen Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit. In diesem Artikel wird das Verhältnis der speziellen Arten der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit und der Freistellung im Zusammenhang mit der tätigen Reue betrachtet.

Methodologie: Anwendung allgemeiner und spezieller wissenschaftlicher Forschungsmethoden, nämlich: Analyse, Synthese, vergleichende, historische und formal-logische Methoden; Auswertung der gesetzlichen Regelungen und Literatur zu diesem Thema.

Schlussfolgerungen: Die Autorin belegt die Notwendigkeit des Rechtsinstituts der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung als Mittel für das Funktionieren des strafrechtlichen Sanktionssystems. Das Rechtsinstitut ermöglicht die Verhängung humaner Sanktionen und entlastet den Staat von unnötigen Kosten für die Unterbringung der Gefangenen. Es muss jedoch unter Berücksichtigung der Entwicklung der Strafgesetzgebung und der Gesellschaft verbessert werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel identifiziert und begründet die Notwendigkeit, die Regelungen der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit im Zusammenhang mit tätiger Reue von den besonderen Arten der Ausnahmen von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit zu trennen. Die Autorin zieht die Erfahrungen der Bundesrepublik Deutschland, in deren Strafgesetzbuch zahlreiche Regelungen der tätigen Reue für bestimmte Straftatbestände existieren, heran. Erforderlich ist in den einzelnen Artikeln zu den besonderen Befreiungen, die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit von der tätigen Reue zu unterscheiden. Es sollten die notwendigen Artikel über die speziellen Arten der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit in den UK RF eingefügt werden.

Stichwörter: Strafrechtliche Verantwortlichkeit, spezielle Arten, Bedingungen, Unschuldsvermutung, Bekämpfung der Kriminalität, Beendigung des strafrechtlichen Vorwurfs, tätige Reue, Nachtatverhalten, Aufgaben der Strafgesetzgebung, Sondernormen, Modernisierung.

Verbrechen ohne strafrechtliche Verantwortlichkeit: eine Überprüfung des materiellen und prozessualen Strafgesetzes

Maisel M.

Ziel. Sich einen Überblick über die materiell-strafrechtlichen und strafprozessualen Regelungen zu verschaffen. Die Durchführung einer dogmatischen Untersuchung mit der Herleitung strafmildernder und strafbefreiender Nachtatverhalten.

Methodologie: dogmatische Analyse, die rechtsvergleichende Methode, Evaluation.

Schlussfolgerungen: Im Rahmen der materiell-strafrechtlichen und strafprozessualen Regelungen besteht eine Übereinstimmung mit dem Ursprung in einem einheitlichen Rechtsgedanken, aber auch eine große Differenz in der Strafbemessung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Bedeutung besteht in einer vergleichenden Analyse der materiell-strafrechtlichen und strafprozessualen Regelungen. Hierbei wird die Frage gestellt, diskutiert und beantwortet, ob ein allgemeiner Strafaufhebungsgrund im deutschen Strafrecht geschaffen werden sollte.

Stichwörter: Strafrecht, Strafprozessrecht, Nachtatverhalten, Strafe, Täter, Reform.

Hilfe zur Aufklärung oder Verhinderung von schweren Straftaten („Kronzeugenregelung“)

Müller R.

Ziel. Darstellung der derzeitigen zentralen Kronzeugenregelungen des deutschen Strafrechts, ihrer Kritikpunkte sowie ihrer Reformmöglichkeiten.

Methodologie: Analyse, Evaluation

Schlussfolgerungen. Die Arbeit beschäftigt sich mit der Rolle von Kronzeugen und deren Beitrag zur Aufklärung oder Verhinderung von schweren Straftaten innerhalb des deutschen Strafverfahrens. Hierzu werden insbesondere die Normierungen des § 46b StGB und des § 31 BtMG (Betäubungsmittelgesetz) näher beleuchtet. Der Begriff des Kronzeugen wird erläutert und die geschichtliche Entwicklung des Instruments des Kronzeugen in Deutschland dargestellt. Beide Normen werden anschließend auf ihre Voraussetzungen untersucht. Gemeinsamkeiten bestehen dabei bei der Rechtsfolge sowie im generellen Aufbau (Anlasstat, Konnexität Kronzeugenhandlung, Zeitpunkt) der Normen. Es werden zahlreiche Kritikpunkte gegen die Normen hervorgebracht und auf ihre Vertretbarkeit untersucht. Hierbei zeigt sich, dass lediglich im Rahmen der Gleichbehandlung ein Verstoß gegen Verfassungsrecht gegeben ist. Dennoch wurden viele Vorschläge zur Reform der Normen eingebracht, obwohl eine statistische Grundlage zur Untersuchung der Praktikabilität der Normen fehlt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung besteht in einer detaillierten Darstellung der Normvoraussetzungen, ihrer Rechtsfolgen sowie ihrer Vereinbarkeit mit rechtsstaatlichen Prinzipien.

Stichwörter: Kronzeuge, Betäubungsmittel.

Böswillige Verweigerung als Form postkriminellen und der Gefängnisstrafe folgenden, Verhaltens: Begriff, Formen, Folgen

Neuhausen J.A.

Ziel: Das Ziel des Artikels ist es, den Begriff der böswilligen Verweigerung als Teil postkriminellen Verhaltens zu erklären, und die Schwierigkeiten, die dabei auftreten, hervorzuheben. Ein weiterer Fokus wird auf die Aufzählung unterschiedlicher Klassifikationsmöglichkeiten böswilliger Verweigerung gesetzt.

Methodologie: Zur Darstellung der genannten Zielsetzung werden im Text empirische Methoden (Vergleich, Beschreibung und Interpretation), dialektische Methoden (Analyse, Synthese) und die juristisch-vergleichende Methode verwendet.

Schlussfolgerungen: Der Artikel behandelt das Phänomen der böswilligen Verweigerung als Form postkriminellen Verhaltens. Es wird die Bedeutung einer korrekten Bewertung postkriminellen Verhaltens, somit auch der Bewertung von böswilliger Verweigerung für die Ernennung einer gerechten Strafe, aufgedeckt. Es werden verschiedene Definitionen unterschiedlicher Autoren zur böswilligen Verweigerung, Klassifikationsmerkmale sowie das Problem einer Konkretisierung des Begriffes „böswillige Verweigerung“ aufgeführt.

Böswillige Verweigerung ist ein Teil postkriminellen Verhaltens und hat somit enormen Einfluss auf die Veränderung eines Strafmaßes. Um eine rechtmäßige Klassifikation postkriminellen Verhaltens durchführen zu können, müssen alle Aspekte, somit auch die Persönlichkeit des Verurteilten, in Betracht gezogen werden. Die böswillige Verweigerung eines Verurteilten kann nach verschiedenen Aspekten klassifiziert werden, das Problem liegt jedoch im Fehlen einer genauen Definition im Russischen Strafgesetz.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Der Artikel erklärt das Phänomen der böswilligen Verweigerung und dessen Bedeutung auf eine Abänderung des Strafmaßes. Es werden unterschiedliche Paragraphen des russischen Strafgesetzbuches analysiert und durch Fallbeispiele erklärt. Verbesserungsvorschläge werden ebenfalls gemacht, wie zum Beispiel eine genauere Formulierung einiger Begriffe.

Stichwörter: Strafrecht, exekutives Strafrecht, das russische Strafgesetzbuch, postkriminelles Verhalten, rechtswidriges postkriminelles Verhalten, Verweigerung, böswillige Verweigerung, angemessenes postkriminelles Verhalten, Bewährung, rechtmäßige Strafe, Veränderung des Strafmaßes, Verurteilung.

Verjährung nach dem Strafgesetzbuch von Russland

Soboleva E.A.

Ziel ist des vorgeschlagenen wissenschaftlichen Artikels ist es, Fragen im Zusammenhang mit der Entwicklung der Grundlagen der Verjährung, der Verbesserung der gesetzlichen Regelung und der praktischen Anwendung zu untersuchen.

Methodologie: die Analyse, die Synthese, formell-logistische Methode.

Schlussfolgerungen. Als die Grundlage der Verjährung ist der Zeitwert und ihre fundamentale Charakteristiken zu verstehen. Nach Ansicht des Autors ist die Verjährung der Erfüllung der zusätzlichen Strafen gleich ihren maximalen Fristen festzustellen. Der Autor kommt zu dem Schluss, dass die Grundlage der Verjährung der strafrechtlichen Haftung und der Erfüllung der Schuldigsprechung die Ablehnung der sozialen Gefahr der Person, die ein Verbrechen begang oder verurteilt während der bestimmten Zeit war, ist zu verstehen. Wichtig zu beachten, dass die Verjährung davon, ob es vollendete Straftat, Vorbereitung oder Versuch war, nicht abhängt. Und der Verlauf von der Verjährungsfristen hängt nicht davon, ob es Mittäterschaft gibt. Was andauernde Verbrechen angeht, ist es zweckmäßigerweise die Verjährungsfrist von den Tag der Straftatbeendigung aufzuzählen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Durch die Untersuchung der gesetzlichen Regelung der Verjährung kann der russische Gesetzgeber eine Reihe von Problemen im Zusammenhang mit der Verbesserung der relevanten Rechtsnormen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation lösen.

Stichwörter: Russland, Strafgesetzgebung, Strafgesetzbuch, Verjährung.

Versöhnung mit dem Opfer

Solodunin A.P.

Ziel. Die Relevanz der Themen zu offenbaren, die Allgemeine Eigenschaft der Versöhnung der Parteien zu geben, die Faktoren zu beschreiben, die Versöhnung fördern, eine interdisziplinäre Studie der Versöhnung durchzuführen, die Rolle der Versöhnung mit dem Opfer in der Russischen Gesetzgebung zu beschreiben.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-rechtliche Methode, Methode der interdisziplinären rechtsforschung, vergleichsweise rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die Methode der Versöhnung der Parteien ist heutzutage nicht ungewöhnlich. Es versucht zu unterstützen und aktiv zu entwickeln. Aber, trotz seiner, Konflikte vom Leben sind völlig unmöglich auszuschließen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Versöhnung der Parteien kann als Alternative Lösung für Ihre Konfrontation verwendet werden. Die Anwendung der Versöhnung kann sowohl für die Kommission des Verbrechens als auch für das Opfer vorteilhaft sein. Grundsätzlich erlaubt ein solcher Ausgang aus einer Konfliktsituation, lange verfahrenshandlungen und Ungerechtigkeiten vom Gericht zu vermeiden.

Stichwörter: Rechtswidrige Tat, posten kriminelles Verhalten, Versöhnung, Opfer, Verdächtiger, schuldig, moralischer Schaden, Physischer Schaden, materieller Schaden, Konfrontation.

Täter-Opfer-Ausgleich und Schadenswiedergutmachung

Storey J.

Ziel: Sich einen Überblick über den Täter-Opfer-Ausgleich und die Schadenswiedergutmachung, gemäß § 46a StGB zu verschaffen. Die Vorschrift sollte sowohl die Interessen des Opfers hervorheben, als auch den Täter dazu anreizen, sein Fehlverhalten anzuerkennen und Verantwortung dafür zu übernehmen. Zu diesem Zweck stellt die Autorin die Voraussetzungen und Rechtsfolgen von beiden Tatbestandsalternativen – Täter-Opfer-Ausgleich und Schadenswiedergutmachung – dar.

Methodologie: Analyse, Evaluation.

Schlussfolgerungen: Der Anreiz für den Täter, den Schaden wiedergutzumachen, liegt darin, dass die Strafe bei Erfüllung der Voraussetzungen entweder gemäß § 49 StGB gemildert wird oder von der Strafe abgesehen werden kann. Der Täter-Opfer-Ausgleich und die Schadenswiedergutmachung sind zwei Tatbestandsvarianten, jedoch mit unterschiedlichen Voraussetzungen. Die Autorin kommt zur Schlussfolgerung, dass die Vorschrift insofern gut ist, dass der Täter sich hierbei nicht lediglich von seinem Unrecht freikaufen kann. Der Täter muss stattdessen etwas mehr leisten, um den Schaden auszugleichen. Dies ist bei einem wohlhabenden Täter besonders von Vorteil.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: Die Bedeutung besteht in einer Analyse und Evaluation der Voraussetzungen des Täter-Opfer-Ausgleichs, der Schadenswiedergutmachung und der geäußerten Kritik.

Stichwörter: Täter-Opfer-Ausgleich, Schadenswiedergutmachung, Nachtatverhalten, Strafrecht, Strafmilderung.

Kriminal-politische gründe für die befreiung von der strafrechtlichen verantwortung nach dem strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Fedorov N.I.

Ziel: *Charakterisierung des kriminal-rechtlichen Phänomens der Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung; Erörterung des Standpunkts des Gesetzgebers zu dieser Frage; differenzierte Darstellung dieser Arten der Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung und deren mögliche Anwendung auf dieses kriminalrechtlichen Phänomen.*

Methodologie: *Analyse, Deduktion, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen: *Der Gesetzgeber stellt eine Vielzahl von Möglichkeiten zur Verfügung, um den Straftäter von Kriminalstrafe freizustellen; diese Möglichkeiten können jedoch nur in den streng von der Gesetzgebung festgelegten Fällen angewendet werden. Dabei ist zu erörtern, dass der Straftäter für die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung zahlreiche gesetzlich bestimmte Merkmale erfüllen muss, insbesondere ist das Kriterium der Begehung des Verbrechens zum ersten Mal zu beachten. Gesetzliche Regelungen der Voraussetzungen der Befreiung des Täters von strafrechtlicher Verantwortung existieren in den Anmerkungen zu fast jedem Kapitel des Besonderen Teils des UK RF sowie in den Artikeln des Allgemeinen Teils des UK RF, also praktisch im gesamten Strafgesetzbuch zu finden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: *Die Bedeutung dieses wissenschaftlichen Artikels besteht in der ausführlichen Beschreibung der Besonderheiten der Kriminalstrafgesetzgebung im Bereich der Befreiung der Täter von strafrechtlicher Verantwortung für die von ihnen begangenen Straftaten und Darstellung einzelner Arten der möglichen Typen der Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung.*

Stichwörter: *Befreiung von strafrechtlicher Verantwortung, Zweckmäßigkeit, Kompromiss, Förderung, Verbrechen, Bestrafung.*

Selbstanzeige

Zimmerman K.

Ziel: *Sich einen Überblick über das Rechtsinstitut der Selbstanzeige zu verschaffen. Eine Darstellung der Rechtsfolgen für den Täter bei Erfüllung der Voraussetzungen der Abgabenordnung oder des StGB.*

Methodologie: *Analyse, die rechtsvergleichende Methode, Evaluation.*

Schlussfolgerungen: *Der Anwendungsbereich des Rechtsinstituts beschränkt sich auf die Selbstanzeige bei Steuerhinterziehung gemäß § 371 AO, das Vorenthalten und Veruntreuen von Arbeitsentgelt gemäß § 266a Abs.6 StGB, und einer Geldwäsche, bzw. der Verschleierung unrechtmäßig erlangter Vermögenswerte gemäß § 261 Abs.9 S.1 StGB.*

Die Voraussetzungen an einer wirksamen Selbstanzeige ergeben sich aus den einzelnen Selbstanzeigevorschriften. Erforderlich ist grundlegend jedoch die Kompensation des Handlungs- und Erfolgsunrechts durch ein zumindest vom Täter veranlasstes Verhalten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: *Die Bedeutung besteht in einer vergleichenden Analyse der Selbstanzeigeregelungen und in der Feststellung der Voraussetzungen, bei denen der Täter die Straffreiheit erlangt.*

Hierbei wird die Frage gestellt, diskutiert und beantwortet, ob ein allgemeiner Strafaufhebungsgrund im deutschen Strafrecht geschaffen werden sollte.

Stichwörter: *Selbstanzeige, Strafrecht, Abgabenordnung, Nachtatverhalten, Strafe, Täter.*

Die Probation als Strafrechtsinstitut

Tschurina A.A.

Ziel. *In dieser Arbeit wird die Probation als eine rechtliche Kategorie, die Grundlagen deren Anwendung sowie deren Grenzen untersucht. Es werden auch das Wesen, der Inhalt sowie die Ziele betrachtet.*

Methodologie. *Analyse, Synthese, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Probation als ein strafrechtliches Institut umfasst eine Vielzahl strafrechtlicher Mittel zur Regulierung und bietet die Möglichkeit, die Ergebnisse des post-kriminellen Verhaltens einer Person (im Rahmen der Probation und der Probezeit) für die Anwendung von Anreizen zu nutzen, damit ein positives Ergebnis erzielt wird. Die Anwendung strafrechtlicher Maßnahmen auch für Personen, die sich einer Straftat schuldig machen, die keine große Gefahr für die Allgemeinheit darstellt, kann für den Betreffenden negative Folgen haben, indem die Strafe nicht nur eine Lektion ist, sondern eine koordinierte Änderung der Lebensziele und die Unfähigkeit, in ein normales Leben zurückzukehren. Der Artikel analysiert mögliche rechtliche Einschränkungen für das Thema und erwägt die Möglichkeit, dass der Gesetzgeber eine geschlossene Liste festlegt. Auf der Grundlage*

der Betrachtung der Probation legt der Autor die Notwendigkeit fest, die Gesetze zu verbessern und macht Vorschläge zur Lösung dieses Problems.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Arbeit liegt in der Betrachtung der rechtlichen Natur des Instituts der Probation sowie in dessen Wirksamkeit.

Stichwörter. Strafverantwortung, Probation, Probezeit, Strafzweck, Strafrecht, russische Erfahrung, Rechtsnatur, Strafcharakter, Voraussetzungen.

Psychologische häusliche Gewalt

Mitina A.A., Ryzhova V.V.

Ziel: das Studium der psychologischen Gewalt, seine Formen und Konsequenzen für die Persönlichkeit, um die effektivsten Methoden der Prävention von Gewalt in der Familie zu identifizieren.

Methodologie: Analyse, Klassifizierung, Verallgemeinerung, vergleichende, statistische, formell-rechtliche, gezielte Umfrage, Fragebogen, Modellierung.

Schlussfolgerungen. Emotionale Gewalt ist in Russischen Familien verbreitet und erfordert angemessene Aufmerksamkeit auf die Beseitigung der Tyrannei. Psychologische Gewalt beeinflusst die Beziehung zwischen den Ehepartnern, zwischen den Eltern und den Kindern, was zur Zerstörung der Familie führt. Es macht das Opfer abhängig von seinem Partner und kann ein Grund für weitere Gewalt, aber bereits physisch werden. Daher ist dieses Problem wichtig, und Sie müssen kämpfen, um seine Verbreitung zu stoppen und die effektivsten Methoden Ihrer Lösung zu finden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist die Enthüllung des Konzepts der psychologischen Gewalt, die Identifizierung seiner Spezies und die Analyse durchgeführt, die die tatsächliche Anzahl der Menschen offenbart, die missbraucht wurden.

Stichwörter: psychische Gewalt, Unterdrückung, Opfer, Bedrohung, Abhängigkeit, Aggression.

Gewalt im sport

Sbitnev V.S., Kharagezov K.V.

Ziel. Bestimmung der Bedeutung der Aggression im modernen Sport, Identifizierung des Grades der Aggression bei Sportlern, Festlegung der Rolle der Eltern und des Trainers bei der Schaffung von psycho-emotionalen Komponenten, die die Persönlichkeit des Sportlers formen.

Methodologie: Sekundäranalyse der Quellen; Durchführung einer angewandten Forschung. Es wurden 187 Personen befragt, die nach dem Ausschlusskriterium „Sportler“ ausgewählt wurden. Die Hauptforschungsmethode war die Befragung, die Methode des Vergleichs. Der Fragebogen, in dem Fragen geschlossener Art enthalten waren, wurde in Übereinstimmung mit der soziologischen Methode der Betrachtung [12, p. 840] nach dem Prinzip der Gültigkeit vorbereitet. Es wurden Statistiken zusammengestellt, die die aktuellen Tendenzen der Entwicklung der Aggression im Sport aufzeigen. Darüber hinaus wurden in der Literatur, die Kriterien der Theorie der Entwicklung der Aggression im Sport betrachtet, die mit Hilfe der Methode der Analyse herausgearbeitet wurden.

Schlussfolgerungen. Fast die Hälfte der Befragten verwenden die Aggression nicht als Mittel zur Erreichung eines hohen Ergebnisses im Wettbewerb, die restlichen 52% glauben, Aggression ist ein entscheidender Faktor, um zu gewinnen. Es wurde festgestellt, dass die Mentoren gewaltsame Methoden anwenden, um hohe Ergebnisse bei den Athleten, die ihr Leben dem Sport widmen haben, zu erreichen. Es wird geschlussfolgert, dass die Manifestation der Aggression von der Sportart abhängt. Die Aufgabe des Trainers und der Eltern ist es, die Aggression in die richtige Richtung während einer Sportveranstaltung zu steuern. Es zeigte sich eine interessante Tatsache: Die Manifestation der Aggression bei Männern ist stärker ausgeprägt als bei Frauen; für männliche Boxer gibt es eine hohe körperliche Aggressivität - 90%. Ausschluss von Aggression, Gewalt, Wut aus dem Sport ist nicht möglich, da es den Geist des Wettbewerbs erzeugt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt in der Bestimmung des Grades der Wichtigkeit der Gestaltung der psycho-emotionalen Vorbereitung des Sportlers, der ein untrennbarer Faktor für den Sieg bei einem Wettbewerb ist. Die Aufgabe des Trainers und der Eltern ist es, die Aggression in die richtige Richtung während einer Sportveranstaltung zu steuern.

Stichwörter: Sport, Wettbewerb, Gewalt im Sport, der Aggressionstrieb, Aggression im Sport, psycho-emotionale Ausbildung, den Sieg erringen, Kontaktsport, kontaktloser Sport.

Buchbesprechung Aryamov A.A., Bodaevsky V.P., Selivanov A.A. Strafe: Ernennung und Freilassung. Herausgeber A.A. Aryamov, Moskau, Yurlitinform Verlag, 2017. 320 p.

Dubovik O.L.

Die Buchbesprechung beschreibt den Inhalt, den Aufbau, die Methodik und die Argumentation des Lehrbuchs über strafrechtliche Bestrafung und Entlassung sowie den Zweck der Bestrafung und seine Funktion. Es behandelt die Herangehensweise der Autoren des Buches an die Logik der Präsentation einer gesonderten juristischen Einrichtung insgesamt und in Bezug auf die Ernennung von Strafen für bestimmte Personengruppen.

Stichwörter: Strafe, Kriminalität, Strafrecht, Rechtsinstitution, juristische Ausbildung, Strafverfolgung, Justiz.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Victimological aspects of corruption crimes in healthcare

Balebanova T.A.

Mission: to consider the victimological aspects of corruption crimes in the field of health: to specify approaches to the definition of the concept of «victim of crime», to determine the special nature of the harm; to reveal the victimological determinants; to give the typology of victims.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, method of intersectoral legal research, formal legal and comparative legal method.

Conclusions. Health care corruption impedes the implementation of the goals of the socio-economic policy of any state. The subject of victimological corruption in the field of health care is the victim of corrupt behavior – that is, a natural or legal person, as well as a group of persons who (or who) corrupt activity caused physical, material, moral or reputational harm or against whom (who) created the risk of causing such harm. However, the victim of such crimes is usually a natural person who needs medical care and sought it in a medical institution.

The most common forms of victimization are guilty and innocent, which are more manifested in the following crimes under the Criminal code of the Russian Federation: «abuse of official authority» (article 285); «Negligence» (article 293); «bribery» (article 290); «forgery» (article 292). Three types of behavior of the victim of a corruption crime in health care – neutral, positive and negative – are connected with guilty and innocent victimhood. Describing the behavior of the victim, it should be noted that personal qualities and their relationship with the behavioral response are more determined by the determinants of individual victim behavior. Such determinants are a set of socio-psychological properties of the individual, which forms a particular model of the victim's behavior in certain situations, combining into one whole the psychological processes and the existing conditions in society that contribute to the Commission of corruption crimes.

A serious problem for victimological research of victims of corruption crimes in the field of health care is a high degree of latency, which makes it impossible to generalize such specific characteristics as gender, age, social status, social roles, official position, belonging to a particular group.

The dependent role of the patient determines the increased victimization, which does not allow to completely reinforce in the minds of the victim's desire to resist the corruption behavior of the medical worker, especially the attending physician. Thus, the main victimological problem of corruption crimes in health care is the anonymous and mass character of the victims of crimes with innocent behavior, unable to recognize the corruption actions of medical workers and those who are in direct or indirect threat of harm from acts of criminal corruption.

Scientific and practical significance. The significance of the article is a detailed description of the victimological aspects of corruption crimes in the field of health care.

Keywords: victimology, victim of crime, corruption, health, determinants; typology of victims; victimization in health care; victimization; corruption; the nature of the harm.

Characteristics of the current state of the criminalization of society and its criminological assessment

Bochkareva E.V.

Mission: to consider and to analyze the indicators characterizing the current state of the criminalization of society, give a criminological assessment.

Methodology: analysis, synthesis, induction, deduction, statistical method, mathematical methods.

Conclusions. Assessing the current state of the criminalization of society, the author comes to the conclusion that the crime rate on the territory of the Russian Federation has decreased over the past 5 years, but about increasing its professionalization and recurrence, which in turn indicates an increased criminal situation in the country.

Scientific and practical significance. The conducted scientific research allows to study in more detail the issues of the current state of the criminalization of society, and also on the basis of the obtained results to develop recommendations for improving measures to counteract the criminalization of society.

Keywords: criminalization, criminality, criminological assessment, professionalization of crime, recidivist crime, self-determination of crime.

Russia's criminal policy: how to stop worrying and start living (memories about the future)

Lopashenko N.A.

Mission: to analyze and give an expert assessment of the development trends of the domestic criminal policy.

Methodology: induction, deduction, analysis, synthesis, sociological and historical methods.

Conclusions. The author comes to the conclusion that ensuring the criminal legal needs of practice with science is, in fact, the simplest answer to the question of criminal policy, however, recently the thesis about the role of science in lawmaking is increasingly being questioned.

Scientific and practical significance. A detailed analysis of the development of domestic criminal policy helps to understand the mistakes and outline the trends in the development of criminal lawmaking in Russia. This study is useful for studying both scientific and practical workers, as well as students of universities that study criminal law.

Keywords: criminal policy, criminal law, lawmaking, international criminal law, criminalization, decriminalization.

Crime in Russia and its modern problems

Luneev V.V.

Mission: To analyze the shortcomings of socio-legal and criminological research, to identify their importance for the development of criminal legislation in the Russian Federation, to offer the necessary prospects for the development of real analytical research in order to form an effective lawmaking.

Methodology: the study of shortcomings in the field of combating crime on the basis of analysis, abstraction, synthesis, deduction and induction.

Conclusions: 1) combating crime requires more effective criminological, social, economic and political measures at the national and international levels; 2) there is a need to study mathematics, philosophy of mathematics and logic at the law faculties; 3) the country urgently needs management reform, economic reform, reform of the legal system and the rule of law in General, reform of analytical and prognostic activities.

Scientific and practical significance. The recommendations proposed by the author can be used to improve socio-legal and criminological research. Also, the results of the study can be applied in the educational process when studying the course of criminology in higher educational institutions.

Keywords: crime in Russia, statistics, ideology, criminology logical thinking, dogma, pragmatics, criminological research, analytical research, lawmaking justice, inevitability of punishment.

On some directions of development of criminally-executive law and criminology (for the anniversary of the Chair of criminology and criminal-executive law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin)

Skiba A.P.

Mission: to identify certain areas of development of criminology and criminal-executive law.

Methodology: induction, deduction, synthesis, method of historical analysis, comparative-legal, formal-logical, methods and other.

Conclusions. A number of directions for the development of criminology and criminal-executive law have been determined by: analyzing the criminality of legal entities; studying the criminality of certain categories of persons, as well as the specifics of serving their sentence, including their legal status, the possibility of early release from serving their sentence, etc.; criminal, executive, criminal procedural, police, administrative and other legislation that regulates various aspects of the exercise of authority and service by law enforcement officials; continuation of the criminological analysis of the norms of the penal enforcement legislation; the study of the Criminal Code of the Russian Federation, the Russian Federation Criminal Code, the Federal Law of the Russian Federation "On the Basics of the Prevention of Offenses in the Russian Federation" and other normative legal acts with a view to

eliminating the existing “white spots” and conflicts of law; development of criminal enforcement legislation in cases of natural disaster, the introduction of an emergency or martial law.

Scientific and practical significance: *a number of directions for the comprehensive development of criminology and criminally-executive law have been determined, and practical recommendations for the activities of author’s scientific teams have been formulated by conducting relevant studies*

Keywords: *liability of legal entities, conflict of laws, sick persons, criminal-executive legislation in extreme conditions.*

Financing research and educational projects in Russia and Germany: a comparative assessment of opportunities and gaps

Tarasova Yu. V.

Mission: *to compare the financing models of research and educational projects in the two countries of the continental legal system (including in terms of the potential for violations).*

Methodology: *historical methods, methods of comparison, the elements of dialectical materialist doctrine, a number of humanitarian sciences methods: sociology of social psychology (in terms of describing social processes in education, economic theory (to analyze economic models of education financing.)*

Conclusions. *Overview of financing options used in schools, universities, preschools and in science in Russia and Germany in recent years, revealed the main trends in the direction of cash flows in this area.*

Scientific and practical significance *of the work lies in the fact that, based on an analysis of the historical roots of these models, a legal and economic justification of the prevailing trends was made and possible variations of violations in them were designed (there is a criminal potential and possible negative consequences for the entire education and science system in Russia). The study made it possible to analyze the measures proposed in the German and domestic literature, to suggest some directions for their correction.*

Keywords: *financing of education, financing in science, research and development, budget education, extrabudgetary funding, violation of human rights, German education, education support, innovative research, science policy.*

Professor Isahan Veysal Oglu Veliyev – 60 years anniversary

Matskevich I.M., Zaytsev O.A.

Mission: *to set out a biography and trace the life path of an outstanding Azerbaijani scholar and public figure.*

Methodology. *Historical approaches, the use of analysis, abstraction, synthesis, deduction and induction.*

Conclusions. *Isahan Veysal oglu Veliyev is an outstanding scientist. His life path reflects the fate of his homeland in the Soviet and post-Soviet period of the country’s progressive development.*

Scientific and practical significance. *The young generation of lawyers should follow the example of Isakhan Veysal oglu Veliyev. Today he is full of creative plans, the implementation of which he would like to wish.*

Keywords: *anniversary, professor, prosecutors, scientist, lawyer, Baku, Azerbaijan, union of criminologists, criminologist, doctor of science.*

Postponement of serving a sentence in the Russian legislation, using the example of Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation

Balashova A. Yu.

Mission: *This article is devoted to the institution of a delay in the norms of the criminal, criminal procedure and the Criminal Executive laws.*

Methodology: *dialectical method, general scientific and special methods of cognition: system-structural, comparative, concrete sociological, statistical, formal-legal, legal-historical, etc.*

Conclusions: *Despite the fact that there is another reason for the postponement of punishment is as well prescribed in criminal law – in connection with the narcotic disease – narrowness of the topic covered in the article is justified by its uniqueness. The need for reviewing approaches to determining the duration of punishment suspension is stressed, the characteristics of the grounds for cancellation of punishment suspension are suggested. The ways of improving the legislation are proposed. To form competent and verified proposals on the improvement of the postponement institute,*

different norms of criminal law, the provisions of the family code were examined, comparative analysis was carried out among countries having a similar institution in the legislation.

In connection with the dual nature of the institution of postponement of execution of punishment, it appears as a variant of both conditional conviction and conditional early release from punishment.

1. To solve the problem of too long a period of deferment, which in fact becomes a probationary period for the performance of the duties of the parent, it is suggested that the courts order a conditional sentence, with obligatory decent performance of duties for the education of a minor.

2. The method of calculating the delay for the mother in the case of the birth of a second child should be fixed in the norms of the executive code. It seems to be inhumane to postpone the punishment until the age of 14 by the younger child, leaving the mother under the yoke of monitoring the fulfillment of her parental responsibilities.

3. It is recommended to legislatively fix the time when it is necessary to consider the issue of removing the deferral and repaying the criminal record, with a delay many times exceeding the duration of punishment.

4. In order to facilitate and unify the work of the executive bodies, it is necessary to clearly state in the criminal-executive legislation the requirements imposed on the parent during the delay.

5. In the near future, the legal status of the father and his conditions for postponing the sentence should be submitted for legislative consideration, since at the moment unequal requirements to the father and mother in the appointment of a deferral are in line with the principle of humanity enshrined in the Constitution.

6. To resolve disputable issues regarding the father and adoptive parent, add a note: "In the event of a crime committed by a father or an adopter with young children, they may be subject to postponement of serving a sentence".

Scientific and practical significance. *Article presents an analysis of realization of requirements (on the basis of criminally-legal principles at appointment of punishment to the women who have committed a crime on the basis of the statistical data, results of the detailed analysis and comparative research of a position of the legislator on a case in point). The grounds have a deep social, economic and legal source, so a sufficient analysis is possible only with a detailed examination of the norms of different branches of law and spheres of public life. Serious gaps in criminal legal regulation punishment suspension (art. 82 of the Criminal code of the Russian Federation) are revealed, and recommendations for the ways of overcoming them are given.*

Key words: *equality principle; justice principle; humanism principle; appointment punishment; female criminality; delay of serving of punishment; suspended sentence, conditions, duration, cancellation of punishment suspension; terms; conditional-sentence; adoptive parents, guardians.*

Types of exemption from criminal punishment

Borukaeva L.A.

Mission *is a definition of the concept and types of exemption from punishment. The description of the material and legal nature of the institution of exemption from punishment, when it reveals the essence of exemption from criminal punishment, its purpose and its types, and the legal nature of the criminal record; the definition of the application of types of exemption from criminal punishment, realizing the characteristics of the nature and the legal meaning of exemption from criminal punishment, the application of exemption from criminal punishment based on the inexpediency (impossibility) of its appointment (execution), and the use of extrajudicial types of exemption from criminal punishment.*

Methodology *are expressed by studying and analyzing scientific literature, studying and generalizing judicial practice, analyzing and synthesizing, and comparing.*

Conclusions. *The Criminal Code of the Russian Federation consistently pursues the principles of democratization and humanization. The legislator takes it that the crime, its punishability and other criminal consequences are determined only by criminal law.*

In the Criminal Code of the Russian Federation, all crimes are subjected to categorization, which is the basis for differentiating responsibility, and consequently, criminal consequences, including exemption from punishment. The legal significance of exemption from criminal punishment, characterized by the identification of a system of criminal nature that determines the exemption from criminal punishment, expressed by the relation of the meaning of exemption from criminal punishment and the forms of implementation of criminal responsibility, is determined by the urgency – the definition of its socio-legal nature and legal boundaries in modern conditions of humanization of criminal law.

Definition of the socio-legal nature of exemption from criminal punishment and legal boundaries in the modern conditions of humanization of criminal law.

Scientific and practical significance. *The problem of realizing the types of exemption from criminal punishment has always been interesting for specialists in the field of criminal law, since it has practical significance, expressed in recommendations on assigning to a certain category of one or another types of exemption from criminal punishment. The study of the reasons for exemption from criminal punishment, being concluded in questions of studying the differentiation of data, determined by their legislative regulation, is expressed by the need for more detailed doctoral analysis, is actual because of the lag in the theoretical development of the criminal legal issues of exemption from criminal punishment from the formation of legislation and practice requirements.*

Key words: *criminal punishment, exemption, postcriminal behavior, serving, postponement, drug addiction, juveniles, court, pregnant, institution, setting, correction.*

Preventing the completion of an offence

Wiese S.L.

Mission: *The legal institution of preventing the completion of an offence is a provision which can mitigate the offender's sentence or exempt him from liability if he acts in a way which prevents further wrongdoing. In this paper, the author provides an overview of this legal institution, detailing the requirements, legal consequences and critique of this legal institution.*

Methodology: *Analysis, legal research, evaluation.*

Conclusions. *The legal institution of preventing the completion of an offence is a provision which can mitigate the offender's sentence or exempt him from liability if he acts in a way which prevents further wrongdoing. These regulations were made for offences with an early completion point. There is no statutory definition for preventing the completion of an offence. As a result, these regulations are seen as special provisions which privilege a positive behaviour undertaken after the offence and only affect offences with an early completion point. For the most part, the basic conditions of the provision are uniform; the offender has to act voluntarily to prevent the completion of the offence, thus requiring a form of active conduct. Some offences merely require the perpetrator to prevent serious damage arising from the offence.*

The provision "preventing the completion of an offence" was only created for a few offences. As such, it is often discussed whether it is possible to analogously apply the provision to other offences. However, this view is predominantly rejected.

The legal consequences of this provision are very diverse. They range from a mandatory waiver of punishment or a mandatory sentence mitigation, to a discretionary waiver of punishment or mitigation. Overall, this legal institution is very contentious

Scientific and practical significance: *The significance of the paper lies in the analysis and evaluation of the legal institution of preventing the completion of an offence. Furthermore, the author makes suggestions for the reform of this legal institution.*

Keywords: *preventing the completion of an offence, criminal law, post-crime conduct, punishment, offender.*

Active Repentance

Dokuchaeva D.I.

Mission. *The purpose of this paper is to find and theoretically solve problems associated with the institution of active repentance in Russian criminal law and to create proposals for improving criminal legislation.*

Methodology. *The methods of the theory of state and law were used in the work, which include: general philosophical (materialistic and dialectical), general scientific (logical, analysis, synthesis, induction, deduction, system, functional, generalization, comparison, concretization) and private science, general social methods, special-legal – formal-logical, comparative-legal).*

Conclusions. *As a result of the work done, the following conclusions were drawn. Firstly, the essence of the concept of "active repentance" in the semantic sense does not fully correspond to the legal one, since the legal meaning of active repentance consists not so much in "repentance" in the psychological plan, but in its expression in the active actions of the person who committed the crime. Secondly, the institute of criminal mediation is promising for its subsequent implementation into Russian legislation as an opportunity to replace the criminal prosecution with mediation using intermediary centers and officials of competent state bodies – courts, prosecutors or preliminary investigation bodies. Thirdly, exemption from criminal liability in connection with active repentance is also possible with the disagreement of the victim to satisfy the motion for active repentance, the main thing is the fulfillment by*

the person who committed the criminal act of the conditions that it can objectively fulfill. Moreover, admissibility of acknowledgement of guilt using various ways of communication or the Internet could resolve the situation when a person has a desire, but there is no possibility of acknowledging the guilt. It is required to improve the criminal procedure legislation by adding in Part 2 of Art. 142 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a reference to Part 5 of Art. 141 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which provides an opportunity for an applicant without personal presence to make a statement in the manner established by Art. 143 for reports on the detection of signs of crime. In addition, we found out, that the wording of the norm, fixed in Part 1 of Art. 75 of the Criminal Code of the Russian Federation narrows the understanding of eliminating harmful consequences due to active repentance and it should be supplemented with "... recovered damage, lost profits or otherwise made up the damage..."

Scientific and practical significance. The scientific significance of the work consists in a comprehensive and detailed examination of the conditions for exemption from criminal responsibility in connection with active repentance. According to the results of the analysis of judicial practice under Part 1 of Art. 75 of the Criminal Code reveals new significant aspects of active repentance.

Practical significance consists in the proposed options for improving the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure. A theoretical analysis of the possible implementation of the institution of criminal legal mediation in the Russian legislation was carried out.

Keywords: active repentance; postcriminal behavior; acknowledgement of guilt; criminal liability; Criminal Code; liberation; a crime; recovery damage; mediation; voluntary refusal.

Abandonment of an attempt

Sender S.

Mission: To provide an overview of the legal institution "abandonment of an attempt" and its requirements in German criminal law. To explain the difference between a finished and unfinished attempt and the legal consequence of this for the offender.

Methodology: Analysis, legal research, evaluation.

Conclusions: In the German criminal justice system, the abandonment of an attempt gives the offender the possibility to return to legality without being punished.

The requirements of this offence are twofold; firstly, the crime cannot have been completed. Secondly, from the perpetrator's point of view, the crime cannot have failed. When a sole perpetrator abandons an attempt, the court has to clearly distinguish between an "unfinished attempt" and a "finished attempt". This differentiation determines how the perpetrator must have acted in the abandonment. If it is an "unfinished attempt" (§ 24 I 1 var. 1 Criminal Code (StGB)), the offender just has to abandon the criminal act. However, if it is a "finished attempt" (§ 24 I 1 var. 2 Criminal Code (StGB)), the offender would only obtain immunity from criminal prosecution if he/she actively prevents the completion of the crime. Finally, the offender has to act voluntarily in the abandonment of attempt. This means that the decision to abandon the attempt must have been made autonomously and of his own free will, however the offender can have been motivated to act by external factors.

Scientific and practical significance: The significance of the paper lies in the analysis of the legal institution "abandonment of attempt" and in the discussion of the legal consequences of this for the offender, including whether it is possible for him/her to return to legality without being punished.

Keywords: criminal law, abandonment of attempt, post-crime conduct, punishment, offender.

The appointment of administrative supervision as one of the ways of alternative punishment

Lebedeva A.A.

Mission: To characterize the administrative supervision, to reveal the effectiveness of supervision, to study the prevention of new crimes and the emergence of recidivism, to determine in some cases administrative supervision, as an alternative to criminal punishment.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions: Administrative supervision serves as a method of ensuring legality in the state, it is a system of activity of executive bodies. The peculiarities of administrative supervision are that the special authorized bodies regularly monitor the implementation of legislation, and the activities of the supervised are considered only from the

point of view of the law. Since administrative supervision has a sectoral specialization, each type of supervision is carried out to ensure environmental, transport, construction and other security. The main preventive measures in the fight against recidivism can be such measures as the identification of causes, conditions, motivations that encourage previously convicted persons to commit further crimes.

Timely detection and detection of crimes is not only the suppression of illegal acts, but also a guarantee of punishment for what was done, prevention of other crimes and their prevention. The person under supervision is obliged to appear in the place chosen by the administration of the correctional institution, tied to the place of residence or stay after release from the places of deprivation of liberty; with a view to being registered with the internal affairs body within 3 working days from the date of arrival to the place of residence or stay after release from places of deprivation of liberty, and also after the change of residence.

Scientific and practical significance: The importance of a scientific article is to prevent recidivism and new crimes through administrative supervision.

Keywords: Administrative supervision, relapse, supervision, parole, probation, suspended sentence.

Special types of exemption from criminal liability

Makhneva A.D.

Mission: This article is devoted to the problems of special types of exemption from criminal responsibility in the Criminal Code of the Russian Federation. The article will consider the problem of the correlation between special types of exemption from criminal responsibility and release in connection with active repentance.

Methodology: As the scientific article was written, both general scientific and special research methods were used, namely: analysis, synthesis, comparative, historical and formal-logical. Literature concerning this topic and normative legal acts have also been studied.

Conclusions: The author has identified the need for system of the exemption from criminal responsibility for the normal functioning of the criminal system. This institution allows you to get rid of excessive cruelty in punishment, relieves the state of unnecessary costs for the maintenance of prisoners. However, it needs to be improved taking into account the development of the country's criminal legislation, as well as taking into account the development of society.

Scientific and practical significance: The necessity of dividing the norms on exemption from criminal responsibility in connection with active repentance and special types of exemptions from criminal liability is revealed and justified. On the basis of the study, the author proposes to use the experience of the Federal Republic of Germany, in their Criminal Code they prefer in many situations to differentiate in a number of articles individual articles of many crimes, thus, it is possible for special articles to separate from criminal responsibility and in connection with active repentance. It is also worth creating a list of articles whose notes refer to special types of exemption from criminal liability, which can be supplemented by amending the Criminal Code.

Keywords: criminal responsibility, special types, conditions, presumption of innocence, fight against crime, forgiveness of a criminal, active repentance, post-criminal behavior, criminal law objectives, special norms, modernization.

Post-criminal conduct exempting from criminal liability: review of substantive and procedural criminal law

Maisel M.

Mission: To provide an overview of the substantive criminal and procedural regulations. To undertake a dogmatic analysis of post-crime conduct, which mitigates the sentence and excuses the offender, in order to explain parallels between these.

Methodology: dogmatic analysis, comparison, legal research, evaluation.

Conclusions. The substantive criminal and procedural regulations discussed in the paper are based on the same legal concept, but demonstrate differences in the practice of sentencing.

Scientific and practical significance. The significance of the paper lies in the analysis and comparison of substantive criminal and procedural regulations. In doing so, the author questions, discusses and answers the question of whether a general provision for the exemption of punishment is necessary in German criminal law.

Keywords: criminal law, criminal procedure, post-crime conduct, punishment, offender, legal reform.

Assistance in the detection or prevention of serious criminal acts («principal witness rule»)

Müller R.

Mission. To present the current laws about key witnesses in the German criminal law, to outline the current critique and to detail the reform proposals.

Methodology: анализ, правовое исследование, оценка.

Conclusions. The paper is about key witnesses and how they help to clarify or prevent serious crimes in German criminal law. Two key provisions, § 46b Criminal Code and § 31 Controlled Substances Act, will be outlined in more detail. A definition for a key witness will be given and it will be shown how this instrument has evolved in German history. Subsequently, the requirements of both provisions will be evaluated. It will be shown that there are similarities in the legal consequences as well as the general structure of the provisions (the qualifying offence, the related offence, the coherence, the act of the key witness and the moment of action). Numerous points of concern about the aforementioned provisions will be addressed and the validity of these arguments discussed. It will be shown that there is only a contravention of the German constitution within the framework of equal treatment. Nevertheless, several reform proposals have been put forward, despite there being no statistical basis for the practicality of these provisions.

Scientific and practical significance. The significance of the article lies in the detailed characterisation of the requirements and the legal consequences of both provisions and their compatibility with the German constitution.

Keywords. Key witness, controlled substance.

The willful refusal to fulfill obligations as a form of postcriminal and post-penitentiary behavior: definition, kinds, consequences

Neuhausen J.A.

Mission of the article is to explain the term of willful refusal as a part of postcriminal behavior and to underline the problems that occur. One of the means used, is the enumeration of different ways to classify willful refusal.

Methodology: The text utilizes empirical methods (comparison, description and interpretation), as well as dialectical methods (analysis and synthesis) and the comparative legal method.

Conclusions: The article explains the term willful refusal as a part of postcriminal behavior. The importance of a correct classification of post criminal behavior and of willful refusal for the determination of a fair penalty, are examined. Different definitions and features to classify willful refusal are given and the problem of distinctly identifying, what willful refusal means, is explained.

Willful refusal is part of postcriminal behavior and has an enormous impact on changing a penalty. To achieve a rightful classification of postcriminal behavior, all aspects, as well as the personality of the convicted person, have to be considered. The willful refusal can be classified based on different aspects, but the real problem lies in imprecise wordings.

Scientific and practical significance: The article explains willful refusal and the influence it has on changing a penalty. Several paragraphs of the Russian penal code are analyzed and backed up by examples of legal processes. In addition, suggestions, like for example a more accurate way of formulation, are made.

Keywords: criminal law, executive criminal law, the Russian penal code, post-criminal behavior, unlawful post-criminal behavior, refusal, willful refusal, lawful post-criminal behavior, probation, lawful penalty, changed sentence, conviction.

Institute of prescription in criminal law of the Russian Federation

Soboleva E.A.

Mission: to consider issues related with the progress of the statute of limitations, the improvement of the legislative regulation and its practical realization.

Methodology: analysis, synthesis, formal logical method.

Conclusions. As the fundamental element of the institute of the statute of limitations is to understand the meaning of time and its basic characteristics. According to the author the statute of limitations of the fulfillment of the additional punishments are to be equal to their maximal limitation. The author comes to the conclusion that the reason for the application of the statute of limitations of the criminal liability or fulfillment of the conviction is the significant decline of the social danger of the person, who committed the crime or was convicted after some time. It is important to note

that the statute of limitations doesn't depend on such facts like: was it consummated crime or did the preparation for crime, attempt or complicity in a crime have place. What about lasting crimes it is expediently to rate the statute of limitations from the day of the cessation of such a crime.

Scientific and practical significance. *The study of the legislative regulation of the statute of limitations allows the Russian legislator to solve a number of problems related to the improvement of the relevant legal norms in the Criminal code of the Russian Federation.*

Key words: *Russian Federation, criminal law, statute of Limitations.*

Reconciliation with the victim

Solodunin A.P.

Mission: *to reveal the relevance of the topic, to give an overall description of the reconciliation of the parties, to describe the factors contributing to reconciliation, to conduct an inter-sectoral study of reconciliation, to describe the role of reconciliation with the victim in the Russian legislation.*

Methodology: *dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of cross-sectoral legal research, comparative legal method.*

Conclusions. *the Method of reconciliation of the parties was not a rarity in our time. It is being supported and actively developed. But, despite this, it is impossible to completely exclude conflicts from life.*

Scientific and practical significance. *Reconciliation of the parties can be used as an alternative solution to their confrontation. The use of reconciliation could be beneficial both for the perpetrator of a crime and the victim. Basically, such a way out of the conflict situation avoids long procedural actions and injustice on the part of the court.*

Keywords: *Illegal act, post-criminal behavior, reconciliation, victim, suspect, moral harm, physical harm, material harm, confrontation.*

Victim-Offender Mediation and Restitution

Storey J.

Mission: *The paper provides an overview of the law on victim-offender mediation and restitution in Germany, pursuant to § 46a German Criminal Code, which seeks to focus on the interests of the victims of crime and to encourage the offender to acknowledge and take responsibility for his wrongdoing. To this end, the author details the requirements and legal consequences of both alternatives to the provision – victim-offender mediation and restitution – and discusses the critique surrounding this provision.*

Methodology: *analysis, legal research, evaluation.*

Conclusions. *§ 46a German Criminal Code provides an incentive for the offender to reconcile with the victim, by mitigating the sentence in accordance with § 49 German Criminal Code, or exempting him/her from punishment, if all criteria have been fulfilled. Despite both victim-offender mediation and restitution belonging to the same provision, the criteria are different. The author concludes that victim-offender mediation and restitution is useful in several ways, in particular in hindering offenders from simply “buying their way out” of an offence, especially in the case of wealthy offenders.*

Scientific and practical significance: *The significance of the paper lies in the analysis and evaluation of the requirements for victim-offender mediation and restitution in Germany, as well as the critique voiced.*

Keywords: *victim-offender mediation, restitution, post-crime conduct, criminal law, punishment, mitigation.*

The criminal and political grounds for the release from criminal liability under the criminal code of the Russian Federation

Fedorov N.I.

Mission: *to characterize such criminal legal phenomenon as release from criminal liability, to consider the position of the legislator on this issue, to differentiate the types of release from criminal liability, to understand in which cases the application of this criminal legal phenomenon is possible.*

Methodology: *analysis, deduction, formal-legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The legislator leaves a wide range of possibilities to release the offender from criminal sanction, but these possibilities can be used only in cases strictly specified by the legislation. Also, it seems appropriate to say that for the release from criminal liability, the offender must comply with a number of formally defined characteristics,*

the most common of which is the criterion of commission of a crime for the first time. Norms containing information of the release of the offender from criminal liability, for one reason or another, are placed in the annotations to almost every chapter of the special part of the CC RF, as well as in articles of the general part of the CC RF, that is, these provisions can be found practically throughout the entire Criminal Code.

Scientific and practical significance. The significance of this scientific article is a detailed description of the specifics of the enforcement of criminal legislation in the field of the release of offender from criminal liability for crimes committed by them, and also, in the extraction of particular types from all possible ways of the release from criminal liability.

Key words: release, expediency, compromise, encouragement, crime, liability, sanction.

Voluntary surrender

Zimmerman K.

Mission: To provide an overview of the legal institution of voluntary disclosure of tax evasion. To demonstrate the legal consequence for the offender if he/she fulfils the requirements set out in the German Fiscal Code and the German Criminal Code.

Methodology: Analysis, comparison, legal research, evaluation.

Conclusions: A voluntary disclosure can only be made in three circumstances; in the cases of tax evasion, pursuant to section 371 German Fiscal Code, non-payment and misuse of wages and salaries, pursuant to section 266a, subsection 6 German Criminal Code and money laundering and hiding unlawfully obtained financial benefits, pursuant to section 261, subsection 9, sentence 1 German Criminal Code. Each provision contains its own requirements for a lawful disclosure, but the fundamental requirement is a compensation of the wrongs, initiated by the perpetrator himself. The legal consequence of an effective voluntary disclosure is the exemption from punishment, dependant on the behaviour of the perpetrator after committing the offence.

Scientific and practical significance: The significance of the paper lies in the analysis and comparison of the rules surrounding a voluntary disclosure of tax evasion and in identifying the conditions under which the offender can exempt himself from punishment.

Keywords: tax evasion, voluntary disclosure, criminal law, fiscal code, post-crime conduct, punishment, offender.

Probation as a Criminal Law Institute

Churina A.A.

Mission. In this paper, the mission is to study the probation as a legal category, the reasons for its application and the limits of establishment. Its essence, content and missions are considered.

Methodology: analysis, synthesis, formal-legal method, comparative legal method.

Conclusions. The probation as institute of criminal law is the set of criminal and legal means of regulation providing a possibility of use of results of post-criminal behavior of the examinee of the person (on limits of establishment of a probation and duration of trial periods) for application of stimuluses to him at achievement of positive result. Application of measures of criminal liability even concerning the persons guilty of crime which doesn't constitute big public danger, can turn back for the person negative consequences in the sense that punishment will be not just a lesson, and cardinal change of the vital purposes and impossibility to return to normal life. In article options of possible right restrictions for the examinee are analyzed and the possibility of fixing with the legislator of their closed list is considered. On the basis of studying of maintenance of a probation by the author need of completion of the legislation is established and solutions of this problem are offered.

Scientific and practical significance. The importance of the scientific work is to study the effectiveness of the probation institute and its legal nature.

Keywords: criminal responsibility, probation, probationary terms, purpose of punishment, criminal law, Russian experience, legal nature, punitive character, conditions, requirements.

Psychological violence in the family

Mitina A.A., Ryzhova V.V.

Mission: to study psychological violence, its forms and consequences for the individual to identify the most effective methods of preventing domestic violence.

Methodology: analysis, classification, generalization, comparative, statistical, formal-legal, targeted survey, questioning, modeling.

Conclusions. Emotional violence is widespread in Russian families and requires due attention to the elimination of tyranny. Psychological violence is very harmful to the relationship between the spouses, between parents and children, leads to the destruction of the family. It makes the victim dependent on his partner and can be an occasion for further violence, but already physical. Therefore, it is important and necessary to deal with this problem in order to stop its spread and find the most effective methods of its solution.

Scientific and practical significance. the Significance of the scientific article is to reveal the concept of psychological violence, identify its types and conducted an analyzed study that reveals the real number of people who have been subjected to violence.

Key words: psychological violence, tyranny, victim, threat, dependence, aggression.

Violence in sport

Sbitnev V.S., Kharagezov K.V.

Mission. Determine the significance of aggression in modern sports, identify the level of aggression of athletes, establish the role of parents and coach in creating a psycho-emotional component of the personality of the athlete.

Methodology: secondary analysis of sources; carrying out applied research. The sample totals were 187 respondents, selected using the inclusion criterion — athletes. The main method of research was questioning, the method of comparison. The questionnaire, including closed-type questions, was compiled in accordance with the methodology of sociological research [12, p. 840] using the principle of validity. Compilation of statistics reflecting current trends in the development of aggression in sports. In addition, the literature containing the criteria, theories of the origin of sports aggression, the treatment of which occurred using the method of analysis, was considered.

Conclusions. It was found that, among all the sportsmen surveyed, almost half do not use aggression as a means to achieve a high result in competitions, the remaining 52% of respondents consider aggression to be the decisive factor in winning a victory. It is found out that mentors use violent methods of influence to achieve high results to those athletes who have devoted their lives to sports. It is concluded that the manifestation of aggression depends on the sport. The task of the coach and parents is to choose the right direction for expressing aggression during sporting events. An interesting fact was revealed: the manifestation of aggression is more pronounced in men than in women; for male boxers there is a high physical aggressiveness — 90%. The exclusion of aggression, violence, anger from sport is impossible, since it is the spirit of rivalry that generates them.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article is to determine the degree of importance of the formation of psychoemotional training in athletes, an indispensable factor in winning competitions in different levels, with the help of corrective actions of the coach and parents laying the right direction of aggression from the young age of the athlete.

Keywords: sport, competition, struggle for result, violence, aggressive instinct, sports anger, sports aggression, psycho-emotional preparation, winning, contact sport, contactless sport.

Book Review Aryamov A.A., Bodaevsky V.P., Selivanov A.A. Criminal punishment: appointment and release. Ed. by A.A Aryamov, Moscow, Yurlitinform Publ, 2017. 320 p.

Dubovik O.L.

The review describes the content, structure, methodology and argumentation of the textbook on criminal punishment and release from it, as well as the purpose of punishment, its function. It covers the approach of the authors of the book to the logic of presentation of a separate legal institution as a whole and in relation to the appointment of punishment to certain categories of persons.

Keywords: punishment, crime, criminal law, legal institution, legal education, law enforcement, justice.